

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н.А.КУЗНЕЦОВА

Иран

в первой
половине
XIX века

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

Ответственный редактор
Ю. В. ГАНКОВСКИЙ

В книге освещается переломный период в истории Ирана: установление власти Каджаров, соперничество европейских держав в борьбе за влияние в стране, внешняя и внутренняя политика Ирана, движение бабидов. Прослеживаются тенденции социально-экономического и политического развития Ирана, становление и эволюция капиталистических отношений в торговле и отдельных сферах производства.

К 0506000000-014
013(02)-83 71-82

Нина Алексеевна Кузнецова

ИРАН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

*Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *А. М. Козлова*. Младший редактор *Н. Н. Комарова*. Художник *Е. Волков*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *В. П. Стуковнина*. Корректор *Л. И. Письман*

ИБ № 14439

Сдано в набор 22.06.82. Подписано к печати 22.12.82. А-11477. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 16,5. Усл. кр.-отт. 16,75. Уч.-изд. л. 20,49. Тираж 2800 экз. Изд. № 5148. Зак. № 484. Цена 2 р. 10 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1983.

С осени 1978 г. события в Иране стали все больше привлекать внимание мировой общественности. Начавшееся антишахское и антиимпериалистическое движение привело к низложению «самого прочного монарха современности», каковым считался Мохаммад-Реза Пехлеви, и провозглашению Исламской Республики Иран (ИРИ). Проблемы развития ИРИ являются сейчас предметом глубокого изучения. Иранские события заставили задуматься многих ученых, в первую очередь иранистов, политологов и социологов, о причинах, своеобразии и перспективах революционной борьбы в Иране, особой роли шиитского духовенства в иранском обществе и значении традиций, идеологии, культуры, психического склада иранского народа, ярко проявившихся в ходе революционного движения. Именно этим объясняется повышенный интерес к историческому прошлому Ирана, особенностям его развития в новое и новейшее время.

Предметом изучения в данном исследовании является Иран в основном первой половине XIX в., т. е. в тот период, когда типичная восточная феодальная страна вплотную столкнулась с западноевропейскими странами, которые уже вступили на путь капиталистического развития и находились на более высоком уровне социально-экономического и политического развития. Иран оказался неконкурентоспособным в борьбе со странами, перешагнувшими в другую формационную эпоху. Перед страной встала проблема: по какому пути она должна пойти, чтобы сохранить свою самостоятельность и территориальную целостность, культуру и традиции, которыми гордился иранский народ. Единства взглядов по этому вопросу в Иране не было. Консервативные представители иранского общества, а они составляли подавляющее большинство населения страны, требовали сохранения традиционного уклада жизни и управления. Немногочисленные сторонники модернизации Ирана в первой половине XIX в. не имели четких представлений о том, с чего надо начинать модернизацию государственно-политической, общественно-экономической, религиозной, семейной, культурной жизни, каковым должно быть соотношение традиционализма и реформаторства, как относиться к странам, которые пытались экономически и политически поработить Иран и с которых в то же время надо было брать пример для переустройства общества.

Поскольку речь в основном шла об эволюционном преобразовании (революционные методы борьбы в первой половине XIX в. выдвинули лишь бабиды), роль государственной власти, шахского правительства и самого шаха оказывалась весьма значительной.

Предложенные и осуществленные в XIX в. реформы исходили от членов правящей династии (Аббас-мирза, Насер-ад-Дин-шах) или от сановников, занимавших видные посты в государственном аппарате (садр-азам мирза Таги-хан Амир-Кабир и др.).

Правящие круги западных буржуазных держав также не были безучастными зрителями. Их государственные и частнопредпринимательские интересы диктовали необходимость проведения колониалистской политики в Иране, вели к пренебрежению нуждами и интересами иранского государства. С другой стороны, расширение разнообразных деловых контактов с Ираном вынуждало их стараться создавать из среды государственных чиновников, военных и купечества определенный слой по-европейски образованных лиц, с которыми они могли бы решать все вопросы с большим взаимопониманием, чем с традиционно мыслящими сановниками или придерживавшимися старых форм торговли купцами. Поэтому лица, связанные с Ираном, более широко рассматривали свою «цивилизаторскую миссию» в Иране.

Были и объективные факторы, действовавшие помимо и вопреки воле иранцев, стремившихся ускорить прогрессивное развитие страны или сохранить все в прежнем виде. Многовековая устойчивость иранского общества постепенно начинала расшатываться в силу эволюции самого Ирана и под воздействием мировой капиталистической системы. Советская историография стран Востока в разное время отдавала пальму первенства то внутренним, то внешним факторам генезиса капитализма или считала внешний фактор «импульсом развития». Видимо, на разных этапах эволюции эти факторы оказывали разное воздействие на Иран. Сейчас, когда Иран вновь стоит перед выбором пути развития, внутренние и внешние факторы также действуют в весьма сложных сочетаниях, переходя из категории внешних факторов во внутренние и наоборот.

Пришедшие к власти в конце XVIII в. Каджары попытались создать централизованное государство, ведя постоянную борьбу с сепаратизмом окраинных феодалов, ханов племен. Влияние племен на политическую жизнь Ирана в первой половине XIX в. сохранялось, но уже наметилась тенденция к уменьшению политической роли племен и возрастанию значения государственно-административного аппарата. Господствующее положение племени каджаров в стране определялось принадлежностью шаха к этому племени и местом многочисленных шахзаде (принцев) и каджарских ханов в государственной администрации.

С начала XIX в. Иран стал подвергаться политическому, экономическому и культурному воздействию капиталистических стран, все больше втягиваться в сферу международной политики и мировой торговли. Это стимулировало развитие капиталистических отношений, особенно во второй половине XIX — начале XX в. Однако из-за устойчивости базисных и надстроечных форм феодального строя Ирана и в ряде случаев негативного воздействия капиталистических стран буржуазные отношения в Иране внедрялись с большим трудом.

Первую половину XIX в. в истории Ирана можно охарактеризовать как начало переходного периода от феодализма к капитализму. Иран оставался феодальным государством, хотя в стране с конца 30—40-х годов стали наблюдаться изменения в сфере аграрных отношений (рост частного землевладения и др.), производства и торговли (возникновение раннекапиталистических предприятий, новых форм торговых связей и проч.), государственного управления и военного дела, культуры и идеологии (типографское дело, газеты, переводы с европейских языков художественной и научной литературы, проникновение в страну идей западных просветителей и т. п.). Шахское правительство дважды проводило реорганизацию армии и частичную модернизацию государственного управления, предприняло некоторые меры протекционистского характера, чтобы приостановить сокращение ремесленного производства, способствовать созданию промышленности и оградить интересы иранских производителей и торговцев. В XIX в. отмечался рост иранских городов, увеличение городского населения. В городах возникали новые социальные слои: чиновничество, помещики (осевшие в городах), первые представители национальной буржуазии, отходники. Здесь зародилась первая политическая организация — фарамуш-хане (масонская ложа). Новые городские слои потенциально являлись носителями идей просветительства, а затем и идеологии буржуазного национализма. Городское шиитское духовенство с 40—50-х годов стало активнее вмешиваться в общественно-политическую жизнь страны. Не исключено, что это было активизировано борьбой против восставших бабидов, выступавших против закабаления Ирана, феодальной эксплуатации, насилия шахских властей, устаревших мусульманских догм, за установление нового, справедливого порядка в Иране.

Что касается отношений Ирана со своими соседями и европейскими государствами, то и здесь мы обнаруживаем весьма существенные изменения. Усилились колониальный нажим на Иран и попытки превратить его в объект мировой политики, несмотря на отчаянные усилия правящих кругов этой страны сохранить за ней статус субъекта в международных отношениях. Стала складываться своеобразная внешнеполитическая доктрина балансирования между двумя великими державами, иногда с попыткой ориентации на третью державу, что получило дальнейшее развитие во внешней политике Ирана уже в XX в. Втягиваясь в сферу мировой политики и постепенно утрачивая самостоятельность во внешнеполитических отношениях с западными странами, Иран, естественно, не мог со временем вполне самостоятельно решать свои отношения и с восточными соседями — Афганистаном, Турцией, среднеазиатскими ханствами и арабскими шейхствами. Зримая или незримая сеть европейских дипломатов и военных чинов начинала руководить событиями. Иран уже не мог самостоятельно определять свою границу с соседними государствами. Смешанная комиссия с участием английских и русских представителей уточняла ирано-турецкую границу. Военное давление Англии заставило Иран пой-

ти на уступки в демаркации ирано-афганской границы. В зоне Персидского залива некоторые арабские владетели, например имам Моската, стали выступать по указке англичан. А на северных границах страны вскоре ни один вопрос не решался без участия России. И все же Ирану удалось сохранить суверенитет, независимость и целостность государства и значительные территории, населенные разными народами и племенами. И дело не только в англо-русском соперничестве, благодаря которому, как это иногда утверждается в иранистической литературе, Иран смог сохранить независимость. У Ирана имелись внутренние силы, позволившие иранскому народу отстоять свою государственность, несмотря на слабость армии и продажность государственных чиновников всех рангов. Большое значение имели шиизм и историко-культурные традиции, которые в критические моменты истории сплачивали народы Ирана.

Новые веяния проникли не только в науку, литературу, искусство, архитектуру, но и в запретную область — религию. Здесь консервативный Иран стоял более твердо: он жестоко расправился с бабидами, убил своего талантливого реформатора, разогнал масонов с помощью шиитского духовенства, попытался удержать контроль и власть над человеческими умами и душами. И частично это удалось. Но притормозило развитие страны.

Переходный период затягивался. Трансформация иранского феодального общества шла медленно и иногда принимала уродливые формы. Пройдя переходный период, Иран встал на капиталистический путь развития. Иранский вариант быстрого капиталистического развития в 60—70-х годах XX в. под эгидой шахского правительства еще ждет исторического осмысления, поскольку корни этого феномена, как и уникальной антишахской и антиимпериалистической иранской революции, уходят в далекое прошлое.

История Ирана XIX — начала XX в., так называемый каджарский период, в последние два-три десятилетия привлекала внимание многих исследователей. Значительная заслуга в выявлении и публикации новых исторических источников, документов, а также в изучении узловых вопросов иранской истории принадлежит иранским авторам (А. Эгбаль, С. Нафиси, М. Махмуд, Х. Макки, Ф. Адамийят, И. Раин, А. Бина, М. Сасани и др.). Придерживаясь в целом буржуазных исторических концепций, иранские ученые стремились объективно разобраться в историческом материале, выявить причины, тормозившие развитие Ирана (большинство иранских исследователей главными причинами этого считают политику европейских держав в Иране, архаичность и несовершенство системы государственного управления) и те объективные и субъективные факторы, благодаря которым Иран постепенно стал модернизироваться, преодолевая феодальную отсталость. Многие авторы шахских времен подчеркивали в целом прогрессивное воздействие буржуазного Запада на феодальный Иран, в то время как противники ориентации шахского режима на Запад больше писали о тлетворном влиянии западного образа жизни на традиционный

мусульманский уклад общественных и семейных отношений, на культуру и идеологию иранцев.

Изучение Ирана в западной буржуазной историографии насчитывает около двух столетий (Дж. Малькольм, Дж. Фразер, Р. Уотсон, А. Журден, А. Гобино, К. Маркхам, Эд. Браун, Дж. Керзон, П. Сайкс, В. Хинц и др.). В настоящее время отмечается повышенный интерес исследователей к социально-экономическим проблемам, попытка подойти к пониманию иранской истории XIX—начала XX в., отталкиваясь от внутренних факторов — структуры государственной власти, особенностей шиитской идеологии, механизма воздействия шиитского духовенства на население, традиционных внутриплеменных, внутригородских, внутрисемейных и прочих связей (Э. К. Лэмбтон, Н. Кедди, Ш. Исави, Х. Алджар и др.).

Монографические исследования советских иранистов касаются преимущественно внешнеполитических связей Ирана в первой половине XIX в., политики европейских держав в Иране и англо-русского соперничества в стране (А. Р. Иоаннисян, П. П. Бушев, С. В. Шостакович, Б. П. Балаян, А. М. Игамбердыев, Л. С. Семенов и др.). Важное значение имеют работы об отношениях с Ираном Грузии, Армении, мусульманских народов Северного Азербайджана, Дагестана, ханств Средней Азии. Большая часть этих работ опубликована на языках народов этих республик (Г. Б. Абдуллаев, П. В. Гугушвили, М. Г. Дарбинян, Г. А. Джахиев, Д. В. Валиева, Б. С. Маннанов и др.). Значительно меньше работ о внутренней жизни Ирана, социально-экономических отношениях в первой половине XIX в., государственном управлении и пр. (И. П. Петрушевский, М. С. Иванов, А. Г. Подольский, Н. А. Кузнецова, Д. М. Анаркулова и др.), а также идеологии и культуре Ирана рассматриваемого периода (А. М. Агахи, О. П. Щеглова, Д. С. Комиссаров, Н. К. Белова, В. Б. Никитина, А. Т. Адамова и др.). Общие очерки истории Ирана первой половины XIX в. содержатся в учебниках для высшей школы; наиболее полный обзор дан в «Истории Ирана», изданной в 1977 г. Московским университетом.

В «Очерках новой истории Ирана» (М., 1978) опубликована работа автора данной книги «Политическое и социально-экономическое положение Ирана в конце XVIII—первой половине XIX в.», которая переведена на персидский язык и издана отдельной книгой в Тегеране в 1980 г. Данная книга является продолжением и углублением исследования истории Ирана начала переходного периода от феодализма к капитализму.

ОБЪЕДИНЕНИЕ ИРАНА ПОД ВЛАСТЬЮ КАДЖАРОВ

Борьба за власть в Иране в последней трети XVIII в. Со смертью Керим-хана Зенда в 1779 г. закончился 20-летний относительно спокойный период в истории Ирана.

Однако он оказался недостаточным для восстановления разрушенных войнами и междоусобицами производительных сил страны и стабилизации политической власти. Первая половина XVIII в. потрясла страну. Падение блестящей династии Сефевидов, нашествие афганцев и захват ими верховной власти в Иране, неудачные войны с Россией и Турцией, закончившиеся потерей части иранской территории, возникновение огромной империи Надир-шаха Афшара, его завоевательные походы и безудержная эксплуатация и разорение собственного населения, ожесточенная борьба за власть после убийства «великого мирозавоевателя» Надир-шаха создали в стране атмосферу крайней политической неустойчивости. По словам известного ученого С. Г. Гмелина, хорошо знавшего положение в Иране, «каждая страна в Персии, каждый персидский город готов всякий день к бунту»¹.

Керим-хан Зенд, даже утвердив свою власть над большей частью территории Ирана, понимал шаткость шахской власти после политических катаклизмов первой половины XVIII в. и, видимо, в основном поэтому не претендовал на шахский престол, предпочтя реальную власть шахской короне. Обладая официальным титулом Вакиль-од-доуле или Вакиль-ар-райя (уполномоченный государства или подданных), он управлял Ираном около двух десятилетий. Столицей государства он объявил Шираз. В это время в Иране было два шаха — Исмаил III Сефевид, живший до 1773 г. в Исфахане², и потомок Надир-шаха Шахрох Афшар, резиденцией которого был Мешхед и власть которого, иногда чисто номинально, распространялась на Хорасан. Признаки социального недовольства и продолжавшейся борьбы за власть отмечались российскими консулами, в частности Яблонским, в 1774 г., еще при жизни Керим-хана³. После его смерти волна междоусобиц захлестнула весь Иран. Потомки Керим-хана попытались сохранить власть в своих руках, но встретились с мощной оппозицией различных феодально-племенных группировок, наиболее сильной и влиятельной из которых были каджары и поддерживавшие их ханы других племен.

Легенда связывает происхождение каджарского племени с Каджар-нойеном, сыном Сертак-нойена, который пришел в Иран

вместе с войском Хулагу в XIII в. Многочисленное семейство тюрков-каджаров при Газан-хане расселилось по Ирану, а после падения государства Ильханов переселилось в Сирию. При Тимуре их переселили в район Еревана и Ганджи. Во время правления туркмен Ак-Коюнлу, находившихся в близком родстве с каджарами, они захватили земли уничтоженного или изгнанного из своих деревень главным образом иранского населения. Каджары вошли в число семи кызылбашских племен, являвшихся основной военной силой первых Сефевидов. Шах Исмаил I Сефевид выдал каджарам купчую на захваченные земли, узаконив таким образом их земельные владения. Шах Аббас разделил каджаров на три части и расселил в разных районах государства, преследуя двойную цель: ослабить политическое влияние каджаров на центральную власть и использовать военную мощь племени для защиты государственных границ. Таким образом, в начале XVII в. одна часть каджаров была направлена в Хорасан, в район Мерва, для охраны северо-восточной границы от узбеков, вторая — в Астрабад, на р. Горган, для противодействия туркменским племенам, а третья осталась в Карабахе, на границе с Грузией. Такое искусственное разделение племени, естественно, ослабило его. Каждая из разрозненных частей в дальнейшем в течение долгого времени развивалась фактически независимо, не оказывая большого влияния друг на друга.

Мервские каджары были вынуждены вести долгую и упорную борьбу с узбеками, закончившуюся в конце XVIII в. разорением Мервского оазиса и переселением подавляющей части его населения в другие места. Карабахские каджары не играли большой роли в политической жизни Ирана XVII—XVIII вв. Более жизнестойкой оказалась горганская (астрабадская) часть каджаров. Они успешно отражали нападения хивинцев, потеснили местные туркменские племена, захватили хорошие пастбища, численно выросли и укрепились. Обладая значительным и боеспособным племенным ополчением, каджары стали занимать видное место в военно-административном управлении Сефевидов.

Горганские каджары, живущие по правому высокому берегу р. Горган, назывались юхари-баш или довалу (возвышенные, верхние). Их центром была крепость Мобаракабад, а левобережные каджары назывались эшаге-баш или кованлу (низинные). Они постоянно враждовали между собой из-за пастбищ, а также из-за главенства над всем племенем. Наиболее значительной фигурой среди астрабадских каджаров в начале XVIII в. был Фатх-Али-хан из рода эшаге-баш. Он стал выдвигаться при шахе Солтан-Хосейне, а при Тахмаспе II получил звание сепасалара (главнокомандующего) и начал борьбу с афганцами, установившими свою власть над большей частью Ирана. Фатх-Али-хан был убит в 1727 г. по приказу шаха или Надир-Кули-хана.

Воспользовавшись малолетством сыновей Фатх-Али-хана, каджары из рода юхари-баш захватили главенство в племени и власть в Астрабаде. В середине 40-х годов Мохаммад-Хасан-хан, сын

Фатх-Али-хана, возглавил выступление против Надир-шаха каджаров и примкнувших к ним туркмен. Он изгнал из Астрабада надировских чиновников и отстранил от власти своих сородичей из рода юхари-баш. Посланные Надиром в Астрабад войска разгромили незначительные силы мятежного хана. Мохаммад-Хасан-хан бежал в Туркменскую степь, опасаясь преследования со стороны Надир-шаха. Часть астрабадских каджаров признавала власть Надир-шаха и участвовала в его военных походах.

После убийства Надир-шаха Мохаммад-Хасан-хан вернулся в Астрабад. Преемник Надира — его племянник Али-Кули-хан Афшар (Адиль-шах) решил привлечь племя каджаров на свою сторону. Он назначил Мохаммад-Хасан-хана эшик-агаси-баши (обер-церемониймейстером) при своем дворе в Мешхеде. Но независимый, претендующий на власть Каджар вскоре рассорился с Адиль-шахом и покинул Мешхед. Он не смог удержаться в Астрабаде и укрылся у дружественных туркменских племен (видимо, в это время власть над Гиляном, Мазендераном и Астрабадом перешла в руки бахтиарского хана Рашида⁴). Однако его малолетние сыновья, Ага-Мохаммад и Хосейн-Кули, попали в руки Адиль-шаха, по приказу которого старший, пятилетний Ага-Мохаммад, был оскоплен. Новый правитель Хорасана, Солейман II (Мир-Сеид, сын имам-джоме Мешхеда, родственник Сефевидов по женской линии), назначил Мохаммад-Хасан-хана сардаром (военным правителем) Астрабада, что позволило ему укрепиться в Астрабаде и Мазендеране. Мохаммад-Хасан-хан не надеялся захватить Хорасан, поскольку Шахрох Афшар пользовался поддержкой и защитой афганского правителя Ахмад-шаха Дуррани, дважды признав себя его вассалом. Обострившаяся борьба за власть в Центральном и Юго-Западном Иране между зендами, бахтиарами и Азад-ханом Афганом позволила Мохаммад-Хасан-хану включиться в эту борьбу. Керим-хан, разбив войска своего недавнего союзника Али-Мордан-хана Бахтиари, направился с 40-тысячной конницей против усилившегося Каджара, наиболее опасного конкурента Зендов в этот ответственный момент борьбы за упрочение личной власти Керим-хана (по разным источникам, осенью 1751 или 1752 г.). Мохаммад-Хасан-хан при поддержке туркмен разгромил зендское войско, часть которого попала в плен. В плену оказался и шах Исмаил III, которого Керим-хан взял с собой в поход. С незначительным отрядом Керим-хан бежал в Тегеран, а оттуда — в Исфahan и Шираз, где стал набирать новое войско, теперь уже для борьбы с Азад-ханом Афганом, занявшим Центральный Иран.

Пока шла борьба Азад-хана с Керим-ханом Зендом, Мохаммад-Хасан-хан укрепил свои позиции на севере Ирана, подчинил Гилян, вступил в соглашение с некоторыми ханами Иранского Азербайджана. Он решил воспользоваться моментом, когда силы Зендов и Азад-хана были ослаблены длительной борьбой, и в 1755 г. выступил с 50-тысячным войском в поход в Центральный Иран. Он разбил войско, которым командовал Мохаммад-хан Зенд, а затем и войско Керим-хана и весной 1756 г. овладел Исфahanом. Следует

отметить, что Мохаммад-Хасан-хан надеялся захватить власть во всем Иране, считая, что у каджарских ханов есть потенциальная возможность занять шахский престол. Захват Гиляна объединенными силами Азад-хана Афгана и Фатх-Али-хана Афшара заставил Мохаммад-Хасана срочно направиться в свои владения. Ему удалось разгромить эту феодальную группировку. Власть Каджара признали многие азербайджанские ханы. Упорное сопротивление оказал лишь правитель Карабаха Панах-хан, не сдавший крепость Шуша каджарскому войску. Оставив управление Иранским Азербайджаном на старшего сына Ага-Мохаммада, принимавшего участие в походах отца, Мохаммад-Хасан вернулся в Исфахан. Весной 1758 г. он предпринял с 80-тысячным войском поход на Шираз. Поход был неудачным. Подкупленное Керим-ханом войско взбунтовалось. Союзные ханы, видя, как Мохаммад-Хасан уничтожает местную знать и назначает в завоеванные города и области своих сородичей, перешли на сторону Зендов⁵. С небольшим отрядом Мохаммад-Хасан ушел в Мазендеран. Ему не удалось собрать новое ополчение: ханы перешли на сторону Зендов. Это в конечном счете предопределило исход борьбы Каджаров за власть на данном этапе. В сражении с преследовавшим его шейхом Али-ханом Зендом (Маглубом) войско Каджара было разбито, сам он попал в плен и был обезглавлен одним из каджарских ханов в феврале 1759 г.⁶

Воспользовавшись слабостью сыновей Мохаммад-Хасан-хана, ханы из рода юхари-баш вновь встали во главе каджарского племени и признали верховную власть Керим-хана Зенда. В руки Керим-хана попали все богатства каджаров.

Правителем Астрабадской провинции был назначен Мохаммад-Хосейн-хан Довалу из соперничающего рода.

Будущий основатель Каджарской династии, Ага-Мохаммад-хан, родился в Астрабаде в 1741 г. (по другим данным, в 1734 г.). Его выдавали за сына одного из местных сейидов, поскольку Мохаммад-Хасан-хан опасался, что его дети по приказу Надир-шаха будут убиты или взяты в качестве заложников. И действительно, Ага-Мохаммад был заложником у Адиль-шаха и около семнадцати лет у Керим-хана. Юношей Ага-Мохаммад принимал участие в походах отца против Зендов и Азад-хана Афгана, приобрел небольшой опыт управления в Иранском Азербайджане (1758), а после гибели отца бежал в Туркменскую степь. С помощью туркмен он попытался овладеть Астрабадом, но потерпел поражение (1762). Вскоре он был захвачен и привезен в Астрабад. Астрабадский правитель попросил Керим-хана Зенда переселить мятежных потомков Мохаммад-Хасана в другие районы страны⁷. Бастам-хан Зенд в сопровождении тысячного отряда доставил Ага-Мохаммада в Тегеран. По другой версии, он сам, не надеясь осилить своих соперников-каджаров, со своими ближайшими родственниками приехал к Керим-хану в Тегеран, рассчитывая получить какую-нибудь должность. Керим-хан взял Ага-Мохаммада в качестве заложника в Шираз, женился на его сестре Хадидже Бегум-ханум, а

остальных родственников отправил в Казвин. Позже он пожаловал его брату Хосейн-Кули-хану в управление Дамган. Однако через два года Хосейн-Кули-хан поднял там восстание и в течение семи лет оказывал сопротивление Зендам. Он овладел крепостями Намак, Фендереск и Астрабад, убил мазендеранского губернатора и его сына, захватил их имущество в Барфоруше. Видя превосходство военной силы Зендов, он по совету Ага-Мохаммада отправил к Керим-хану своего сына Фатх-Али-хана, но сам не сложил оружия. После поражения он бежал в Туркменскую степь и был убит в 1774/75 г. в стычке с туркменами-иомудами, которые признавали свою зависимость от Зендов. Керим-хан назначил правителем Астрабада Мортаза-Кули-хана, брата Ага-Мохаммада. Несмотря на хорошее отношение Керим-хана к Ага-Мохаммаду, последний питал к Зендам лютую ненависть и обдумывал план их свержения.

Узнав от своей родственницы, находившейся в гареме Керим-хана, о тяжелом состоянии вакиля и намерении убить кадjarского заложника в случае смерти вакиля, Ага-Мохаммад с братьями Джафаром и Махди и с небольшой группой преданных ему слуг тайно, под предлогом охоты, выехал из Шираза и через Исфакан и Верамин направился в Мазендеран⁸, по дороге захватив деньги, отправленные из Мазендерана в Шираз в уплату налога⁹. Эти деньги дали ему возможность начать борьбу со сводными братьями за главенство в кадjarском племени, которая продолжалась около четырех лет и закончилась победой Ага-Мохаммада. В начале 80-х годов ему удалось подчинить Мазендеран и Астрабад, но его положение оставалось критическим; у него обострились отношения с Россией, которая, воспользовавшись неустойчивым политическим положением в Иране, направила к юго-восточному побережью Каспия военную флотилию под командованием И. Войновича. Ага-Мохаммад категорически воспротивился попытке правительства России основать факторию на иранской территории, но, чтобы не доводить отношений до разрыва, направил в Петербург посла, которого Екатерина II не принимала в течение четырех месяцев, поскольку она не признавала Ага-Мохаммада законным правителем Ирана¹⁰. К этому времени при поддержке Али-Морад-хана в Гилян вернулся изгнанный оттуда Хедайят-Олла-хан. Он объявил себя независимым правителем и начал переговоры с русским правительством о принятии его в российское подданство и о присоединении Гиляна к России¹¹.

Вражда Зендов между собой ослабила преемников Керим-хана и тем самым способствовала успешной борьбе Ага-Мохаммад-хана за власть. По существу, сами Зенды уничтожили друг друга, расчистив путь Каджару к шахскому престолу. После смерти Керим-хана власть захватил его дядя по матери Заки-хан, ходивший в 1776 г. против Каджаров в Мазендеран и Гилян, и возвел на трон Мохаммад-Али-хана, а затем сына вакиля Абу-ль-Фатх-хана (Абуль Фаттеха). Находившийся с войском в Басре брат Керим-хана Садек-хан срочно направился в Шираз. Заки-хан, опасаясь

сговора Садек-хана с Абу-ль-Фатхом, бросил последнего в тюрьму, а шахом объявил второго сына вакиля Мохаммад-Али-хана.

Зная о намерении Заки-хана уничтожить всех зендских претендентов на власть, Садек-хан укрылся в Баме. Но вскоре, во время похода против захватившего Исфahan Али-Морад-хана Зенда, Заки-хан был убит в Йездехасте за надругательство над сейидами. Садек-хан возвратился в Шираз и совместно с Абу-ль-Фатхом правил Ширазом до 1781 г. Али-Морад-хан, воспользовавшись враждой между сыновьями Садек-хана, захватил Шираз, ослепил Абу-ль-Фатха, приказал убить Садек-хана и его потомков (кроме Джафара), а себя провозгласил шахом. Он направил против кадjarов войско во главе с сыном Шейх-Ваисом, который одержал победу над Ага-Мохаммадом Кадjarом, но не сумел ею воспользоваться и вскоре был разбит Каджарами. К походу против Кадjarов стал готовиться Али-Морад-хан.

Ага-Мохаммад-хан, считая Али-Морада умным, талантливым военачальником и правителем, не шел на обострение отношений с ним, ограничившись захватом власти в северных провинциях. В 1785 г. во время похода против кадjarов Али-Морад-хан умер. Зендским правителем стал сын Садек-хана Джафар-хан (1785—1789). Ага-Мохаммад с небольшим отрядом в 500—600 человек вышел из Мазендерана и направился в Центральный Иран. Без особого труда в 1785 г. он занял Тегеран, Кум, Кашан и Исфahan, изгнав Джафар-хана. Вскоре Ага-Мохаммад покинул Исфahan. Своим местопребыванием он избрал небольшой в то время городок Тегеран, бывшую резиденцию афшарских ханов, который в 1786 г. объявил столицей своего государства. Победа в 1786 г. над Джафар-ханом заставила многих ханов Иранского Азербайджана, Курдистана и Центрального Ирана (Ирак-е Аджама) встать на сторону Кадjarов. В 1786 г. был завоеван Гилян, из которого изгнали Хедайят-Олла-хана¹². Правителем Астрабада и Гиляна Ага-Мохаммад назначил брата Мортаза-Кули-хана. Однако последний перешел на сторону Зендов, а затем, опасаясь возмездия, бежал в Талыш.

Ведя борьбу за власть, Ага-Мохаммад-хан мог опираться прежде всего на кадjarов и ханов некоторых тюркских племен. Он умело использовал недовольство ханов многих мелких племен вероломством Зендов, которые убивали ханов, бросали в тюрьмы, ослепляли, подозревая их в предательстве, и тем самым лишали себе их поддержки. Например, по приказу Джафар-хана был брошен в тюрьму талантливый предводитель зендского войска хаджи Али-Кули-хан Казеруни, успешно подавивший несколько антизендских восстаний¹³. А Ага-Мохаммад стал практиковать раздачу своим союзникам захваченных владений своих противников, назначал своих сторонников на различные должности, подтверждал старые жалованные грамоты на владения. Предпочтение при назначениях отдавалось все же каджарам. Они получали лучшие земли, богатые провинции и округа в управление, главные должности при создаваемом тегеранском дворе.

Изгнанный из Исфахана, Джафар-хан Зенд ушел в Шираз. Везиром при Садек-хане и Джафар-хане был мирза Мохаммад-Хосейн Вафа (Лала), отец будущего каем-макама мирзы Бозорга, благодаря которому правление при Джафаре некоторые современники называли справедливым¹⁴. Мирза Вафа опасался усиления калантара Ширази хаджи Ибрахима. Вафа был казнен по приказу Джафара, а вскоре в 1788 г. и Джафар со своими приближенными были убиты¹⁵.

Наиболее популярным из преемников Керим-хана Зенда был сын Джафар-хана Лютф-Али-хан (1789—1794), оказавший Каджарам упорное сопротивление. Лютф-Али-хану было около двадцати лет, когда был убит Джафар. В момент его убийства Лютф-Али-хан находился в Кермане. Он понял, что собственными силами, без поддержки других сардаров и ханов, ему не удастся удержать ни власть, ни Шираз. Поэтому из Кермана он направился в Бушир, затем в Исфахан, намереваясь собрать войско и пойти на Шираз. В это время калантар Ширази хаджи Ибрахим, иудей, принявший ислам, фактически захватил власть в городе, помог Лютф-Али-хану укрепиться в Ширазе и распространить свою власть на весь юг Ирана. Первое сражение Ага-Мохаммада Каджара с Лютф-Али-ханом Зендом летом 1789 г. недалеко от Ширази окончилось победой Зендов. Ага-Мохаммад ушел в Тегеран, а Лютф-Али был настолько обессилен, что не смог взять Исфахан¹⁶. Весной 1791 г. Ага-Мохаммад, начиная борьбу с Зендами, вступил в соглашение с калантаром Ибрахимом, который изменил Зендам и помог Каджару овладеть Ширазом. По совету хаджи Ибрахима Каджары вывезли казну и драгоценности Зендов в Тегеран. Шираз был разрушен. Родственников Керим-хана и несколько тысяч рядовых членов племени зендов переселили в окрестности Тегерана под надзор каджаров.

В начале 90-х годов власть Ага-Мохаммад-хана признали многие ханы Северо-Западного Ирана, а оказавшие сопротивление были вынуждены бежать из своих владений, например Садек-хан Шеккаки. Отказавшиеся признать власть Ага-Мохаммада ханы туркмен-иомудов были убиты или превращены в рабов; из отрубленных голов восставших была сооружена пирамида. Об этом акте жестокости Ага-Мохаммад-хана скоро стало известно во всем Иране, и, вероятно, такая молва входила в политические расчеты Каджара. Этот жестокий поступок осуждался всеми современниками и потомками¹⁷. Была осквернена могила Керим-хана Зенда; его кости были выкопаны из могилы и помещены под порогом при входе в Гулистанский дворец в Тегеране. Известный поэт мирза Хосейн Вафа с тревогой вопрошал в касыде: «Что будет с жителями Ширази? Кому достанутся его прекрасные сады и женщины?.. Варвары Каджары идут из Мазендерана... Основатель империи Великий вакиль вырыт из могилы! Что видят его глаза??»

Лютф-Али-хан, укрывшийся после падения Ширази в Кермане, в 1791 г. был разбит племянником Ага-Мохаммада Фатх-Али-ханом. Лютф-Али-хан с горсткой преданных ему лиц бежал в Бен-

дер-Риг. При поддержке афганцев Лютф-Али-хан вновь овладел Керманом. Ему удалось не только снова собрать войско, но и нанести поражение посланным против него каджарским войскам. Тогда на юг направился сам Ага-Мохаммад с хорошо укомплектованной и снаряженной армией. У Лютф-Али-хана было около 500—600 человек. По утверждению Дж. Малькольма, у Ага-Мохаммад-хана было в сто раз больше войска¹⁸.

Приход к власти Ага-Мохаммад-хана Каджара. Последняя битва между Каджарами и Зендами произошла под Керманом летом 1794 г. Керман долго сопротивлялся. Однако после длительной подготовки город был взят штурмом. В завязавшемся бою, несмотря на численное превосходство каджарских сил, войско Лютф-Али-хана успешно сражалось. По мнению некоторых современников, в том числе и Дж. Малькольма, Лютф-Али-хан бежал с поля боя, когда исход битвы был еще не решен. Для Лютф-Али-хана, видимо, было уже очевидно, что он с небольшой горсткой преданных ему людей не сможет противостоять объединенным силам каджаров и их сторонников.

Жестокая расправа обрушилась на жителей Кермана. Город на три месяца был отдан на разграбление войскам, разорен и разрушен. Большая часть населения была уничтожена: 8 тыс. молодых женщин было отдано солдатам; дети и женщины обращены в рабов; 20 тыс. мужчин было ослеплено. Лютф-Али-хан, захваченный в г. Баме, по приказу Ага-Мохаммада был убит. В знак победы над Зендами Ага-Мохаммад-хан приказал обезглавить 600 захваченных пленных, а 320 пленникам приказал отнести головы на место, где был схвачен Лютф-Али, и сложить там пирамиду из отрубленных голов. Современники и более поздние авторы отмечают жестокость Ага-Мохаммада по отношению к жителям Кермана¹⁹. Охваченное страхом население некоторых городов, враждебно настроенное против Каджаров, было вынуждено признать власть Ага-Мохаммад-хана.

Так пала династия Зендов в Иране. По мнению большинства иранских историков, Зенды оставили в памяти иранцев хорошие воспоминания. «Из всех иранских династий, — писал в предисловии к хронике мирзы Мохаммад-Садека Мусави „Тарих-е гитигоша“ известный иранский ученый Саид Нафиси, — не было другой такой человеческой, справедливой, милосердной и доброжелательной династии. Керим-хан — один из наиболее человеколюбивых правителей в истории. Лютф-Али — один из дорогих и близких сердцу шахидов в истории Ирана»²⁰.

Большинство хроник о Зендах было написано или закончено уже в каджарское время (мирза Мохаммад-Садек Мусави Нами, мирза Абу-ль-Хасан Гафари Кашани, Али-Реза Абу-ль-Керим Ширази, Мохаммад-Исмаил-хан), и тем не менее в них говорилось о благородстве и справедливости большинства зендских правителей. Зендам была посвящена поэма известного поэта мирзы Абдолла-хана Шехаба Ширази, написанная также при Каджарах в 1800—1801 гг.

Под властью Ага-Мохаммад-хана оказался почти весь Иран, за исключением Хорасана, где правил слепой Шахрох, и некоторых полунезависимых окраинных территорий. Но честолюбивый хан, следуя традиции Сефевидов и имея в виду пример Надира, намеревался создать обширное деспотическое государство, включая Хорасан, Туркменскую степь, закавказские ханства и Грузию, Гератское ханство и весь Курдистан.

Ага-Мохаммад-хан начал борьбу за власть в расцвете сил, зрелым, опытным человеком — ему было около сорока лет. Живя заложником в Ширазе, Ага-Мохаммад много читал, изучал людей, государственные дела, военное искусство. И это впоследствии облегчило ему борьбу за власть. Все современники отмечают необычное честолюбие первого Каджара; мечта о шахской короне, вероятно, преследовала его с юности. Он был терпелив, скрытен и упорен в достижении поставленной цели. А когда Ага-Мохаммад реально ощутил возможность стать шахом, он начал мечтать о создании великой империи. Он был умным, хитрым, удачливым, достаточно образованным по иранским представлениям того времени человеком, но плохо разбирался в изменившейся международной обстановке конца XVIII в. и не учитывал новых нюансов в мировой политике, действительных возможностей соседних государств, а главное — реальной силы создаваемого им государства. Ага-Мохаммад смог стать основателем Каджарской династии в Иране, но погиб при первых же попытках расширить подвластную ему территорию за счет Грузии и закавказских ханств и вести традиционную внутреннюю и внешнюю политику иранских шахов периода средневековья.

Победа над Зендами окрылила Ага-Мохаммада. Войско тоже было настроено воинственно и уверено в своей победе над любым врагом.

В Кермане Ага-Мохаммад узнал о намерении грузинского царя Ираклия II перейти под покровительство России. Этот акт грузинского правителя был расценен Ага-Мохаммадом как предательство вассала Ирана^{20а}. В апреле 1795 г. Ага-Мохаммад направился с 60-тысячным войском на север, чтобы «наказать» Ираклия II и подчинить себе не только Грузию, но и все Закавказье и Дагестан, ханы и владетели которых объявили о своей независимости или фактически давно уже стали независимыми от иранских правителей. Из Тегерана часть войска была послана на Мугань, чтобы затем двинуться в Дагестан, а с основным войском Ага-Мохаммад направился в Карабах, к Шуше, осадил ее, но взять не смог из-за хорошо организованной защиты крепости карабахским правителем Ибрагим-Халил-ханом. Он приказал отправленному на Мугань войску присоединиться к его армии и объединенными силами обрушиться на Грузию. Иранские войска быстро подошли к Тифлису и внезапно напали на город. Войско Ираклия II было разгромлено. Сам Ираклий вместе с приближенными укрылся в горах.

Грабительский поход на Грузию сопровождался небывалой жестокостью — разорением сел и городов, массовым уничтоже-

нием или уводом в рабство местного населения. По словам Саида Нафиси, это вызвало ненависть немусульманского населения Закавказья к Каджарам²¹. Тифлис был разграблен и основательно разрушен, более 15 тыс. жителей увели в рабство, сокровища увезли в Иран. Талыши за оказанную ими поддержку Мортаза-Кулихану и за связи с Россией были наказаны; население Карабаха было разорено из-за того, что карабахский хан отказался признать власть Каджара и укрылся в труднодоступной шушинской крепости. Правитель Ереванского ханства Мохаммад-хан Каджар, эчмиадзинский католикос, дербентский, бакинский и ширванский (ганджинский) ханы поспешили изъявить свою покорность Ага-Мохаммад-хану. Но ввод русских войск в Грузию ставил под сомнение успешность военных действий Ага-Мохаммад-хана на Кавказе. Кроме того, остались неподчиненными Хорасан, некоторые курдские и туркменские ханы, вспыхивали волнения в центральных и южных районах Ирана. Поэтому одной из первоочередных задач Ага-Мохаммад-хана стало наведение порядка на завоеванной территории.

Возвращаясь из Грузии, поход в которую, с точки зрения Каджаров и их окружения, был удачным, и собираясь заняться урегулированием отношений с подвластными, но не всегда покорными ханами внутреннего Ирана, Ага-Мохаммад-хан счел момент подходящим для объявления себя шахом. В марте 1796 г. в Муганской степи была организована торжественная церемония коронации. Военные эмиры, знать и шиитское духовенство признали его своим шахом. Так было официально положено начало господству династии Каджаров в Иране, продолжавшемуся около 130 лет. Фактически же создание государства началось значительно раньше, с момента выхода Ага-Мохаммад-хана за пределы владений племени каджаров и захвата им городов и территорий соседних провинций в начале 80-х годов XVIII в. После падения Ширази — столицы государства Зендов — в Иране считали Каджаров очередными правителями, а иностранные государства, не признавая официально Ага-Мохаммада главой государства, тем не менее видели в нем единственного потенциального владыку страны и вступали с ним в дипломатические отношения. Однако процесс создания государства — определения границ, формирования государственного аппарата, упорядочения жизни и т. п. — растянулся на несколько десятилетий и завершился в основном к концу правления Фатх-Али-шаха.

Каджары выступили на политическую арену как очередные правители из числа племенных вождей — «мулюк-ат-таваифи». Вероятно, их правление было бы в известной мере таким же, как и при других династиях, опирающихся на племена, которые привели их к власти и внесли в государственную жизнь нравы и традиции кочевых племен. Но в XIX в. обстановка в мире существенно изменилась. Иран оказался втянутым в сложные дипломатические, военные и экономические отношения с капиталистическими государствами, что стало оказывать сильное влияние на развитие

иранского государства, государственной власти, характер вооруженных сил, определявших мощь центральной власти и положение кочевых племен. В течение XIX в. происходила сложная трансформация иранской феодальной монархии, в которой предводители племен начинали играть второстепенную роль по сравнению с формирувавшейся новой бюрократией. Сам процесс эволюции иранской государственности, достаточно медленный и не однозначный, заслуживает специального рассмотрения. При Ага-Мохаммаде эта трансформация еще не началась, и рвавшийся к шахской власти Каджар считал, что он сможет создать «великое иранское государство», подобное государству Сефевидов.

Когда ханы и духовенство «упрашивали» Ага-Мохаммада занять шахский престол, он заявил: «Я никогда не соглашусь носить венца, не соединив с ним всей той власти, какую еще никогда не пользовался кто-либо из правителей Персии»²².

Он отказался одеть корону Надира с четырьмя перьями, олицетворявшую господство над Ираном, Афганистаном, Индией и Средней Азией. Его короновали небольшой диадемой и опоясали шахским мечом, освященными на гробнице шейха Сафи-ад-Дина в Ардебиле, что должно было символизировать его преемственность власти Сефевидов и преданность шиизму.

Жестокость и устрашение широко использовались Ага-Мохаммадом в период борьбы за власть, когда для него было важнее внушение населению страха, чем уважения. Ага-Мохаммад боялись, особенно после его расправы с жителями Кермана и Тифлиса.

О законности и справедливости никто не помышлял. Новый правитель ценил беспрекословное повиновение. Кроме того, он был очень недоверчив и подозрителен, болезненно воспринимал свою физическую неполноценность. Вместе с тем Ага-Мохаммад-шах старался укрепить дружественные отношения между членами правящего дома Каджаров, всячески подчеркивая главенствующее положение этого племени в государстве. Он ввел правило назначать на посты губернаторов важнейших провинций родственников Каджаров, что не мешало ему физически расправиться с некоторыми из них — возможными соперниками, включая его братьев²³. Такая политика Ага-Мохаммад-шаха в основном обеспечила передачу шахской власти «законному» наследнику, хотя и сопровождалась борьбой за престол.

В своем устном завещании о престолонаследии Ага-Мохаммад-шах, по существу, predetermined выбор кадjarских шахов почти на весь XIX в. По свидетельству кадjarского принца Азуд од-Доуле, Ага-Мохаммад-шах сказал Баба-хану (Фатх-Али-хану): «Дочь беглербека мирзы Мохаммад-хана Довалу возьми в жены для Аббас-мирзы, который является наследником престола (после Фатх-Али.— Н. К.) и по матери является довалу, чтобы сын его, которому будет мое имя и который будет назван Мохаммад-мирзой, происходил от двух великих кадjarских племен. Мой дядя Солейман-хан много потрудился для государства; выдай свою дочь за его сына, а родившуюся у его сына дочь я предназначил

для Мохаммад-мирзы. Сын, который родится у Мохаммад-мирзы, будет с двух сторон твоим внуком»²⁴.

На основании этого распоряжения Ага-Мохаммад-шаха о престолонаследии шахский престол могли занимать каджарские принцы из рода кованлу, родившиеся от каджарок из рода довалу. Именно поэтому наследником Фатх-Али-шаха был назначен не его старший сын, рожденный грузинкой, а Аббас-мирза, а после его смерти (еще в царствование Фатх-Али-шаха) его сын Мохаммад-мирза.

Ага-Мохаммад-шах относительно мало занимался упорядочением административно-хозяйственной жизни Ирана. Да и правил он совсем недолго. Перед ним стояла прежде всего задача военного подчинения местных правителей, а кроме того, он надеялся расширить территорию государства за счет других народов. А для этого были нужны средства. Налоговых сборов и подношений феодалов, стремившихся откупиться подарками от жестокого предводителя Каджаров, военной добычи и конфискованных имений феодалов и некоторых вакфов не хватало на содержание 40—60-тысячного войска. Шаху необходимо было пополнять свою казну. Сокровища Надира, хранившиеся у его внука Шахроха, не давали покоя Ага-Мохаммаду. После коронации он стал готовиться к походу на Хорасан.

Положение Афшаров в Хорасане было неустойчивым из-за оппозиции хорасанских ханов. Опыт шаха Солеймана II и Насролла-мирзы Афшара, попытавшихся опереться на духовенство, купечество и ремесленников, показал, что эти слои населения были неспособны оказать результативное сопротивление кочевым племенам, являвшимся реальной силой не только в Хорасане, но и во всем Иране во второй половине XVIII в. Но ни Шахрох, ни его многочисленные сыновья не пользовались поддержкой ханов, которые были фактически независимыми в своих владениях.

По пути в Хорасан Ага-Мохаммад-шах «прошел с мечом» по туркменским землям Астрабадской провинции, поскольку туркмены вновь вышли из повиновения. Он захватил в плен женщин и детей и продал их в рабство²⁵.

Из Туркменской степи Ага-Мохаммад направился в Мешхед²⁶. Узнав о походе Ага-Мохаммад-шаха в Хорасан, правивший в Мешхеде Надир-мирза, бросив слепого отца на произвол судьбы, бежал с братьями в Афганистан²⁷. Он знал, что живым Ага-Мохаммад его не выпустит: прямой потомок Надир-шаха был ему опасен. При приближении армии Каджара к Мешхеду в 1796 (1210) г., Шахрох вышел за город встречать шаха, изъявляя ему свою покорность. Можно было полагать, что Хорасан перейдет под власть Каджаров. Ага-Мохаммаду были нужны остатки сокровищ Надир-шаха, хранившиеся у его потомков. Они могли иметь важное значение для престижа нового шаха в Иране и в соседних государствах, а также значительно пополнить шахскую казну. Дорогой ценой пришлось заплатить Шахроху за сокровища Надира. Жесткие пытки — старику лили на голову расплавленный свинец —

заставили его указать место, где хранилась казна Афшаров, и выдать драгоценности мешхедской мечети Имам-Реза. Ага-Мохаммад приказал вывезти оставшихся в Мешхеде членов семейства Шахроха в Мазендеран. По дороге, в Дамгане, больной, измученный пытками Шахрох умер в возрасте 63-х лет²⁸. Таким образом, еще один политический противник Каджаров сошел со сцены.

Большинство из шестнадцати сыновей Шахроха бежало в Герат, к Махмуд-мирзе, который с почестями отправил афшарских принцев — Надир-мирзу, Аббас-мирзу, Кахраман-мирзу, Реза-Кули-мирзу и других — в Кабул к правителю Афганистана Заманшаху. Заман-шах отослал Надир-мирзу в Пешавар, а сам собрал 100-тысячное войско и объявил, что пойдет на Иран, чтобы наказать Каджара за захват Хорасана и изгнание Шахроха и его семейства.

Два сына Шахроха — Имам-Кули-мирза и Хайдар-мирза — со своими немногочисленными приверженцами и слугами направились из Герата через Мерв в Бухару с письмом Надир-мирзы, в котором афшарский принц напоминал о родственных связях Афшаров с бухарскими правителями, о поддержке Надиром и Афшарами суннизма в Иране. Он просил оказать военную помощь и изгнать Каджара из Хорасана, обещая за это чеканить монеты от имени бухарского эмира и читать хутбу на его имя, а также извлекать ему покорность — «считать нас в числе ваших слуг»²⁹.

Бухарский хан никакой помощи потомкам Надира не оказал и даже постарался быстрее от них избавиться, и вскоре они были убиты внуком Ильбарс-хана, некогда приговоренного Надир-шахом к смерти. Однако у Ага-Мохаммад-шаха Каджара были и другие причины начать войну с бухарским Шах-Мурад-бием. Нападение бухарского хана на Мерв (1794), выселение его жителей в Бухарское ханство, насильственное обращение шиитов в суннизм и назначение в Мерв правителей из Бухары было расценено Ага-Мохаммад-шахом как посягательство на «законные иранские земли», которыми со времени Сефевидов управляли каджарские ханы.

В письме Шах-Мурад-бию он обвинил последнего в убийстве Байрам-Али-хана Каджара, правителя Мерва³⁰. Кроме того, в 1795 г. бухарцы совершили набег не только на Мервский оазис, но и на хорасанские города, причем два из них были разрушены, а жителей двух других они заставили принять суннизм.

Из Мешхеда Ага-Мохаммад-шах решил двинуться на Бухару. Поход через безводные пустыни с большой армией был невозможен. Ага-Мохаммад обратился к Заманшаху Дуррани с предложением начать совместные действия против узбеков и разрешить иранским войскам войти в Балх, чтобы нанести удар бухарскому хану со стороны этого города. Он направил к Заманшаху посла Мохаммад-Хосейн-хана Карагезлу, которому афганцы продемонстрировали свои войска, якобы готовые двинуться на Иран. Тем не менее Заман-шах, учитывая наличие большого иранского войска в Мешхеде, предпочел мирные отношения с Ираном. Афганский

посол Каду-хан Баракзай привез известие о согласии Заман-шаха помочь Каджару в борьбе с бухарским ханом.

Однако вскоре Ага-Мохаммад-шах получил известие о начавшемся походе русских войск на Кавказ и официальном объявлении Россией войны Ирану. Русский отряд во главе с В. А. Зубовым занял Дербент, Баку, Шемаху, Ганджу, Талыш, дошел до Мугани. Поход был удачен. Он имел большое значение для укрепления русского влияния в Закавказье. Поход был прекращен по приказу нового российского императора Павла I, больше заинтересованного в совместных действиях с Англией против Франции в Европе, чем в обострении англо-русских отношений из-за восточных дел.

Отступление российских войск Ага-Мохаммад-шах расценил как боязнь России столкнуться с могущественным Каджаром. Именно об этом он писал в своем фирмане дагестанским ханам: «Не безынтересно вам, какой успех имею я в Хорасане, и вы довольно усмотреть можете, что и российское войско, убоясь могущего им последовать от меня одоления, принуждено было возвратиться вспять в немалой робости и расстройстве»³¹. Шах немедленно вернулся из Мешхеда в Тегеран, оставив в Хорасане Вали-хана Каджара, и так как была зима, он распустил войска на отдых, приказав весной собрать большую армию.

Поход на Кавказ был последним для Ага-Мохаммада и рассматривался как чисто карательная экспедиция с целью наказания грузинского царя Ираклия II за обращение к России за помощью.

В 1797 г. Ага-Мохаммад с большим войском двинулся на Кавказ. Шахские фирманы были разсланы местным правителям с требованиями признать верховную власть Ирана и с угрозами в адрес непокорных. По пути в Грузию шах решил захватить крепость Шуши и заставить карабахского хана подчиниться Ирану. Взятие Шуши — последняя победа Ага-Мохаммада. Карабахский хан Ибрагим-Халил бежал в Дагестан.

Иранские войска остановились в Шуше, ожидая, когда по приказу Павла I с Кавказа будут выведены русские войска. Положение Ираклия II, не ответившего на письма шаха, стало критическим после вывода русских войск из Грузии.

Убийство Ага-Мохаммада-шаха в Шуше в июне 1797 г. сразу же изменило обстановку и в Иране, и на Кавказе. Он был убит своими слугами. По одной версии, заговор против шаха организовал его полководец Садек-хан Шеккаки, связанный с азербайджанскими ханами и проживавшими в Иране грузинами, по другой — в числе убийц был грузин Садек Горджи (Андрей из Мхехта), действовавший по указанию грузинских властей³². По сведениям хронистов, Ага-Мохаммад был зарезан ночью своими слугами — Садеком Горджи, исфаханцем Ходададом и мазендеранцем Аббасом, которых шах намеревался казнить за какую-то провинность на следующий день. Захваченные шахские драгоценности были переданы Садек-хану Шеккаки, что дает основание предположить о существовании заговора против шаха. Убийцы были за-

колоты знатными каджарками, в том числе матерью Баба-хана и теткой шаха. Тело шаха было перевезено в Мешхед и там похоронено.

Убийство шаха предотвратило нашествие на Грузию. Шахское войско распалось — в Иране начиналась новая волна борьбы за престол. Находившиеся в Шуше с войском влиятельные амиры поспешили в Тегеран, чтобы принять участие в дворцовой борьбе, или в свои владения, чтобы сохранить их за собой при очередной смене правителей. Хаджи Ибрахим, который за сдачу Шираза получил место первого везира и лакаб Этемад-од-Доуле (Доверие государства), объявил о своей верности наследнику престола Фатх-Али-хану и, собрав значительное войско, направился в Тегеран.

Фатх-Али-хан, старший сын Хосейн-Кули-хана, племянник Ага-Мохаммад-шаха, родился в 1771/72 г. Он принимал участие в военных походах Ага-Мохаммада и считался неплохим военачальником. В момент убийства шаха наследник престола был правителем Фарса и находился в Ширазе. С небольшим войском он поспешил в Тегеран.

Претендентами на шахский престол выступили также брат Фатх-Али-хана — Хосейн-Кули-хан Каджар, Садек-хан Шеккаки, брат Ага-Мохаммад-шаха — Али-Кули-хан Каджар (вскоре он был ослеплен) и сын Заки-хана Зенда — Мохаммад-хан. Хосейн-Кули-хан дважды воювал против брата. Назначенный правителем в Кашан, он хитростью захватил Исфахан и стал чеканить монету от своего имени. Солейман-хан Каджар помог молодому шаху подчинить его. Хосейн признал власть Фатх-Али и по ходатайству матери был назначен правителем Шираза. Впоследствии он выступил против шаха, требуя передачи ему в управление не только Шираза и Кермана, но и Исфахана, за что был лишен даже Фарса, правителем которого был назначен Солейман-хан Каджар. Садек-хан Шеккаки при поддержке курдских ханов сумел захватить Иранский Азербайджан, дойти до Казвина и укрепиться в нем. Опасаясь столкновения с приближавшимися войсками Фатх-Али-хана, Садек-хан бежал в Сераб и, изъявив покорность, получил этот город в управление. Вскоре Садек-хан вместе с губернаторами Хоя и Тебриза Джафар-Кули-ханом Домболи и Мохаммад-Кули-ханом Афшаром выступили против Каджаров, но восставшие были разбиты армией Солейман-хана Каджара Незам-од-Доуле, а их владения и все имущество были конфискованы. Мохаммад-хан Зенд правил Бехбеханом и Казеруном; при поддержке сородичей и луров он на короткое время овладел Исфаханом и конфисковал у населения лошадей и товары в лавках купцов. Каджарам пришлось мобилизовать значительные силы, чтобы сломить сопротивление Зендов. Мохаммад-хан бежал, но в Дизфуле был пойман Хосейн-ханом, ослеплен и послан к Фатх-Али-хану. Антикаджарские мятежи вспыхивали повсеместно и свидетельствовали о сепаратистских настроениях крупных феодалов. Только в 1798 г. Фатх-Али-шаху при поддержке хаджи Ибрахима и Солейман-хана Каджара удалось одержать верх над своими противниками.

Борьба за шахский трон при вступлении на престол второго каджарского шаха послужила плохим примером. Почти все последующие каджарские шахи занимали трон, ведя открытую или тайную борьбу со своими ближайшими родственниками. Это свидетельствует о том, что даже среди членов правящей династии не было уважения к личности шаха и не соблюдалась элементарная законность: оспаривались не только правомерность назначения наследников, но и принцип передачи престолонаследия от отца к сыну или к старшему в роде.

Фатх-Али короновался в день ноуруза, в марте 1798 г. Ему предстояло не только сохранить за собой и за Каджарами трон, но и укрепить молодую монархию, определить границы государства, утвердить административное деление, сформировать управленческий аппарат и т. п. Иран вступал в XIX век типичной феодальной монархией, характерной для стран Ближнего и Среднего Востока периода позднего средневековья. Именно такое государство было идеалом для Ага-Мохаммада Каджара.

Памятка царям «Тазкират-уль-мулюк» сефевидского времени могла бы служить для Ага-Мохаммад-шаха основным руководством по налаживанию государственного управления. Некоторые принципы государственной политики были усвоены Ага-Мохаммадом от Керим-хана Зенда, в частности кровительственная политика в отношении торговцев и ремесленников и более широкие контакты с европейцами, начавшими проявлять к Ирану повышенный интерес. Но основные представления о сущности государственной власти и государственного управления были традиционными. Светским и духовным главой государства считался шах. Он обладал неограниченными правами, назначал правителей провинций. Шах являлся главнокомандующим армии, с помощью которой держалась в повиновении феодалы и предпринимались попытки расширить границы государства за счет соседних племен и народов (в момент создания государства сепаратистские, центробежные силы были особенно сильны). Историограф Ахмад-шаха Дуррани перс Махмуд аль-Хосейни, живший в Мешхеде, а затем при дворе Ахмад-шаха, так выразил сущность шахской власти:

Если садовник не следит за садом,
То плоды этого сада достаются воронам.
Если нет в стране шаха,
То лиса везде чувствует себя львом.
Шахи — украшение мира.
Шахи — гордость человечества³³
(Пер. Д. Саидмурадова)

Ага-Мохаммад-шах очень хотел стать гордостью Ирана, создать сильное централизованное государство во главе с непобедимым правителем, который бы внушал своим подданным и соседям уважение и страх. Но он успел заложить лишь основы каджарской монархии в Иране и оставил о себе недобрую память в народе и у соседей. Основанная им монархия укрепилась при его преемнике Фатх-Али-шахе, управлявшем Ираном более тридцати пяти лет.

БОРЬБА ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ ЗА ВЛИЯНИЕ В ИРАНЕ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИРАНА

Великая французская буржуазная революция и промышленная революция в Англии — два важнейших события, определивших развитие мировой капиталистической системы и в известной степени всего мира в первой половине XIX в. Внешняя политика Наполеона, олицетворявшего интересы французской буржуазии, преследовала цели установления французского господства в Европе и влияния этой страны в наиболее важных районах мира. Таким же претендентом на мировое господство выступала и английская буржуазия, успевшая к этому времени захватить колонии и распространить свое влияние на многие страны и народы во всех частях света. Особые интересы правительства Великобритании и английской буржуазии связывались с Индией.

С конца XVIII в. Ближний и Средний Восток приобретает особый вес в международной политике. Государства этого региона начинают рассматриваться как возможные союзники и противники в дипломатической и военной борьбе европейских держав; их территории притягивают к себе европейскую буржуазию, ищущую новые рынки сбыта для все возрастающих масс промышленных товаров, производившихся в Англии, Франции, Пруссии, Австрии и других странах. Выгодное географическое положение Ирана на подступах к Индии, Средней Азии и Кавказу определяло его место в острой политической борьбе европейских держав за влияние и господство в этом регионе.

Отношения Ирана с соседними государствами в конце XVIII в. Иран не сразу осознал опасность военно-политического и экономического воздействия европейских государств. Ага-Мохаммад-хан Каджар, успешно устранивший своих соперников и уверенно шедший к шахскому престолу, считал, что у Ирана есть внутренние потенции для превращения в сильное государство, которое могло бы проводить активную независимую политику и оказывать влияние на соседние государства и народы.

Ага-Мохаммад-хан столкнулся с необходимостью вступить в отношения с соседними государствами еще в период острой борьбы за власть в Иране. Поскольку основной опорной территорией Каджаров были прикаспийские провинции Астрабад и Мазендеран, игравшие важную роль в ирано-русских отношениях, то Россия была одним из первых государств, с которым Каджары вступили в дипломатические контакты. По русско-иранскому договору

1723 г. прикаспийские провинции считались входящими в состав России. Договор 1736 г. оформил возвращение прикаспийских провинций Ирану. По Каспийскому морю, несмотря на периодическую нестабильность политической власти в Иране, шла оживленная торговля, а правители этих провинций постоянно поддерживали политические связи с русскими пограничными властями. Вынужден был считаться с позицией России в этом районе и Ага-Мохаммад-хан, ставший правителем Мазендерана и Астрабада в начале 80-х годов XVIII в. Разбитый Каджарами в 1781 г., правитель Гиляна Хедаят-Олла-хан бежал к российскому консулу И. Тумановскому и просил у него помощи для борьбы с Ага-Мохаммад-ханом, но вскоре, не встретив поддержки со стороны России, принял помощь от Фатх-Али-хана Дербентского.

По сведениям русской консульской службы, Зенды не обладали достаточными силами и влиянием для того, чтобы удержаться у власти. Наиболее реальными правителями Ирана становились Каджары. Именно поэтому российский консул попытался установить контакты с Ага-Мохаммад-ханом и его братом Мортаза-Кулиханом, назначенным правителем прикаспийских провинций во время военных походов Ага-Мохаммада против Зендов.

Каджары были заинтересованы в поддержке России: признание их правителями прикаспийских областей со стороны России укрепляло авторитет и положение каджарских ханов. Вначале Ага-Мохаммад-хан поддерживал идею основания русской фактории в Астрабаде, предложенную Россией, но после приезда миссии И. Войновича в Астрабад он резко изменил свое отношение к России и стал видеть в ней свою противницу, мешавшую продвижению Ирана на Кавказ и в Закаспий. Тем не менее, оказавшись в затруднительном положении в 1782 г., Ага-Мохаммад-хан направил своего посланника к Екатерине II с предложением восстановить дружественные отношения¹. Однако каджарский посланник не был принят при русском дворе, так как он являлся представителем незаконного правителя Ирана.

Ага-Мохаммад-хан обменялся дружественными письмами с российским канцлером Г. А. Потемкиным. В 1787 г. он заверял Потемкина, что будет свято соблюдать все трактаты, которые будут заключены между Ираном и Россией, окажет покровительство российским купцам. К русскому двору был направлен мирза Мохаммад-Али².

Между тем Ага-Мохаммад продолжал налаживать контакты с закавказскими ханами и склонять их к антирусскому союзу. Началось зондирование и в Тифлисе. В письме Ираклию Ага-Мохаммад говорил о вечной зависимости Грузии от Ирана^{2а}. С Кавказом у Ирана сохранялись тесные экономические связи, не прерывавшиеся даже во время междоусобных войн. Население Кавказа было заинтересовано в развитии торговли, в культурном, религиозном общении с Ираном. Однако политические интересы народов Кавказа и Ирана не совпадали: Иран стремился к расширению территории за счет народов Грузии и мусульманских ханств Закав-

казья, а народы Кавказа — к сохранению самостоятельности или, по крайней мере, к возможности самостоятельного выбора — присоединиться к России, Ирану или Турции. Здесь были и сторонники присоединения к Ирану. На них рассчитывал Ага-Мохаммад.

Летом 1786 г. Ага-Мохаммад-хан принял в своем лагере близ Исфахана с большими почестями грузинского князя Захария Цицишвили. Ага-Мохаммад просил Цицишвили передать грузинскому царю Ираклию II, что он хочет быть с ним в дружественных отношениях и готов передать ему азербайджанские ханства, за что Ираклий должен был сыграть роль посредника и добиться признания Россией власти Ага-Мохаммад-хана над Ираном. В Грузию был направлен посланник Махди-Кули-хан.

Фирманы были разсланы во многие ханства Закавказья с требованиями, обещаниями, угрозами и заверениями в дружбе. А правители ханств чувствовали себя в ловушке, немногие оказывали сопротивление, большинство же занимало выжидательную позицию. Силы Каджаров и разрозненных ханов Закавказья были неравны. По мнению некоторых иранских авторов, Ага-Мохаммад-шах и Фатх-Али-хан вели неумелую политику в отношении закавказских ханств³.

На развитии ирано-русских отношений в известной мере сказывались и разногласия внутри самого дома Каджаров. В истории Ирана было немало примеров, когда один из претендентов на власть в стране или в какой-либо провинции обращался за помощью к соседним государствам, чтобы при их поддержке одолеть соперника и захватить власть. Отношения между соперничавшими братьями-каджарами привели одного из них, Мортаза-Кули-хана, к российской императрице Екатерине II.

Ага-Мохаммад-хан, опасаясь усиления Мортаза-Кули-хана, заставил его покинуть прикаспийские провинции, правителем которых он считался. Мортаза нашел приют у талышского хана и вошел в сношения с российским консулом, прося помощи и доказывая, что он всегда защищал интересы России и не возражал против прибытия в Астрабад миссии Войновича. Мортаза-Кули-хан обратился за покровительством к Екатерине II. Он просил принять его в российское подданство как владельца Гиляна, Астрабада и Мазендерана, обещая уступить России п-ов Зензели (Энзели) с портом и прилегающим районом и платить 10 тыс. руб. на содержание в Энзели гарнизона. Он также соглашался построить крепость, дать людей и материалы для ее постройки, а также навечно освободить от податей русское купечество, торговавшее в этом районе. Взамен он просил дать ему 2 фрегата, бот и 300 солдат для борьбы с Ага-Мохаммадом. Екатерина II была склонна поддержать Мортаза-Кули-хана, но главнокомандующий русскими войсками астраханский генерал-губернатор И. В. Гудович возражал. Он считал, что войском Мортазе помогать неудобно, ему надо выдать денег, продовольствие и боеприпасы, а помочь ему смогут дербентский, аварский и бакинский ханы, которые собираются перейти в подданство России⁴.

В сентябре 1787 г. при поддержке русской флотилии Мортаза-Кули-хан возвратился в Гилян. Его возвращение и усиление про-русских настроений на Кавказе заставили Ага-Мохаммада пересмотреть свои планы. Он прервал поход на юг и с большим войском прошел по прикаспийским провинциям, как бы подтверждая свою власть над ними. Мортаза-Кули-хан бежал в Россию. В 1798 г. он умер в Петербурге.

Отношения Ага-Мохаммад-хана с российскими властями стремительно ухудшались. В 1793 г., по сообщению российского консула в Иране Михаила Скибиневского, «Энзели оставлены, дом консульский разорен и все селение российское персиянами истреблено»⁵. Поэтому Скибиневскому в течение полутора лет пришлось жить в Баку, чтобы наблюдать за состоянием русско-иранской торговли и по возможности охранять жизнь и имущество российских купцов на территориях, подвластных Ирану, а в декабре 1794 г. по распоряжению Екатерины II переехать на о-в Сары в Каспийском море, где базировалась российская флотилия и могли швартоваться торговые суда.

Военный поход Ага-Мохаммада в 1795 г. в Грузию, перешедшую в 1783 г. под протекторат России, и разорение Тифлиса вызвали ответные шаги России. По мнению известного иранского ученого Саида Нафиси, этот поход в Грузию «посеял ненависть в Грузии к Ирану и заставил ее искать помощи у России»⁶, привел к сокращению культурных и политических связей Грузии с Ираном.

Екатерина II отдала приказ о подготовке «персидского похода». Весной 1796 г. в Закавказье был направлен 30-тысячный корпус под командованием генерала Валериана Зубова. Русские войска заняли Дербент, Кубу, Баку, Ганджу и другие города Закавказья; один из отрядов был направлен в Грузию. Основная часть войска перешла через Аракс⁷. Местное население в целом доброжелательно отнеслось к русским войскам и оказывало им поддержку.

Смерть Екатерины II приостановила продвижение русских войск. Новый император России Павел I, заинтересованный в европейских делах, отдал приказ о прекращении Персидского похода В. А. Зубова. Выводом русских войск решил воспользоваться Ага-Мохаммад-шах, чтобы утвердить господство Ирана над Грузией и мусульманскими ханствами. Смерть помешала ему осуществить свою честолюбивую мечту.

Соседние с Ираном азиатские государства довольно быстро признали Каджаров правителями Ирана. В Афганистане и Средней Азии внимательно следили за возвышением Каджаров в Иране и при случае поддерживали их противников. Некоторые ханы из восточных и северо-восточных районов Ирана, преследуемые Каджарами, укрылись в Бухарском ханстве и в Афганистане.

Важную роль во внешней политике Ирана играли его взаимоотношения с соседним Афганистаном.

К концу XVIII в., когда Каджары пришли к власти, огромная

Дурранийская держава, созданная завоеваниями Ахмад-шаха Дуррани (ум. в 1773 г.), распалась. Но его сыну Тимур-шаху удалось сохранить под своей властью большую территорию, которой он управлял из новой столицы — Кабула с помощью главным образом наемного войска. Правители Хорасана, Герата, Систана и Белуджистана признавали вассальную зависимость от Тимур-шаха.

На эти же территории стал претендовать и Ага-Мохаммад Каджар, считая их неотъемлемой частью иранского государства. Едва подчинив северные и центральные области Ирана, Ага-Мохаммад-шах стал готовиться к походу в Хорасан. Эта провинция со священным городом шиитов Мешхедом, недавней столицей Надир-шаха, была настолько органически связана со всей страной, что в Иране ни у кого не возникало сомнения в необходимости похода в Хорасан и его включения в состав иранского государства.

В это время правителем Афганистана (с 1793 г.) был воинственный и энергичный Заман-шах, оттеснивший своих братьев от престола и попытавшийся объединить Афганистан и расширить государство за счет соседних народов. С ним-то и пришлось иметь дело Ага-Мохаммаду Каджару. Поддерживая своих вассалов — Афшаров, Заман-шах тем не менее не пошел на вооруженный конфликт с Каджарами⁸. Ага-Мохаммад-шах формально подчинил Хорасан, но смерть помешала ему закрепить это подчинение.

После вступления на престол Фатх-Али-шаха для Заман-шаха, Мурад-бия и других восточных соседей Ирана стало ясно, что теперь им придется иметь дело с Каджарами, поскольку остальные претенденты на иранский престол не имели никаких шансов добиться его. К Фатх-Али-шаху обратились за помощью сыновья и братья Тимур-шаха Дуррани с просьбой поддержать их притязания на афганский престол и помочь устранить Заман-шаха. Фатх-Али-шах радушно принял бежавшего правителя Герата Махмуд-мирзу, претендовавшего на шахский престол в Афганистане, его сына Камран-мирзу, брата Фируз-ад-Дин-мирзу и племянника Касым-мирзу; было отдано распоряжение: помочь афганским принцам набрать войско в Иране. Но более действенную помощь Махмуд-мирзе Фатх-Али-шах оказать не мог, так как столкнулся с антикаджарской коалицией Заман-шаха и Шах-Мурад-бия Бухарского. Один из них с большим войском, закаленным в индийском походе, подошел к Герату, второй — с 20-тысячным войском направился в Мерв. Фатх-Али-шах счел нецелесообразным раздувать конфликт и, по словам Абд-оль-Керима Бухари, «раскаялся и попросил мира». На мире настаивал и первый везир хаджи Ибрахим, по некоторым данным склоненный к миру подарками афганского везира Рахматулла-хана. Но, несмотря на мир, Фатх-Али-шах продолжал оказывать поддержку и покровительство мятежным афганским принцам не только по совету англичан, опасавшихся усиления Заман-шаха и искавших противостоящие ему силы⁹, но и рассчитывая в будущем использовать афганскую оппозицию Заман-шаху для укрепления в Герате.

Заман-шах, в свою очередь, поддерживал сепаратистские на строения феодалов восточного Ирана — Афшаров, туркменских, курдских и других ханов. Он помог Надир-мирзе сформировать в Афганистане войска, чтобы вернуть Мешхед. После Хорасанского похода 1798 г. Фатх-Али-шах удовлетворился тем, что Надир-мирза признал вассальную зависимость от Каджаров.

С начала XIX в. в ирано-афганских отношениях, как и в отношениях Ирана с другими соседями, начинается новый этап, связанный с усилением вмешательства европейских держав во внешние и внутренние дела стран Ближнего и Среднего Востока.

Вскоре после захвата власти Каджарами французское правительство, проектируя создание франко-турецко-иранского союза в качестве одного из видов борьбы с общеевропейской антифранцузской коалицией, созданной в 1793 г., направило в 1796 г. в Тегеран свою миссию — ученых-натуралистов Ж. В. Ламарка-Оливье и Брюгера — с целью вовлечения Ирана в борьбу Франции с Англией и Россией¹⁰. Французские политики решили использовать вторжение Ага-Мохаммад-хана Каджара в Грузию в 1795 г. для отвлечения сил России с европейского театра военных действий в случае возникновения русско-иранского конфликта из-за Грузии. «Мохаммад-хан может стать врагом России в ином роде, но столь же для нее страшным и опасным, как Пугачев», — писал французский представитель в Константинополе Вернинак, явно нереалистически представляя возможности рвущихся к власти Каджаров¹¹. Ламарк-Оливье и Брюгер прибыли в июле 1796 г. в Тегеран и вручили хаджи Ибрахиму письмо французского посла в Константинополе и копии торговых договоров, заключенных Францией с Ираном в 1708 г. и 1715 г., предлагая возобновить торговый договор. Ага-Мохаммад-шах был в Хорасане. Он отказался принять «несолидных» французских послов. Однако Ламарк-Оливье и Брюгер упорно добивались шахской аудиенции, пугая иранских сановников угрозой захвата Кавказа Россией, доказывая необходимость продолжения завоевательной политики шаха на Кавказе и обещая Ирану в весьма неопределенной форме помощь. Они просили уступить Франции о-в Харк в Персидском заливе. После убийства Ага-Мохаммад-шаха хаджи Ибрахим предложил французам покинуть Иран. Но французским эмиссарам удалось зародить у иранцев идею о возможности ирано-турецкого союза против России и необходимости отправить послов в Константинополь для ведения переговоров¹².

Тегеранское правительство направило в Стамбул послов — надо было официально объявить о воцарении Ага-Мохаммад-шаха Каджара и выяснить отношение султанского двора к возможному совместному выступлению против России. Однако Турция вскоре после заключения Ясского мира 1791 г. не хотела идти на конфликт с Россией. Во время переговоров иранским послам был задан провокационный вопрос: «Почему персы не помогли туркам, когда они воевали с русскими и австрийцами?» Иранское посольство было с почетом отправлено в Тегеран¹³.

Завоевания Франции в Европе и египетская экспедиция Наполеона в 1798 г. сплотили Англию, Австрию, Россию и Турцию в новом антифранцузском союзе. Особую озабоченность проявляла Англия, опасаясь за судьбу своих восточных колоний. Английские политические деятели и дипломаты усмотрели в планах Наполеона прямую угрозу Индии. Впоследствии малейшее подозрение, что кто-то может продвинуться к Индии, вызывало необыкновенную активность английской дипломатии, перед которой была поставлена задача оградить Индию барьером из дружественных или нейтральных государств. Одной из первых кампаний английской дипломатии по обеспечению безопасности Индии была серия дипломатических маневров, проведенных англичанами в самом начале XIX в. Вначале у англичан возникла идея необходимости заключения союза с иранским правительством, чтобы предупредить вторжение французов в Индию через Иран или с помощью Ирана. «Калькуттские торгаши трепетали перед такой комбинацией: Франция, Персия, Афганистан» — так охарактеризовал создающуюся обстановку К. Маркс¹⁴. Англичане знали о письме Наполеона к правителю Майсора Типу-Султану с обещанием освободить его от «тягостного ига» англичан. Им было известно о намерениях Заман-шаха выступить совместно с Типу-Султаном в Декане. Поэтому английская дипломатия решила отвлечь силы Афганистана от Индии, вызвав напряженность в ирано-афганских отношениях. В 1798 г. резидент Ост-Индской компании в Бушире, «натурализовавшийся перс» Махди-Али-хан, попытался склонить Фатх-Али-шаха к выступлению против афганцев-суннитов, преследовавших шиитов в Лахоре и проявивших «недружелюбие» к англичанам и Ирану. На подкуп иранских сановников Махди-Али-хан мог ежегодно расходовать 200—300 тыс. рупий. В 1799 г. Махди-Али-хан истратил только в Тегеране 250 тыс. рупий¹⁵. Поскольку интересы англичан и Фатх-Али-шаха, собиравшегося в Хорасанский поход, совпадали, иранской стороне действительно удалось на короткое время (в 1799 г.) отвлечь афганские силы в Герат.

В ноябре 1800 г. в Тегеран в сопровождении огромной свиты и военного отряда прибыл представитель английского правительства — капитан Джон Малькольм, который необычайной роскошью, щедростью, богатыми подарками («покупает все — от шаха до погонщика верблюдов», — писал о нем К. Маркс)¹⁶ произвел на иранцев большое впечатление¹⁷. Переговоры Малькольма с везиром хаджи Ибрахимом закончились подписанием в январе 1801 г. двух договоров — политического и торгового. Согласно политическому договору Иран должен был выступить против Афганистана, если последний нападет на Индию, и обязать его не нападать на английские владения. Англия, в свою очередь, обещала Ирану вооружение и свои войска, если на Иран нападет Афганистан или Франция. Иранские власти брали на себя обязательство изгнать всех французов из Ирана и помогать английским купцам и должностным лицам. По торговому договору англичанам предоставлялись большие привилегии (низкие пошлины, разрешение селиться в лю-

бом месте Ирана, строить дома, продавать их и др.). Политический договор имел антифранцузскую, антиафганскую и антирусскую направленность. Иранские правящие круги, вероятно, восприняли главным образом антирусскую направленность договора. Дальнейшие события подтверждают правильность такого предположения.

Малькольм, отводя борьбе с Россией важное место, все же главным врагом в этом районе считал Францию. Резидент Ост-Индской компании в Багдаде Харфорд Джонс, назначенный впоследствии английским посланником в Иран, напротив, считал французскую угрозу совершенно нереальной и главную опасность видел в России¹⁸. В ст. 2 политического договора говорилось: «В случае афганского вторжения в пределы Британской Индии, шах Персии обязуется напасть на Афганистан и опустошить его». Обязательства Англии были зафиксированы в ст. 4: «Если когда-либо афганский король или кто-нибудь из европейской нации начнет войну или враждебные действия с какой-либо из договаривающихся сторон, правительство Британии пошлет морским путем в один из портов Персии королю Персии и его приближенным в требуемом количестве военное снаряжение с необходимым обслуживающим персоналом»¹⁹. В Иране эта статья рассматривалась как обязательство Англии помогать Ирану в случае войны с Россией за Кавказ. Договор вбивал клин в возможный союз Франции, Ирана и Афганистана против Англии.

В 1802 г. Фатх-Али-шах направил в качестве посла в Бенгалию казвинского купца хаджи Халил-хана, который должен был завербовать на работу в Иран 300 ремесленников — специалистов по изготовлению тканей фабричным способом, а также по постройке и оснащению военных судов. Но поручение оказалось невыполненным, поскольку Халил-хан был случайно убит²⁰. Поездка его брата Ага-Мохаммад-Наби-хана в Калькутту в 1805 г. тоже оказалась безрезультатной, так как Иран в это время пошел на сближение с Францией.

Политическая обстановка в регионе оставалась неустойчивой. С помощью Фатх-хана Баракзая Махмуд-мирзе Дуррани удалось захватить афганский трон, но в Кабуле он удержался недолго: его рассматривали как ставленника Каджаров. Бежавшие из Афганистана в Иран дети и сторонники Заман-шаха были столь же радушно приняты по приказу Фатх-Али-шаха, как и Махмуд-мирза со своими единомышленниками. При Махмуд-шахе Кандагаром стал управлять его сын Камран-мирза, а Гератом — его брат Фируз-ад-Дин-мирза, тесно связанные с Ираном. Фируз-ад-Дин считал себя скорее подданным иранского шаха, чем Махмуд-шаха. Ежегодно он отправлял в Тегеран богатые подарки и послов с заверениями в преданности, покорности и дружбе. Но читать хутбу на имя каджарского шаха он не решался. Это могло породить недовольствие окружавших его афганцев-суннитов и привести к его изгнанию.

Махмуд-шах не был столь осторожен. Он использовал кызыл-

башкое войско (шнитов) для подавления восстания гильзаев, захвативших Кандагар, чем вызвал недовольство суннитского духовенства и глав афганских племен. Главный мулла Мир-Вайс в 1803 г. издал фетву, разрешавшую уничтожение кызылбашей-шнитов. Восставшее население Кабула начало уничтожение кызылбашей и свергло Махмуд-шаха. Шахом был объявлен Шуджа-оль-Мольк. Из Ирана в Афганистан вернулись Кайсар-мирза и другие противники Махмуд-шаха; Кайсар-мирза был назначен правителем Кандагара, а управлявший им Камран-мирза бежал в Герат, оставшийся в руках Фируз-ад-Дина. В Герат явился и бежавший из кабульской тюрьмы экс-шах Махмуд, который вскоре (с помощью Ирана) включился в борьбу за афганский престол. Воспользовавшись переговорами Шуджа-оль-Молька с английским послом М. Эльфинстоном (1809 г.), Махмуд и поддерживавшие его баракзайские ханы захватили Кандагар, а затем и Кабул. Махмуд вновь утвердился в Кабуле и правил там до 1818 г.

Шуджа-оль-Мольк успел перед свержением с престола подписать афгано-английский договор, имевший явную антииранскую направленность, поскольку Иран рассматривался англичанами как страна, находящаяся в сфере влияния Франции. Англичанами старались подчеркнуть в ст. 1 договора антиафганский характер союза Ирана с Францией: «Франция и Каджары объединились и заключили союз для враждебных действий против Дурранийского государства». «Если Франция или Каджары, — говорилось в ст. 2 договора, — на основе взаимной договоренности предпримут нападение на Афганское королевство, то английская сторона сделает все необходимое для отпора и возьмет на себя все связанные с этим расходы». Афганистан должен был выступить вместе с Англией против Франции и Ирана в случае их нападения на британские владения в Индии²¹. За это Ост-Индская компания обязывалась оказывать Афганистану денежную помощь. Но она не должна была оказывать военную помощь Афганистану в случае возникновения афгано-иранской войны.

В течение XIX в. Великобритания несколько раз пересматривала свою тактику в Иране, не меняя своей стратегии в отношении этой страны. Договор с Афганистаном тоже был тактическим маневром, поскольку Иран стал склоняться к союзу с Францией.

В это время шла русско-иранская война. Отношения Ирана с Россией в начале XIX в. еще больше обострились: Россия после удачных войн с Турцией и присоединения Крыма вплотную подошла к завоеванию Кавказа. Если в предыдущие десятилетия речь шла в основном о создании зависимых от России вассальных государств в Закавказье, то теперь русское правительство взяло курс на непосредственное включение Грузии, Армении и закавказских мусульманских ханств в состав Российской империи. 18(30) декабря 1800 г. Павел I подписал манифест о присоединении Грузии к России. Но он вскоре был убит. Вступивший на престол Александр I после некоторых колебаний подписал «Манифест об утверждении нового правления в Грузии» и назначил К. Ф. Кноррин-

га главнокомандующим Грузии, вменив ему в обязанность обеспечение безопасности Грузии и привлечение союзников из мусульманских ханов Закавказья (рескрипт Александра I от 24 декабря 1801 г./5 января 1802 г.)²². К. Ф. Кноррингу предлагалось договориться с ханами Кубы, Дербента, Баку и Талыша, уцмием Каракайтаским, кадием Табасаранским, шамхалом Тарковским и другими мелкими владетелями о создании союза против Ирана под верховным покровительством Александра I²³.

С иранской стороны предпринимались не менее энергичные меры для захвата Грузии и мусульманских ханств Закавказья.

Шахское правительство разжигало религиозный фанатизм среди мусульман Кавказа и Закавказья. В этом ему помогала Турция: турецкий султан постоянно направлял своих агентов на Кавказ с призывами напасть на Грузию, выгнать с Кавказа «неверных» (русских). Ханам посылались подарки, которые должны были обеспечить их переход на сторону Ирана: Фатх-Али-шах и высшие иранские сановники обменивались письмами с ханами, в Иране велась открытая пропаганда похода на Грузию с целью ее «отвоевания» у России, усиленно собирались войска. Весной 1803 г. Фатх-Али-шах по просьбе грузинских царевичей Юлона, Александра и других намеревался вторгнуться в Грузию²⁴.

Экспансия Ирана на Кавказ встретила противодействие не только России, но и христианской Грузии. Мусульманские ханства тоже сделали свой выбор — они предпочли покровительство России. Со времен Петра I в русском подданстве находились дербентские ханы. Они подтвердили свой переход под русское покровительство 1 сентября 1799 г. Перешли под русское покровительство: с 1786 г. — шамхал Тарковский, с 1799 г. — уцмий Каракайтаский, с 1800 г. — талышский хан, с 1801 г. — бакинский хан. В 1802 г. в подданство России было принято Аварское ханство, а в 1803 г. — Джарские общества и с согласия кн. Дадiani — Мингрелия. Но это не мешало некоторым ханам менять свою политическую ориентацию, вести двойную игру, стараясь поддерживать отношения и с Россией, и с Ираном, обещая поддержку то одной, то другой стороне²⁵.

В мае 1803 г. к Фатх-Али-шаху прибыли представители двенадцати крупнейших городов Закавказья «с прошением его помощи и защиты от российских войск, кои де намерены все их города взять и присоединить к России». Шах обещал оказать ханам помощь после возвращения из Туркменского похода. С другой стороны, талышский хан, например, просил русские власти построить на территории его ханства крепость против персов²⁶. В острую политическую борьбу были вовлечены не только мусульманские ханы, грузинские царевичи, но и эчмиадзинский католикос. Неудачный демарш России при выборе нового католикоса (вначале Россия настояла на избрании Давида, а потом стала поддерживать Даниила) несколько ослабил влияние России на армян.

Готовясь к войне с Россией, Тегеран попытался привлечь к антирусской коалиции Турцию и ханов Закавказья. В 1803 г. в

Константинополь были посланы агенты с предложением о совместном выступлении против России. По всему Закавказью рассылались шахские фирманы и воззвания, возвещавшие о скором походе шахских войск в Грузию и «истреблении русских гяуров»²⁷. Ханы и население призывались под шахские знамена. Желание Каджаров во что бы то ни стало подчинить Грузию и удержать под влиянием Ирана мусульманские ханства Закавказья, рассматриваемые в Тегеране как неотъемлемая часть Ирана, и экспансия русского царизма в Закавказье должны были привести к военному столкновению Ирана с Россией.

Формально началом первой ирано-русской войны считается ввод русских войск в Ганджу (в 1804 г.). В это время иранские войска (около 40 тыс. человек) во главе с наследным принцем Аббас-мирзой сосредоточились около Тебриза. В лагере Аббас-мирзы находился грузинский царевич Александр, сын Ираклия II, бежавший в Иран и признанный там вали (правителем) Грузии. Во всех ханствах находились иранские агенты с фирманами шаха и воззваниями Аббас-мирзы, требовавшими «признания покорности» и содействия иранским войскам при их походе в Грузию и Ганджу. В мае 1804 г. в Тифлис прибыл Якуб-бек, посланный к Цицианову новым иранским первым везиром мирзой Шафи. Персы угрожали вводом в Грузию многочисленных войск и истреблением всех русских, если они добровольно не покинут Закавказье. Иранский военный план был прост: с разных сторон, от Карабаха до Еревана, иранские войска под командованием Аббас-мирзы, а позднее и войска шаха должны были вторгнуться в Грузию и закрепить свою власть над ней и ханствами.

Русских войск в Закавказье было относительно мало. Поэтому Цицианов, не дробя войско, решил перейти в наступление против Аббас-мирзы, разбил его войско при Эчмиадзине и осадил Ереван, в котором собралась почти 35-тысячная иранская армия. Осада продолжалась с июля по сентябрь 1804 г. и окончилась неудачей. Недостаток продовольствия, эпидемии и опасность оказаться отрезанными (начались антирусские восстания в Осетии и волнения в Памбаке, куда вошли иранские войска под командованием грузинского царевича Александра) заставили Цицианова снять осаду. В 1805 г. шекинский, ширванский и карабахский ханы перешли на сторону России. В следующем году русские войска заняли почти все Закавказье, за исключением Ереванского и Нахичеванского ханств. Иранские войска так и не смогли развить наступление.

Война приняла затяжной характер, поскольку Россия, вступив в антинаполеоновскую коалицию, не могла послать значительный контингент войск на Кавказ, а у Ирана было недостаточно сил, чтобы изгнать русские войска из Грузии и мусульманских ханств. Надежды Ирана на английскую помощь не оправдались: Англия оказалась союзницей России по антифранцузской коалиции и не пошла на обострение отношений с Петербургом.

Шах разорвал отношения с Англией и пошел на сближение с Францией. Французский консул в Багдаде Руссо в соответствии

с возникшим у Наполеона планом использовать Иран против Англии (Индии) и, возможно, России²⁸, послал в Тегеран своего агента — Давида Мелик-Шахназарова (Давуд-бека Цатурова), чтобы восстановить тегеранский двор против России²⁹. Одновременно Руссо установил связи с влиятельным и популярным исфаханским шейх-уль-исламом Муртазой и просил его передать шаху предложение Наполеона о совместном выступлении против России. Шах ответил согласием и сообщил о его предстоящем (весной 1805 г.) вторжении в Россию. В ответном письме Наполеон рекомендовал шаху ни в коем случае не следовать советам «нации купцов», т. е. англичанам, и бороться против русских. Наполеон обращал внимание шаха на необходимость реорганизации армии, создания флота на Каспии и строительства пограничных крепостей.

Шах обещал французскому послу Амедею Жоберу заключить с Францией военный союз, а после победы над Россией пропустить французскую армию через Иран в Индию и самому послать туда войска. Жобер договорился с Аббас-мирзой о реорганизации иранской армии и о посылке французских военных инструкторов и артиллеристов. По мнению Саида Нафиси, Франция сделала больше для реорганизации иранской армии, чем впоследствии англичане³⁰.

Для переговоров с Наполеоном о франко-иранском военном союзе в Париж был направлен мирза Мохаммад-Реза-хан. Письма Фатх-Али-шаха к Наполеону говорят о глубокой вере Каджара в величие и мощь Ирана, в равенство договаривающихся сторон: «Поскольку Россия является в одинаковой мере врагом как шаха Персии, так и короля Франции, разрушить эту страну является долгом этих двух государей, если вы будете действовать со своей стороны, а мы с нашей, то русские силы будут уничтожены, власть и господство будут принадлежать обоим государствам и другие повелители вынуждены будут им повиноваться»³¹.

4 мая 1804 г. в Финкенштейне (Восточная Пруссия) был подписан франко-иранский договор. Наполеон гарантировал Ирану неприкосновенность его территории, признавал Грузию «законно принадлежащей» шаху, брал на себя обязательство заставить Россию эвакуировать свои войска из Закавказья и предоставить Ирану необходимое вооружение и офицеров для обучения армии и руководства строительством пограничных укреплений. Шах обещал порвать дипломатические и торговые отношения с Англией, объявить ей войну, не допускать в Иран англичан, обеспечить свободный проход в Индию французских войск и, если будет необходимо, напасть на Индию через Афганистан³².

Этот договор имел важные последствия — в Иран прибыла военная миссия генерала Клод-Матье Гардана (Жардана), под руководством которой началась реорганизация иранской армии для похода на Индию и для войны с Россией. Гардан писал Талейрану, что «Аббас-мирза и его братья жаждут войны (с Россией — Н. К.), но сановники и вообще народ любят покой»³³.

Наполеон поддерживал завоевательные устремления шаха. Учитывая начавшееся в 1806 г. обострение русско-турецких отноше-

ний, Наполеон предложил турецкому реис-эфенди поехать в Тегеран для переговоров о тройственном франко-турецко-иранском союзе против России. И хотя русско-турецкая война началась, Иран и Турция так и не договорились о совместном выступлении против России. Русское правительство воспользовалось сделанным ранее иранским предложением начать переговоры о перемирии. Однако переговоры майора Степанова с тегеранским двором в начале 1807 г. не дали результатов — иранское правительство соглашалось на заключение мирного договора лишь при условии возвращения Ирану всех земель вплоть до Кизляра (Северного Кавказа). Иран готовился к возобновлению военных действий. Лишь поражение турецких войск под Арпачаем 18 июня 1807 г. заставило Аббас-мирзу отвести свои войска к Нахичевану, не дожидаясь ответных шагов русского командования.

Наполеон пожертвовал интересами Ирана ради создания франко-русского наступательно-оборонительного союза, который был оформлен во время встречи Наполеона с Александром I в Тильзите в 1807 г. Однако, несмотря на подписание Тильзитского мира, Франция поддерживала антирусскую политику в Иране. Французские офицеры обучали иранскую армию, начали строить укрепления на северной границе Ирана (крепость Аббасабад), под их руководством создавались военный арсенал, мастерские для литья пушек, пороховые заводы в Исфахане и Тебризе. Инструкции Наполеона Гардану обязывали последнего поддерживать неприязнь Ирана к России, способствовать ирано-турецкому сближению и созданию антирусского союза, заключить конвенцию о поставке французского оружия, обещать присылку французских войск. Гардан подписал договор о поставке 20 тыс. ружей по 30 фр. каждое, а в декабре 1807 г. — торговый договор, по которому Франция получала в Иране исключительные привилегии: французы могли иметь консулов в любых иранских городах, арендовать землю и возводить на ней постройки, католическое духовенство обретало право вести свободную пропаганду среди христиан Ирана, французские купцы могли ввозить и вывозить любые товары, они освобождались на 3 года от пошлин и по истечении этого срока должны были платить лишь 3-процентную пошлину. Гардан поставил вопрос о приобретении Францией о-ва Кешм в Ормузском проливе и строительстве фортов в Бушире и Бендер-Аббасе. Подписание договора было заключительным аккордом французской дипломатии в Иране.

В марте 1808 г. главнокомандующий русскими войсками в Грузии И. В. Гудович направил в Тегеран подполковника Врезе с предложением начать переговоры о мире. Гардан, выступавший в качестве посредника, предложил заключить перемирие, а мирные переговоры вести в Париже при посредничестве Наполеона³⁴. Петербургский двор, осведомленный об антирусской восточной политике Наполеона, отклонил предложение Гардана: Александр I заявил французскому послу в Петербурге Коленкуру: «Мои дела с Персией не могут интересовать императора»³⁵.

Гудович, не получив согласия иранской стороны на ведение мирных переговоров на выдвинутых Россией условиях, в сентябре 1808 г. возобновил военные действия. К началу ноября Ереванское и Нахичеванское ханства были заняты русскими войсками. Неудачный штурм Еревана в ноябре 1808 г. и приближение зимы заставили Гудовича отвести войска в Грузию.

Военные неудачи на Кавказе, сведения о франко-русском союзе, дошедшие до шаха с помощью англичан, отсутствие обещанной французами реальной помощи оружием и солдатами вызвали в Тегеране разочарование во Франции. Шах пошел на сближение с Англией. Прибывший в Бушир в мае 1808 г. Дж. Малькольм предложил Ирану военную и денежную помощь для ведения войны с Россией, угрожая шаху в случае его французской ориентации вторжением со стороны Персидского залива, поддержкой одного из отпрысков зендской династии, претендовавшего на шахский престол, организацией выступления против Ирана афганцев и ваххабитов, а также запрещением торговли иранских купцов в Индии.

Иранское правительство, вступив на путь «балансирувания» между великими державами, срочно выпроводило 13 февраля 1809 г. военную миссию Гардана, заявив французам, что Иран, не порывая отношений с Францией, будет поддерживать отношения с Англией до тех пор, пока Франция не заставит Россию уступить Грузию Ирану³⁶. В России понимали, чем может окончиться новый альянс шаха с англичанами. Канцлер Н. П. Румянцев предупредил Гудовича, что в связи с приездом английского посла Харфорда Джонса Иран прервет мирные переговоры и «вообще дела наши с Баба-ханом встретят еще больше медлительности и затруднений, а может быть, предупредят англичане наклонить его к воинским предприятиям против Грузии»³⁷. Уже 10 сентября 1809 г. новый главнокомандующий в Грузии генерал Тормасов доносил Н. П. Румянцеву: «Вес английского золота, щедрой рукою рассыпаемого в Персию, произвел обыкновенное свое действие... и дал другой оборот нашим делам... Персидское правительство... вместо того, чтобы приступить к трактации о мире, подвинуло собранные свои войска к нашим границам в разных пунктах и открыло военные действия... Причиной же сего не что другое, как большие суммы денег, английским правительством присланные в Персию, на счет коих персияне предприняли нынешний год войну и стараются всех соседей Грузии восстановить против наших войск»³⁸.

Английский посол Х. Джонс щедро обещал Ирану любое содействие в войне с Россией³⁹. 12 марта 1809 г. был подписан «предварительный договор», по которому шах за английскую военную помощь и ежегодную денежную субсидию в 160 тыс. туманов обязался не пропускать иностранные войска через свою территорию, помогать Англии в случае нападения кого-либо на Индию, рассматривать высадившиеся английские войска на о-ве Харк в Персидском заливе как дружественные. Политика Джонса в Иране почти ничем не отличалась от политики, проводившейся Гарданом. Он подбивал шаха на возобновление военных действий против Рос-

сии, отговаривал от заключения мира с ней, настаивал на заключении военного союза с Турцией и добивался своего исключительного влияния на шаха и его окружение. Была достигнута договоренность о продолжении реорганизации иранской армии английскими офицерами. Джонс выдвигал проекты расширения англо-иранской торговли через Черное море и с Индией. Он пытался взять под свой контроль армянское население, чтобы иметь возможность вмешиваться во внутренние дела Ирана. Джонсу не надо было скрывать антирусскую направленность своей политики в Иране — после подписания Россией Тильзитского мира Англия и Россия были противниками. Ярый руссофоб явно импонировал иранским правящим кругам, которые вели войну против России, и добился безоговорочного следования своим советам по многим вопросам внешней и внутренней политики.

На одном из первых совещаний с Аббас-мирзой, мирзой Шафи и мирзой Бозоргом Джонс вместо наступательных действий, которые неизбежно завершились бы полным уничтожением иранских войск, предложил новую тактику — сосредоточить войска в укрепленных пунктах и изматывать русскую армию внезапными набегами и мелкими стычками⁴⁰. Этот план был осуществлен летом 1809 г., но не привел к изменению соотношения сил в Закавказье. Одновременно английский посланник стал уговаривать шаха разрешить англичанам построить на Каспийском море военные суда, которые могли бы оказывать поддержку иранским войскам с моря. Но Фатх-Али-шах, как доносил ген. Тормасов в начале 1810 г., «на сие не согласился, ответствовавши, что он еще не имеет в том нужды и не ведет таковую войну с Россией, чтобы позволить англичанам иметь на Каспийском море военные суда, почему отказал в постройке оных»⁴¹. С большой неохотой Джонс согласился на ведение переговоров о перемирии и настаивал на предьявлении России чрезмерных требований. Переговоры в Аскеране в апреле — мае 1810 г. были прерваны из-за взаимно неприемлемых требований. Каннинг одобрил действия Джонса: «Вы можете гордиться тем, что выполнили очень важную задачу, предотвратив мир или перемирие между Россией и Ираном»⁴².

В 1810 г. в Иран вновь приехал Джон Малькольм, не допущенный в Тегеран в 1808 г. Он привез пушки и артиллерийские снаряды, 7 тыс. ружей, группу английских офицеров для обучения иранской армии. Доставка вооружения и военного снаряжения продолжалась и в 1811 г. Всего было ввезено 50 орудий разного калибра, несколько десятков тысяч ружей. В Тебризе был создан арсенал, сформировано 12 батальонов солдат⁴³. Воспользовавшись благоприятной для англичан обстановкой, Джон Малькольм отправил своих офицеров для изучения Мекрана, Белуджистана и Систана. Капитан Грант Христи и лейтенант Генри Поттингер проехали от Карачи до Келата и оттуда под видом мусульман-паломников добрались до Нушки. Из Нушки Христи отправился в Исфahan через Гильменд, Герат, Йезд, а Поттингер — через Керман и Шираз. Таким образом, значительная часть юго-

восточного Ирана оказалась объектом изучения английских офицеров.

Летом 1810 г. иранская армия вновь начала военные действия. Летняя кампания кончилась победой русских войск, разгромивших иранскую армию под Ахалкалаки. Но тем не менее Торماسов предложил возобновить мирные переговоры. Однако они не состоялись, так как Иран потребовал передать ему Мегри и Талыш.

Летом 1811 г. велись незначительные военные действия: ни Иран, ни Россия не располагали достаточными силами для ведения активных действий. В марте 1812 г., продолжая вести военные действия, Иран возобновил переговоры о перемирии, рассчитывая на уступки Гудовича из-за вторжения Наполеона в Россию. Россия соглашалась подписать мир на основе status quo при условии объявления независимости Талышского ханства под протекторатом России и отказа Ирана от создания военного флота на Каспийском море. Переговоры были прерваны.

В марте 1811 г. в Иран прибыл новый английский посол сэр Г. Оузли. Он привез ратифицированный «предварительный договор» 1809 г., обещанную Джонсом денежную субсидию за три года, увеличенную до 200 тыс. туманов в год, значительный отряд военных специалистов и солдат. 14 марта 1812 г. Оузли подписал окончательное англо-иранское соглашение. Иран объявлял недействительными все соглашения, заключённые когда-либо с другими европейскими государствами, и брал на себя обязательство не допускать на свою территорию европейские войска. Он должен был заставить под угрозой объявления войны правителей Хивы, Бухары, Самарканда, Татарстана (?!) не допускать вторжения европейских государств в Индию через свою территорию (ст. 1), а «в случае войны Англии с Афганистаном е. в. король Персии обещает послать армию против афганцев в таком количестве, в каком он согласует это с английским правительством» (ст. 5). Если шах захотел бы создать флот на Каспийском море, то англичане обещали прислать кораблестроителей и моряков. Эти обязательства должен был выполнять не только Фатх-Али-шах, но и его преемники⁴⁴. Английское влияние в Иране в эти годы было столь велико, что главнокомандующий в Грузии генерал Тормасов имел все основания заявить, что иранское правительство «управляет под иностранным наставлением всеми государственными делами»⁴⁵.

Однако ни военная помощь, ни моральная поддержка Англии не смогли изменить соотношение сил на ирано-русском фронте. Летом 1813 г. генерал Котляровский, не ожидая нападения Аббасмирзы, сам дважды атаковал и разгромил его войско, захватил всю артиллерию, взял Ленкорань. За два с половиной месяца иранская армия понесла огромные потери⁴⁶.

Разгром армий Наполеона в России, успешное для последней окончание русско-турецкой войны и поражение иранской армии заставили шахское правительство и англичан задуматься о возможных последствиях продолжения ирано-русской войны. Война могла привести к полному поражению Ирана и к новым террито-

риальным захватам России. Теперь Иран был заинтересован в быстрейшем подписании мира. 12/24 октября 1813 г. после 10-дневных переговоров в местечке Гюлистан был подписан Гюлистанский мирный договор.

По Гюлистанскому договору за каждой стороной сохранялись те земли, которые находились под их властью в момент подписания договора. К России, таким образом, отошли Дагестан, Грузия с Шурагельской провинцией, Имеретия, Гурия, Мингрелия, Абхазия и ханства — Карабахское, Ганджинское, Шекинское, Кубинское, Бакинское, Ширванское, Дербентское и Талышское. За Россией закреплялось исключительное право держать военный флот на Каспийском море. В договор были включены статьи, оговаривавшие льготные условия торговли купцов России в Иране и иранских в России. Одновременно, по настоянию иранской стороны, был подписан «Сепаратный акт», предоставивший Ирану возможность вернуться к пересмотру условий мирного договора. Гюлистанский договор не закрепил точных границ между Ираном и Россией, что впоследствии неоднократно служило причиной трений между государствами, давало повод для английского вмешательства в ирано-русские отношения и, в конце концов, привело к новой войне между Ираном и Россией.

Окончание войны с Россией давало возможность шаху искать военного счастья на других границах. Учитывая политическую неустойчивость в Афганистане, борьбу разных племен за власть, выдвижение Фатх-хана и других баракзайских ханов, Каджары сочли момент удачным для подчинения Гератского ханства, которым управлял Фируз-ад-Дин-мирза. В 1816 г. в Герат было направлено войско. У Фируз-ад-Дин-мирзы уже была стычка с иранскими войсками из-за крепости Гуриан, в которой Фируз потерпел поражение и вынужден был подписать соглашение о мире, отослать в Тегеран голову суннитского шейх-уль-ислама, выдавшего фетву на отвоевание крепости Гуриан, а также выплатить Ирану контрибуцию в размере 50 тыс. реалов и чеканить монету с именем Фатх-Али-шаха⁴⁷. Он согласился также выдать свою дочь за Мохаммад-мирзу Каджара, чему воспротивились афганские эмиры: суннитке не разрешалось выходить замуж за шиита (хотя афганцы-сунниты охотно женились на шиитках). Девушка отравилась, или ее отравили. В течение многих лет Фируз-ад-Дин считался как бы вассалом иранского шаха. Угроза потери ханства заставила Фируз-ад-Дин-мирзу обратиться за помощью к Махмуд-шаху, хотя его положение на афганском престоле было непрочным — им были недовольны многие афганцы, особенно гильзайские сардары. В Кандагаре, правителем которого был сын Махмуда — Камран-мирза, в 1810 г. вспыхнуло антишахское восстание, которое удалось подавить с помощью Фатх-хана Баракзая. Позиции Фатх-хана были настолько прочны, что он стал назначать правителями крупнейших ханств не членов династии Дуррани, а своих братьев. Так, например, в Кандагар он назначил Кохендиль-хана, в Белуджистан — Ахмад-хана и т. д. Махмуд-шах отозвал Фатх-хана из Кашмирско-

го похода и направил его в Герат для отражения иранских войск. Фатх-хан с братьями стал готовиться к походу на Герат, распространяя слухи, что он намерен захватить весь Иран⁴⁸. В послании в Тегеран он утверждал, что только шах Махмуд имеет право владеть Гератом, а поэтому иранские войска должны освободить крепость Гуриан, являющуюся аванпостом Гератского ханства со стороны Ирана⁴⁹. Фируз-ад-Дин был обвинен в связях с Ираном и в неспособности организовать защиту Гератского ханства. Фатх-хан захватил Герат.

Правитель Хорасана Хасан-Али-мирза Каджар отказался передать афганцам крепость Гуриан и выступил с войском против Баракзаев. Битва произошла у Кухсана (около Исламкаала), не давшая победы ни одной из сторон. Иранское войско отступило в Мешхеду, а афганские войска вернулись в Герат. За самоуправство Фатх-хан был отстранен от дел прибывшим в Герат Камран-мирзой, сыном Махмуд-шаха. Камран надеялся урегулировать вопрос о статусе Гератского ханства дипломатическим путем. Он написал Фатх-Али-шаху, что Фатх-хан действовал против иранских войск по собственной инициативе, без согласия Махмуд-шаха, и просил извинить афганского правителя за действия Фатх-хана, забыть о военном столкновении, возобновить дружбу с шахом Махмудом и подписать мир. Фатх-Али-шах принял извинения и просил или наказать Фатх-хана (ослепить) или выдать его иранским властям⁵⁰. Расправа над Фатх-ханом Баракзаем (его ослепили и с живого содрали кожу) вызвала восстание братьев Баракзаев против шаха Махмуда. Махмуд лишился престола и всех земель, кроме Гератского ханства, правителем которого был его сын Камран-мирза. Между отцом и сыном шла упорная борьба за власть. Иранцы обещали помощь и тому и другому, а Фируз-ад-Дин жил в Иране. Фатх-Али-шах с почетом принял и афганского экс-шаха Замана, прожившего в Тегеране четыре месяца, после чего он с богатыми подарками направился на поклонение в Мекку. Иранцы принимали всех афганских беженцев в надежде на то, что они поддержат притязания Ирана на Гератское ханство.

Политика Ирана в отношении Белуджистана, Систана, туркменских племен, а также среднеазиатских ханств иногда отражалась на его отношениях с Афганистаном. В течение почти полувека Белуджистаном управлял Насир-хан Белудж, признававший формальную вассальную зависимость от Ахмад-шаха Дуррани, но фактически являвшийся независимым правителем довольно обширной территории. После его смерти в 1795 г. правителем Белуджистана стал его сын Махмуд-хан, вскоре утративший большую часть владений. Зависимость от Дуррани признавали и систанские правители Кейани. По утверждению Джона Малькольма, зависимость Систана, Белуджистана и Мекрана от афганских правителей после смерти Ахмад-шаха была иллюзорной⁵¹.

Каджары воспользовались восстанием систанцев против афганцев и в 1802 г. присоединили большую часть Систана к провинции Керман. Таким образом, Систан оказался поделенным между

Ираном и Афганистаном. Впоследствии, в середине XIX в., глава племени сарбанди Али-хан заявил о своем присоединении к Ирану, за что получил в жены каджарскую принцессу. Спорные вопросы о разграничении в Систане были разрешены лишь в 1872 г.

Отношения Ирана со среднеазиатскими ханствами в конце XVIII — начале XIX в. были неустойчивыми, сопровождались многочисленными военными столкновениями, не перераставшими однако в открытую затяжную войну. Основным источником разногласий оставался туркменский вопрос. На территорию, где проживали туркменские племена, претендовали Иран, афганцы, бухарский и хивинский ханы.

Каджарские правители считали, что туркменские племена принадлежат Ирану, и несколько раз пытались с помощью силы заставить туркмен признать их власть. Однако в действительности положение туркменских племен было различно. Племена теке, салоры и сарыки, кочевавшие в долине Мургаба, не признавали ничьей власти. Гокланы и иомуды, жившие по берегам Горгана и Атрека, формально признавали себя вассалами Ирана (см. гл. III). Вряд ли можно говорить о том, что они «облагались непосильными поборами»⁵² со стороны каджарских властей. Для туркмен были чрезвычайно разорительными военные походы Каджаров, а также хивинских и бухарских ханов. Население этого района очень взволновала судьба Мерва и Мервского оазиса.

В Мерве в 80-х годах XVIII в. правил Байрам-Али-хан Каджар. Он самоотверженно защищал город от набегов узбеков и туркмен. Бухарский хан Шах-Мурад-бий, фанатичный суннит, решил присоединить Мерв, большая часть населения которого исповедовала шиизм, к своим владениям, считая, что Тимур-шах Дуррани не будет ему мешать, а борющиеся за трон Каджары (Ага-Мохаммад-хан был в это время в Фарсе и Кермане) не смогут поддержать своего соплеменника в Мерве. С 6-тысячным отрядом узбекских всадников Шах-Мурад-бий в 1785 г. неожиданно подошел к Мерву, захватил город и разграбил его. Байрам-Али был убит, а семь знатных жителей города заставили принять суннизм. Старший сын Байрам-Али-хана хаджи Мохаммад-Хосейн-хан находился в это время в Мешхеде, поэтому правителем стал его второй сын Мохаммад-Керим-хан, вызвавший недовольство мервцев и вскоре замененный хаджи Мохаммад-Хосейн-ханом. Под его руководством мервцы успешно выдержали осаду города, вновь предпринятую Шах-Мурад-бием. В 1791 г., воспользовавшись предательством одного из мервцев, бухарский хан разрушил мервскую плотину, лишил город воды и вновь захватил его. Большая часть жителей была уведена в плен, а крепость разрушена. Хаджи Мохаммад-Хосейн-хан обратился за помощью к Тимур-шаху. Афганцы предложили мервцам переселиться в Герат: две тыс. семейств приняли это предложение, а около пяти тыс. переселилось в Бухару (считалось, что всего из Мерва переселилось 17 тыс. семейств). Оставшиеся в Мерве восстали против узбекских правителей, но восстание было подавлено и мервцев заставили принять суннизм⁵³.

Ага-Мохаммад-шах намеревался начать войну с Бухарой, освободить находившихся там пленных персов и утвердить свою власть над Туркменской степью и Мервским оазисом. Несмотря на предварительную договоренность с вступившим на афганский престол Заман-шахом Дуррани о совместной борьбе против узбеков, из этого мероприятия ничего не вышло: Ага-Мохаммад покинул Туркменскую степь и Хорасан, чтобы готовиться к походу на Кавказ. Фатх-Али-шах после убийства Ага-Мохаммада не сразу смог заняться подчинением туркменских племен и урегулированием отношений со среднеазиатскими ханствами. Мохаммад-Хосейн-хан бежал из Бухары в Иран и поступил на службу к Фатх-Али-шаху. В Иран бежал и Мохаммад-Керим-хан. Их дети остались в Бухаре.

Около 500 семейств туркмен, проживавших в Туркменской степи, были захвачены хивинским ханом Ильтизаром и переселены в район Ургенча. Не имея здесь никакой собственности, туркмены решили тайно возвратиться на родину своих предков. Ильтизар-хан напал на них: одни из них были убиты, а другие в качестве пленных отправлены в Хиву. Но часть туркмен сумела добраться до родных мест. Готовясь к войне с бухарским ханом, Ильтизар обратился к туркменам Астрабадской провинции с предложением заключить с Ираном договор о мире и дружбе и совместными силами выступить против бухарского хана, угнавшего в плен многих жителей Астрабада и Хорасана. Некоторые туркменские семьи вернулись в Ургенч, где получили земельные пожалования от Ильтизар-хана. Туркмены приняли участие в войне Ильтизар-хана с узбекским ханом. Во время этой войны Ильтизар утонул. Его преемник Мухаммед-Рахим-хан (1780—1825) с 25-тысячным войском разбил войско бухарского эмира и вторгся в Хорасан. Этот поход рассматривался хивинцами как ответный удар на военный поход 1805 г. хорасанского Мохаммад-Вали-мирзы в районы Серахса, Теджена и Ахала, откуда иранское войско вывезло богатую добычу⁵⁴. Иомуды признали себя вассалами хивинского хана. Из Хорасана было вывезено много пленных⁵⁵.

Хива и Бухара объединились в антииранском союзе. В 1813 г. хивинский хан с 30-тысячным войском прошел через земли теке, подчинив их себе, и направился в Хорасан. В этом походе приняли участие туркмены и некоторые хорасанские феодалы, недовольные правлением каджарского принца⁵⁶. По некоторым данным, один из хорасанских феодалов, Курбан-Клыч-хан, который отказывался признавать вассальную зависимость от Ирана, предложил хивинцам в 1816 г. напасть на Хорасан⁵⁷. Но вполне возможно, что поход в Хорасан был предпринят по просьбе гератского правителя, чтобы отвлечь иранские военные силы от этого города.

Новый правитель Герата Камран-мирза старался установить хорошие отношения со среднеазиатскими ханствами. В 1818 г. в сложной политической обстановке, когда Махмуд-шах вторично лишился кабульского трона, а хивинский хан готовился к походу на Хорасан, Камран-мирза послал в Хиву своего лучшего диплома-

та Каду-хана⁵⁸. Однако поход хивинцев не состоялся, так как туркмены отказались принять в нем участие, за что и были разорены хивинским ханом. В 1822 г. туркмены теке организовали самостоятельный поход на Мешхед, но были разбиты войском хорасанского вали Хасан-Али-мирзы⁵⁹. В ближайшие годы в этом районе сохранялась напряженность из-за периодических набегов хивинцев, узбеков и туркмен на Астрабад и Хорасан. Многие иранцы были захвачены и уведены в плен. Песни об этой трагедии хорасанцев и астрабадцев передавались из поколения в поколение. Тегеранское правительство поручило охрану северо-восточных границ правителям Астрабада и Хорасана. Само оно было занято проблемами отношений с Англией, Россией и Османской империей.

Используя реваншистские настроения иранского монарха, Англия подписала новый договор с Ираном 25 ноября 1814 г., в котором сохранились основные статьи договора 1812 г. Шахское правительство обещало аннулировать все договоры и соглашения со всеми враждебными Англии европейскими государствами, включая и Гюлистанский. Это был, по-существу, неравноправный договор, поставивший внешнюю политику Ирана под контроль Англии. Его подписание явилось крупной победой английских дипломатов.

Англо-русские противоречия в Иране стали намечаться с конца XVIII в. Союзнические отношения, общая борьба с Наполеоном временно ослабили эти противоречия, вернее, отодвинули их на задний план, но не сняли. Россия упорно продвигалась на юг, в Закавказье и в направлении Средней Азии, а Англия не менее упорно продвигалась на север, пытаясь захватить или подчинить своему политическому влиянию все государства Ближнего и Среднего Востока. Царизм вел очень сдержанную политику в этом районе, постоянно имея в виду интересы своего союзника в Европе — Англию. Англия не была столь деликатна и корректна в отношении своего союзника. Английская миссия в Иране прилагала максимальные усилия, чтобы не дать утвердиться в Иране русскому влиянию. Гор Оузли усиленно рекомендовал шахскому двору не устанавливать с Россией отношения на уровне послов, а согласиться лишь на пребывание русского консула в Астрабаде. Но в целом для англо-русских отношений в Иране до середины 20-х годов было характерно относительно мирное соперничество. Сдерживающими моментами являлись сотрудничество и обязательства в рамках Священного Союза. Кроме того, царское правительство продолжало считать, что «восточный вопрос» решается в Турции и на Балканах, а не в Иране. Александр I надеялся договориться с Англией относительно турецких дел, а в Иране взаимно поддерживать друг друга.

Русские власти не сразу узнали о существовании англо-иранского договора 1814 г. Лишь через пять лет после его подписания он попал в руки главнокомандующего в Грузии генерала А. П. Ермолова. «Не без замыслов утвержден таковой вскоре после Гюлистанского мира, — доносил Ермолов в Петербург. — Персия

думала посредством оного сделать более уважительными претензии свои на возвращение отделенных от нее провинций. Нет сомнения, что секретный артикул вмещает в себя гораздо яснейший смысл на счет наш, хотя, впрочем, мудрено ошибиться, какая из европейских держав опаснейшая, особливо после падения Наполеона, когда состоялись, однако же, оба трактата. Сам Аббас-мирза разумеет, к чему клонится таковая англичан с Персией поцельность!»⁶⁰.

Заручившись поддержкой Англии, иранское правительство, ссылаясь на нечеткость формулировок «Сепаратного акта» и некоторых статей Гюлистанского договора и его затянувшуюся ратификацию (манифест Александра I о его ратификации был обнародован лишь в 1818 г.), стало требовать пересмотра договора. В Петербург был направлен посол мирза Абд-оль-Хасан-хан для переговоров о передаче Ирану хотя бы части отошедшей к России территории⁶¹. Требования Абд-оль-Хасан-хана должен был поддержать Оузли, специально для этого поехавший в Англию через Петербург.

В Петербурге не было определенного мнения относительно возможности территориальных уступок Ирану. Записка генерала Пауллуччи и «Мнение генерала Торماسова на предложение Персидского посла и на требование турецкого правительства» от 4 марта 1816 г.⁶² послужили основой для ответа канцлера К. В. Нессельроде мирзе Абд-оль-Хасан-хану в ноте от 22 марта 1816 г., суть которой сводилась к подтверждению права России защищать единоверный грузинский народ и добровольно перешедшие под покровительство России ханства. Одновременно сообщалось, что для разрешения спорных вопросов в Иран будет направлен специальный полномочный посол.

29 июня 1816 г. чрезвычайным и полномочным послом в Иран был назначен А. П. Ермолов, известный русский полководец, герой Отечественной войны, незадолго до этого назначенный командиром Отдельного грузинского корпуса и главноуправляющим гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях (в его же функции входило ведение дипломатических отношений с Ираном и Турцией). Ермолов должен был решить вопрос о русско-иранской границе с учетом возможностей ее укрепления, защиты христианского населения Кавказа и добровольно вставших под защиту России мусульманских ханств. Он также должен был добиться разрешения на основание консульств в Гиляне и Астрабаде, не допустить участия англичан в русско-иранских переговорах, убедить шаха и его окружение, что для блага Ирана жить в мире и дружбе с Россией, и по возможности склонить Иран к совместному выступлению против Турции⁶³.

В 1817 г. шах принял пышное посольство Ермолова в своей летней резиденции. Он согласился на создание постоянной русской дипломатической миссии в Иране, но отказался от учреждения русских консульств и выдачи российских пленных и дезертиров; Ермолов отклонил территориальные претензии Ирана. Ермолову

не удалось ослабить влияние англичан на шаха и его окружение. Но посольство было успешным — между государствами установились действительно мирные отношения⁶⁴.

Шах назначил местопребыванием русской миссии г. Тебриз⁶⁵ — резиденцию наследника иранского престола Аббас-мирзы, которому было поручено ведение внешних сношений Ирана. Здесь же находилась и английская миссия во главе с поверенным в делах Генри Уиллоком. Первым русским поверенным в делах с 1818 г. по 1826 г. был С. И. Мазарович, который должен был добиваться соблюдения всех статей Гюлистанского договора. Русская миссия должна была стать проводником русского влияния в Иране, противодействовать противникам России (англичанам), способствовать развитию русско-иранской торговли, добиваться открытия российского консульства в Гиляне⁶⁶.

Тегеран опасался, что учреждение российского консульства в Гиляне, в провинции, экономически тесно связанной с Россией, может повлечь за собой опасные политические последствия⁶⁷. Шах категорически отказался от назначения русского консула в Гилян и предложил для учреждения консульства Тегеран, Тебриз или Казвин (по ст. 7 Гюлистанского договора, и Россия и Иран могли назначать своих консулов повсеместно). В августе 1824 г. в Иран прибыл российский консул Я. К. Ваценко, назначенный еще в 1821 г., которому оказали «чрезвычайные почести, содержа под политическим арестом». В 1825 г. по предложению А. П. Ермолова было решено учредить консульство в Тебризе, а миссию перевести в Тегеран.

Улучшившиеся отношения с Ираном способствовали расширению ирано-русской торговли, тем более что ст. 8, 9 и 10 Гюлистанского договора гарантировали свободный проезд через границы и свободный транзит, взимание низких 5-процентных пошлин и т. д. Правда, иранские власти не придерживались строго статей договора, взимали 5 руб. с выюка, независимо от количества товара, и не только на таможне, а в разных местах, что усложняло торговлю, и т. п.⁶⁸. Иран жаловался на «неправильные действия» русских пограничных начальников и таможенных чиновников, которые отбирали деньги у иранских купцов с ссылкой на существовавший в России запрет вывозить деньги за границу. С 1824 г. иранские власти стали повышать пошлины, назначать низкие цены на русские товары, препятствовать свободному плаванию русских судов у персидских берегов и др., что уже в начале 1826 г. вызвало сокращение торговли⁶⁹.

В течение долгого времени шел спор о возвращении пленных и дезертиров. Согласно ст. 6 Гюлистанского договора все пленные должны были быть возвращены в течение трех месяцев, а беглецы и преступники — по их желанию. Однако в персидском тексте договора было написано, что и пленные возвращаются по их желанию⁷⁰.

На этом основании иранские власти затягивали выдачу пленных и дезертиров, сформировав из них даже особый русский батальон

под командованием Самсона Макинцева. С. Н. Мазаровичу и А. С. Грибоедову удалось добиться возвращения в Россию лишь 256 человек. Персидские военнопленные все были отпущены в Иран⁷¹. Русские власти не препятствовали желавшим переселиться из Закавказья в Иран, возражая лишь против расселения их по русско-иранской границе. Было приостановлено переселение части племени шахсевенов, которые вели антирусскую пропаганду⁷².

Признание Россией Каджаров царствующим домом имело для них большое политическое значение. Иранские чиновники добивались, чтобы русские власти в своих дипломатических документах именовали шаха не Баба-ханом, а Фатх-Али-шахом, как это делали англичане. Статья о признании шаха не была включена в Гюлистанский договор. Иран настаивал также на официальном признании Аббас-мирзы наследником престола. Россия уклонялась от этого, чтобы иметь возможность оказывать давление на Аббас-мирзу, которому дали понять, что если он не будет выполнять всех условий Гюлистанского договора, то и пункт о его признании наследником также не будет поддержан А. П. Ермоловым⁷³. Кроме того, Россия не хотела связывать себя какими-либо обязательствами в вопросе о престолонаследии в Иране. Известную роль сыграла антипатия к Аббас-мирзе А. П. Ермолова, который считал его непримиримым врагом России, шедшим на поводу у англичан. Лишь после второй ирано-русской войны и назначения на должность главнокомандующего Кавказом И. Ф. Паскевича вопрос о признании Аббас-мирзы наследником иранского престола был разрешен⁷⁴.

Иранское правительство продолжало считать земли, отошедшие к России, своими законными владениями и не теряло надежды вернуть их и требовало пересмотра границ, ссылаясь на «Сепаратный акт»⁷⁵.

Аббас-мирза после получения гарантий Александра I (акт от 8 мая 1819 г.) о помощи в случае борьбы претендентов на шахский престол занял внешне дружественную позицию в отношении России и направил статс-секретаря мирзу Масуда в Тифлис к Ермолову с заверениями в дружбе. Одновременно Аббас-мирза послал своих тайных агентов в отошедшие по Гюлистанскому договору к России Ширванское и Карабахское ханства, а также в Дагестан, где они повели агитацию за вооруженное выступление против русских властей. От имени шаха и Аббас-мирзы были переданы денежные средства в размере 20 тыс. руб. тем дагестанским ханам, которые не приняли российское подданство и в 1819 г. начали вооруженную борьбу против дислоцированных в Дагестане русских войск⁷⁶. Провоцируя на ирано-русской границе различные инциденты (особенно в этом преуспевал ереванский сардар), иранское правительство рассчитывало воспользоваться ими для начала открытых военных действий против России.

А. П. Ермолов, убедившийся еще во время своей поездки в Иран в недружелюбии Аббас-мирзы, неоднократно писал царю и в ми-

нистерство иностранных дел о том, что наследный принц «воспользуется первой возможностью, чтобы объявить войну, и он один будет ее причиной»⁷⁷. Мнение Ермолова разделял А. С. Грибоедов⁷⁸.

Александр I предписал Ермолову как можно скорее уладить пограничные споры⁷⁹. Петербургский двор придерживался той же политической линии в отношении Ирана, которая была сформулирована еще в «Инструкции» Ермолову в 1816 г.: если Иран будет соблюдать «настрожайший нейтралитет», то и Россия будет занимать нейтральную позицию во всех войнах, которые будет вести Иран; Россия будет стремиться к сохранению дружественных отношений с Ираном, но не допустит вмешательства Англии в русско-иранские дела⁸⁰. Ермолов, непосредственно занимаясь урегулированием дипломатических и военных вопросов с представителями шаха и Аббас-мирзы, учитывал настроения в Иране. Он сообщал в Петербург, что в Иране многие хотят войны с Россией. «Признаю необходимость избегать разногласий с Персией,— уверял он К. В. Нессельроде,— хотя и не вижу гарантий, что Персия не объявит России войну»⁸¹.

К марту 1825 г. был составлен Акт о разграничении. Пока велись переговоры о согласовании отдельных пунктов, умер Александр I. Переговоры отложили до мая 1826 г.

Готовясь к новой войне за Закавказье, Иран предпринимал шаги для урегулирования своих отношений с Турцией⁸².

После прихода к власти Каджаров ирано-турецкие отношения развивались неравномерно⁸⁴. Вначале сохранялся традиционный характер отношений, в основе которых лежало соперничество двух государств, а также многочисленные взаимные претензии, касавшиеся территориальных притязаний, господства над пограничными племенами курдов, арабов, а также над Арменией, влияния на мусульманские народы Кавказа и Закавказья, борьбы за «святые места» (Кербелу, Неджеф, Самарру) и положения иранских паломников в Турции, суннитско-шиитского соперничества в мусульманском мире, борьбы за торговые пути и т. п. С конца XVIII в. и Иран, и Турция при решении ирано-турецких конфликтов постоянно учитывали отношения сторон с Россией, а с начала XIX в. — и отношения с Англией, которая постепенно стала добиваться роли посредника в спорах между Ираном и Турцией. Ранее она уже пыталась это сделать во время ирано-русских и ирано-афганских конфликтов⁸⁵.

Ага-Мохаммад Каджар попытался установить дружественные отношения с Турцией и даже привлечь ее к совместной борьбе с Россией на Кавказе. Но к концу XVIII в. Турция, по словам русского посла в Стамбуле Я. И. Булгакова, была «бедна, бессильна и оподлена», она только что подписала Ясский мир после тяжелой войны с Россией в 1787—1791 гг. и не хотела открыто занимать антирусскую позицию. Кроме того, ей был необходим мир для осуществления задуманных реформ, которые могли бы поднять ее боеспособность и укрепить разваливавшуюся империю⁸⁶. Это, од-

нако, не мешало турецкому султану и отдельным пашам обращаться к населению Кавказа и Закавказья с призывами о совместном выступлении с Ага-Мохаммадом против России⁸⁷. По мнению российских дипломатов, Порта была настроена антирусски и в ее планы «входить могла и диверсия со стороны Персии»⁸⁸. Одновременно Турция хотела бы столкнуть своих двух противников — Россию и Иран. Об этом предупреждал и российский посол в Константинополе В. П. Кочубей: «Турки будут остерегаться предпринимать что-либо сами, но будут пытаться подтолкнуть персов»⁸⁹, хотя официально турецкие власти заверяли, что Турция «ни в какие виды по персидским делам не замешается»⁹⁰.

Посланный багдадским пашой чиновник поздравил Ага-Мохаммада с победой (1793 г.), но заявил ему, что Турция не признает его государем Ирана до тех пор, пока он не завоюет Грузию. Турки пообещали Каджару финансовую помощь и пушки для войны на Кавказе⁹¹. Они предоставили для иранской армии 150 тыс. т пшеницы, масло, баранов и держали на границе войска, которые могли бы прийти на помощь Ага-Мохаммаду⁹². О возможном совместном выступлении против России хаджи Ибрахим сообщил великому везиру в письме, переданном иранским послом в Константинополе в 1797 г. Но из-за пограничных споров, взаимного подозрения и недоверия турки не пошли на открытый союз с Каджарами⁹³.

В первой трети XIX в. ирано-турецкие отношения были мирными, исключая пограничные стычки, которые редко перерастали в серьезные конфликты и лишь в 1821—1823 гг. привели к ирано-турецкой войне. Но напряженность на различных участках ирано-турецкой границы сохранялась постоянно.

Одним из спорных вопросов между Ираном и Турцией в течение всей первой половины XIX в. оставался вопрос о разграничении в Курдистане, где граница между государствами была установлена еще в начале XVI в. В связи с переселениями курдских племен с иранской территории на турецкую и обратно и сложностью наследственных прав отдельных курдских ханов здесь постоянно возникали споры о принадлежности тех или иных земель и населенных пунктов Ирану или Турции. К началу XIX в. большая часть курдских племен была фактически независимой от иранских и турецких властей: лишь под военным давлением они соглашались платить дань и выставлять войско. Однако иранское правительство пользовалось большим влиянием в Курдистане, даже среди турецких курдов. Каджары предоставляли наиболее влиятельному курдскому хану наследственный титул вали Курдистана и помогали ему удерживать под своей властью и влиянием все курдские племена.

Этот вали считался в Иране одним из важных сановников и принимал участие в коронации шаха, одевая на него алмазные украшения⁹⁴.

Но курдские племена не всегда выполняли приказы шаха и валиахда. Во время реорганизации армии Аббас-мирза рассчитывал

создать из воинственных курдов регулярную конницу; для этого он освободил курдов Арделана, Маки, Иранского Азербайджана и Ереванского ханства от налогов и податей. Обещаниями и силой оружия он заставил даже турецкое курдское племя бейлана выставить 10—15 тыс. конников во время войны с Россией⁹⁵. В 1810 г. он попытался подчинить курдского эмира Мостафу, но тот со своей 2-тысячной конницей и 12-тысячной несторианской пехотой заставил отступить 20-тысячное войско Аббас-мирзы. Впоследствии иранские власти неоднократно привлекали курдскую конницу для участия в военных походах против своих соседей, а также для усмирения взбунтовавшихся против центральной власти ханов.

По существу, вся ирано-турецкая граница в силу неопределенности демаркационной линии и перекочевков пограничных племен, объявлявших себя попеременно подданными то Ирана, то Турции, являлась источником постоянных вооруженных конфликтов.

Сложными были отношения турецких властей и иранских паломников в Кербеле, Неджефе, Самарре и Каземейне. Багдадский паша вынужден был считаться с наличием большого шиитского населения в Месопотамии (преимущественно иранцев) и глав шиитского духовенства, способных поднять религиозные массы против властей. Но вместе с тем, обладая административной властью и имея в своем распоряжении большую военную силу, паша и многочисленные турецкие чиновники имели возможность оказывать давление и на шиитов, и на суннитов, препятствовать передвижению иранских паломников и торговцев, взимать с них повышенные пошлины и налоги и т. п.⁹⁶

В 1806 г. между Ираном и Турцией возник вооруженный пограничный конфликт: турецкие войска могли захватить Ереванское ханство. Военные действия отвлекали иранские силы с кавказского театра военных действий, поэтому генерал Гардан стал добиваться заключения ирано-турецкого союза и совместного выступления против России⁹⁷. И это ему удалось — началась очередная русско-турецкая война.

Иран и Турция не имели постоянных послов и консулов: они лишь эпизодически обменивались посольствами. В 1811 г. к шаху прибыл турецкий посол Абд-оль-Вахаб-эфенди (Ясын-эфенди в русских документах), человек очень влиятельный при султанском дворе, ставший затем великим везиром. В 1817 г. в Стамбул прибыл иранский посол, сын курдского хана. Он привез богатые подарки и был принят султаном с большими почестями; но договоренность об антирусском союзе не была достигнута.

Ирано-турецкий конфликт назревал давно, хотя французы, а затем англичане доказывали шаху, Аббас-мирзе и наиболее влиятельным сановникам нежелательность ирано-турецкой войны. Неудача Турции в войне с Россией в 1812—1813 гг. подорвала авторитет султана и турецких властей среди курдов. Однако курды, в том числе и иранские подданные из Ереванского и Нахичеван-

ского ханств и Хойской провинции, приняли участие в борьбе эзерумского сераскира с баязетским пашой. В 1820 г. эзерумский сераскир отказался выдать Аббас-мирзе бежавших в Турцию курдов. В Тегеран поступили жалобы на преследования иранских паломников в Османской империи, особенно в Багдаде и священных городах шиитов. Поводом для начала войны послужил обыск паломников, направлявшихся в Мекку, среди которых была одна из жен шаха.

С весны 1821 г. Иран стал готовиться к войне с Турцией. Начиная войну, иранские правители учитывали то, что дипломатические отношения между Турцией и Россией были разорваны и что Турция была занята подавлением восстания в Греции и Валахии и ликвидацией янычаров. В августе 1821 г. Аббас-мирза поставил в известность поверенного в делах С. И. Мазаровича, что он намерен в ближайшее время начать военные действия. Россия заняла нейтральную позицию: «Персияне могут действовать как им лучше, но мы не должны скрывать от них наших намерений, что сейчас в войну с турками вступать не будем, если уж это не будет сделано в силу чрезвычайных обстоятельств, за что в ответе одно лишь провидение... Мы, вероятно, достигнем нашей цели, пребывая с Двором Тегеранским в отношениях дружелюбия и доброго соседства, даже укрепляя более и более существующие между Россией и Персией связи, не удаляясь от всего, что могло бы дать сим связям свойство или вид союза против Порты»⁹⁸.

Мазарович должен был действовать в таком же духе: поддерживать доверительные и дружественные отношения с Аббас-мирзой, которые с трудом установились, и «не давать повода для мысли, что мы намерены вооружить персов против турок или ласкаем персов только из-за того, что рассчитываем на их удар против турок в случае войны с этою державою»⁹⁹. В инструкции А. П. Ермолову указывалось, что иранской стороне надо дать понять, что «в своих отношениях к Порте им не надлежит руководствоваться заключениями о положении дел наших с сею державою», что они «властны действовать, как почтут выгоднее для себя», что важнее всего — сохранить мир и дружественные отношения между Россией и Ираном¹⁰⁰.

Русские дипломатические представители в Иране еще в 1819 г. отмечали, что Иран готовит войска для войны с Турцией. А. С. Грибоедов записал в дневнике: «10 000 отправляется к Багдаду против турков». К. В. Нессельроде сомневался в объективности информации из Тебриза и Тифлиса: «Трудно поверить, чтобы Англия не воспрепятствовала сему нападению персиян, которое может иметь столь бедственные последствия для турок»¹⁰¹.

Англичане обвинили Россию в провоцировании Ирана на войну с Турцией. Они выразили свое неудовольствие и иранскому правительству: запретили английским офицерам, служившим в иранской армии, принимать участие в военных действиях против Турции, английский поверенный в делах Уиллок заявил о прекращении

выплаты денежной субсидии, пока шах не прекратит войну с Турцией, и в знак протеста покинул Иран.

Осенью 1821 г. Аббас-мирза с 50-тысячным войском, обученным английскими военными инструкторами, вторгся в Турецкий Курдистан и Армению, занял Ван, Баязид, весь Баязидский и Карсский пашалыки, подошел к Эрзеруму и потребовал большой контрибуции с Эрзерума. Вали Курдистана, принимавший участие в военной экспедиции, захватил большую добычу. Одновременно со стороны Керманшаха в Багдадский пашалык вошел правитель Керманшаха Мохаммад-Али-мирза и остановился на расстоянии одного перехода от Багдада. Была взята Сулеймания, организована осада Киркука.

Турецкое правительство не ожидало такого. Багдадский паша обратился к шаху с жалобой на действия Мохаммад-Али-мирзы.

Английские дипломаты развили бурную деятельность, пытаясь ликвидировать военный конфликт и добиться мира; их усилия по обучению иранской армии и денежные субсидии предназначались для войны с Россией, а не с Турцией. Они старались заставить шаха написать султану письмо с предложением о заключении мира. А. П. Ермолов писал, что «если турки заплатят издержки приготовлений к войне, или сами англичане додадут за то денег шаху, нет сомнения, что водворят мир, а быть может, купят еще и согласие против нас»¹⁰².

Каем-макам мирза Бозорг в письме английскому послу в Константинополе Стренгфорду сообщал в апреле 1822 г., что война началась из-за «беспорядочных поступков» пограничных турецких сераскиров, из-за высказанных угроз, подготовки вторжения в Иран и сосредоточения турецких войск в Баязиде. «Поэтому терпение лопнуло». Каем-макам сообщал об отправке письма новому эрзерумскому сераскиру с предложением мира, на которое тот не ответил. Он послал ему второе письмо. «Если с его стороны будет оказана деятельность, то мир и доброе согласие могут быть утверждены добрым старанием Вашим и чиновников обеих держав и совершенно истребится небольшая распря»¹⁰³.

Вместо Мустафы-паши правителем Сулеймании Мохаммад-Али-мирза назначил иранского хана. После смерти Мохаммад-Али Мустафа вернулся в Сулейманию и уничтожил иранский гарнизон. Иранские власти признали его правителем за обещание принять участие в походе на Багдад¹⁰⁴ (который вскоре был взят).

Летом 1822 г. военные действия продолжались. Армии нужны были деньги. Шах передал Аббас-мирзе 50 тыс. туманов и послание, что одна сабля может доставить ему остальные необходимые средства¹⁰⁵. Турецкие войска стали теснить иранскую армию. Новый керманшахский вали не смог удержать Сулейманию. Турецкие войска начали борьбу за Багдад. «Персияне не рады, что впутались в эту войну, сколь она ни ничтожна,— писал Ермолов.— Хотели бы удержать Багдад, но боятся, что не удержат»¹⁰⁶.

Начавшаяся холера заставила Иран отозвать свои войска (летом 1823 г. только в одном Тебризе ежедневно умирало до 70 человек). 28 июля 1823 г. был подписан первый Эрзерумский трактат о мире, по которому между государствами сохранялись старые границы, установленные по Зохабскому договору 1639 г.: «В течение 60 дней после заключения мира все укрепления, земли, большие и малые селения в пределах старой границы Турецкой империи, которые до войны или во время ее попали в руки Персии, должны быть возвращены Турции»¹⁰⁷. Однако большая часть Зохаба (за исключением Ханекина, Бинкурде и Шемирана) фактически осталась под властью Ирана (горная часть — иранская, равнинная — турецкая). Стороны обязались не нарушать границ и не вмешиваться во внутренние дела друг друга, не принимать взбунтовавшиеся племена и не оказывать им покровительства. Турция обязалась не препятствовать паломничеству и торговле иранских граждан и не взимать с товаров иранских купцов пошлин выше 4% их стоимости.

Несмотря на значительные военные успехи, Иран мало выиграл в результате этой войны. Но иранское правительство под давлением англичан и в расчете взять реванш в намечавшейся войне с Россией, не настаивало на более выгодных условиях мира. Каемамак Абу-ль-Касем Фарахани считал, что «подобного рода вопросы не стоят того, чтобы сильные и древние государства поднимали их»¹⁰⁸. Секретное политическое соглашение, подписанное в Лондоне 15 июля 1823 г. персидским представителем мирзой Салехом и турецким послом и предусматривавшее совместное выступление против России, объясняет уступчивость Ирана¹⁰⁹.

После подписания мира с Турцией иранское правительство, поддерживаемое английской миссией, пошло на обострение ирано-русских отношений. По мнению русских чиновников, персы стали так себя вести потому, что почувствовали себя сильными и получили сведения о выступлениях феодальных владетелей в Дагестане. Кроме того, тегеранский двор придавал большое значение информации английских дипломатов о восстании декабристов в Петербурге, считая, что положение Николая I непрочно. Английская военная помощь (оружие и военная субсидия), антирусская пропаганда еще больше укрепили реваншистские настроения при тегеранском дворе и в окружении Аббас-мирзы.

Влияние Англии в Иране было очень значительным. После падения империи Наполеона Англия освободилась от опасного конкурента на Востоке. Ослабленная Франция не могла участвовать в борьбе за Иран. Единственным противником Англии в Иране оставалась Россия.

В начале 20-х годов русское влияние в Иране заметно усилилось. В Тегеране и Тебризе стали прислушиваться к мнению русского поверенного в делах С. И. Мазаровича, появилось критическое отношение к англичанам. Занятие англичанами о-ва Кишм в Персидском заливе повлекло за собой некоторое охлаждение в ирано-английских отношениях.

В эти годы Англия своеобразно «осаждала» Иран, заключив договоры и соглашения с соседними с Ираном правителями (арабскими шейхами Персидского залива, имамом Маската и Афганистаном). «Сими приобретениями, — предупреждал А. П. Ермолов министерство иностранных дел России, — впоследствии будут они (англичане. — *Н. К.*) обуздывать и волю персиян, и, если нужно, распространяя связи свои между племенами аравин, угрожать и туркам»¹¹⁰. Одновременно англичане выдвинули проект создания в Иранском Азербайджане англо-немецкой колонии, которая могла бы служить орудием борьбы с русским влиянием на севере Ирана. Проводниками английского политического влияния были дипломаты, офицеры, врачи, купцы. «Без англичан почти ничего не делается у двора наследника, — писал А. П. Ермолов. — Напрасно дипломатические агенты приписали бы то ловкости своей: прежде их произведут подарки, а еще более вход доктора в гарем наследника»¹¹¹.

После смерти Кемпбелла в Иран специально был послан доктор Кормик для «уравновешивания» влияния Мазаровича. Возглавлял английскую колонию вначале Г. Уиллок, затем Дж. Макдональд Киннейр и доктор Мак-Нил (Мак-Нейл). Англичане завели обширные знакомства, раздавали подарки, многим сановникам выдавали единовременные и постоянные денежные субсидии, начали бесплатно лечить персов. Эти действия способствовали укреплению преобладающего влияния англичан в Иране. Прекрасно зная персидские нравы, англичане использовали малейшие промахи русской дипломатии, невыгодно для России истолковывали любые действия русских в Иране, распространяли слухи о неудачах русских в европейских делах, в отношениях с Турцией, о внутренних волнениях в России, о русских планах захватить весь Иран. Внешне англичане держались вполне корректно и оказывали русским мелкие услуги. Они приютили в своей миссии Ваценко, затем жену Грибоедова и некоторых русских чиновников, предложили посредничество в переговорах о заключении мира во время войны 1826—1828 гг., поручились за выплату контрибуции.

А. П. Ермолов был непримиримым противником англичан в Иране, постоянно ожидал каких-либо каверз с их стороны. Он был убежден в миролюбии шаха и считал, что военные приготовления против России — результат происков англичан и Аббас-мирзы. «Сии услужливые союзники (англичане. — *Н. К.*), — писал Ермолов, — уже до 32 тыс. чел. сформировали регулярного войска и теперь заводят уже и регулярную конницу, чего доселе не было: собрана также в большом числе милиция»¹¹². По мнению Ермолова, лучшим средством избавиться от англичан в Иране было бы полностью заменить их. Но ни в торговле, ни в финансовом, ни в военном отношении Россия не могла соперничать с Англией. А поддержка англичанами реваншистских устремлений Каджаров обеспечивала им безраздельное политическое влияние в Иране в течение всех 20-х годов. Готовясь к войне с Россией, Иран рассчитывал на помощь Англии. В Европе англичане были дружественны

с Россией, но они «были и долго еще будут нашими недругами в Азии», — писал Ермолов¹¹³.

Обстановка существенно изменилась после подписания Англией и Россией Петербургского протокола по греческому вопросу и Аккерманской конвенции с турецким султаном. Новое наступление царизма на Османскую империю, которая после уничтожения янычарского войска и из-за отсутствия обученных новых войск не могла вести войну, грозило разгромом султанской Турции. Это не входило в колониальные расчеты англичан. Английская дипломатия решила отвлечь военные силы России от Турции, способствуя развязыванию новой войны Ирана с Россией. К началу 1826 г. отношения между Ираном и Россией были чрезвычайно обостренными. Ермолов сообщал в Петербург об усиленной подготовке Ирана к войне с Россией.

Для Аббас-мирзы как государственного деятеля и военачальника были характерны понимание обстановки, соотношения сил и собственных возможностей. Однако накануне второй ирано-русской войны иранская дипломатия и сам Аббас-мирза допустили серьезные просчеты. По мнению Ермолова, в Иране многие хотели войны: она обеспечивала феодалам возможность не подчиняться шаху, простому народу — временное облегчение его участи; во время войны не происходили антишахские выступления; пограничные жители получили бы покровительство; военные обогатились бы на войне; не прочь поживиться было и духовенство. Ермолов предупреждал, что Аббас-мирза строил свой военный план на внезапности нападения и неподготовленности России к войне. МИД России и царь не разделяли этих опасений Ермолова¹¹⁴.

Англичане советовали Аббас-мирзе скорее начать войну с Россией, указывая на малочисленность русских войск в Закавказье, неподготовленность России к войне, восстание декабристов. Аббас-мирза приказал выгнать роту русских войск из района около оз. Гокча. «Решимость сия, — доносил Мазарович, — принята Аббас-мирзой на совещании с английским поверенным в делах в Тевризе»¹¹⁵.

Россия не хотела войны. Вступивший на престол Николай I отправил к шаху чрезвычайное посольство кн. А. С. Меншикова с сообщением о вступлении на престол и предложением мирного разрешения пограничных споров. Основой для переговоров должен был служить Акт о разграничении 1825 г., не утвержденный Аббас-мирзой. Николай I ожидал от Ирана «если не искренней дружбы, то по крайней мере соблюдения мира»¹¹⁶.

В Иране Меншиков не мог не заметить усиленную подготовку к войне: в лагере шаха шли непрерывные совещания об объявлении войны России (одно из них описал Реза-Кули-хан Хедаят) и вооружении всех мусульман против русских; воззвания моджтехидов призывали народ выступить против «неверных»¹¹⁷. Аббас-мирза уклонился от переговоров с Меншиковым по пограничным спорам и перенес их в Султанию, тем более что у Меншикова не было полномочий для разрешения пограничных споров¹¹⁸.

Шах отказался принять посольство Меншикова. 11 июля 1826 г. шахское правительство уведомило об отправке посольства в Россию, но вскоре весь состав посольства был арестован.

Готовясь к войне с Россией, Иран пытался заручиться поддержкой Турции. К султану был направлен мирза Фейз-Одла с просьбой оказать содействие в предполагаемой войне с Россией. Турецкое правительство дезинформировало Иран, скрыв уничтожение янычарского войска, русский ультиматум от 17 марта 1826 г., Петербургский протокол от 4 апреля 1826 г. и начало Аккерманских переговоров, и заявило, что у них готов 10-тысячный корпус для войны с Россией.

Иран открыто шел на войну. 23 июня 1826 г. шиитские улемы выдали фетву — разрешение и призыв начать джихад против России. Иранские войска внезапно напали на форпосты русских войск в Талыше, Карабахе, Армении и, смяв их, захватили многие населенные пункты, в том числе Елизаветполь (Ганжу), Ленкорань, Сальяны, Ширван, осадили Баку. В Карабахе, где Аббас-мирза намеревался нанести главный удар русской армии, наступление персов было остановлено защитниками г. Шуши. Подтянутые к границе русские войска нанесли в сентябре несколько серьезных поражений иранской армии: при Шамхоре генерал Мадатов разбил армию Мохаммад-мирзы, сына Аббас-мирзы, при Елизаветполе И. Ф. Паскевич разгромил армию самого Аббас-мирзы. К октябрю 1826 г. вся захваченная Ираном территория (за исключением части Талыша) была очищена от иранских войск. Армия Аббаса, потерпев несколько серьезных поражений, беспорядочно отступила за Аракс.

Исход войны зависел от летней кампании 1827 г. Русская армия начала готовиться к ней еще зимой. В марте 1827 г. А. П. Ермолов был заменен И. Ф. Паскевичем. Была проведена дипломатическая подготовка к войне: привлечены на сторону России некоторые закавказские ханы, нейтрализовано выступление пограничных племен, решен вопрос о будущем управлении вновь занятых территорий.

Иранские власти, считая приход русских войск в Нахичеванское и Ереванское ханства неминуемым, начали переселять оседлое население во внутренние районы Ирана, а жившие здесь племена откочевали в Турцию или в глубь Ирана и уничтожили посевы. Аббас-мирза не смог собрать новую боеспособную армию. Его братья отказывались давать свои войска в его распоряжение. Набрать наемников не удалось, фактически пришлось отказаться и от идеи создания регулярной армии. Уже весной 1827 г. стало очевидным, что Иран не сможет продолжать войну и запросит мира. Николай I был за быстрое прекращение войны: военные издержки и дипломатические неудобства намного превышали выгоды от успехов русской армии.

Аббас-мирза послал к Паскевичу афшарского хана узнать о возможности мирных переговоров. Ему было заявлено, что не Россия нарушила мир и вторглась на чужую территорию, а Иран, и,

следовательно, Россия не должна удовлетворять требования иранского правительства, более того, она имеет право требовать от него вознаграждения¹¹⁹. А. С. Грибоедов отправился в лагерь Аббас-мирзы, чтобы передать требования Ирану, выдвинутые И. Ф. Паскевичем. Переговоры с Аббас-мирзой привели Грибоедова к выводу, что только со взятием Еревана и вступлением русских войск в Тебриз можно ожидать заключения мира на условиях, предложенных Паскевичем.

Несмотря на удачное продвижение русских войск и взятие ими Аббасабада (июль 1827 г.), положение их в Иране было нелегким. Из-за жары начались болезни (некоторые части вынуждены были отступить в горы) и падеж скота. В августе 1827 г. Аббас-мирза обратился к Паскевичу с предложением начать мирные переговоры. Паскевич, однако, считал целесообразным провести осеннее наступление.

Во время начавшейся в 1826 г. ирано-русской войны Турция объявила о нейтралитете. Эрзерумский сераскир отказался снабжать армию Аббас-мирзы свинцом и порохом. Но пограничные турецкие власти (в Эрзеруме, Карсе, Ахалцихе) в целом занимали антирусскую позицию и не дали возможности закупить в Турции хлеб для русской армии, совершали нападения на селения в российских владениях, из Сомхетии увели греческих и немецких колонистов, поощряли разбой поселенных на границе лезгин и перекочевавших из Ирана в Турцию курдов и т. п. Турецкие власти склонны были поддержать иранскую армию. Весной 1827 г. на стороне Ирана выступили курды. Аббас-мирза хотел нанять турецкие войска, но от этого плана отказался ереванский сардар.

В осеннюю кампанию 1827 г. русские войска одержали несколько побед и начали быстро продвигаться в глубь Ирана. Взятие Сардарабада испугало шаха, и он послал Аббас-мирзе фирман с требованием немедленно заключить мир, уступив России Ереванское и Нахичеванское ханства. 30 сентября 1827 г. русские войска взяли Ереван, а вскоре и Нахичеван. В Нахичеван прибыли английский поверенный в делах Кемпбел и Фатх-Али-хан с сообщением, что иранское правительство согласно заключить мир на любых условиях. Паскевич потребовал немедленной передачи ему наличными 2,5 млн. туманов как необходимое условие для начала мирных переговоров. После падения Тебриза (октябрь 1827 г.) Аббас-мирза стал считать, что война проиграна и запросил свидания с Паскевичем. Паскевич требовал уплаты 15 куруров туманов (30 млн. руб. сер.) контрибуции. Аббас-мирза отказался платить контрибуцию, сославшись на отсутствие денег.

Паскевич послал дипломатического чиновника Обрезкова договориться с каем-макамом о мире, выдвинув следующие условия: уступка Ереванского и Нахичеванского ханств, возвращение занятого персами Талышского ханства; денежное вознаграждение за понесенные военные расходы в размере 15 куруров туманов; вывод русских войск из Иранского Азербайджана после выплаты всей контрибуции, в случае неуплаты Иранский Азербайджан будет

объявлен независимым ханством. Аббас-мирза принял все условия Паскевича.

Николай I не согласился с предложением Паскевича присоединить Иранский Азербайджан к России или организовать там «независимое» ханство: «Я при самой крайней необходимости предпочитаю устройство независимых ханств в Азербайджане присоединению оною к России: ибо сею мерой подадим справедливую причину думать, что стремимся водворить со временем исключительно наше владычество в Азии, и тем самым охладим искренние и дружественные связи наши с первенствующими державами в Европе»¹²⁰.

Для ведения переговоров и заключения мира было объявлено перемирие до 10 декабря 1827 г. Шах согласился уплатить первые 2,5 млн. туманов, но попросил уменьшить остальную сумму и отсрочить платежи. Переговоры затягивались. В начале декабря ванский паша сообщил Аббасу о начале новой турецко-русской войны и предложил прислать ему на помощь тысячу турецких солдат. Аббас-мирза ответил, что уже поздно, так как он уже подписал предварительные условия мира с Россией. Чтобы заставить Иран быстрее подписать мирный договор, Паскевич должен был начать новое наступление. Но он этого сделать не мог: не было денег, войска устали, не было транспортных средств, кормов для скота не хватало, ощущался недостаток в артиллерийских снарядах. И тем не менее Паскевич пригрозил возобновлением военных действий. Тогда Аббас-мирза подписал все статьи договора. Оставалось послать договор на ратификацию шаху. Паскевич поставил заключение мира в зависимость от получения денег: «Со всякою другою державою сперва заключают мирный договор, а потом приступают к его исполнению, здесь наоборот»¹²¹.

В это время в Иране распространились слухи о русско-турецкой войне. Настроение в Иране поднялось — опять появилась надежда договориться с турками о совместном выступлении против России и отказаться от выплаты денег. Шах поручил командование армией Хасан-Али-мирзе, вернувшемуся из Хорасана, и пообещал назначить его правителем Иранского Азербайджана, если Аббас-мирза не заплатит все деньги сам. Часть придворных была за заключение мира с Россией, другая — поддерживала Хасан-Али-мирзу и готова была продолжать войну. Английский поверенный в делах Мак-Нил, учитывая безнадежность и даже опасность продолжения войны для существования каджарской династии, настаивал на немедленной уплате денег.

Срок перемирия истек. И. Ф. Паскевич, считая, что войска уже достаточно отдохнули, фураж и деньги получены, возобновил военные действия. Он предполагал, что продвижение русских войск к Казвину сделает иранское правительство более сговорчивым. Было объявлено, что если шахское правительство через две недели не выполнит предварительные условия для заключения мира, то русские войска займут весь Иранский Азербайджан, включая Ардебиль, Марагу и Урмию¹²². В январе 1828 г. русская армия возоб-

новила наступление. Вскоре были заняты Урмия, Ардебиль и Миане. Иран не мог больше медлить с заключением мира. Шах соглашался на все условия, предложенные Паскевичем.

Возобновившиеся переговоры в Туркманчае быстро закончились подписанием мирного договора.

По Туркманчайскому трактату¹²³ к России переходили Нахичеванское и Ереванское ханства, подтверждалась власть над ранее присоединенными территориями; устанавливалась точная граница в Талышском ханстве, подтверждалось исключительное право России иметь военный флот на Каспийском море; Иран обязался уплатить 10 куруров туманов (20 млн. руб. сер.) контрибуции; Аббас-мирза признавался наследником иранского престола; Иран должен был вернуть в Россию всех военнопленных и дезертиров; Россия получала некоторые преимущества для своих купцов, торговавших в Иране, и право открытия консульств; оговаривалось «прощение» всем жителям Иранского Азербайджана, которые помогали русским войскам во время его оккупации; был гарантирован свободный переход жителей из Ирана в Россию и наоборот в течение года.

Дополнительный акт — «Трактат, заключенный с Персией, о торговле Российских и Персидских подданных», состоявший из 8 статей, развивал основные положения ст. 10 Туркманчайского трактата: русским купцам разрешалось свободно торговать по всему Ирану, вести транзитную торговлю через Иран; аналогичные права признавались и за персидскими купцами в России. Устанавливалась 5%-ная пошлина, отменялись внутренние таможенные сборы; русским подданным предоставлялось право арендовать и покупать жилые помещения и склады для товаров, устанавливалась экстерриториальность русских подданных в Иране. Россия получила право консульской юрисдикции на территории Ирана. Туркманчайский договор явился основой для дальнейшего развития русско-иранских отношений; он положил конец ирано-русским войнам. На основе торгового договора стали успешно развиваться экономические связи между двумя государствами. Но эти результаты Туркманчайского мира стали видны позднее. Известие же о подписании «унизительного для достоинства шаха» мира ошеломило Иран.

Военно-политический и экономический ущерб, нанесенный Ирану второй войной с Россией, был огромен. Туркманчайский договор лишил Иран права притязать на кавказские ханства, наложил на него бремя выплаты огромной контрибуции. Все слои населения в той или иной степени пострадали от войны. Для выплаты контрибуции было объявлено о введении новых налогов. Население роптало. Оснований для недовольства в Иране было более чем достаточно. Шах вынужден был раскошелиться, авторитет Аббас-мирзы как военачальника упал — его обвиняли в проигрыше войны, он потерял значительные средства из-за перехода части подвластных ему земель к России и выплаты контрибуции; лишились земель многие ханы, а чиновники — тиулей, сократились доходы духовен-

ства, ограничивались возможности иранской армии поживиться за счет грабежа; нарушились традиционные связи купцов Центрального и Северного Ирана с Закавказьем, усилилось налоговое обложение крестьянства. Народное недовольство было направлено как против Аббас-мирзы, начавшего и проигравшего войну, так и против России, лишившей Иран возможности эксплуатировать народы Закавказья и заставившей иранское население выплачивать большую контрибуцию. В такой ситуации возбудить всеобщую ненависть к победителям-русским не представляло большого труда.

В апреле 1828 г. русским полномочным министром в Иран был назначен А. С. Грибоедов, а генеральным консулом в Тебриз — А. К. Амбургер. Миссия Грибоедова была не из легких. Несмотря на подписание мирного договора, отношения между Ираном и Россией продолжали оставаться напряженными. Русской миссии предстояло «упрочить мирные сношения», добиться нейтралитета Ирана в русско-турецкой войне, взыскать контрибуцию, покровительствовать персидским подданным, служившим России во время войны, урегулировать все спорные пограничные вопросы, поддерживать хорошие отношения с англичанами, заботиться о развитии русской торговли в Иране¹²⁴. А. С. Грибоедов не мог ожидать поддержки ни от иранских властей, ни от англичан. Но в Тебризе стало намечаться установление дружественных отношений с Аббас-мирзой.

После начала русско-турецкой войны иранское правительство изменило свою позицию. Правда, оно не очень рассчитывало на успехи турок. Аббас-мирза неоднократно запрашивал мнение правительства России относительно возможного вступления Ирана в войну против Турции. Вполне определенно точка зрения петербургского двора изложена в письме канцлера В. К. Нессельроде А. С. Грибоедову. Нессельроде предлагал ответить Аббасу: «Будем с удовольствием взирать на его победы в Турции и приобретения» — и что это сейчас сделать легче, поскольку силы Турции отвлечены на войну с Россией. «Но это и все, что может Аббас-мирза ожидать от нас». Война России с Турцией, писал канцлер, не имеет целью территориальные приобретения. Турция должна обеспечить свободное мореплавание и торговлю из черноморских портов России, выполнять заключенные договоры и компенсировать военные расходы. Если Порта удовлетворит эти требования, то война сразу же будет закончена. Иран, начав войну, может оказаться в затруднительном положении. Если Аббас-мирза этого не боится, то пусть начинает войну, но не сердится на Россию, если останется один на один с Турцией¹²⁵. Впоследствии Нессельроде еще более категорично высказался против вступления Ирана в войну с Турцией, так как Иран только что потерпел поражение в войне с Россией и разорен. Шах и Аббас-мирза в собственных же интересах должны соблюдать строжайший нейтралитет и не интриговать с турками против России.

Аббас-мирза просил побыстрее вывести русские войска из Иранского Азербайджана, говоря, что иначе он не сможет вы-

платить полагающуюся с него контрибуцию. И. Ф. Паскевич согласился вывести войска при условии уплаты 7 куруров туманов, т. е. 14 млн. руб. сер. Аббас-мирза послал 6 куруров туманов, полкурура обещал заплатить английский посланник Макдональд, выдав векселя на Ост-Индскую компанию, а в обеспечение остальных денег предполагалось сохранить временную оккупацию Хоя и Урмии, часть христианского населения которых выразила желание переселиться в Россию. Аббас-мирза стремился побыстрее выплатить контрибуцию. В апреле 1828 г. Мохаммад-Тагир-хан внес 300 тыс. туманов золотом за освобождение Хоя. Под обеспечение невыплаченной части 8-го курура были собраны золотые вещи в тебризской крепости под поручительство английской и российской миссий. Жители некоторых городов и районов выражали желание перейти в подданство России, например г. Зенджана и провинции Хамсе. Аббас-мирза должен был с этим считаться и поэтому спешил вернуть себе все территории. Он даже уплатил шаху 100 тыс. туманов, а его жене Тадж-од-Доуле и министрам 50 тыс., чтобы Хамсе была возвращена ему¹²⁶.

Несмотря на то что иранские власти обещали простить всех, помогавших русским оккупационным войскам, после вывода русских войск в Иранском Азербайджане начались преследования. Многие пострадали — были арестованы и брошены в тюрьмы, разорены, побиты камнями на улице и т. п. Аббас-мирза хотел захватить себе земли и арыки, принадлежавшие тебризскому моджтехиду Мир-Фаттаху, стороннику ориентации на Россию¹²⁷. Иранцы отказывались также отпустить русских военнопленных, которые находились на положении рабов. Так, каджарский принц, правитель Казвина, обменял 12 военнопленных на лошадей у туркмен¹²⁸. Аббас-мирза отдал распоряжение, чтобы оказывали помощь капитану М. Коцебу, приехавшему в Иран разыскивать русских военнопленных. Описание поездки Коцебу в Иран и архивные документы свидетельствуют о том, что иранские власти и отдельные жители мешали Коцебу найти военнопленных, прятали их, отсылали в другие города и т. п.

Положение российского посланника в Иране А. С. Грибоедова было чрезвычайно тяжелым. Он должен был требовать неукоснительного соблюдения всех статей Туркманчайского договора. Наиболее острыми были вопросы уплаты контрибуции, отношения к христианскому населению Ирана и возвращения военнопленных и угнанных в Иран подданных России. Противники России объединились вокруг садр-азама Аллаяр-хана и наиболее воинственно настроенных шиитских улемов. Англичанам был выгоден рост антирусских настроений. По всей стране шла ожесточенная антирусская пропаганда, так как удобнее всего было обвинить во всех бедах Ирана иностранную державу и направить народный гнев именно в это русло. Это имело трагические последствия для российской миссии.

Грибоедову трудно было добиваться выполнения условий Туркманчайского договора. Положение усугублялось тем, что у тебриз-

ских чиновников не было единства взглядов относительно ближайшего будущего ирано-русских отношений. Только поездка в Тегеран, переговоры с шахом и высшими сановниками шахского двора могли привести к выполнению Туркманчайского договора. В Тегеране Грибоедов получил от шаха фирман на имя правителя Гиляна Яхья-мирзы, запрещающий притеснять русских промышленников, а также фирман о возврате русских пленных; была достигнута некоторая договоренность о выплате контрибуции.

После прощальной аудиенции у шаха русская миссия готовилась выехать в Тебриз. Но тут к покровительству русской миссии, на основании Туркманчайского договора, прибегнул евнух шахского гарема, казначей и главный хранитель драгоценных камней шаха армянин мирза Якуб Маркарьян, намеревавшийся возвратиться на родину — в Ереван. Шах возмущился: мирза Якуб мог рассказать Грибоедову о состоянии финансов Ирана, разгласить многие придворные тайны. Он потребовал выдать мирзу Якуба. Грибоедов отказался. Тогда Якуба обвинили в том, что он обворовал шахскую казну. Дело было передано в духовный суд, а затем высшим чиновникам Ирана, которые откладывали рассмотрение дела со дня на день. Недовольство твердым поведением русского посланника, защищавшего интересы лиц, желавших переселиться в Россию, еще больше возросло, когда в русскую миссию пришли две армянки из гарема Аллаяр-хана Каджара, ненавидевшего Россию и желавшего отомстить русским за перенесенные оскорбления.

Шах, по существу, санкционировал «изыскание средств к обузданию этого неукротимого человека», т. е. Грибоедова. А министр иностранных дел Ирана мирза Абд-оль-Хасан-хан, периодически получавший от англичан деньги, подал идею «образовать род возмущения»¹²⁹. Грибоедов знал о готовящемся против миссии выступлении и, не чувствуя себя в безопасности, за день до разгрома миссии подготовил ноту с просьбой разрешить ему покинуть Тегеран. Но эта нота так и осталась неотправленной. Умело подогрев фанатизм тегеранских мелких торговцев и ремесленников и деклассированных элементов, выдав фетву-разрешение на уничтожение российской миссии, люди Аллаяр-хана и шиитское духовенство организовали разгром российской миссии и убийство ее персонала во главе с А. С. Грибоедовым. Шах был предупрежден о готовящемся разгроме, но охрана явилась, когда миссия уже была разгромлена.

30 января/11 февраля 1829 г. фанатичная толпа по призыву моджтехида мирзы Масиха (Моси) напала на русское посольство. Погибли все члены миссии, кроме первого секретаря И. С. Мальцева и двух курьеров, дом был разграблен и разрушен. Русские были убиты и во дворе британской миссии, их имущество было разграблено, в то время как имущество англичан осталось в полной сохранности. Это лишний раз подтверждает мысль о небезучастности английских дипломатов. Когда миссия была разгромлена, был зачитан шахский фирман, повелевавший народу «под опасе-

нием шахского гнева удалиться спокойно из дома и воздержаться от всякого бесчинства»¹³⁰.

Отношения между Ираном и Россией в конце XVIII — первой трети XIX в. — самый трудный период в истории дипломатических отношений между двумя странами. На Кавказе и в Закаспии столкнулись интересы двух государств — феодального Ирана, рассчитывавшего на возможность проведения традиционной политики времен Сефевидов и Надир-шаха в этом регионе, и крепнущей, экономической и политически более развитой России, устремившейся на Восток в поисках рынков сырья и сбыта товаров нарождавшейся капиталистической промышленности. Этот период ознаменовался острой политической борьбой в ханствах Закавказья, военными походами Ага-Мохаммад-хана в Грузию и Валериана Зубова в Иран, двумя ирано-русскими войнами, разгромом русского консульства в Энзели в 1793 г. и трагедией российской миссии в Тегране 1829 г., гибелью российских и иранских солдат, разорением и гибелью жителей Грузии, Армении, Азербайджана и Закаспия, разорительной для Ирана контрибуцией, падением политического престижа Ирана.

Трагедия в Тегране заставила и Иран, и Россию иначе подойти к дальнейшему развитию ирано-русских отношений, начать пересматривать основы своей политики.

После гибели российской миссии в феврале 1829 г. шах, не считывая на мирное урегулирование «происшествия» (так это трагическое событие чаще всего называлось в дипломатической переписке), стал сторонником выступления Ирана на стороне Турции против России. Иран срочно стал вести военные приготовления. По совету англичан Фатх-Али-шах приказал Аббас-мирзе раздать своим солдатам деньги, собранные для уплаты контрибуции России, и быть готовым вести войну. Турки подбивали Иран на вступление в войну. Султан рассчитывал на поддержку Ирана. Он обещал шаху компенсировать восьмой курур в случае вступления Ирана в войну (апрель 1829 г.). В это же время посланник бухарского хана предлагал Аббас-мирзе выслать из Ирана всех русских¹³¹. Англичане для войны против России совместно с Турцией обещали шаху деньги и оружие. Но более реалистически мыслящий Аббас-мирза выступил против предложенных планов. Да и шах, учитывая ослабление Ирана после войны, готов был принести любые извинения, лишь бы замять «неприятный инцидент». До войны дело не дошло.

Еще в марте 1829 г. Аббас-мирза говорил единственному оставшемуся в живых члену российской миссии И. С. Мальцеву, что он хотел бы начать войну с Турцией. Вполне допустимо, что это был дипломатический маневр, один из способов выйти из создавшегося положения в связи с убийством Грибоедова и разгромом российской миссии. Но Аббас-мирза несомненно рассчитывал и на то, что территориальные приобретения в Османской империи в результате войны помогут ему возместить денежные и территориальные потери, понесенные из-за неудачной для него войны

с Россией, и поднять свой пошатнувшийся авторитет военачальника и государственного деятеля. Он надеялся на поддержку России, поскольку в одном из писем И. Ф. Паскевич обещал ему оружие в случае войны с Турцией. У Аббас-мирзы было 30 пушек и мало ружей, но довольно многочисленная конница. Паскевич вскоре передал Аббас-мирзе пушки из крепости Аббасабад. Англичане также прислали ему в подарок 5 тыс. ружей и 7 пушек. Аббас-мирза испытывал большую нужду в денежных средствах. Шах послал ему в Тебриз немного денег. Аббас выжидал: если Турция будет одерживать победы, то он сможет вступить в войну на ее стороне.

Большое значение имело письмо И. Ф. Паскевича Аббас-мирзе, в котором он настоятельно требовал немедленно послать посольство к Николаю I «для испрошения от него забвения случившегося, не употребляйте во зло терпение Российского Императора... Великодушие его неистоимо, но в нынешних обстоятельствах нарушение прав так велико, что должны ожидать больших бедствий для Персии, если скорым и гласным удовлетворением не остановит Его справедливого негодования. Одно слово моего Государя и я в Азербайджане, за Кафланку, и может статья, не пройдет года — и династия Каджаров уничтожится: не полагайтесь на обещания англичан и уверения турок. Султан в самом затруднительном положении... Примите благой и дружественный совет, не заставьте Россию поднять оружие против Персии, не забудьте слов из моего прошлого письма: „С Турцией Россия не может делать все, чего желает, ибо держава сия нужна необходимо для поддержания равновесия политической системы Европы. Персия нужна только для выгод Ост-Индской купеческой компании, и Европе равнодушно, кто управляет сим краем. Все Ваше политическое существование в руках Ваших; вся надежда Ваша в России: она одна может вас свергнуть, она одна может Вас поддержать”»¹³².

В этом письме была реальная оценка позиции разных держав и тяжелого положения Ирана после спровоцированного разгрома российской миссии. Россия предлагала мирное урегулирование конфликта прежде всего в интересах самого же Ирана. Учитывалось и положение наследника в стране: он был обвинен в бездарном ведении войны с Россией, а затем и в дружественных отношениях с ней. Его соперники и противники были ярыми сторонниками возобновления войны с Россией в союзе с Турцией. Аббас-мирза стал склоняться к мысли, что он сможет остаться наследником и впоследствии получить иранский трон только при поддержке России. Войска Аббас-мирзы были сконцентрированы в Мараге и могли быть использованы как против Турции, так и против России. Иранские власти, в том числе и Аббас-мирза, поддерживали постоянную связь с пограничными турецкими властями. Некоторые курдские племена Ирана выражали желание воевать против России.

Победа русских войск над турецкими прекратила колебания шахского правительства. Да и английский посланник Макдональд стал настаивать на быстрой отправке «извинительного посоль-

ства». Предполагалось, что это посольство будет возглавлять Мохаммад-мирза, старший сын Аббас-мирзы, однако шах изменил решение и послал во главе посольства в Петербург Хосров-мирзу — младшего сына Аббас-мирзы. Шах обещал султану ходатайствовать за него в Петербурге и способствовать заключению русско-турецкого мира. Был наказан Аллаяр-хан, сторонник продолжения войны с Россией, — бит палками по пяткам и смещен с поста садр-азама. Правда, вскоре шах в знак перемирия подарил ему халат и назначил оберцеремониймейстером.

Фатх-Али-шах 6 апреля 1829 г. обратился к И. Ф. Паскевичу с письмом, взывая к его зрелому уму и чистой совести и прося найти «меры к отвращению последствий бедствия, внезапно постигшего наше отечество... С того дня, как случилось в Тегеране известное печальное происшествие, недавно только сердце наше от сей мысли успокоилось. Вина и несообразность сего внезапного дела очевидны»¹³³. По словам Аббас-мирзы, все жители Ирана боятся мести России за убийство А. С. Грибоедова¹³⁴.

Посольство Хосров-мирзы в Петербург было послано, по существу, по инициативе России, чтобы дипломатическим путем урегулировать чрезвычайное происшествие, которое вполне реально и законно могло стать поводом для новой войны с Ираном. Русское правительство и местные кавказские власти прекрасно понимали, что шах и иранские власти виноваты в разгроме российской миссии. Но эта проблема рассматривалась иначе: что в данный момент важнее — из-за престижных соображений начать войну или сохранить только что с таким трудом установившийся мир между двумя государствами, свалив вину за «происшествие» на погибшего А. С. Грибоедова. Архивы и опубликованные материалы хорошо показывают, как родилась идея обвинения Грибоедова в случившемся и как царское правительство стремилось побыстрее ликвидировать критическую ситуацию, удовлетворившись посольством незначительного принца и формальными извинениями шаха. Николай I, в расчеты которого не входило возобновление войны с Ираном, склонен был принять официальную иранскую версию о разгроме русской миссии, возложив вину на нелюбимого им поэта: «происшествие должно приписать опрометчивым порывам усердия покойного Грибоедова, не соображавшего поведение свое с грубыми обычаями и понятиями черни тегеранской».

«Извинения» Ирана были приняты. В ирано-русских отношениях начинался новый этап. В Иран был послан новый посланник кн. Долгорукий. Русское правительство отсрочило выплату очередных взносов контрибуции. Началось пограничное урегулирование. Положительно были разрешены вопросы о пребывании некоторых закавказских ханов в Иране или в России. Договорились о переходе некоторых кочевых племен с одной территории на другую и о переселении отдельных семейств мусульман, армян и ассирийцев из Ирана в пределы Российской империи, и наоборот. Успешнее стали развиваться ирано-русские торговые связи.

Но положение Ирана продолжало оставаться крайне тяжелым.

Сжатая и четкая характеристика состояния Ирана в 1831 г. дана поручиком бароном Ашем, посланным в эту страну в качестве сопровождающего армию Аббас-мирзы: «Персия находится в самом обессиленном и расстроеном состоянии: холера, а потом чума два года уже опустошают ее; слабое управление удрученного летями шаха, несогласие между сыновьями его, голод в южных провинциях и всеобщее притеснение, делаемое жителям, непрерывными и произвольными денежными поборами, довершают разорение Персии»¹³⁵.

Шах и наследник искали пути и способы выйти из критического состояния. Они видели два пути: подчинение вышедших из повиновения принцев-правителей различных вилайетов и изъятие у них значительных средств или завоевание соседних территорий — Афганистана, Средней Азии или Турции. Оба они были испробованы.

После урегулирования отношений с Россией Аббас-мирза стал собираться в Хорасан, чтобы усмирить его взбунтовавшееся население. Через Россию транзитом в Иран было доставлено закупленное в Англии оружие. Россия предоставила Аббас-мирзе порох и артиллерийские снаряды. Аббас-мирза с войском сначала направился в восставший Йезд и покорил его. Англичане запретили своим офицерам участвовать в походах Аббаса, ссылаясь на то, что в соответствии с договором английские офицеры, находившиеся на иранской службе, не имели права участвовать в династических распрях, а во всех провинциях, куда направлялся Аббас-мирза, надо было сместить правителей-шахзаде. После Йезда Аббас-мирза усмирил Керман, где собрал полкурура, и направился в Исфахан. По приказу шаха из Кермана в Тегеран доставили Хасан-Али-мирзу, которого ненавидело население этого города. Для успешного покорения Хорасана, однако, у него не было достаточного количества войска, и шах отговаривал его от этого похода. Поход отложили, но шах назначил Аббаса правителем Хорасана. Шах передал в руки Аббаса управление большей частью страны.

Аббас-мирза во главе 10-тысячной боеспособной армии представлял реальную силу (он разбил войска Мохаммад-Таги-мирзы) и, являясь первым лицом после шаха в стране, добился примирения враждовавших братьев — Мохаммад-Хосейн-мирзы, Мохаммад-Таги-мирзы и Шейх-Али-мирзы. Аббас послал в Карадаг деньги, чтобы завербовать солдат в свою армию для похода в Хорасан.

Во время войны Ирана с Россией в 1826—1828 гг. против Каджаров встали многие хорасанские феодалы, надеясь на поддержку афганцев и хивинского хана Алла-Кули-хана (1825—1842). Власть Каджаров отказались признать правители пограничных с Афганистаном городов — Келата, Дерегеза, Хабушана, Торбете-Хейдарие, Серакса и др. Войска хорасанского губернатора Хасан-Али-мирзы оказалось недостаточно для подавления восставших и отражения наступления гератцев на г. Хаф (Руй) в 1827 г.

В октябре 1830 г. войска Аббас-мирзы вступили в Хорасан. Из Сабзеvara с 4 батальонами и 6 легкими пушками он двинулся в Кучан, чтобы покорить Реза-Кули-хана, но не смог взять даже

селение Султан-Майдан, которое охраняли 200 стрелков и население, и отступил к Нишапуру. Каем-макам Абу-ль-Касем Фарахани, сопровождавший войска, пытался дипломатическим путем урегулировать отношения между соперничавшими каджарскими принцами и договориться с отдельными ханами о лояльном отношении к тегеранскому правительству; он договорился и с кучанским ханом об уступке спорных селений. Перезимовал Аббас-мирза в Мешхеде: ни один из взбунтовавшихся ханов не явился к нему. Реза-Кули-хан не стал конфликтовать с валиахдом: он прислал к Аббасу аманатов (заложников), в том числе своего старшего сына, и возместил ему расходы на поход. Вначале Аббас угрожал хорасанским ханам, туркменам, узбекам и афганцам своей и русской армией. Когда его поход не дал ожидаемых результатов, он стал распространять слух о том, что поход предпринят по предложению России, чтобы укрепиться поближе к границам Индии (Аббас-мирза великолепно знал, как вызвать нужную реакцию англичан).

В апреле 1832 г. сопровождавший войско Аббаса поручик Аш был принят шахом. Шах, по договоренности с Аббас-мирзой, как доносил в рапорте Аш, сказал, что хорасанская экспедиция Аббас-мирзы предпринята «единственно по желанию и приказанию Государя Императора, и поэтому неужели русские оставят Аббаса без помощи? Я беру половину его издержек на себя — вторую пускай берет царь: припасы легко доставить в Астрабад по Каспию. Хорасан всегда повиновался». Шах приказал Ашу записать эти слова и довести до сведения Николая I. Таким образом, шах и наследник пытались разрешить внутренние проблемы государства ссылками на несуществовавшие приказы и пожелания российского императора. С другой стороны, Аббас-мирза обратился к И. Ф. Паскевичу с просьбой «положить конец нападениям, опустошающим Хорасан»¹³⁶. Такая беспоследовательность шаха и наследника говорила об известном кризисе правления Каджаров, их растерянности и неспособности в эти годы самостоятельно управлять государством.

В течение 1831—1832 гг. Аббас-мирза овладел многими крепостями и городами Хорасана. Власть Каджаров признали правители Амирабада, Торбете-Хейдарие, Торшиза, Келата, Дерегеза, Кучана и других городов. Несмотря на изъявление покорности жителями Серахса (Туркменская степь) и возвращение ими трех тысяч плененных персов, Аббас-мирза разграбил и разрушил город. Уничтожение пограничных городов и крепостей, которые считались входившими в состав иранского государства, не смущало каджарских правителей, хотя это и приводило к ослаблению охраны северо-восточных границ от разорительных набегов хивинцев, бухарцев и туркмен. Аббас-мирза потребовал признания своей власти и выплаты дани не только туркменскими племенами и восставшими хорасанскими ханами Тебеса, Каина, Лаша и других городов, но и правителем Герата — Камран-мирзой, которого каджарский наследный принц считал причастным к восстанию хорасанских

феодалов. Он приказал, чтобы гератский гарнизон оставил г. Хаф. Непокорные ханы были отправлены в Иранский Азербайджан.

Английская миссия в Иране относилась к походу Аббас-мирзы в Хорасан крайне настороженно и неодобрительно. Англичане усматривали в нем угрозу Индии, поскольку после Туркманчая намечилось известное ирано-русское сближение. По словам русского посланника И. О. Симонича, «пока принц занимался усмирением мятежей в Хорасане, англичане делали хорошую мину при плохой игре, довольствуясь тем, что время от времени возобновляли перед принцем свои притязания (вернее, советы вновь попытаться захватить Карабах и Грузию, пока силы России отвлечены в Польше. — Н. К.) и плели интриги при дворе. Но когда Наибос-Салтане после взятия Серахса захотел двинуться на Герат, они предприняли более эффективные меры»¹³⁷. В войско наследника срочно был направлен Мак-Нил, бывший тогда секретарем представителя Ост-Индской компании в Иране. В Торшизе он догнал армию наследника, командование которой было поручено английским офицерам. В войсках началось спровоцированное волнение, поводом для которого послужила задержка выплаты жалованья солдатам. Войска пришлось распустить.

В это время Гератом управлял совместно с Камран-мирзой старый союзник Каджаров — изгнанный из Кабула экс-шах Махмуд Дуррани. Отношения Махмуда с Каджарами были дружественными, он посылал им подарки, между Тегераном и Гератом поддерживались тесные связи. Камран-мирза был вынужден лавировать между Ираном и Афганистаном, но, опасаясь афганских Баракзаев, он признал вассальную зависимость от Каджаров и обязался посылать иранскому шаху ежегодную дань¹³⁸. В известной степени этот вассалитет охранял независимость Герата от притязаний баракзайских правителей Афганистана. Зная о намерении Каджаров присоединить Гератское ханство к Ирану, он рассчитывал на сохранение в нем власти в качестве наследственного правителя. В случае же поглощения Гератского ханства Баракзаями, он лишился бы не только владений, но и головы.

Камран-мирза внимательно наблюдал за действиями Аббас-мирзы в Хорасане. В Мешхеде долгое время находился Шахрох-мирза, сын бывшего правителя Герата Фируз-ад-Дина. Мешхедские власти поддерживали в нем надежду на отвоевание Герата. После смерти Махмуда Дуррани Камран стал единовластным правителем этого ханства. Узнав о предстоящем походе Аббас-мирзы на Герат, он направил своего посла Ага-Нияза к Алла-Кули-хану с просьбой о военной помощи для борьбы против Каджаров. В 1833 г. Алла-Кули-хан послал в Герат отряд туркмен-салоров, а позднее, в 1837 г., — отряд туркмен-гокланов¹³⁹. В начале 1833 г. Камран-мирза решил восстановить мирные отношения с Каджарами. Он направил в Мешхед своего везира Яр-Мохаммад-хана, с которым, вероятно, англичане очень рано установили тесные связи. Парламентар был посажен в тюрьму якобы за то, что поощрял набеги подвластных Герату племен на иранские земли,

разрешал продавать и сам продавал в Герате уведенных в плен персов¹⁴⁰.

Готовясь к походу на Герат, Аббас-мирза прибыл в Тегеран, чтобы получить разрешение шаха на поход и денежную помощь, а также понаблюдать за подготовкой армии к походу. Состояние здоровья Аббас-мирзы было очень плохим: предсказывали, что он не проживет и трех месяцев. В Мешхеде он слег, поручив сыну Мохаммад-мирзе и каем-макаму начать осаду Герата. В армии находился еще один сын Аббас-мирзы — Кахраман-мирза. 21 октября 1833 г. Аббас-мирза скончался.

После получения известия о смерти Аббас-мирзы осаждавшая Герат армия начала разбегаться. Мохаммад-мирза и каем-макам сняли осаду города и отвели войска в Мешхед. Мохаммад-мирза освободил из тюрьмы Яр-Мохаммад-хана и поспешил заключить соглашение с Камран-мирзой. Последний обязался снести крепость Гуриан, вернуть свободу некоторым пленным персам, выплачивать шаху ежегодную дань в размере 6 тыс. туманов. Он обещал также не допускать опустошительных набегов афганцев и других зависящих от него племен на владения иранского шаха¹⁴¹.

Начавшаяся после смерти Аббас-мирзы и Фатх-Али-шаха (1834) борьба за власть отразилась на положении в пограничных восточных провинциях. Мохаммад-мирза, направляясь из Хорасана в Тегеран, оставил в качестве правителя Хорасана Кахраман-мирзу, передав ему часть войск. Однако этих сил было явно недостаточно, чтобы держать в повиновении провинцию. Сторонники Хасан-Али-мирзы, который во главе с армией, набранной в Фарсе и Кермане, шел на Тегеран, подняли мятеж в Хорасане. В провинции начались разбои и повсеместный грабеж. Тегеран очень опасался, как бы восставшие не захватили Мешхед. В Хорасан был направлен отряд под командованием Аллаяр-хана Асеф-од-Доуле, которому было поручено управление этой провинцией. В это время Кахраман-мирза с помощью мирзы Масуда, ставшего вскоре министром иностранных дел, и поляка Боровского сумел собрать войско и разбить отряд наступавших на Хорасан узбеков и восставших туркмен во главе с Наджаф-Али-ханом. Но результатом этих побед воспользовался новый хорасанский правитель Аллаяр-хан. Он отправился в Тегеран с наиболее влиятельными хорасанскими ханами, в том числе и с Наджаф-Али-ханом, которые изъявили шаху свою покорность и просили простить им антишахские выступления. Аллаяр-хан надеялся вернуть себе должность садразама. Но Мохаммад-шах назначил садразамом своего воспитателя — хаджи мирзу Агаси. Асеф-од-Доуле был отправлен в почетную ссылку в Хорасан.

Начатый в 1836 г. Мохаммад-шахом поход против туркмен был широко разрекламирован как начало завоевания Герата. Войска дошли до Фирузкуха, а в конце августа начали готовиться к походу на Калепуш, где находился Феридун-мирза Каджар со своим отрядом и артиллерией. Вскоре Феридун-мирза взял крепость Кара-кала на Атреке и захватил большое количество скота у турк-

мен-иомудов. На этом поход был закончен: шах отправился в Герган, затем в Шахруд и Тегеран. Но покорение туркмен произвело впечатление на восточных соседей Ирана.

В Калепуш прибыл посол правителя Кабула эмира Дост-Мохаммада. Отношения Дост-Мохаммада с Камран-мирзой, правителем Гератского ханства, были враждебными, поэтому посол был направлен через Бухарское ханство. Дост-Мохаммад признавал за Мохаммад-шахом право сюзерена и просил у него денег для борьбы с неверными (англичанами), которые отовсюду теснили правоверных мусульман. В высокопарном ответе Мохаммад-шаха сообщалось, что он сам придет освободить Афганистан от неверных. Таким образом, на шахские деньги Дост-Мохаммад рассчитывать не мог¹⁴².

Таковы были отношения между Ираном и Афганистаном в начале 30-х годов XIX в. От своих претензий на Гератское ханство, а также на некоторые территории в Хорасане, Систане и Белуджистане не отказывались ни Каджары, ни захватившие власть в Афганистане баракзайские ханы. Но со второй половины 30-х годов начинается новый этап в их отношениях, который характеризуется более активным вмешательством европейских держав в ирано-афганские отношения, даже с применением военной силы.

Ирано-афганские отношения не ограничивались военно-политическими контактами. Большое значение для обеих стран имели торгово-экономические, культурные и религиозные связи. В результате длительного совместного проживания различных народов и их религиозной общности в этом регионе возник удивительный симбиоз культур, традиций, быта при более или менее одинаковом уровне социально-экономического развития. Несмотря на тюркско-иранские и суннитско-шиитские противоречия, народы и племена различного этнического происхождения жили совместно, иногда очень компактно, квартал к кварталу, дом к дому. Многие говорили на двух-трех языках, читали и почитали одних и тех же поэтов, придерживались в принципе близких политических взглядов, считали одних и тех же падишахов древности своими правителями. Иран и Афганистан были очень тесно связаны по линии родственных отношений. Широко использовались в политических целях браки, возможности для которых были необычайно широки, если учитывать многоженство, огромные гаремы, а также наличие большого количества детей и ближайших родственников у правящих монархов. Кроме того, из одной страны в другую постоянно переселялось много знатных семейств, бежавших от притеснений в своей стране и надеявшихся найти хороший прием при дворе правителя соседнего государства. Такое переселение было характерным не только для Ирана и Афганистана, но и для среднеазиатских ханств, Индии, Османской империи, даже России.

В Иране находили приют и убежище многие афганцы; в Афганистан много раз были вынуждены бежать Афшары; в Бухаре добровольно или поневоле жили ханы из Мерва и других мест Хорасана, а также садозайские принцы, баракзайские ханы и другие,

в Иран бежали братья и племянники бухарского эмира и т. д. Во время правления в Бухаре Хайдара его брат Дин Насыр-бий, опасаясь казни, бежал с семейством в Мешхед, к правителю Хорасана Мохаммад-мирзе, который переправил его в Тегеран. Фатх-Алишах милостиво встретил бухарского беглеца, дал ему высокую должность, почетный титул и отправил на жительство в Мешхед. Впоследствии он принимал участие в иранских посольствах в Стамбул (1829) и в Петербург (1830). Иранское правительство поддерживало всех оппозиционно настроенных в отношении кабульского эмира лиц и предоставляло им политическое убежище. Из Герата в Иран переселилось несколько влиятельных и богатых семейств. В Мешхеде жил Мохаммад-Эйюб-хан, сын кабульского эмира. Иранский шах поселил его в хорошем доме и выплачивал ему 4 тыс. туманов ежегодной пенсии. В Тегеране жил Шах-Ноурузхан, сын Султан-Джана, а в Бирджане — внук гератского везира Яр-Мохаммад-хана.

Торговля Ирана с Афганистаном не прерывалась даже в периоды военных действий, а в мирное время по традиционным путям постоянно направлялись караваны из одной страны в другую, территории обоих государств использовались также для транзитной торговли.

Став шахом, Мохаммад Каджар начал подготовку к новому походу на Герат с учетом изменившейся обстановки в этом районе. Герат в это время приобрел особое значение в международных отношениях на Среднем Востоке.

С середины 20-х годов, после промышленного переворота, Англия стала быстро превращаться в «мастерскую мира». Увеличение производства товаров в связи с переходом к фабрично-заводской промышленности требовало расширения рынков сбыта. Английская дипломатия была призвана обеспечить интересы английской буржуазии, закрепить за ней обширный восточный рынок для сбыта товаров своей хлопчатобумажной и шерстяной промышленности. С отменой прав Ост-Индской компании (1833) Индия стала достоянием всей английской буржуазии. Началась борьба Англии за преобладание в соседних с Индией государствах. Обеспечив путем ряда соглашений безопасность дороги Трапезунд — Эрзерум — Тебриз, англичане стали наводнять своими ситцами Иран. Они выдвигали проекты создания компаний для овладения торговыми рынками Среднего Востока, строительства опорных пунктов в центре Азии, организации международных ярмарок на Среднем Востоке. Но разразившийся в 1836 г. кризис перепроизводства показал английской буржуазии, что предлагаемыми полумерами ограничиться нельзя. С этого времени начинается новый период активности английской политики на Среднем Востоке. Ирану в этой политике отводилось весьма заметное место.

В середине 30-х годов англо-русское соперничество на Среднем Востоке стало приобретать новые формы из-за усилившейся борьбы за рынки сбыта в этом регионе и столкновения интересов царской России и Англии. Именно об этом писали К. Маркс и Ф. Эн-

гельс, анализируя обстановку на Среднем Востоке в 50-х годах XIX в. в момент обострения «Гератского конфликта» и англо-иранской войны 1856—1857 гг., когда наметившаяся в 30-х годах английская политика в отношении Герата проявилась с особой ясностью и остротой.

Характеристика стратегического значения Герата, данная Ф. Энгельсом, оказалась настолько емкой и всеобъемлющей, что все советские исследователи постоянно цитируют его работу «Перспективы англо-персидской войны»: Герат «является стратегическим центром всей области, лежащей между Персидским заливом, Каспийским морем и рекой Яксартом на западе и севере и рекой Индом на востоке... Герат — это пункт, который в руках сильной державы может быть использован для господства и над Ираном и над Туркестаном, то есть и над Персией и над территориями по ту сторону Оксуса. Обладатель Герата в полной мере получает все преимущества центральной позиции, с которой можно предпринимать наступление по радиусам во всех направлениях с гораздо большей легкостью и большими шансами на успех, чем из какого-либо другого города Ирана или Туркестана»¹⁴³. Все это прекрасно понимали английские колониальные власти в Индии, исподволь готовя акции по захвату Афганистана¹⁴⁴. Именно поэтому Дост-Мохаммад обратился за поддержкой к России и Ирану¹⁴⁵. В Иран и в Петербург были направлены афганские послы. Сопровождавший их по России И. В. Виткевич должен был примирить афганских правителей — Дост-Мохаммада и Кохендиль-хана, «объяснить им необходимость пользования благосклонностью и покровительством Персии, ибо одни они раздельно никак не в силах устоять против общих врагов их», т. е. англичан, что Россия из-за расстояния не может оказать им помощи, но «всегда будет через посредство Персии оказывать дружеское за них заступление»¹⁴⁶.

По дороге в Герат И. В. Виткевич принял участие в переговорах иранских представителей с правителем Кандагара Кохендиль-ханом о союзе против гератского правителя Камран-мирзы, с везиром которого Яр-Мохаммадом к этому времени уже вступили в контакты англичане. Впоследствии, при посредничестве Виткевича, Дост-Мохаммад и Кохендиль-хан согласились заключить с Ираном дружественный договор, направленный против союзника англичан правителя Герата. Миссия А. Бернса, прибывшего в Кабул с требованием прекращения связей Кабула с Ираном и Россией и угрожавшего поддержкой нападения Ранджит Сингха на Афганистан, окончилась неудачей¹⁴⁷.

Борьба за Герат получила, вероятно, наиболее полное освещение в советской и зарубежной литературе (см. библиографию в работах П. П. Бушева, Н. А. Халфина, В. М. Массона и В. А. Ромодина). Национальные историки Ирана и Афганистана подходят к «гератскому вопросу» в основном с двух позиций, доказывая историческую принадлежность Гератского ханства Ирану или Афганистану и отмечая вмешательство Англии и России в ирано-афганскую борьбу за Гератское ханство. Западная историография,

начиная с 30—50-х годов прошлого века, рассматривала Герат прежде всего со стратегической и политической точек зрения с учетом политики своей страны на Среднем Востоке и в соответствии с этим поддерживала претензии Ирана или Афганистана, находя для них достаточные историко-культурные обоснования.

Гератскую кампанию 1837—1838 гг. следует рассматривать как пробу сил России и Англии на Среднем Востоке. Обороной Герата руководил английский офицер Генри Поттинджер; Камран-мирза получал материальную помощь от англичан. Английский посланник Мак-Нил объявил поход на Герат враждебным Великобританиям актом и покинул шахский лагерь, а оставшиеся при гератском войске английские офицеры Стодарт и д'Арси Тодд сообщали Поттинджеру обо всех иранских военных планах. Военным советником при иранском войске был И. Ф. Бларамберг. Из-за отсутствия четкого руководства в иранской армии, несогласованности действий, невыполнения военных планов и приказов осада Герата затянулась¹⁴⁸. Требование английского посланника о снятии осады Герата и заключении торгового договора, предоставлявшего купцам Великобритании права, аналогичные предоставленным подданным России по Туркманчайскому договору, было подкреплено военным захватом иранского о-ва Харк английскими моряками и разрывом дипломатических отношений Англии с Ираном в ноябре 1838 г. Мак-Нил покинул Тегеран, несмотря на то что еще 14 августа 1838 г. шах принял решение о снятии осады Герата и соглашался на предоставление англичанам торговых привилегий.

Для переговоров в Англию был послан Хосейн-хан. Ему был предъявлен ультиматум из 11 пунктов, главными из которых были освобождение крепости Гуриан и подписание торгового договора с Англией. Иран вынужден был принять эти условия. В 1841 г. дипломатические отношения с Англией были восстановлены. В январе 1842 г. англичане эвакуировались с о-ва Харк.

Во время англо-афганской войны английские войска захватили Кандагар (25 апреля 1839 г.), Кабул (7 августа) и вынудили Дост-Мохаммада отречься от престола. Англичане намеревались захватить и Герат, о чем существовала договоренность с шахом Шуджой. Но начавшееся массовое антианглийское выступление афганцев заставило их отказаться от своего намерения и ограничиться подписанием 13 августа 1839 г. «договора о дружбе» с правителем Герата Камран-мирзой¹⁴⁹. По этому договору англичане, по существу, получили право взять в свои руки оборону Герата и превратить его в свой опорный пункт (миссия д'Арси Тодда). Везир Герата Яр-Мохаммад-хан, не получив от англичан гарантий о признании за ним и его семьей наследственных прав на везирство и опасаясь захвата Гератского ханства англичанами, отказался подписать в январе 1841 г. дополнительный договор о вводе английского гарнизона в Герат, обратился за помощью к иранскому шаху и настоял на высылке миссии Тодда из Герата. Еще в 1840 г. Камран-мирза признал свою вассальную зависимость от шаха Ирана.

Вновь внимание к Герату было привлечено в середине 50-х годов, когда Англия, осуществляя свои экспансионистские планы на Среднем Востоке, вплотную подошла к завоеванию не только рынков Ирана, Афганистана и Средней Азии, но и к установлению своего политического господства или влияния над государствами этого региона (завоевание Индии было фактически закончено).

В 1851 г. умер Яр-Мохаммад-хан, управлявший Гератом с 1844 г. При его слабом преемнике Саид-Мохаммад-хане в ханстве началась борьба между иранской и афганской группировками. Правитель обращался за помощью то к Ирану, то к англичанам. Он подтвердил вассальную зависимость Герата от Ирана, согласился на назначение постоянного иранского советника и послал в Тегеран налоги за 1850/51 г. Английский посланник Шейл (Шиль) потребовал от садр-азама мирзы Таги-хана Амир-Кабира обязательства о невмешательстве в дела Гератского ханства. Иранское правительство не собиралось вводить свои войска в Герат, но предупредило, что, если правители Кабула и Кандагара пошлют свои войска к Герату, иранская армия оккупирует ханство. Иран не хотел иметь своим соседом сильное объединенное афганское государство, о чем было заявлено в ноте от 27 февраля 1856 г. главам иностранных миссий в Тегеране: «Для обеспечения безопасности своих границ в Хорасане, Систане, Белуджистане и Кермане иранское правительство считало необходимым, чтобы каждый из сардаров и губернаторов Герата, Кандагара и Кабула... ограничивался городом, находящимся в его управлении, и не вмешивался в дела своих соседей»¹⁵⁰.

На Герат претендовали Дост-Мохаммад-хан, сын которого был женат на дочери Яр-Мохаммад-хана, и Кохендиль-хан, за помощью к которому обратилась группа гератцев. Войско Кохендилья попыталось в конце 1851 г. захватить Герат. Узнав о продвижении кандагарской армии, хорасанский губернатор Солтан Морад-мирза направил к Герату отряд из 700 всадников во главе с Самханом Ильхани, который с согласия Саид-Мохаммад-хана был введен в Герат. Иран отказался от предложения Кохендиль-хана совместно оккупировать Герат, считая его независимым владением. Насер-ад-Дин-шах предложил английскому посланнику Шейлю заменить правителя Герата другим афганским принцем по договоренности Ирана с Англией и направить в Кандагар иранского и английского агентов, чтобы убедить Кохендиль-хана отказаться от намерения захватить Герат. Шейл отклонил этот план шаха.

После ввода иранских войск в Герат, английские дипломаты настойчиво и в грубой форме настаивали на выводе иранского отряда из Герата. В октябре 1852 г. Англия объявила о разрыве дипломатических отношений с Ираном. П. П. Бушев прекрасно изложил ход англо-иранской дипломатической борьбы накануне объявления войны, показав, как Англия привлекла Россию на свою сторону (русский посланник в Тегеране не советовал шаху вводить войска в Герат) и вынудила Иран дать письменное обязательство о невмешательстве во внутренние дела Герата, оговорив, что анну-

лирует это обязательство, если Англия будет вмешиваться в гератские дела.

Крымская война отвлекла Англию от гератских дел, хотя в это время велись переговоры о союзе и дружбе с Дост-Мохаммадом, во время которых он говорил о желании присоединить Гератское ханство. Иран считал момент подходящим для разрешения гератской проблемы, но он был связан выданными Англией обязательствами. В 1854 г. Насер-ад-Дин-шах предложил заключить «четырёхсторонний договор для защиты от общих врагов» между Тегераном, Кабулом, Кандагаром и Гератом. Дост-Мохаммад отклонил это предложение. Власть в Герате фактически захватил начальник гарнизона Иса-хан. Гератцы обратились за помощью к иранскому шаху. К Герату были направлены войска, что вызвало решение британского правительства оккупировать о-в Харк. Иран не пошел на конфликт. В сентябре 1854 г. власть в Герате захватил племянник убитого в 1844 г. Камран-мирзы, видимо, при согласии и поддержке иранской стороны¹⁵¹. Положение в Иране было напряженным. Активизировалась политика Дост-Мохаммада в отношении Герата. Быстро ухудшались ирано-английские отношения из-за назначения секретарем английского посольства одного из иранских подданных и утверждения в должности консула Стивенса. В ноябре 1855 г. Англия вновь разорвала дипломатические отношения с Ираном. Иран предпринял несколько неудачных попыток восстановить нормальные отношения с Англией.

В 1855 г. после смерти Кохендиль-хана Дост-Мохаммад занял Кандагар. Иранский шах отдал своим войскам приказ занять Герат, чтобы предупредить вступление туда войск Дост-Мохаммада. В октябре 1856 г. Англия начала военные действия против Ирана. В декабре английские войска заняли о-в Харк и Бушир, в марте 1857 г. — Мохаммеру, а 1 апреля — Ахваз. Мохаммера и Ахваз были взяты англичанами уже после подписания мирного Парижского договора 4 марта 1857 г., переговоры о котором вел Фаррох-хан еще с 1856 г. Народное восстание в Индии заставило англичан поспешить с подписанием этого договора. Иран обязался вывести войска из Герата, признать независимость Афганистана и Герата, согласиться на посредничество Англии при решении ирано-афганских конфликтов. Англия выводила из Ирана свои оккупационные войска¹⁵².

В качестве правителя Герата Иран назначил Султан-Ахмад-хана Баракзая. Англия направила в Герат миссию Тейлора для обеспечения выбора удобной для Англии кандидатуры правителя. Тейлор выдвинул перед Султан-Ахмад-ханом несколько условий, включая назначение англичанами везира Герата, заложничество одного из сыновей хана в Индии и другие, что насторожило Султан-Ахмад-хана. Миссия потерпела неудачу. Реванш англичане взяли в начале 60-х годов: Англия способствовала Дост-Мохаммаду присоединить Гератское ханство к Афганистану (1863).

В 30-е годы стала активизироваться политика Франции в Иране. В 1839—1840 гг. в Иран было послано чрезвычайное француз-

ское посольство. Англия уже не мешала Франции укрепляться в Иране, надеясь, что французское влияние будет противостоять русскому. Француз Керейер выдвинул проект постройки железной дороги в Иране. В 50-х годах отношения между Францией и Ираном нормализовались. В эти же годы были подписаны договоры со многими европейскими странами и США.

Отношения Ирана с Османской империей в 30—40-х годах продолжали оставаться напряженными, несмотря на обмен посланниками и консулами и периодический обмен письмами между шахом и султаном, садр-азамом и каем-макамом и турецкими великими везиром и другими высокопоставленными лицами, а также между иранскими и турецкими правителями пограничных провинций. Однако каждая из сторон претендовала на духовное руководство в мусульманском мире, считая свой толк ислама — шиитский или суннитский — более правильным и «чистым». Нахождение на территории Османской империи священных городов шиитов позволяло Турции оказывать давление на Иран, не только на положение иранских паломников, но и на высшее шиитское духовенство и на представителей многочисленных шиитских сект, главы которых, например шейхитов, нередко проживали в Месопотамии. Кроме того, Османская империя через религию была связана с соседними с Ираном странами, где исповедовался суннизм: с Афганистаном и особенно с Бухарским и Хивинским ханствами, поскольку турецкий султан считался халифом всех мусульман-суннитов.

Турция охотно принимала всех политических противников царствующего дома Каджаров. Одни из них удалялись в Неджеф и Кербелу как бы на поклонение святым могилам шиитских имамов, а в действительности там они получали политическое убежище. В Багдаде после опалы жил Аллаяр-хан Асеф-од-Доуле, туда «удалился» после смещения с поста садр-азама хаджи мирза Агаси. В Турцию бежали каджарские принцы, опасавшиеся за свою жизнь. Например, после смерти Мохаммад-шаха один из претендентов на шахский престол, Али-Шах Зелл-е Солтан, нанял войско на деньги, полученные от брата Исмаил-Верди-мирзы, пасынка хаджи мирзы Агаси, и направился с ним в Ирак-е Аджам. Керманшахский правитель перешел на его сторону. Али-Шах обратился за помощью к Наджиб-паше Багдадскому, обещав за его поддержку в борьбе за престол передать Турции Зохаб, Мохаммеру и весь суннитский Курдистан. Наджиб-паша придвинул свои войска к Ханекину в район Керманшаха. Иранское правительство, опасаясь, что находившийся в Турции Зелл-е Солтан и другие принцы могут организовать выступление против шаха, обратилось с просьбой к России пресекать антииранские действия принцев в Турции. МИД России заверил министра иностранных дел Ирана, что «по настоянию императорского посланника при Порте Оттоманской, сии принцы дали обещание отнюдь не предпринимать ничего, могущего нарушить в Персии внутреннее спокойствие и порядок». В Турции собрались недовольные Каджарами моджтехиды, сюда перебрались преследуемые в Иране бабиды, перекочевали курд-

ские племена, недовольные иранскими властями. Турецкое подданство приняли некоторые иранские купцы. Таким образом, в Турции собралась довольно разношерстная, но очень значительная антикаджарская оппозиция.

Персы, приезжавшие в Багдад и в священные шиитские города на поклонение, жили плохо. Иранский поверенный в делах в Багдаде не только не защищал их от злоупотреблений местных властей, но и сам притеснял, занимался вымогательством. В Иране же находили убежище некоторые противники султанского режима, но таких лиц было сравнительно немного, и, как правило, они были выходцами из пограничных районов или из числа пограничных чиновников, так или иначе связанных с иранской администрацией.

После поражения Турции в русско-турецкой войне многие курдские племена перестали подчиняться распоряжениям правительства. В 1834 г. началось «усмирение» курдов в Баязетском и Ванском вилайетах. Находившихся в пределах Османской империи иранских курдов силой выселили в Иран¹⁵³. В середине 30-х годов в восточных вилайетах из-за неурожая в течение нескольких лет и реквизиции турецкими солдатами хлеба начались волнения. Часть курдов перешла в Иран. Иранское правительство решило воспользоваться затруднением Турции и предпринять военный поход для завоевания района Сулейманни. Наследный принц Бахман-мирза объявил в Тебризе, что шах «повелел готовить войска для войны с Турцией»¹⁵⁴. Принц запретил выезд в Турцию и всякое общение с ней и предложил тебризским купцам закупить для собираемой армии 4 тыс. ружей. Купцы отказались, так как ружья они могли закупить только в Турции, а отношения с ней уже испортились.

Крупными инцидентами были разграбление в 1834 г. каравана иранских купцов в Турции, нападение турецких курдов на Хой и Котур в 1835 г. и на окрестности Урмии в 1836 г. Турки считали, что это пройдет безнаказанно после смерти Аббас-мирзы, которого они побаивались, считая его талантливым военачальником.

Гератский конфликт с Афганистаном и отвлечение основных военных сил Ирана на восточную границу вселил в турецкие власти надежду исправить границу с Ираном. В 1837/38 г. багдадский Али-Реза-паша легко захватил Мохаммеру (Хорремшехр), разорил город и увел в плен женщин и девушек. Иранский посол в Стамбуле мирза Джафар-хан Мошир-од-Доуле заявил протест и потребовал возмещения убытков. Ему было заявлено турецкими сановниками: «Мохаммера является предместьем Басры и Багдада (со стороны Персидского залива. — Н. К.) и принадлежит Османской империи. Мы наказали своих подданных. Если докажете, что Мохаммера принадлежит Ирану, тогда можете требовать удовлетворения Ваших притязаний»¹⁵⁵. У Джафар-хана не было документов, подтверждавших принадлежность Мохаммеры Ирану. Поэтому европейские послы в Стамбуле не сочли его иск обоснованным. В начале 1840 г. турецкие войска вторглись в Иранский Курдистан¹⁵⁶.

Новый турецкий султан Абдул-Маджид направил в 1840 г. в Иран посла Сарем-Эфенди с уведомлением о своем вступлении на престол и для урегулирования спорных вопросов. В марте 1840 г. он был принят в Исфахане Мохаммад-шахом. Сарем-Эфенди сообщил о согласии султана возместить убытки в размере 300 тыс. туманов, причиненные Мохаммере, и создать комиссию по разграничению¹⁵⁷. Хаджи мирза Агаси потребовал 2500 тыс. туманов. Переговоры оказались безрезультатными.

В 1841 г. турецкое правительство отстранило от управления Султанией Махмуд-пашу. Он бежал в Иран. Мохаммад-шах направил султану письмо с просьбой вернуть Махмуд-пашу на место правителя. Просьба не была принята во внимание. Шах приказал правителю Сенне Реза-Кули-хану взять Сулейманию и восстановить Махмуд-пашу в его правах. 3-тысячное войско Реза-Кули-хана было разбито турками, иранский обоз попал в их руки. Махмуд-паша бежал в Иран. Узнав о разгроме иранского войска, валиахд Бахман-мирза в июне 1842 г. объявил в Тебризе, что война с турками уже начата и что шах приказал отозвать из Турции всех иранских купцов. В Хамадане стали концентрироваться иранские войска. В Сулейманию было направлено 15-тысячное войско с 20 пушками во главе с хаджи Манучехр-ханом. Одновременно было решено послать отряды «для разорения жителей Багдада, Баязиды, Вана и Карса»¹⁵⁸. Отношения между Ираном и Турцией продолжали ухудшаться, и пограничный конфликт перерастал в войну. Бахман-мирза предложил набрать войско для похода в Турцию. Пехотные полки были собраны в Салмазе. Из Тебриза в августе была направлена к ирано-турецкой границе иррегулярная конница Мохаммад-хана Шахсевенского (300 человек) и Ферзи-хана (200 человек). По дороге в Салмаз конница грабила проезжих и местное население. Тебризцы опасались их нападения даже на Тебриз. Узнав о чапауле (набеге) в Курдистане, из Ардебилы сбежали знатные курды, содержащиеся там по приказу амир-незама в качестве заложников. Осенью военные действия были прекращены. Бахман-мирза распустил войска, оставив в крепости Котур небольшой отряд¹⁵⁹. Английский и русский послы выступили в качестве посредников, чтобы урегулировать конфликт. Стороны договорились об открытии Эрзерумской конференции с участием Англии и России в январе 1843 г. для принятия решений по спорным вопросам.

В это время Али-Реза-паша Багдадский (Наджиб-паша) захватил Кербелу и уничтожил почти все шиитское население (по разным данным, от 15 до 22 тыс. человек), считая всех шиитов сторонниками Ирана. В Иране поднялась волна всеобщего возмущения. Погибли видные шиитские улемы. Многие зажиточные иранцы хранили свои капиталы под охраной улемов Атабата, считая эти священные места самыми надежными, и лишились их. Шиитское духовенство требовало немедленного выступления против Турции. Иран стал готовиться к войне — к походу на Багдад.

Появилась опасность срыва работы Эрзерумской конференции,

на которую из-за болезни не приехал иранский посол Джафар-хан. Англия и Россия настаивали на приезде иранского представителя на конференцию, чтобы урегулировать ирано-турецкие отношения. Хаджи мирза Агаси направил на конференцию мирзу Таги-хана. В мае 1843 г. конференция начала работу в составе мирзы Таги-хана (Иран), Анвар-Эфенди (Турция), полковника Вильямса и Р. Керзона (Англия), полковника О. Дайнезе (Россия). Работа с перерывами продолжалась до 1847 г.¹⁶⁰

Летом 1843 г. Бахман-мирза послал в Хой небольшой отряд в 100—120 человек для защиты населения от набегов турецких курдов, грабивших иранское население¹⁶¹. Преследуя курдов, отряд перешел на турецкую территорию. Турецкое правительство квалифицировало это как нарушение соглашения о мире и возобновление военных действий. Оно потребовало отозвать войска; это требование поддержали английское и российское консульства, а также мирза Таги-хан, ставший амир-незамом при наследном принце.

В 1845 г. по приказу Бахман-мирзы в округе Лахиджан Соудж булакского махала стали возводить крепость для защиты от набегов племени бильбасов, одна часть которых являлась иранскими подданными, а другая — турецкими. Бильбасы, включая и иранских, решили напасть на построенную крепость и обратились за поддержкой к багдадскому паше. Бахман-мирза в июне 1846 г. направил из Урмии в Салмаз 500 солдат с указанием быть в боевой готовности.

Во время работы Эрзерумской конференции отношение к иранскому представителю мирзе Таги-хану было недоброжелательным. В июне 1846 г. на резиденцию посла напала 5—6-тысячная толпа, возбужденная слухами о том, что один из слуг главы иранской делегации надругался над турецким мальчиком. Мирза Таги-хан был ранен, ранения получили почти все 36 человек его свиты. Через 3—4 часа на помощь пришел начальник гарнизона Бахри-паша с войском. По его совету «для укрощения народа» из окна в толпу был выброшен молодой слуга мирзы Таги-хана¹⁶². Дом был разграблен и подожжен. Турецкий комиссар был против мирзы Таги-хана и переговоров с иранцами; он не навестил его даже после нападения толпы.

Турецкие власти знали о готовящейся акции, но не предупредили ее. Но затем они установили охрану у дома иранской делегации, а переговоры стали проводить в военном лагере. Мирза Таги-хан обвинил турецкие власти в том, что они не наказали виновных и не возместили нанесенный ущерб в 15 тыс. туманов. В середине августа в Эрзерум из Стамбула прибыл Аариф-паша с выражением соболезнования по поводу случившегося и с просьбой продолжить переговоры, так как текст будущего договора был почти согласован. По мнению российского консула Аничкова, Ирѣн не предъявил турецкому правительству никакого иска из-за личной ненависти хаджи мирзы Агаси к мирзе Таги-хану¹⁶³.

1 июня 1847 г. был подписан Эрзерумский договор, состоявший из 9 статей. Иранское правительство отказывалось от притязаний

на Сулейманию и западную часть Зохаба, а Турция—от Мохаммеры, левой стороны Шатт-эль-Араба и о-ва Хезр. Стороны обязались взаимно не нарушать прав подданных Ирана и Турции, живущих на чужой территории, в том числе права паломников, не препятствовать торговле, удерживать племена от набегов на чужую территорию, держать войска в оговоренных пунктах по границе. Шах согласился на ратификацию этого договора. Вручая ратифицированный договор турецкой стороне в Стамбуле, заместитель министра иностранных дел мирза Мохаммад-Али-хан Ширази, получив от турок взятку в 4 тыс. туманов, внес в договор изменения, в результате чьею порт Мохаммера и часть пограничной территории от Батаих до р. Хин должны были отойти к Турции¹⁶⁴. Мохаммад-шах не признал поправки, поскольку Мохаммад-Али-хан не имел полномочий вносить изменения в договор. Его отстранили от должности. Английское посольство платило ему пенсию.

Эрзерумский договор был наиболее важным документом, подписанным Ираном с Турцией в XIX в. На его основе была создана смешанная комиссия по ирано-турецкому разграничению с участием представителей Англии и России. Неудача работы комиссии в 1849—1852 гг. была вызвана, по мнению В. Ф. Минорского, посредническим характером роли английского и российского комиссаров¹⁶⁵. Интересы Турции или Ирана мало учитывались английскими и российскими комиссарами. К вопросу о пересмотре границы стороны вернулись в начале XX в.

Во время Крымской войны Иран объявил о своем нейтралитете и не вступил в войну. Видимо, иранское правительство одновременно обещало поддержку и России, и Турции. Турки посылали свои депутации в Иран с целью склонить шаха к выступлению против России¹⁶⁶, хотели подготовить курдское ополчение в Соуджбулаке против России. Англичане (Аббот и Стивенс) спровоцировали антирусское выступление иранского полка «Насерийе»¹⁶⁷. Иранские официальные лица заявляли представителям России, что Иран не может вступить в войну, так как армия не готова, полки не укомплектованы, солдаты распущены по домам. Частично это соответствовало действительности — иранская армия находилась в стадии реорганизации и была фактически не боеспособна, за исключением племенных ополчений. Иран, отправляя в Турцию железо и другие имеющие военное значение товары, отказался предоставить нужные материалы России. Отношение иранских официальных лиц к России и Турции в годы войны характеризует следующий факт. Когда русские войска вошли в Эрзерум, поверенный иранского консула снабжал турок справками для свободного выезда из Эрзерума. Он сам выехал из Эрзерума в сопровождении свиты из 10 турок, желавших покинуть занятый русскими Эрзерум¹⁶⁸.

Турция, продолжая оставаться «извечным» соперником и противником Ирана в государственном, религиозном и экономическом отношениях (закрывала торговые пути, препятствовала торговле иранских купцов), была вместе с тем для Ирана и «своей», мусуль-

манской страной, когда речь заходила о союзе против европейских стран, особенно России. В Иране считали, что территориальные потери Турции на Балканах, в Крыму, в Африке и на Кавказе аналогичны потерям Ирана, а это значит, что Иран может идти тем же путем для сохранения территориальной целостности и независимости, что и Турция, т. е. провести реорганизацию армии, пересмотреть внешнюю политику — играть на противоречиях европейских государств и входить в союзы для борьбы с общим врагом. Турция была теснее связана с Европой, в ней раньше стали складываться капиталистический уклад и оформляться буржуазные отношения. В Турции раньше почувствовали необходимость проведения реформ (танзимат), сильнее ощущалось культурное воздействие Европы. Иран стоял в преддверии такого же этапа развития, и во многих отношениях Турция была для него образцом для подражания.

О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ИРАНА

Конец XVIII — первая половина XIX в., как уже говорилось, были особой эпохой в истории Ирана нового времени, во многом определившей пути дальнейшего развития страны. К концу XVIII в. Иран являлся типичной феодальной страной Ближнего и Среднего Востока, основные черты которой проанализированы И. М. Смилянкой на примере Османской империи в книге «Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока на рубеже нового времени»¹. В отличие от Османской империи в Иране кочевые и полукочевые племена играли значительную роль в государственном управлении страной в XVIII в. Следует также отметить разорение страны в результате афганского завоевания, войн Надира и междоусобной борьбы различных феодально-племенных группировок за многократный переход государственной власти из рук в руки в течение XVIII в., размежевание духовной и светской власти и вследствие этого меньшее давление государства на общество и отдельную личность (несмотря на проявления восточного деспотизма), а также слабые по сравнению с Османской империей связи с европейскими государствами.

Созданием прочного централизованного государства каджарские шахи преследовали цель добиться признания их верховной власти со стороны полунезависимых окраинных феодалов, ильханов крупных племенных объединений, их права назначать высший государственно-административный аппарат, командовать вооруженными силами, определять внешнюю политику и распоряжаться государственными средствами. Вмешательство шахского правительства в экономическую жизнь страны вначале ограничивалось изъятием определенной доли прибавочного продукта в виде налогов, частичным перераспределением земельной собственности и некоторым регулированием в основном внешней торговли. Они представляли полную свободу управления провинциями местным властям и ханам в районах расселения племен. Функции восточной монархии по налаживанию хозяйственной жизни государства стали несколько видоизменяться. Каджары фактически не занимались строительством ирригационных сооружений, оставили в неизменном виде финансово-налоговую систему, но, учитывая изменившиеся условия в мире и явную социально-экономическую и военную отсталость Ирана, они несколько раз в течение XIX в. приступали

к реорганизации армии, модернизации государственного аппарата и некоторым мероприятиям протекционистского характера.

Несомненно, пример танзимата в Османской империи играл свою положительную роль. Но хотелось бы отметить повышенно критическое отношение значительной части шиитского населения Ирана к реформам, проводившимся в суннитской стране, обычно рассматривавшейся как потенциальный военный враг Ирана и религиозный соперник в мусульманском мире. И любопытно другое явление: проведение танзимата в Османской империи укрепило султанат и привело к режиму «зулюма» при Абдул-Гамиде, правление же Насер-ад-Дин-шаха скорее можно определить как просвещенную монархию в ее восточном варианте.

Первый шаг по превращению Ирана в просвещенную монархию был сделан Насер-ад-Дином после вступления на престол (1848) и передачи широких полномочий на проведение реформ своему первому министру мирзе Таги-хану Амир-Кабиру. Таким образом, изменения в области государственного управления (создание министерств, возрастание роли бюрократического аппарата, появление нового типа европейски образованных чиновников), первые признаки преобразования восточной деспотии в просвещенную монархию говорят о новых явлениях в государственном устройстве, наметившихся в середине XIX в.

Эти надстроечные изменения в какой-то степени опережали слабые еще сдвиги в области социально-экономических отношений. Развитие военно-политических, экономических и культурных связей Ирана с европейскими капиталистическими государствами способствовало появлению в Иране, особенно с конца 30-х — начала 40-х годов XIX в., новых форм предпринимательской деятельности, возникновению новых явлений в сфере общественных отношений. В стране начался процесс постепенного разложения господствующего феодального строя и формирования тогда еще слабого капиталистического уклада. Представляется не совсем правильным относить начало формирования капиталистического уклада к концу XIX в.², когда этот уклад уже сформировался (капиталистические предприятия с иностранным и национальным капиталом, выход на политическую арену национальной буржуазии со своими требованиями и др.), но еще не занял господствующего положения. Трудно предположить, что только начавший формироваться в конце XIX в. капиталистический уклад смог послужить основанием для развернувшегося в стране революционного движения — борьбы против закабаления страны иностранным капиталом (против табачной монополии) — и иранской буржуазной революции 1905—1911 гг. Буржуазная революция — это свидетельство уже достаточно зрелых буржуазных отношений в обществе.

В Европе вызревание буржуазного общества заняло несколько веков. Иран, благодаря наличию уже сложившейся мировой капиталистической системы, прошел этот путь за полтора столетия. Несмотря на устойчивость традиционных феодальных структур и противодействие со стороны консервативных слоев населения, а

также неоднозначное воздействие на Иран капиталистических стран, развитие капиталистических элементов в Иране то активизировалось, то принимало затяжной характер при относительно замедленных темпах развития иранского общества в XIX в.

Стране нелегко было преодолеть наследие полуторатысячелетнего господства феодализма. По словам К. Маркса, «один и тот же экономический базис... может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации»³. Иранский вариант зарождения и генезиса капитализма развивался под воздействием многих факторов, что наложило на него свой отпечаток. К ним относятся: стимулирующее влияние мировой капиталистической системы, отрицательное воздействие колониальной политики западных держав, слабое содействие государственной власти развивающимся капиталистическим элементам, что затрудняло частнокапиталистическое предпринимательство и оставляло в бездействии мощные государственные рычаги, двойственное отношение господствовавших при феодализме слоев (духовенства, купечества, бюрократии) и класса феодалов к новым формам хозяйствования, действие объективных законов развития капитализма.

Начиная с 30-х годов каждое десятилетие несло с собой новые проявления капиталистических элементов в сфере экономической, социальной, государственной жизни и даже в идеологии. Если смена династий — приход к власти Каджаров — фактически не отразилась на социально-политическом положении страны, то втягивание Ирана в орбиту международных капиталистических связей и более активный рост капиталистических элементов в стране сразу же привели к острому социально-экономическому и политическому кризису в середине XIX в., что явилось первым симптомом начавшегося распада очень прочных феодальных структур. По стране прокатились взрывы народного недовольства, самым ярким из которых было выступление бабидов. Правящая верхушка в лице шаха, наследника престола, садр-азама и некоторых других высших чиновников вынуждена была пойти на частичные верхушечные реформы, чтобы укрепить государство и обеспечить сохранение власти за собой. Консервативные силы иранского общества, сорвав реформы и убив своего первого реформатора, тем не менее не смогли приостановить начавшуюся социально-экономическую эволюцию Ирана. Иран вставал на путь модернизации⁴.

Иран первой половины XIX в. представлял собой многоукладное общество и мог бы служить примером феодальной восточной страны накануне перехода к более ускоренному развитию формирующегося капиталистического уклада. Господствующим укладом был феодальный; со времен средневековья важную роль играл мелкотоварный уклад (Иран относился к странам с достаточно высоким уровнем развития товарно-денежных отношений), в районах расселения племен и в малонаселенных окраинных областях — патриархально-натуральный, в городе и в некоторых сельских местностях начали появляться элементы капиталистического уклада.

Формирование капиталистического уклада в деревне шло почти всецело под влиянием мирового капиталистического рынка и спроса на иранское сельскохозяйственное сырье. Ростки капитализма в сфере городских торгово-производственных отношений обуславливались не только внешним фактором, но и внутренними потребностями. Иранское государство в лице шахского правительства поддерживало развитие феодального уклада, сохраняло кочевое хозяйство, периодически поощряло мелкотоварное производство.

Проблемы многоукладности стали разрабатываться в трудах советских востоковедов с конца 60-х годов XX в. (Г. Г. Котовский, В. Г. Растянный, А. И. Левковский, П. П. Моисеев и др.). Однако многие стороны этой проблемы все еще остаются невыясненными и в теоретическом, и в конкретно-историческом плане. Иранский материал первой половины XIX в. может проиллюстрировать ранний этап формирования нового капиталистического уклада. Наличие нескольких устойчивых укладов вело к стабильности классов и социальных групп, связанных с этими укладами, некоторой социальной аморфности и замедленному процессу классовой дифференциации, но одновременно позволяло иранскому обществу функционировать в течение длительного времени. Зарождение нового уклада и новых социальных слоев с присущей им идеологией было отмечено такими авторами, как Зия-ад-Дин Ширази: «Наступила эпоха без однородного общества, без однородной религии и без однородных форм существования».

Аграрные отношения. В соответствии с мусульманским правом государственная собственность на землю рассматривалась в Иране как коллективная собственность всей мусульманской общины (уммы), а верховный правитель имел право распоряжаться ею⁵. Поэтому юридически шаха нельзя было считать единственным собственником всех земель. Но тысячелетняя практика привела к тому, что фактически шах был не только верховным собственником земель, но и «полным господином жизни и смерти своих подданных, а равно и достояния их». Преобладание государственной собственности на землю обусловило монархическо-деспотический образ правления и сосредоточение публичной власти в достаточно разветвленном и централизованном государственном аппарате (при этом бюрократический аппарат в основном соответствовал феодальной пирамиде)⁶. И эта деспотическая власть наложила отпечаток на государственное устройство, сформировала своеобразные, несколько отличные от западноевропейских, отношения вассалитета и всю систему феодальных отношений, а также выработала специфическую психологию подвластного населения — от верхушки феодалов до беднейшего крестьянина-издольщика. «Сильнейший вельможа не может ручаться за себя и за свое имущество; подобно последнему поселянину его могут сечь, изуродовать самым жестоким образом; жены его и дочери могут быть жертвою наглости конюхов персидского повелителя и это не возбудит никакого соболезнования и никто не скажет о том ни слова»⁷.

Авторы первой половины XIX в. писали, что каджарское государство было деспотическим, несправедливым, в нем отсутствовали какие-либо гарантии прав личности и собственности, Каджары считали государственную собственность на землю и право шаха распоряжаться всем земельным фондом важнейшей экономической основой политической централизации Ирана. Поэтому одним из первых мероприятий Каджаров была конфискация земельной собственности у непокорных феодалов, купцов и духовенства и создание обширного фонда государственных земель, откуда они могли бы черпать денежные и иные средства. Фонд коронных и государственных земель рос несколькими путями: Ага-Мохаммад-шах конфисковал земли в Мазендеране; в окрестностях Исфахана земли были захвачены Фатх-Али-шахом и Мохаммад-шахом; в Гиляне, Систане и Белуджистане стал конфисковывать и приобретать земли Насер-ад-Дин-шах⁸.

По приблизительным подсчетам, в начале XIX в. около трети пригодной к обработке земли принадлежало государству. При Мохаммад-шахе был составлен кадастр земель халесе — «Дафтар-е халесе»⁹. Но земельного законодательства в Иране не было. Доля государства от сданных в аренду земель халесе определялась в $\frac{1}{3}$ — $\frac{2}{3}$ урожая и собиралась, как правило, натурой (дженс), реже деньгами (нагд). В 50-х — начале 60-х годов земли халесе давали около 20% государственных доходов¹⁰. Но уже в это время наметилась тенденция сокращения доходов с государственных земель, по сравнению с частнособственническими землями, что явилось одной из причин аграрных преобразований мирзы Таги-хана Амир-Кабира. Многие земли пустовали, деревни обезлюдели. В 40—60-х годах в Иране было распродано много государственных земель, что повлекло за собой существенные изменения в размерах разных видов земельной собственности; отмечалось исчезновение земель халесе не только в прикаспийских провинциях (Мазендеран), но также в Иранском Азербайджане и в некоторых центральных провинциях¹¹. В 80-х годах правительство пошло на еще большую продажу государственных земель. Нетронутым фонд земель халесе остался лишь в тех районах, где трудно было наладить выращивание хлопка, табака, опиума, фруктов и других сельскохозяйственных культур, пользовавшихся повышенным спросом на мировом рынке, например в полупустынных районах Центрального Ирана или Систана.

На практике не было большой разницы между землями шахского домена (хасс) и государственными (халесе, дивани)¹²: и те и другие обрабатывались крестьянами, являвшимися собственниками, или «вечными арендаторами», небольших участков, а шах мог распоряжаться доходами и с тех и с других земель. Но доходы от земель домена считались личными доходами шаха, и на этих землях существовало особое управление. Реформы Амир-Кабира затронули земли шахского домена. Он попытался переложить расходы на содержание многочисленного семейства Каджаров на счет доходов с земель шахского домена, чем вызвал недовольство этой

части иранской знати. Кроме того, шахи не отдавали земли домена в качестве вознаграждения за службу.

Государственные земли с самого начала правления Каджаров стали давать ханам за службу в качестве тиуля; иногда в тиуль передавались доходы или часть налогов с государственных земель. Обладателями тиулей были члены правящего дома, сановники и чиновники государственного аппарата более низких рангов, командиры полков, представители духовенства. Владельцы тиулей вносились в специальные книги, и правительство вело более или менее точный учет переданным в тиуль землям. Отмеченная И. П. Петрушевским тенденция перехода условного владения (тиуля) в безусловное при Сефевидях имела место и при Каджарах, чему особенно способствовала передача государственных должностей от отца к сыну. Вместе с унаследованной должностью наследник получал и отцовский тиуль; владение тиулем в течение трех-четырех поколений делало его фактически собственностью данной семьи. Несмотря на то что тиуль нельзя было продавать или передавать другому лицу, это правило фактически никто не соблюдал. Владельцы тиулей, как правило, не жили в тиульных деревнях, а сбор ренты-налога (своего жалованья) поручали управляющим или своим слугам. Иногда они передавали эти доходы своим кредиторам, т. е. уступали свои тиули посторонним лицам. Запустение государственных земель можно в известной мере объяснить «тиульной практикой»: тиульдары не вкладывали свои средства в развитие полученных деревень, а старались получить максимальный доход с них, опасаясь, что в следующем году эта деревня может перейти в тиуль другому человеку. По свидетельству хаджи мирзы Хасан-хана шейха Джабери Ансари, Насер-ад-Дин-шах во время путешествия по стране, видя запустевшие деревни, сразу же определял, что это земли халесе¹³. Однако такая разорительная для государства практика хозяйствования на землях халесе и передача государственных земель в тиуль была отменена лишь в ходе иранской революции 1905—1911 гг.

В государственный фонд входили также и земли племен (иляти), составлявшие около 1/4 территории Ирана. Их обычно рассматривают как собственность племен. Однако право шаха переселять племена, отбирать у них землю и передавать другим племенам позволяет сделать предположение, что земли иляти находились как бы в тройной собственности — верховного правителя, племени или хана, а также отдельных соплеменников, особенно если они вели оседлый образ жизни и помимо скотоводства занимались и земледелием. Эти земли фактически не облагались налогами, поскольку большинство племен должно было нести воинскую повинность и по первому требованию властей выставлять ополчение. В XIX в. усилилась трансформация земель иляти в собственность ханов.

Относительно независимыми от шахской власти были вакфные земли (амляк-е мокуфане, или вакф), которыми распоряжалось шиитское и отчасти суннитское духовенство. Но тем не менее верховная власть посягала и на вакфные земли, и на личную собст-

венность духовных феодалов. Аббас-мирза попытался отобрать земли тебризского моджтехиды Мир-Фаттахы (Мир-Фатх-Али), сторонника ориентации на Россию. Фонд вакфных земель увеличивался за счет пожалований шаха и правительства, завещаний и дарственных отдельных лиц, покупки земель, а также получения земель после смерти лиц, не имевших наследников. Вакфы не разрешалось продавать и дарить. Различались вакфы общие — на нужды мечетей, медресе и др. — и частные, являвшиеся собственностью отдельных духовных лиц. Некоторая тенденция к росту вакфных земель наметилась к середине XIX в. Они составляли не более 10% обрабатываемых земель¹⁴.

В отечественной литературе имеется много описаний основных форм феодального землевладения и землепользования в Иране — земель государственных, шахского домена, пожалованных шахом в тиуль, наследственных земель крупных феодалов и ханов, частнособственнических феодальных владений (мульк, арбаби), принадлежащих племенам (иляти) и духовным учреждениям (вакфы), мелким собственникам, в основном крестьянам (хордемалек), общинных (умуми), а также описаний методов эксплуатации крестьян — видов и форм аренды, налогов и повинностей крестьян, некоторых различий в положении оседлых крестьян — райятов и рядовых кочевников — илятов и т. д. В Иране не было единой для всех районов системы сбора налогов и взимания арендной платы, одинаковых условий издольщины. Перераспределение разных видов земельной собственности (см. работы Л. Ф. Тигранова, В. П. Осетрова, М. П. Павловича, Г. Н. Ильинского, Г. Ладыгиной, Ш. М. Бади, Л. С. Фришман, Г. С. Чапашвили, Ш. Тагиевой, Г. Еганяна и др.) и изменения в производственно-правовых отношениях в иранской деревне в первой половине XIX в. были еще незначительны.

Представляют интерес взгляды некоторых зарубежных ученых, часто с идеалистических позиций рассматривающих причины развития или упадка производительных сил в сельском хозяйстве Ирана. Р. Сангви считал регулятором и стимулятором развития верховную власть, личность самого шаха¹⁵; другие исследователи экономической истории стран Ближнего Востока отводят эту роль государству. В известной мере на Западе до сих пор в ходу основные тезисы о сущности феодальных отношений в Иране в конце XVIII — начале XIX в., высказанные в свое время Дж. Малькольмом, что без восточного деспотизма невозможна цивилизация, зависящая в определенных пределах от искусственного орошения и государственной собственности на землю. Он обратил внимание на двойственную природу земельного налога — налога на земельную собственность и ренту за пользование землей, на отсутствие крепостной зависимости крестьян в Иране и их значительно большие права на землю, чем у европейского феодально-зависимого крестьянства, даже если они фактически были не собственниками этой земли, а всего лишь наследственными арендаторами, а также на застойность в развитии восточных деспотий¹⁶.

По мнению Шарля Исави, три главные силы определяли развитие сельского хозяйства в Иране: государство, крупные землевладельцы, главы племен и крестьяне¹⁷. В какой-то степени его вывод подтверждается государственным законом Ирана, ст. 5 которого гласит, что право собственности на землю одновременно принадлежит государству, помещикам и крестьянам, что владелец земли может продать или заложить землю с разрешения государственных властей и с согласия крестьян¹⁸. Этот закон подтверждает мысль исследователей о том, что по юридическим представлениям мусульман вполне допустимы одновременно три разных вида собственности на одну и ту же землю: государства (верховного собственника), феодала (частного владельца земли) и крестьянина, обрабатывающего эту землю. Кроме того, он свидетельствует о начавшемся процессе «свободной» продажи помещичьих земель без учета прав крестьянина на данную землю, т. е. о появлении тенденции рассматривать помещичью землю как частную (приближенную к понятию буржуазной) собственность. Закон преследовал цель сохранить статус-кво в аграрных отношениях и ослабить процесс обезземеливания крестьян — основных налогоплательщиков, лишавшихся своего права на землю при новом подходе помещиков к понятию собственности на землю. Но поскольку такими законодательными актами начавшийся процесс превращения условно-феодальной земельной собственности в частную предотвратить было невозможно, то уже через несколько десятилетий правительство должно было узаконить свободную торговлю землями.

После утраты Ереванского ханства и части Азербайджана в результате ирано-русских войн иранское правительство решило провести кадастрирование земель, чтобы уточнить размеры возможных доходов казны с государственных и частных земель. Такой кадастр был проведен в 1836 г. Новый кадастр стали составлять при мирзе Таги-хане Амир-Кабире в 1850 г. Он должен был выявить злоупотребления властью отдельных лиц, незаконно захвативших чужие земли, несоответствие документов на владение фактическому владению, уточнить размеры взимаемых налогов в соответствии с количеством обрабатываемых земель и т. п. Гибель Амир-Кабире помешала провести это очень важное государственное мероприятие. Следующий кадастр 1889/90 г. частично зафиксировал значительные сдвиги в землевладении и землепользовании — сокращение фонда государственных земель и рост частного землевладения, тенденцию к вытеснению хордемалек и еще большее развитие арендных отношений.

С 30—40-х годов XIX в. намечается повышенный интерес имущих классов к земельной собственности; с этого же времени современниками зафиксирован рост частного землевладения¹⁹. Во время ревизии земельных владений в 1850 г. было отмечено, что в частные руки стали переходить государственные земли, вакфная собственность и тиули. По фирману 1860 г. землевладельцы Курдистана объявлялись полноправными собственниками своих имений и пахотных земель (правительство преследовало политические

цели — привлечь курдских сепаратистов на свою сторону) ²⁰. В 1868 г. был принят закон о признании прав на землевладение не только за государством, владельцами вакфов и частными собственниками имений, но также за крестьянами ²¹.

Феодальная знать, в том числе члены правящей династии, стала приобретать земли (в качестве тиуля, путем покупки или вымогательства) и превращать их в доходные имения типа помещичьих хозяйств. У принца Аббас-Кули-мирзы такое имение было в г. Сари в Мазендеране. Принц Кахреман-мирза завел на своих землях около Ардебиля конный завод на 400 лошадей. Крупные сановники получали в тиуль целые провинции, большие города, несколько районов. Мелкие государственные служащие и военные — отдельные селения, даже доход с части деревни. Мохаммад-Хосейн-хан Амин-од-Доуле, ведавший иностранными делами при Фатх-Али-шахе, несмотря на незнатное происхождение, в 1810—1811 гг. считался владельцем городов Кума и Кашана, хотя там не жил и не служил, так как был еще и беглербегом (военным губернатором) Исфахана. Большие владения в Исфахане и Гиляне приобрел бывший внук гарема Фатх-Али-шаха Манучехр-хан Моатемад-од-Доуле, ставший видной фигурой в иранской администрации. Первый министр Мохаммад-шаха хаджи мирза Агаси считался богатейшим человеком в Иране. Старался приумножить свои владения и наследник Аббас-мирза. Он, по существу, купил у шаха за 100 тыс. туманов провинцию Хамсе, заплатив также шахине Таджод-Доуле и некоторым министрам еще 50 тыс. туманов. Жители этой провинции были недовольны переходом под власть Аббас-мирзы. Мохаммад-Вали-мирза за бахшиш шаху в 400 тыс. туманов получил разрешение «покорить» Керман (его правитель Хасан-Али-мирза не смог подчинить восставших против него жителей Кермана), стать его правителем и получать все доходы с этой провинции. В 1841 г. вдове видного сардара (военачальника) Кербелай-хана — Саре-Бегум в качестве пенсии были отданы две деревни в Хойской провинции. Хаджи мирза Агаси предложил ей перепродать эти деревни ему за 12 тыс. туманов ²². Талышскому хану Фараджулле (Фарадж-Олле) были пожалованы земли недалеко от Энзели. Земли получил и Гаффар-хан Айрумский или Таланский, владевший ранее восемью деревнями в районе Эчмиадзина и бежавший в Иран после перехода Ереванского ханства к России. Начальник кавалерии серахского губернатора, получил за свою службу деревню Канибест ²³.

Эти факты говорят о том, что в Иране существовали самые разнообразные формы землевладения; владения были условные и безусловные, наследственные и приобретенные в частную собственность путем покупки или пожалования, крупные и мелкие, находившиеся в одном месте и разбросанные по всей стране. В хозяйстве одних имений были лично заинтересованы владельцы, с других владений они получали только часть дохода; землевладелец мог быть полным собственником земли или делить права на нее с другими землевладельцами и т. п.

Отмечались случаи передачи в тиуль земель, принадлежавших другому лицу на правах частной собственности, а также незаконные поборы с живших в частновладельческих деревнях крестьян, за которых налоги вносил владелец земли. В этом отношении представляет интерес тяжба драгомана российского генерального консульства в Тебризе иранского подданного мирзы Али-Акбара (Экбера), владельца двух деревень, за которые он платил налог в диван. Деревня Алуче была его мульком, за нее он платил 30 туманов деньгами и 20 харваров хлеба и самана. Деревню Аливар он «недавно» купил и платил за нее налог в 40 туманов и 30 харваров зерна и самана. На деревню Аливар претендовал еще один иранский подданный, получивший ее в тиуль. Чтобы разрешить спор между ними, правитель Иранского Азербайджана Бахман-мирза в 1842 г. выдал ракам: «Согласно духовному решению и истинным купчим вся деревня Аливар в Мехренерудском участке, известная под названием Аливар Карниз, принадлежала владельцам, и ныне, согласно купчей, законным образом принадлежит мирзе Али Экберу. Доказано и удостоверено, что означенная деревня по причине сомнения имени с другою деревнею Аливар, известною под именем Ески, которая принадлежит к числу богоугодных заведений, досталась в тиуль другим особам. Из доклада видно, что владелец тиула владел оною деревнею против справедливости... Мы приказываем и повелеваем, чтобы никто не вмешивался в деревню мирзы Али Экбера, и он всегда владел бы своею деревнею, и весь доход прошедшего года должен быть взыскан сполна с владельца тиула. Так как... собственную деревню одного отдать в тиул другому противно уму, ...то мы положили, чтобы означенная деревня осталась во владении мирзы Али Экбера, и он платил по известным срокам налоги Великому Дивану и привел оную деревню в цветущее состояние и употребил всякое попечение на благосостояние крестьян. Начальники же оного участка там ничего не переводили и не ассигновали, с тем, чтобы крестьяне в покое молились за вечное существование государства»²⁴. Этот документ свидетельствует о защите прав частного землевладельца — «так как... собственную деревню одного отдать в тиуль другому противно уму». Но, может быть, в данном случае сыграла свою роль служба истца в российском консульстве.

Фонд частновладельческих земель арбаби (мульк) к середине XIX в. вырос, причем различались наследственные частновладельческие земли (арбаби-йе кадим) и недавно купленные (арбаби-йе джадид). Наследственные владельцы назывались мулькدارами, мирасдарами. В сельское хозяйство, в погоню за землями, кроме служилого (гражданского и военного) слоя ринулись купцы, высшее духовенство, богатые горожане из разных слоев²⁵. Частные лица за ренту-налог могли возводить постройки на государственной и вакфной земле, а затем беспрепятственно продавать или дарить их. Правительство нередко прибегало к конфискации тиульных и частных владений. Обычно лишались всех земель опальные министры, включая садр-азамов, правители провинций, военачаль-

ники. Сами же владельцы земельной собственности старались всеми правдами и неправдами сохранить ее за собой.

Соотношение сил между государством и частными землевладельцами в иранской деревне начало меняться: основная инициатива по расширению обрабатываемых площадей и увеличению производства сельскохозяйственной продукции стала исходить от частных лиц — феодалов, «новых помещиков» (представителей чиновной бюрократии, купцов, духовных лиц) — и зажиточных крестьян. Только во время садразамства мирзы Таги-хана Амир-Кабира была сделана серьезная попытка подойти к государственным позициям к вопросу расширения сельскохозяйственного производства, введению новых, главным образом технических культур, освоению залежных земель и др. Инициатива мирзы Таги-хана не была одобрена его ближайшими современниками; гибель реформатора и официальное осуждение его деятельности шахом явились негласным табу на продолжение его прогрессивных, полезных даже для шаха и правящей феодальной верхушки начинаний, по крайней мере, на несколько десятилетий.

Мы не располагаем данными о распределении разных видов земельной собственности в провинциях Ирана в середине XIX в. Но по некоторым провинциям такие данные имеются. В Гиляне, например, отсутствовали государственные и до середины XIX в. шахские земли. Имелись только помещичьи земли (арбаби) и богатых землевладельцев — зажиточных крестьян и купцов. По свидетельству русского экономиста Ю. А. Гагемейсгера, «помещиков и поземельных владельцев вообще немного», основная масса земель принадлежала крестьянам²⁶.

Социальная структура иранского общества. Феодалы. Иранское общество было основано на «демократическо-деспотических началах»²⁷; формально любой мусульманин мог занять самый высший пост в государстве (после шаха), но все должны были исполнять волю монарха, подчинять личные взгляды на государственные дела взглядам шаха и выполнять свои функции в соответствии с занимаемой должностью. Ислам, как государственно-правовая система, не признает социальной иерархии, объявляя всех равными перед богом. Но функциональная принадлежность (сфера управления, войско, торговля, крестьянский труд), по существу, определяла неравноправное положение подданных шаха.

До середины XIX в. Иран был наглядным примером для широкого известного определения Ф. Энгельса характера взаимоотношений феодалов с верховной властью: глава государства «представлял собой вершину всей феодальной иерархии, верховного главу, без которого вассалы не могли обойтись и по отношению к которому они одновременно находились в состоянии непрерывного мятежа»²⁸. Все правление Ага-Мохаммад-шаха и Фатх-Али-шаха заполнено бесконечными походами для покорения и усмирения непокорных феодалов. Позднее сепаратистские выступления отмечались реже, но зато иногда они принимали затяжной характер, например выступление Салар-хана в Хорасане в конце 40-х годов.

Западные путешественники²⁹ обычно выделяли четыре основные группы населения Ирана, сильно отличавшиеся друг от друга по экономическому и правовому положению: высший класс («вельможи») — лица, связанные с двором, общегосударственная и провинциальная (гражданская и военная) администрация, имевшая наследственную или пожалованную Каджарами земельную собственность; городское население — купцы, торговцы, ремесленники, а также духовенство; эксплуатируемое крестьянство; кочевники³⁰. По представлениям основной массы населения подданные шаха делились на власть имущих, господ (бозорган, айан, агайан), торгово-ремесленное население (ахл-е базар), крестьян (райят) и кочевников (илят); существовало также противопоставление знати и богатых простолюдином, «черни». В первой половине XIX в. в Иране был достаточно высок процент деклассированных элементов (луты), «праздношатающихся», в число которых входили факиры, дервиши, бедные сейиды, нищие, музыканты и др. Иногда отмечались и более мелкие социальные подразделения, например класс феодалов делился на наследственных ханов и беков, получивших ханское достоинство от тегеранского двора, и наследственных армянских меликов и агаларов (на севере Ирана). Мусульманское духовенство делилось на казиев, шейх-уль-исламов, моджтехидов, мулл, ахундов, дервишей, потомков пророка Мухаммеда — сейидов, которые не обязательно должны были быть духовными лицами. Некоторые авторы, такие, как Аптон, условно делят иранское общество XIX в. на три социальные группы: шах и правящая элита (приближенные ко двору); феодальная аристократия, включая глав племен, духовенство и купечество; крестьяне и прочие «простолюдины»³¹. Такой подход к социальной структуре Ирана неприемлем даже для первой половины XIX в., а с середины этого века можно было четко выделить новые социальные категории, например буржуазию, чиновничество, интеллигенцию, профессиональных военных и др. Господствующая прослойка составляла 6—10% населения.

В последние годы внимание исследователей привлечено к положению и юридическому статусу айянов — военно-служилой элиты³². Эта социальная прослойка поставляла кадры для административно-управленческого и религиозно-судебного аппарата (реже военачальников), гордилась знаниями и рафинированной культурой, обладала значительными наследственными и приобретенными богатствами (мульками, домами, лавками, вакфами); некоторые семьи вели свое происхождение от пророка. Здесь большую роль играли родство и связи, реже принцип меритократии — выдвижения за заслуги; многие должности переходили по наследству. Лишь в годы политических кризисов и смены правящих династий этот слой, вернее, отдельные представители его на некоторое время утрачивали свое положение, но затем все стабилизировалось, и человек опять занимал высокое место в государственном управлении (на уровне управления и исполнения, но не на уровне принятия политических решений). Этот слой нельзя считать дво-

рянством (наследственной аристократией крови, связанной с землевладением), но функционально он выполнял фактически те же обязанности, исключая, и то частично, военную службу. За свою службу эти лица получали фиксированные доходы-жалованье в виде дохода (или его части) с «прикрепленного к должности» города, деревни, таможни и т. п., что являлось пережитком военно-ленной системы. При перемещении по службе менялась и рента-жалованье.

Господство феодалов, высшего духовенства, чиновничества и купечества базировалось не только на размерах собственности, но и на близости к верховной власти, на их месте в военно-бюрократической системе управления. С этой точки зрения власть, общественное и материальное положение самого верхнего слоя господствующего класса определялись или родственными отношениями с шахом (и соответствующим получением административной должности), или связью с Каджарами с момента их борьбы за власть (семейство хаджи Ибрахима), или выдвижением по службе при шахском дворе или дворе наследника (каем-макам хаджи мирза Агаси, мирза Таги-хан и др.). Таким образом, критерием для включения в господствующий класс становились служебное положение, земельные владения и денежные богатства, позволявшие купить престижную и доходную должность. К господствующему классу относилось также высшее духовенство.

Можно согласиться с предложением И. М. Смилянкой выделять «правлящий слой» в господствующем классе, в который входил военно-административный аппарат, включая воинскую и улемскую верхушки, т. е. 3—10% всей знати³³. В качестве примера можно указать на семью мирзы Хосейн-хана Мошир-од-Доуле, видного сановника при Насер-ад-Дин-шахе. Его отец, мирза Наби-хан, принадлежал к правящей элите при Фатх-Али-шахе: командовал войском (амир-е томан), был министром юстиции, правителем Фарса и Исфохана. Кроме того, он был тесно связан с купцами, которые вели оптовую торговлю с другими странами, был очень богат. Его сын «пошел по его стопам»: был министром юстиции, военным министром (сепаксаларом), министром иностранных дел, садразамом, а в годы опалы — правителем Гиляна. Богатство, знатность, связи и близость к шаху определили высокое место Хосейн-хана в государстве и позволили провести несколько важных реформ, но не спасли его от опалы. Его наследники сохранили земли и видное место в госаппарате. Следует отметить, что в силу близости к шаху (при доминировавших личностных отношениях в обществе) должностное лицо могло сосредоточить в своих руках исполнительные, судебные и иные функции, что обуславливало слабую дифференциацию власти и нечеткость границ разных государственных ведомств (диванов).

Однако в положении разных групп феодальной верхушки были значительные отличия. Наследственная феодальная знать, лишившись высокой должности и даже головы наиболее влиятельного лица в роде, лишь в исключительных случаях (например, потомки

Надир-шаха Афшара) утрачивала высокое общественное положение своей семьи и материальное благополучие. Потомки опального хаджи Ибрахима в течение всего XIX в. играли видную роль в государстве и владели значительной земельной собственностью, караван-сараями и другой недвижимостью. Бесчисленные шахзаде и их потомки могли рассчитывать на приличные государственные пенсии или земельную собственность, на высокое положение в том городе, где они проживали, на возможность получить для своих потомков хороший пост. Несмотря на взаимное соперничество, нередкую вражду и ненависть, эту часть господствующей элиты кадджарского Ирана связывали тесные узы единых интересов, что позволяло ей выступать единым фронтом, отстаивая свои феодальные права и господство в стране.

Новая династия сформировала новую элиту, в которую вошли члены правящего дома, представители других кадджарских родов, выдвинувшиеся по службе, оказавшие большие услуги первым Каджарам, представители служилой знати, ханы некоторых племен. Считалось, что пост садр-азама не должен занимать принц. На всех остальных наиболее престижных и выгодных должностях, как правило, находились принцы. В случае их неповиновения они заменялись другими принцами — в Иране в XIX в. недостатка в принцах не было.

Смена в административном аппарате чаще всего происходила после коронации нового шаха. Например, в такой важной провинции, как Фарс, с 1791 по 1870 г. сменилось 20 губернаторов, в их числе были хаджи Ибрахим-хан, Фатх-Али-хан (будущий шах), Мохаммад-Али-мирза, Хосейн-Али-мирза Фарман-Фарма, Фируз-мирза Носрат-од-Доуле, Фаридун-мирза Фарман-Фарма, Насерад-Дин-мирза и др. Именно из этих контингентов принцев, их приближенных и родственников по бракам составила правящая элита Ирана, которая управляла страной до самого свержения Каджаров в 1925 г. Периодически, со сменой шаха, одно поколение принцев заменялось другим. «В Персии со смертью шаха, — писал в своем дневнике В. А. Косооговский, — его сыновья совершенно сходят со сцены и безусловно уступают место сыновьям нового шаха, т. е. своим племянникам. При этом, если сын покойного шаха, т. е. брат нового шаха, вел себя хорошо — он обыкновенно лишается только своего положения и отчасти имущества: чтобы его ослабить, новый шах обыкновенно до тех пор не дает ему никаких доходных должностей и вместе с тем умышленно сосет его, покада тот, окончательно разорившись, не потеряет совершенно своего значения и делается уже совершенно безопасным для нового шаха; тогда ему дают второстепенные губернаторские должности. Но если он при жизни своего отца был противником нового шаха, ему может грозить весьма печальная участь... в кадджарской династии почти ни одно воцарение нового шаха не обошлось без бунтов, восстаний со стороны братьев и дядей, кровопролития, выкалывания глаз, пыток в застенках и уже во всяком случае почти неизбежного конфискования всего имущества родст-

венников-претендентов»³⁴. При такой опале принцы объявляли себя «рабами» не только шаха, но и садр-азама и заискивали перед незнатными, но влиятельными чиновниками. При коронации нового шаха, как правило, около трона находился кто-нибудь из самых старых каджарских принцев. Например, при коронации Мозаффар-ад-Дина в 1896 г. с ним был сын Фатх-Али-шаха Джансуз-мирза³⁵.

Каджары сумели переродиться, вероятно, со всеми знатными семьями Ирана — выдали замуж своих дочерей и сестер за наиболее влиятельных сановников, их сыновей и племянников, а сами взяли в качестве официальных жен (агди) или временных (сиге) дочерей и сестер из тех ханских, чиновничьих и даже богатых купеческих семей, в поддержке которых они были заинтересованы. Уже при Насер-ад-Дин-шахе вся правящая элита Ирана была связана брачно-семейными отношениями и в критических ситуациях выступала единым фронтом. Каджары мирились со своими бездарными, ленивыми, жестокими, алчными родственниками, занимавшими важные государственные посты и беззащитно обиравшими подвластное население: медлить они не могли — каждый из них мог оказаться «халифом на час».

Под стать шахзаде были, за небольшим исключением, и другие менее знатные сановники, извлекавшие из своих должностей (часто купленных за крупные подношения шаху, садр-азаму, наследнику или другим власть имущим лицам) максимальную выгоду. «Народ хочет освободиться от своих угнетателей» — так охарактеризовал правящую элиту один из русских чиновников³⁶. В Иране был очень популярен анекдот о неразумном управлении государством и жадности хаджи мирзы Агаси, доведшем страну до полного обнищания:

— Как досадно, что хаджи мирза Агаси умер!

— Почему?

— Да потому, что он разорил этот свет, а теперь и тот поставит вверх дном.

Положение выдвинувшихся при тегеранском и тебризском дворах лиц, обычно незнатного происхождения, несмотря на достижение ими самых высоких постов в государстве (садр-азам и др.) и на обеспечение своих родственников хорошими местами в административно-государственном аппарате, несмотря на получение колоссальных доходов (каем-макамы, особенно хаджи Агаси, были богачейскими людьми в Иране; очень богатым скончался Манучехр-хан), на приобретение несметных богатств, крупной земельной собственности и других видов недвижимости, было весьма шатким и зависело целиком от отношения к ним шаха. Вызвав неудовольствие шаха или будучи оклеветанными, эти лица лишались и жизни, и всего своего состояния; их дети немедленно удалялись от двора, обычно без права пользоваться отцовским имуществом, которое конфисковывалось в пользу государства; новое восхождение на вершину социальной пирамиды чаще всего пресекалось. Выручали в таком случае лишь семейно-брачные связи

с Каджарами или видными ханскими семьями; при этом варианте потомок опального сановника оказывался под защитой большого клана и мог рассчитывать на продвижение по службе с помощью сильных родственников. Относительно немногим из этой части господствующей верхушки удавалось удержаться наверху самостоятельно. Полученное европейское образование, навыки общения с иностранцами, хорошее знание дипломатии, юриспруденции, «тайн» административной науки и т. п. делали их необходимыми звеньями в государственном управлении и обеспечивали относительно высокое положение.

В Иране, как и в других мусульманских странах, юридическое полноправие мусульман, отсутствие ограничений сфер деятельности для высших прослоек (в Европе существовали социальные запреты), относительная открытость социальных группировок смягчали антагонизм между феодально-служилыми слоями и торговоростовщической верхушкой. Здесь в силу особенностей развития в средние века не создались предпосылки для глубокого размежевания между феодально-землевладельческими и предпринимательскими слоями населения. В XIX в. стала наблюдаться еще большая социальная мобильность, переход из одной социальной группы в другую, особенно при поддержке верховного правителя или провинциальных властей. Консерватизм и некомпетентность старого административного слоя вели к проникновению в него более динамичных элементов из других слоев и постепенному формированию новой правящей элиты, в которой бюрократия, служилая интеллигенция начинали играть видную роль, исподволь подготавливая модернизацию управленческого аппарата страны. Реорганизация армии, потребности военного времени, расширение связей с европейскими государствами, модернизация государственного аппарата и развитие торговли требовали новых кадров — интеллигенции, лиц с «просвещенным сознанием» (роушанфекран). Аббас-мирза одним из первых почувствовал «дух времени» и стал поддерживать стремление молодых иранцев к знаниям, к европейскому образованию³⁷.

К середине XIX в. в Иране сложилась небольшая, но уже достаточно влиятельная, особенно в министерстве иностранных дел, прослойка образованных чиновников со знанием европейских языков и культуры. При шахском дворе почти не осталось старых кочевых привычек. Насер-ад-Дин-шах был сторонником европейских манер и этикета, поддерживал идеи светского образования, реорганизации государственного управления на уровне министерств, развитие печати и т. п. Такое отношение монарха укрепляло позицию новых социальных слоев, находившихся одновременно в тесных связях и с классом феодалов. Из этой среды впоследствии вышли идеологи просветительского и буржуазно-демократического движения в Иране³⁸.

Основную массу класса феодалов составляли ханы племен, далекие от верховной власти, владельцы наследственных и тиульных земель, среднее звено провинциальной администрации, а также но-

вые землевладельцы — арбабы. В целом эта группа феодалов была достаточно стабильна. Перераспределение земельной собственности среди наследственных феодалов имело естественный характер — семьи росли, владения делились. Но отмечались и факты изъятия наследственной земельной собственности у феодалов. Например, правитель Белуджистана мог отобрать у хана принадлежавшее ему селение и передать его в управление другому человеку, сохранив за владельцем лишь право на получение части урочья³⁹. Более подвижным был состав «новых» помещиков; далеко не всем удавалось укрепиться, «врасти» в феодальный класс. Земельную собственность к середине XIX в. стали приобретать отдельные купцы, чиновники, офицеры. И хотя закон 1843 г. гарантировал частную собственность на землю, некоторым арбабам пришлось быстро расстаться со своими имениями: разорившиеся купцы оплачивали имениями долги, другие вынуждены были продать или «уступить» их из-за притеснений местной администрации, третьи продавали имения в расчете более выгодно поместить свой капитал. Но этот процесс в первой половине XIX в. только начался. О продаже частных деревень старыми и новыми владельцами писали многие авторы XIX в.⁴⁰

По мнению очевидцев, у помещиков, владевших обширными земельными владениями, было сравнительно немного наличных денег. В Гиляне некоторые помещики для разведения тутовой плантации на 500 тыс. саженцев шелковичного дерева брали в кредит 150 туманов и выплачивали долг в течение нескольких лет. Через два года после посадки помещик мог получить с плантации 150 туманов дохода; из них он платил арендатору 75 туманов и 10 туманов налога. У него оставалось 65 туманов, из которых он постепенно начинал выплачивать долг. Доходы крупных помещиков, естественно, были больше, поскольку они сдавали земли нескольким арендаторам. Тутовые плантации давали в два раза больший доход, чем рисовые поля. Богатых усадеб в Иране было мало.

Чтобы удержать за собой приобретенные земли, «новые» владельцы пытались войти в состав местной администрации, получить какие-нибудь должности. Например, в начале 50-х годов рудбарский помещик получил от правителя Гиляна Иса-хана право на управление Рудбарским болюком при условии, что он будет сам разыскивать воров и разбойников, а если не найдет их, то из личных средств будет возмещать убытки ограбленным. Несмотря на это, сделка была выгодной для помещика.

Экономической основой власти феодалов в Иране была феодальная собственность на землю. Приобщение к государственной власти, получение административных должностей вело к дальнейшему усилению их власти и влияния. Кроме того, с раннего средневековья отмечается тесная связь феодалов с купечеством — они принимали активное участие во внутренней и внешней торговле. Такая традиция сохранилась и в XIX в. В торговые операции вкладывали средства шахи, Аббас-мирза, высшие сановники. Вообще

«феодалное предпринимательство» (оптовая торговля, покупка недвижимости в городах, содержание базаров и каравансараяв, аренда рудников, откупы налогов) имело широкое распространение. Доходы владельцев Торшиза, например, от земельной собственности были меньше, чем от недвижимой собственности в городе (лавки, каравансарай) и караванной торговли с Индией. Такая экономическая деятельность феодала позволяла ему оказывать экономическое и политическое давление чуть ли не на все слои населения.

Для более полной характеристики положения феодалов следует отметить, что они пользовались большой свободой, хотя и должны были по достижении совершеннолетия поступать на военную или государственную службу. Старший сын наследовал ханское достоинство, а также замещал должность отца во время его болезни или отсутствия; после смерти отца требовалось утверждение шаха на отцовской должности. Наследственное имущество среди братьев делилось поровну, если отец не оставлял по завещанию какого-либо имущества одному из сыновей, чаще старшему. При необеспеченности личности и имущества в Иране получило широкое распространение вкладывание капиталов в дорожные ковры, шали, драгоценные камни, серебряную утварь и оружие. Значительные средства тратились на поддержание внешнего величия. Разорение и нищету большинство воспринимало спокойно, приписывая все это воле божьей, судьбе.

Положение крестьян. Оно определялось многими факторами: размерами земельной собственности и арендуемых участков, платой за аренду земли и воды, размерами или долей урожая, налогами и повинностями крестьян, плотностью населения в данном районе и наличием свободных для обработки земель, личностью местного правителя или владельца, близостью к городу и степенью связей с рынком, характером выращиваемых культур и т. п. Но независимо от этих факторов в целом положение крестьян было тяжелым и несправедливым, хотя сложившиеся веками нормы обычного права и шариат регламентировали отношение к ним и обеспечивали им определенную защиту. По шариату, крестьянин, проживавший в одной и той же местности, являлся владельцем обрабатываемой земли. С этой же позиции рассматривался и арендатор.

Очень интересно «поучение» Ага-Мохаммад-шаха, характеризующее его отношение к основному податному сословию — крестьянству, от работы которого в основном зависело благосостояние государства. По свидетельству Реза-Кули-хана Хедайята, однажды Ага-Мохаммад-шах попросил наследника престола Баба-хана высказать какое-либо приемлемое желание, и тот сказал: «Благодаря вашему могуществу я ни в чем не нуждаюсь... Если же будет облегчено накопление дохода крестьян, они еще больше будут молиться за вас». Ага-Мохаммад рассердился: «Твоя мысль незрела и ошибочна, потому что ты с крестьянами не жил и не имеешь представления о положении этого простонародья. Когда крестьянин будет свободен от забот, ему придет в голову мысль о необходи-

мости устранить начальников и правителей. Поэтому, если у населения появится досуг, оно не будет подчиняться правителям и предастся бесконечным размышлениям. Людей этого низкогословия надо занять трудом, чтобы у них не было отдыха от работы, иначе сельское хозяйство расстроится, урожай уменьшится, наступит голод, солдат будет неспособен служить, возникнут большие смуты, и государство погибнет»⁴¹. «Совет» был принят к сведению: при Фатх-Али-шахе крестьяне не имели времени для досуга.

Крепостного права в Иране, как отмечал и Дж. Малькольм, по мнению большинства наблюдателей XIX в., не было: «Обладание деревней не соединено с правом на жителей»⁴². Однако некоторые факты говорят о зависимом положении крестьян, когда землевладелец или местные власти могли переселить крестьян из одной деревни в другую, согнать с ранее обрабатываемых земель. По приказу правителя Гиляна крестьяне — коренные жители деревень Сиасусер и Миан-Махале, принадлежавших братьям Багировым, — были в 1853 г. насильственно и незаконно переселены в мазендеранское имение садр-азама мирзы Ага-хана Нури⁴³.

Одну из форм зависимости крестьян описал В. А. Косоговский: «В Персии нет и не было крепостного права в том виде, как оно существовало в России. В Персии слуги и крестьяне считаются свободными. Господин не имеет права их продавать, они могут свободно переходить от одних господ к другим, избирать себе род занятий, совсем ни у кого не служить».

По-видимому, свобода полная. Но это лишь *по-видимому*. На деле совсем иное: слуги и крестьяне в Персии при полном отсутствии установленных законом отношений господ к слугам и заимодавцев к должникам *закабалены* хуже крепостной зависимости. Дает коварный хозяин обстроиться, вовлечет в расходы, в долги, а потом куда же слуга или крестьянин пойдет? Земля принадлежит хозяину, а хозяин постройки покупать не хочет, деньги же требует. А на деньги 0/0% в Персии растут с непостижимою для европейца быстротой: здесь, где ростовщичество не только не преследуется, но поощряется, 18% считается самым обыкновенным процентом... т. е. долг удваивается через какие-нибудь четыре-пять лет»⁴⁴.

Таково положение издольщика на арендованной земле, основа фактически вечной аренды, в которой больше всего заинтересован владелец земли, а при некоторых обстоятельствах и издольщик. В Гиляне, например, положение арендаторов земли было лучше положения крестьян-землевладельцев, потому что арендатор получал половину урожая, а налог за него платил помещик. Он мог уйти только тайком, бросив свое имущество. Крестьяне-землевладельцы (райяты) платили налог, равный половине урожая риса и 1/4—2 манам шелка с каждого тилимбара (сарая, в котором разводят грену в количестве от 1/2 до 3 манов), т. е. налог составлял около половины урожая. Кроме налога они платили садыр, самовольно введенный хакимом налог на свои расходы по управлению⁴⁵.

Получившая к середине XIX в. широкое распространение купля-продажа частных земельных владений превращала арендатора в придаток к продаваемой земле, поскольку принцип согласования вопроса о купле-продаже земли с государственными властями и с сидевшими на этой земле крестьянами почти не соблюдался.

Отсутствие узаконенного крепостного права не мешало жесточайшей эксплуатации крестьян и пренебрежительному отношению к податному сословию: «Ремесленников и поселян столь мало уважают, что едва почитают людьми»⁴⁶. «Никакой класс не претерпевает столь большого притеснения и тиранства, как земледельцы и поселяне в Персии»⁴⁷. Незаконные поборы и насилие над крестьянами совершались постоянно⁴⁸. Когда по требованию одного из зятьев шаха Казем-хана крестьяне не принесли ему шербета и конфет, сказав, что не знают, что это такое, хан разграбил деревню, разрушил дома и сжег посеvy⁴⁹. Любопытное свидетельство оставил капитан Клейменов, ездивший в 1836 г. в Иран для уточнения расчетов по выплате последнего курура контрибуции, о том, как крестьяне отстаивали свои права, доведенные поборами до отчаяния. Клейменов имел ракам (предписание) для получения продовольствия для своего отряда из 15 человек и фуража. Староста деревни указал ему три дома, с которых надо получить продовольствие, а сам немедленно скрылся. Просьба обеспечить отряд фуражом и продуктами взбудоражила всю деревню. Сбежались все, вооруженные палками и саблями; особенно воинственно были настроены женщины. В завязавшейся драке были избиты конвоиры Клейменова. Клейменов отказался брать что-либо в этом селе-нии, «чтоб не вызвать совершенное остервенение народа»⁵⁰.

Крестьяне Ирана имели «такое же феодальное право собственности, как и сами феодалы»⁵¹, а «непосредственный производитель по-прежнему является наследственным или вообще традиционным владельцем земли»⁵². Это подтверждается и законом 1843 г. О крестьянском землевладении говорят акты купли-продажи земли крестьянами. Наследственные права на владение землей, по мнению Э. Лэмбтон, имеют общинное происхождение⁵³; они имели право на наследственную вечную аренду в течение нескольких поколений⁵⁴.

В XIX в. в ряде районов Ирана сохранялись переделы общинных земель по количеству членов семьи или по плугам⁵⁵. Хозяйственные объединения крестьянских семей, преимущественно родственных, вначале большесемейных, а затем состоявших обычно из трех-четырех поколений ближайших родственников, назывались боне (хозяйство, двор, семья), что стало основной фискально-податной ячейкой при уплате налогов и податей, а впоследствии, при введении рекрутской системы набора в армию (бониче), такая семья должна была поставлять одного солдата⁵⁶. В иранской деревне сохранялись и некоторые формы общинной кооперации при обработке земли и уборке урожая, при найме пастухов и сторожей, коллективном выпасе скота и др.⁵⁷.

Положение райятов различалось в зависимости от того, были

ли они собственниками земли или арендовали государственные, частные или вакфные земли. Основной формой земельной ренты (в виде издольной аренды) в первой половине XIX в. оставалась продуктовая, а денежная и отработочная играли второстепенную роль⁵⁸. Колебания в арендной плате были значительными: лица, арендовавшие земли у ханов (багрекары), платили багре, равную $\frac{1}{3}$ урожая; другая категория арендаторов — ярикары за пользование землей и инвентарем платили $\frac{2}{3}$ урожая; наиболее нищенской категорией были ранджбары, получавшие $\frac{1}{5}$ урожая за свой труд⁵⁹. На положении райятов сказывались и различные климатические условия, которые также обуславливали разные размеры налогов, ренты, экономической и личной зависимости. Крестьяне Гиляна, например, платили в качестве налогов, платы нанятым рабочим и других расходов половину собранных шелка-сырца, риса и других продуктов⁶⁰. Здесь в середине XIX в. стала складываться система мусалисех, по которой производители шелка получали от армянских, персидских или русских скупщиков грену и другие авансы и обязаны были по установленной цене продавать полученный урожай. Поскольку от такой системы страдали интересы английской торговли, то английский консул К. Е. Аббот пытался доказать ее вредность губернатору Гиляна и даже главе мусульман хаджи мулле Рафти⁶¹.

К середине XIX в. выросла задолженность крестьян государству, своим феодалам или помещикам, а также ростовщикам. Крестьяне брали деньги взаймы под урожай не только для уплаты налогов, но и для производственных надобностей — приобретения семян, скота, сельскохозяйственного инвентаря и проч., а также для чисто семейных нужд — свадьбы, похорон.

По словам бывшего шаха Ирана Мохаммад-Резы Пехлеви, более половины земель в Иране принадлежало крупным землевладельцам, которые обычно в поместьях не жили, «мало интересовались их состоянием и улучшением способов земледелия и уже во все не думали о положении крестьян»⁶². Надзор за именными поручался «управляющим, основной целью которых была главным образом эксплуатация крестьян в свою пользу. При феодальных порядках обращение с крестьянами поистине было бесчеловечным и диким»⁶³. Крестьян убивали, подвешивали за горло, заковывали в колодки, принуждали приносить в подарок своих близких. «Несправедливости, притеснения и отсутствие законности по отношению к крестьянам существовали и считались делом обычным»⁶⁴. Хорошее обращение с крестьянами было делом настолько редким, что отмечалось даже в исторических хрониках. Одно из таких редких упоминаний относится ко времени управления мирзы Хосейна, отца каем-макама мирзы Бозорга, когда «с райятами поступали справедливо». Доходы крестьянской семьи не могли обеспечить даже бедного существования⁶⁵. Стоимость имущества крестьянской семьи в Гиляне, исключая имущество кедходы (старосты) и немногих зажиточных крестьян, не превышала 20 туманов⁶⁶.

Разорение, нищенское существование большинства райятов

отрицательно сказывалось на состоянии государственной казны. Поэтому к середине XIX в. шахское правительство вынуждено было предпринять некоторые меры по урегулированию отношений между землевладельцами и крестьянами. Правда, эти мероприятия мало что изменили в положении крестьян. Уточнение владельческих прав на деревни и размеров малиата (налога), предпринятое Амир-Кабиром, было одним из первых шагов. Был разработан проект, определивший размеры ренты и характер повинностей крестьян в пользу феодалов. По фирману Насер-ад-Дин-шаха было юридически узаконено право крестьянина по своему усмотрению выбирать землю для аренды и, следовательно, своего хозяина. Однако крестьянин не имел права покинуть арендованную землю без разрешения помещика, что фактически сводило на нет разрешение свободной аренды земли и закрепляло крестьянина за помещиком.

Некоторые авторы считали удивительным явлением тот факт, что во время войны почти не нарушались производственные циклы: крестьяне продолжали сеять, ухаживать за посевами, убирать урожай, хотя в этом районе происходили военные действия. Думается, что исторический и жизненный опыт одного-двух поколений заставлял крестьян заботиться об урожае, иначе им грозила голодная смерть, поскольку центральная власть почти никогда не обеспечивала их продовольствием, а наоборот, изымала продукты и фураж для действующей армии. Крестьяне несли большие потери из-за набегов кочевых племен, а также аламанов узбеков, хивинцев. Например, в Северо-Восточном Хорасане, Астрабаде они обрабатывали поля, имея при себе оружие на случай нападения⁶⁷. Крестьянство подвергалось столь жестокой эксплуатации, что пассивно воспринимало почти всякое завоевание, если не ущемлялись религиозные интересы.

Тяжелым материальным и бесправным положением объясняются выступления крестьян против феодальных порядков в иранской деревне, особенно участвовавшие в середине XIX в. И тем не менее наиболее безопасными для Каджаров были низшие слои населения, отстоявшие слишком далеко от реальной власти и приученные с уважением относиться к любой верховной власти, которая считалась «данной богом».

Затруднительно говорить о расслоении крестьянства в первой половине XIX в. Выделение из крестьянской массы более зажиточных, предприимчивых, «удачливых» людей — процесс естественный. Средневековые источники дают богатый материал о крестьянах, ставших известными купцами, ремесленниками, чиновниками, духовными лицами. Возможности перехода из одной социальной группы в другую в XIX в. неизмеримо возросли. Меняли свое социальное положение солдаты, оседавшие в городах; редко возвращались в деревню лица, уходившие на заработки в город и даже уезжавшие в соседние страны, например в Россию. В связи с повысившимся спросом на иранское сырье создавались дополнительные предпосылки для дифференциации крестьян. Рост горо-

дов — еще одно подтверждение начавшихся сдвигов в иранской деревне.

Как ни парадоксально, при наличии большого количества описаний жизни крестьян и цикла сельскохозяйственных работ, например выращивания риса, производства шелка и т. п., организация сельскохозяйственного производства в Иране в XIX в. изучена явно недостаточно. Спорен вопрос о месте деревенской общины, значении торгового и ростовщического капитала в крестьянском хозяйстве, степени его товарности и др.

В Иране не было специфической сельской общины наподобие индийской, которая издавна знала строгое разделение на земледельцев и сельских ремесленников и т. д. Для Ирана более характерным было такое сочетание земледелия с домашней промышленностью, когда многочисленная семья или группа родственных семей при сохранении замкнутого натурального хозяйства обеспечивала себя самым необходимым — одеждой, обувью, примитивной посудой и иным домашним скарбом. Деревень с чисто натуральным хозяйством, оторванных от торгово-ремесленных центров или совершенно не имевших выхода на караванные пути, было мало. Правда, Л. Ф. Тигранов утверждает, что в основном в Иране было натуральное хозяйство⁶⁸.

Жизненность некоторых традиционных форм производства, например широкого распространения домашней промышленности в иранской деревне, объяснялась потребностями крестьянской семьи обеспечить себя самым необходимым в условиях частичного сохранения натурального хозяйства, возможностью в экономически более выгодной денежной форме выплатить налог или ренту (арендную плату), воспользоваться развитыми рыночными отношениями для увеличения бюджета своего хозяйства. Веками накопленный опыт иранского крестьянина позволял экономно и целенаправленно расходовать имеющиеся рабочие руки и сырье. В крестьянских семьях были широко распространены прядение, ткачество, ковроткачество, первичная обработка шкур, кож, производство ремней, первичная обработка фруктов. Некоторые виды одежды, обуви, домашней утвари производились только в хозяйстве крестьянина. В племенах домашние промыслы занимали еще большее место: здесь производили национальные виды одежды, шкуры, тесьму, ремни и украшения для национального костюма, занимались вышивкой.

Некоторые виды кустарной промышленности получили значительное развитие, например ковроткачество. В Иране сложилось несколько центров ковроткачества. Одни из них базировались на городском ремесленном производстве, другие — на сельской кустарной промышленности. Большим спросом в Иране и в других странах пользовались туркменские ковры. Одним из центров производства ковров был Султанабад, где в окрестных селах вырабатывались ковры для продажи; они были, вероятно, хорошего качества, если даже небольшой ковер 1×2 м стоил 7 туманов⁶⁹.

Сельские кустарные промыслы, рассчитанные только на мест-

ный рынок, например производство гончарной посуды, получили меньшее распространение, хотя в Иране были села, знаменитые своей ремесленной продукцией. Наличие относительно большого количества городов, где были сконцентрированы ремесленники разных специальностей, обладавшие профессиональным мастерством, тесные рыночные связи городов с окружавшими их сельскими районами были в известной мере фактором, сдерживавшим развитие кустарной промышленности.

В начале столетия крестьянские хозяйства в большинстве районов были натуральными или полунатуральными. Сбор налогов в натуральной форме — одно из убедительных доказательств натуральности крестьянского хозяйства. Однако уже к середине XIX в. процент уплаты налогов продуктами заметно сократился, а в нескольких провинциях были введены исключительно денежные налоги. Иногда создается впечатление, что исследователи преувеличивают степень распространения натурального хозяйства в Иране в XIX в.: «Вовлечение крестьян в орбиту товарно-денежных отношений происходило в результате их пауперизации, связывавшей крестьян с рынком в потребительских целях, а также замены натурально-потребительского хозяйства товарным»⁷⁰.

Имеется много свидетельств развития товарно-денежных отношений в иранской деревне уже в первой половине XIX в. Думается, что к вопросу о натуральности сельского хозяйства Ирана мы подходим с позиций общего определения феодального способа производства, для которого характерно натуральное крестьянское хозяйство, не учитывая в должной мере специфику иранского общества и значительную развитость товарно-денежных отношений не только в новое время, но и в средние века, а также ориентацию производства крестьянских хозяйств некоторых районов, например Гиляна, Иранского Азербайджана и др., на внутренний и внешний рынок. Мелкотоварное хозяйство иранских крестьян с производством ковров, войлоков, ремней, сбруи, тканей и пр. на рынок — тоже явление очень давнее. Пригородные деревни были постоянно связаны с городом. Но и в отдаленных местностях деревни тяготели к какому-нибудь городу или крупному селению, где периодически возникали базары, о чем даже говорят названия селений: Чаршамбе, Душамбе и др.

Рост товарности сельского хозяйства стал наблюдаться в некоторых районах Ирана особенно в начале 40-х годов, главным образом за счет производства технических культур (шелк, хлопок, табак), а также зерновых (рис, пшеница, ячмень) и скотоводства. Возникали особые рыночные отношения, поскольку рынком стал пользоваться крестьянин, производивший монокультуру. Здесь оформлялись торговые сделки землевладельцев и правителей, связанные с реализацией произведенной продукции; государственные сборщики налогов продавали полученные в виде налога шелк, хлопок, зерно и проч.; здесь было широкое поле деятельности для торгово-ростовщического капитала. Рост товарности зерновых хозяйств позволял вывозить излишки зерна в соседние государства,

если власти почему либо ограничивали или запрещали торговлю зерном, это вызывало даже недовольство зернопроизводителей и торговцев зерном, что случилось например в Иранском Азербайджане в середине 50-х годов. Увеличением производства можно объяснить и передачу первичной обработки сельскохозяйственного сырья городским ремесленникам и возникавшим мануфактурам, поскольку индивидуальные крестьянские хозяйства уже не могли полностью его обработать. Каналы реализации товарной продукции оставались прежними.

Косвенным доказательством товарности крестьянских хозяйств, развития товарно-денежных отношений в иранской деревне является применение наемного труда в сельском хозяйстве, в частности в Гиляне. Здесь нанимались на сезонную работу или брали землю в аренду азербайджанцы, мазендеранцы⁷¹, сюда ежегодно приезжало до 3400 человек поденщиков из Халхала для обработки рисовых и тутовых полей и строительных работ⁷². Об этом же говорит и отходничество иранских крестьян, в том числе и чарводарство — обслуживание транспортных животных⁷³.

Но вместе с тем в Иране складывались неблагоприятные условия для развития капитализма в деревне. Это, видимо, связано с господством феодальных методов и форм производства в иранской деревне, несмотря на наличие земельной собственности, приближающейся, по сути, к буржуазной, активность торгово-ростовщического капитала, заинтересованность помещичье-бюрократических слоев в расширении производства на экспорт, рост товарности сельского хозяйства. В этом своеобразии эволюции иранской деревни, надолго остававшейся феодальной, поскольку капитализация затронула вначале сферу надстройки, а не производства.

Уровень сельскохозяйственного производства в Иране был относительно невысок, хотя можно отметить устойчивую тенденцию к расширению посевных площадей (был издан специальный указ о расширении площадей под посевами хлопка в Мазендеране), росту общего валового сбора зерновых и других культур, росту посевных площадей под техническими культурами, повышению товарности сельского хозяйства. Однако, как писал российский консул из Гиляна в 1851 г., «усиленный налог пресекает стремление края расширить производство». И так было по всей стране. Государственная система фиска с ее откупам налогов была одним из факторов, замедлявших развитие капитализма в Иране.

Основными сельскохозяйственными культурами были зерновые. Пшеницей, ячменем и рисом правительство взимало часть налогов. В основном зерно шло на удовлетворение внутренних потребностей Ирана. Цены на зерно и некоторые другие виды сельскохозяйственной продукции в течение рассматриваемого периода постоянно росли. В начале XIX в. харвар зерна (300 кг) стоил 1 туман, а в 1870 г. — 2 тумана⁷⁴. По утверждению Ф. Бузе, в 50-х годах харвар пшеницы в Гиляне и Мазендеране стоил 5 рублей, т. е. около 4 туманов или 20 коп. сер. за пуд⁷⁵. Периодически цены на зерно могли подниматься очень высоко, что было связано

с неурожаем, народными волнениями, например бабидскими восстаниями, большими закупками зерна для армии или вывоза за границу. В отдельных районах периодически появлялись «излишки» зерна, что говорит о возникновении товарных зерновых хозяйств или о мобилизации торговым капиталом излишков зерна в крестьянских хозяйствах для вывоза.

Урожайность зерновых колебалась в зависимости от климатических условий района и погодных условий года. По отдельным видам зерновых она была довольно высока: например в Гиляне один ман семян риса позволял собрать урожай в 90 манов; в 1848 г. с одного джероба земли [100 акров] собирали от 15 до 40 харваров риса⁷⁶. В 1844 г. была определена государственная цена на рис в прикаспийских провинциях — 4 сахиб-крана за харвар шелтука (неочищенного риса), а мазендеранский харвар очищенного риса стоил 3,5 тумана (около 4 руб. асс., т. е. 50 коп. сер. за пуд)⁷⁷. Общая цена произведенного риса была определена в 171 200 туманов⁷⁸. Посевные площади под рисом выросли в 60-х годах, когда из-за гибели шелковичного червя сократились площади под шелковицей. Гилян в среднем производил около 12 млн. батманов риса (батман = 30 фунтам). На внутренние нужды шло около половины собранного риса из расчета 250 тыс. жителей в Гиляне, и каждый житель ежедневно потреблял около 800 г риса. В 1865 г. в Гиляне было засеяно 11 800 акров и собрано около 12 млн. батманов риса при среднем урожае 1100 батманов с акра.

Главной экспортной культурой Ирана в первой половине XIX в. был шелк. Основным шелководческим районом считался Гилян; разведение тутового шелкопряда в других районах Ирана или только начиналось, или не имело такого большого значения, как шелководство в этой провинции. Производство шелка в Гиляне в 30-е годы достигло 120 тыс. шахских манов, т. е. 3600 тыс. ф.; в 1840 г. оно сократилось до 1 млн. ф.; в 1846 г. поднялось до 2700—3000 тыс. ф.; затем в 50-е годы началась болезнь шелкопряда, но в 1864 г. удалось достигнуть 2190 тыс. ф. в результате активности некоторых торговых фирм, в частности торгового дома «Братьев Ралли», а в 1873 г. производство и вывоз шелка резко упали до 210 тыс. ф. на сумму 135 тыс. ф. ст.⁷⁹ По английским данным, в 1842 г. из Гиляна вывезли в Россию 15 400 шахских батманов шелка на 200 200 туманов, за что заплатили таможенный сбор в 6600 туманов; на юг Ирана и в Багдад — 18 060 шахских батманов на сумму 216 720 туманов (таможенный сбор 4515 туманов), т. е. за большее количество вывезенного шелка через южные таможи иранцы получали меньше таможенных сборов, чем за вывоз меньшего количества шелка в Россию. В Константинополь, на Кавказ и для местного потребления шло 42 тыс. шахских манов шелка на 504 тыс. туманов (таможенный сбор составил 10 500 туманов; здесь почему-то таможенные сборы были особенно высоки), в Реште оставалось около 200 батманов на 2400 туманов. Всего шелка продано на 461 660 ф. ст., а таможенный сбор составлял 10 810 ф. ст., приблизительно 2,5% общей стоимости шелка⁸⁰. По

данным российского консула, в 1845 и 1847 гг. шелк вывозили больше иранские купцы: немного в Россию, больше всего в Константинополь и Бомбей, затем в Багдад, Сирию, Ирак-е Аджам — всего на 300 тыс. туманов.

А в 1851 г. необычная жара в июне и засуха привели к массовой гибели тутового шелкопряда в Гиляне. Началась повсеместная болезнь тутового шелкопряда, что привело к резкому сокращению производства шелка. В 1865 г. в Гиляне произвели 220 т, в Йезде и Кашане по 32 т, в Хорасане — 16 т, Мазендеране и Астрабаде по 8 т, в Иранском Азербайджане — 4 т; всего 280 т⁸¹. Если в 1812 г. лучший сорт гилянского шелка стоил 9—10 туманов за ман, то в конце 40-х годов — 16—18 туманов⁸². По мнению Оузли, любая английская компания получила бы прибыль, вывозя иранский шелк через Трапезунд или Бушир⁸³. В 40-е годы цены на шелк в Реште были на уровне 28—32 кранов за 1 кг, в 1857 г. — 54—58 кранов, а в 1865/66 г. цены поднялись до 65—70 кранов за 1 кг⁸⁴.

Производство и особенно вывоз хлопка из Ирана в середине XIX в. были не очень велики. В районе Урмии хлопок выращивали европейские миссионеры и продавали его иранскому правительству, причем в 1851 г. — по очень высокой цене. Предполагалось с 1852 г. начать культивировать хлопок под Тегераном, в Фарсе и Хузестане. По сведениям Отто Блау, в 1857 г. через Трапезунд вывозилось всего около 100 вьюков хлопка⁸⁵. Но вскоре производство хлопка в Иране резко возросло. Через порты Персидского залива в Бомбей в 1844/45 г. было вывезено хлопка лишь на 19 тыс. рупий, в 1860/61 г. — на 1614 тыс., а в 1863/64 г. — на 6794 тыс. рупий⁸⁶. В Гиляне и Мазендеране в середине XIX в. харвар хлопка стоил 6—8 туманов (8—11 руб. ассиг.)⁸⁷.

Выращивание табака в Иране началось в XVII в.; в начале XIX в. табак разводили в большинстве районов и вывозили в Индию, Константинополь и Египет. По сведениям О. Блау, в 50-х годах собирали около 50 млн. ф. табака и вывозили около 22 млн. ф.⁸⁸

В начале XIX в. производство опиума в Иране было незначительно. В 1824 г. шейх Абд-ар-Расул-хан вывозил через Бушир всего 20 ящиков опиума. Резкое увеличение его производства отмечается с начала 60-х годов. В начале 50-х годов ман опиума на внутреннем рынке стоил 10—12 туманов, а в 60-х годах — 18—24⁸⁹.

Большое значение для Ирана имело скотоводство. Количество скота не было определено даже приблизительно, поскольку кочевые племена старались держать в тайне истинные размеры своих стад и табунов. Кочевое скотоводческое хозяйство обеспечивало потребности страны в мясе, шерсти, шкурах, молоке и т. п. Крупный и мелкий скот играл большую роль в оседлом земледелии — он кормил и одевал крестьянина, с его помощью велась обработка земли; верблюды, лошади, ослы были основным видом транспорта и обеспечивали все перевозки в Иране. Товарность скотоводческого хозяйства в XIX в. неуклонно возрастала; живой скот, шкуры, шерсть, кишки занимали видное место в экспорте Ирана. Все виды

продукции скотоводства имели сбыт на внешнем рынке — шли в Закавказье, Турцию, в порты Персидского залива.

Для сельского хозяйства Ирана характерен экстенсивный тип развития с невысокой производительностью труда, слабым использованием и освоением новой техники, медленным перераспределением трудовых ресурсов по отраслям. Исторически сложившаяся специализация сельскохозяйственных районов обусловлена прежде всего разными климатическими условиями. Это вызвало возникновение ранних торговых связей, оживленного обмена между областями, а также между кочевыми племенами и оседлым населением. В XIX в. к этим естественным факторам присоединился новый — повысившийся спрос на некоторые виды сельскохозяйственного сырья постепенно стал «переориентировывать» производство отдельных районов на хлопок, табак, опиный мак и др. Специализация некоторых районов была значительной: в Гиляне, например, занимались в основном двумя культурами — шелком и рисом, но были и сады. А овощи вывозили из соседнего Мазендерана. Центры ковроткачества, в основном, были расположены ближе к районам кочевых племен, снабжавших городских ремесленников шерстью.

Тысячелетиями складывавшаяся система сельского хозяйства была хорошо приспособлена к природным условиям. В районах искусственного орошения необходимо было постоянно поддерживать и расширять ирригационные системы. В течение первой половины XIX в. иранское правительство не предпринимало серьезных мер для восстановления, улучшения и расширения ирригационных систем, хотя обработка большей части земель зависела от наличия и состояния оросительных систем. В 1840 г. мирза Агаси решил культивировать некоторые земли в районе Кермана и улучшить снабжение водой Тегерана из р. Кередж. При нем начались ирригационные работы в Йезде, Горгане и других районах, строительство плотин Насери на р. Керкук в Хузестане; он отправил в Англию несколько человек изучать мелиорацию⁹⁰.

С конца 30-х годов, а особенно после выступления бабидов, стала очевидна необходимость государственного вмешательства в дальнейшее экономическое развитие страны. Поддержкой экономической инициативы одиночек-торговцев и предпринимателей, робким регламентированием финансово-налоговой системы и таможенной службы ограничиваться было уже нельзя. Для улучшения экономического положения страны, обеспечения ее независимости и стабилизации иранского государства нужны были более действенные меры. Именно так понимал необходимость реформ мирза Таги-хан Амир-Кабир. Однако после его смерти все работы прекратились. Частые неурожаи и особенно голод в 1869—1872 гг. привели к полному обезлюдению некоторых районов; многие земли халисе и арбаби были потеряны для земледелия⁹¹.

Племена. Значительные отличия в ведении хозяйства, общественных отношениях и быте, участии в политической жизни страны позволяют выделить кочевые и полукочевые племена из остальной

массы сельского населения Ирана. Численность племенного населения в первой половине XIX в. иранское правительство определяло в 3 млн. человек, т. е. в $\frac{1}{3}$ всего населения, а западные путешественники — от 750 тыс. до 1,5—2 млн. человек. Советский исследователь иранских племен В. В. Трубецкой считает, что в первой половине XIX в. свыше 40% населения относилось к категории полукочевников⁹². Племена были расселены по всей территории Ирана, но чисто «племенными» районами были окраины государства, где обитала основная масса племен: курды — в Курдистане; афшары, шахсевены, каджары, туркмены и другие тюркские племена — преимущественно вдоль северных границ; белуджи — в Белуджистане; кашкайцы, считающиеся частью шахсевен, — в Фарсе и на юге Исфаханской провинции; арабы — в юго-западной части и Фарсе; бахтиары и луры — на западе страны⁹³.

Значительные перекочевки племен наблюдались до конца XVIII в. К началу XIX в. в основном определились территории расселения оседло-кочевых племен. В XIX в. больших перемещений племен не было. Каджары, закрепив за племенами определенные земли на правах тиулей, старались их не менять, чтобы не вызвать межплеменных распрей и осложнений в отношениях центральной власти с племенами. Племена были разными не только по этнической принадлежности, но и по уровню социально-экономического развития, по численности, размерам занимаемой территории, религии, военному потенциалу, роли в политической жизни страны. Положение племен в обществе определялось не только степенью их социально-экономического развития, но и близостью к государственной власти, родством с шахским двором, их ролью в межгосударственных отношениях (например, шахсевен и туркмен в русско-иранских отношениях, некоторых курдских и арабских племен в отношениях с Турцией) и другими факторами. Но к середине и в особенности во второй половине XIX в. уровень развития элементов капиталистического уклада начинает сказываться на племенах, на их роли в экономической и политической жизни Ирана.

XVIII век в истории Ирана можно назвать веком борьбы различных феодально-племенных группировок за политическую власть и господства племенных вождей (афганцы, афшары, бахтиары, зенды, каджары и др.). Пришедшие к власти каджарские ханы вначале проводили очень осторожную политику в отношении племен: одних из них делали своей опорой, других подкупали земельными пожалованиями, третьим обещали полунезависимое управление собственных ханов, четвертых подчинили при помощи военной силы и заставили признать власть каджарских шахов. Иранские монархи должны были обладать тонким искусством управления многочисленными племенами, чтобы держать их в повиновении и уметь с помощью одной племенной группировки покорять другую. В целом Каджарам это удавалось. Они сумели заставить племена признать центральное правительство, охранять государственные границы, выставлять военные ополчения по требованию

шаха в годы войны. Значительно труднее было собирать с племен налоги и подавлять периодические выступления племен против властей. Однако сепаратистские устремления племен оставались. Они порождались не только желанием быть независимыми от Тегерана, но и стремлением к более тесным контактам с родственными племенами в соседних государствах, с которыми поддерживались семейно-родственные, экономические и политические связи. Перекочевки племен в соседние государства были выражением политического недовольства племен.

Новым явлением в XIX в. стали тенденции к политической и этнической консолидации иранских (курды, бахтиары, луры, белуджи), тюркских (афшары, кашкайцы, туркмены) и арабских (бени-кааб, шейбани) племен. Кроме того, на отношения центральной власти с племенами в XIX в. стали оказывать сильное влияние европейские державы.

Шахское правительство, используя регулярные войска, умело играя на соперничестве и вражде отдельных племен и опираясь на администрацию провинций, назначенную из родственников шаха или приближенных ко двору лиц, медленно, но неукоснительно проводило централизаторскую политику, по возможности ставя племенную знать в зависимость от тегеранского двора путем назначения на какую-либо должность, подарками, обещаниями и т. п.

Об ослаблении роли племен в политической жизни страны говорит хотя бы тот факт, что после утверждения Ага-Мохаммад-хана на шахском престоле ни одно из племен не предпринимало серьезных попыток захватить власть в стране даже с помощью какого-либо кадджарского принца, претендовавшего на трон. Выступления племен, а их было достаточно, были местного характера и оказывали влияние на жизнь отдельных провинций или даже более мелких административных единиц — болюка, города, нескольких деревень. Одни из племен в этот период добивались подтверждения Каджарами своих прав на земли; другие отстаивали власть своих ханов или ильханов над племенами и целой округой с оседлым населением, не соглашаясь принимать кадджарских чиновников; третьи еще никак не могли решить вопрос о своем подданстве (пограничные туркмены, курды, шахсевены, арабы и др.) и вели с иранским правительством своеобразную дипломатическо-военную игру, пытаясь таким образом сохранить свою фактическую независимость. Такая проблема возникла, например, у курдов в период ирано-турецких, ирано-русских или русско-турецких войн, в которых принимали участие курдские вооруженные отряды⁹⁴. Курдских феодалов не устраивали ни танзимат в Турции, ни попытки проведения реформ в Иране. Иранские курды не остались безучастными к судьбе своих соплеменников в Турции, когда они выступили против турецких властей в 1828—1833 гг., чтобы отстоять свое полунезависимое существование, во время карательных экспедиций Рашид-паши и Хафиз-паши (1834—1847), во время сопротивления курдов в Ревандузе (1836), Джебзире (1842—1847) и Дерсиме (с 50-х годов). Недовольство порядками в зоне

расселения курдских племен служило почвой для распространения среди курдов езидства, различных сектантских течений (например, «Хушк-у-бра»), учения бабидов.

Тегеранские власти, не обладая достаточной силой для покорения племен, вели сложную «восточную» дипломатию, то угрожая, то заигрывая с племенами, подкупая ханов, влиятельных духовных лиц, например ишанов у туркмен, сталкивая одно племя с другим, ссоря хана племени со своими родственниками и т. п. Такая политика Тегерана позволяла сохранять видимость власти над пограничными племенами. Например, курдское племя сарелу, состоявшее из 300 семейств и жившее в Хойском болоте, из-за обид на соседей или из-за голода ушло в конце 40-х годов в Турцию. Иранское правительство не требовало возвращения курдов. Через четыре года курды вернулись в Иран, по утверждению турецкого пограничного начальства, из-за переманивания их персидскими Властями. Турция потребовала вернуть беглецов⁹⁵. Спор о принадлежности Ирану тех или иных племен и соответственно пограничных территорий продолжался в течение всего XIX в. Отзвуки этих пограничных конфликтов докатились до наших дней, о чем свидетельствуют взаимные претензии Ирана и Ирака, приведшие к острому военному конфликту в 1980 г. Наиболее «горячими точками» в первой половине XIX в. были Туркменская степь, некоторые пункты на русско-иранской границе, Курдистан и некоторые районы Хузестана (Арабистана).

В социально-экономическом плане племена представляли сообщества, в которых патриархально-родовые отношения причудливо переплетались с феодальными. Сохранению родо-племенных связей и традиций способствовала известная политическая и хозяйственная изолированность племен. Скотоводческое хозяйство племен в сочетании с развитыми земледелием и ремеслом обеспечивало кочевников и полукочевников всем необходимым. Ведя происхождение от единого, часто легендарного предка, различные подразделения племени (патриархальная семья, род, племя, союз племен) сохраняли родственные связи. В зависимости от родства с ханской фамилией определялось место человека, семьи, рода в племенной иерархии. Во главе объединения племен стояли ильханы, сардары; племя возглавлялось ханами, беками, реже калантарами; власть в мелких подразделениях (отдельных селениях, лагерных группах) принадлежала старостам (кедхода, ришсефидам, раисам). Все они составляли племенную верхушку, в их руках была власть, право распорядиться рядовыми соплеменниками, землей, скотом, ополчением. Из рядовых илятов военное сословие нукеров было в привилегированном положении по сравнению с простыми скотоводами и райятами-полукрепостными, наследственными арендаторами земель в деревнях, расположенных в зоне обитания племен. В племенах имелись рабы. Племена были аширетные — привилегированные, несущие военные обязанности, и зависимые, райятные. Ополчение племени иногда использовалось местными правителями и отдельными крупными землевладельцами в качестве наемников.

Феодальная верхушка племен была связана множеством нитей с шахским двором, местными властями и помещиками, духовенством и купечеством. В. В. Трубецкой отмечал участие племен в политической борьбе в близлежащих городах; ханы вмешивались в конфликты между торгово-ремесленными синфами, духовенством и феодальной бюрократией и даже в борьбу городских группировок «неамати» и «хайдари»⁹⁶.

Несмотря на условный характер землевладения, земли племен, выданные в качестве тиуля на условия несения военной службы, в большинстве племен к середине XIX в. стали считаться как бы собственностью глав племен. Например, владения Фариса, главного шейха арабского племени джагов, простирались от района Мохаммеры до Бахтиарских гор. Он мог выставить 20-тысячное войско. Остальные шейхи платили ему ренту-подать. В зависимости от него находился и владелец Мохаммеры Джабар-хан, который располагал 6-тысячным ополчением, и владелец о-ва Хызр шейх Салман. В свою очередь, Джабар-хан получил фирман на право управления, смены должностных лиц, разорения и даже казни всех членов племени бави за участие в мятеже⁹⁷. Здесь налицо была феодальная иерархическая соподчиненность.

Во время ирано-турецкого разграничения 1849—1852 гг. предполагалось Мохаммеру отдать Ирану, а земли вокруг нее — Турции. При таком разграничении Джабар-хан лишился бы всех своих личных земель⁹⁸. В 50-е годы очень богатыми курдами считались сардар-е колль Азиз-хан и все его родственники. Им принадлежало около 800 домов (семей), которыми управлял специальный доверенный хана. Власть правителя Иранского Азербайджана не признавало курдское племя вейли, считая своим владельцем ильхана Нур-Али-хана (1838 г.). Собственностью хана или отдельных членов племени считались населенные пункты, пальмовые рощи, пахотные земли. Наследственным владением ханов белуджского племени баранзаи (яранзаи) были селения Бакшан и Когнадаут. Владетелями и правителями Джалка были ханы из семьи Мир-Бозорг-заде. В Систане владетели Дузаба Булгак-хан и его отец подчинялись вали Кермана; они, как и владетель Ляодиса, налогов Каджарам не платили, но обязались выставлять вооруженные отряды по требованию каджарских властей. Жители белуджского селения Чамп считали своим владельцем хана и на этом основании отказывались платить налог в казну. К Каджарам белуджи относились враждебно, не хотели признавать их власть, отказывались платить налоги, нести воинские повинности и даже принимать иранские деньги (большинство купцов в Белуджистане было из Индии, и здесь в ходу были индийские деньги). Неоднократно против Каджаров выступало племя наруи.

В некоторых племенах кровная месть уносила значительную часть ханского рода и рядовых кочевников. Часто вспышка кровной мести возникала из-за борьбы за земельные владения и власть над племенем. Например, обширные владения ханов племени халадж простирались от Зенджана и Казвина до Кума и Хамадана.

Фатх-Олла-хан и его брат Абдулла-хан были одновременными правителями Халаджестана. Их родственник, Реза-Кули-хан, интригами и взятками добился от шаха в 1834 г. передачи ему управления Халаджестаном. Когда умер Фатх-Али-шах, он еще не успел вступить в свои права. Братья обратились с просьбой и богатыми подарками к Мохаммад-шаху. Тот обещал вернуть им Халаджестан за спасение от разбойников барона Н. Е. Торнау, везшего в Исфахан к шаху послание Николая I^{98а}. Борьба за власть среди верхушки племени халадж дорого обошлась рядовым членам племени и унесла много жизней.

Для многих племен важное значение имела возможность перекочевки для выпаса скота в летнее и зимнее время. В одних случаях племена являлись владельцами и летних, и зимних кочевий, в других — арендовали их, в третьих — самовольно занимали чужие земли или перегоняли через них скот, платя за это установленные подати или арендную плату. Талышские и ширванские ханы брали с кочевников за зимнее кочевье на Мугани специальную подать «чуп-баши». После перехода Муганской степи в состав России ранее кочевавшие здесь шахсевенские племена продолжали передвижение по этой территории, считаясь подданными Ирана. Иранское правительство обязалось само платить за шахсевенов русским властям 2 тыс. руб. серебром, чтобы шахсевены меньше входили в контакты с российскими властями. Перекочевка около двух тысяч семейств породила множество конфликтов с властями и местными жителями; имели место грабежи и убийства. В 1832—1837 гг. закавказские власти запретили перекочевку шахсевенов, но они нарушали границы и продолжали перегонять скот на Мугань и заниматься контрабандой. Мирза Таги-хан Амир-Кабир в 1850 г. запретил иранским шахсевенам переходить границу. Во главе четырнадцати шахсевенских племен стоял ильбеги, корый с середины XIX в. стал назначаться правительством. Ранее его избирали шахсевенские ханы, а правительство лишь утверждало. Назначение правительством ильханов и ильбеги — новое явление в жизни кочевых племен; оно ставило некоторые племена в большую зависимость от правительства.

В качестве примера взаимоотношений Каджаров с племенами можно взять два племени: кашкайцев, проживающих в Фарсе и на юге Исфаханской провинции, и пограничных туркмен.

Кашкайские ханы (и следовательно, племена) в период каджаро-зендской борьбы за власть были сторонниками Зендов, поскольку Керим-хан Зенд разрешил им вернуться из Хорасана в Фарс. Кашкайский ильбеги Джан-Мохаммад-хан (Джани-хан), носивший также титул ильхани, выступил с Джафар-ханом Зендом против Ага-Мохаммад-хана Каджара и был разбит. По преданию, захватив власть, Ага-Мохаммад переселил 2 тыс. кашкайских семейств в район Чахарленга и 5 тыс. — в Верамин и Мазендеран, где кашкайцы жили в районе Ашрафа (Бехшахра) и Фарахабада до 1850 г. Семья ильхана укрывалась в горах Загроса до смерти Ага-Мохаммад-шаха. Правителем Фарса Ага-Мохаммад

сделал своего племянника Фатх-Али-хана, который после вступления на престол разрешил Джани-хану вернуться в Фарс, где вокруг кашкайцев объединились многие мелкие племена (лаки, куруни, шейх Аливанд и др.), что привело к значительному влиянию кашкайских ханов в Ширазе.

После смерти Джани-хана ильханом стал его второй сын — Мохаммад-Али-хан, а младшие сыновья — Мортаза-Кули-хан, Мостафа-Кули-хан и Мохаммад-Кули-хан — получили титулы ильбеги. Во время правления Фатх-Али-хана в Ширазе будущий наследник престола Аббас-мирза дружил с младшими сыновьями Джани-хана, что сохранило им жизнь и позволило впоследствии выдвинуться. Ильхани Мохаммад-Али-хан женился в 1824/25 г. на дочери правителя Фарса Хосейн-Али-мирзы Фарман-Фарма и, породнившись с правящей династией, приобрел большое влияние на юге Ирана; говорили даже, что кадjarский губернатор был «пленником» ильхана. Ильбеги Мохаммад-Кули-хан в 1831/32 г. хотел жениться на дочери хаджи мирзы Али-Акбар-хана Кавам-оль-Молька, сына казенного первого министра хаджи Ибрахима, который с 1811/12 г. был калантаром Фарса; предполагалось, что их будущий сын женится на дочери ильхана. Такой брак должен был еще более упрочить положение в Фарсе этих двух знатных домов.

Браку помешал везир Фарса мирза Мохаммад-Али Мошир-оль-Мольк, заверив Фарман-Фарма, что объединение двух крупнейших феодальных домов будет использовано Аббас-мирзой против него. Принц приказал арестовать ильхана. Тогда кашкайцы по приказу ильбеги Мортаза-Кули-хана ушли в Керман и присоединились к племенам нафар, бахарлу и эйналу.

Правитель Кермана, сын Аббас-мирзы Наваб Сейф-оль-Мольк-мирза, хорошо принял кашкайцев и выделил им летние и зимние пастбища на 100 тыс. семейств (кашкайцев было значительно меньше). Выпущенный на свободу, Мохаммад-Али-хан обратился с письмом к наследнику престола, который находился в Хорасане, спрашивая, что должны делать кашкайцы, преследуемые Фарман-Фарма. Аббас-мирза попытался защитить кашкайцев перед шахом.

В 1832/33 г. Фарман-Фарма выступил из Шираза с войском против кашкайцев, чтобы заставить их вернуться в Фарс. В обозе находились его дети и племянники, калантар Кавам-оль-Мольк, везир Мошир-оль-Мольк и шейх-уль-ислам Фарса шейх Мохаммад-Амин. Фарман-Фарма послал для переговоров к кашкайцам шейх-уль-ислама и калантара, которые договорились о возвращении кашкайских ханов в Фарс. После смерти Аббас-мирзы Фарман-Фарма сместил ильхана Мохаммад-Али-хана, ослепил его наследника и занял его резиденцию, а во главе кашкайцев утвердил ильбеги Мохаммад-Кули-хана. Такая жесткая политика в отношении кашкайцев (расселение племени, устранение непокорных ханов, передача верховной власти над племенем приемлемому для Каджаров хану) позволяла Каджарам удерживать в повиновении Фарс и Керман⁹⁹.

Иными были отношения Каджаров с туркменскими племенами.

Каджары и туркмены — тюркские племена, жившие в течение длительного времени по соседству и имевшие разнообразные тесные связи. В тяжелые годы преследований каджарские ханы укрывались у дружественных туркменских племен. Придя к власти, каджарские шахи рассчитывали на признание туркменами их суверенитета над собой. Однако туркменские племена отстаивали свою независимость. История покорения туркмен — хорошая иллюстрация к племенной политике Каджаров. С большим трудом Ага-Мохаммад-шаху удалось покорить туркмен-гокланов и, утвердив за ними определенные кочевья, в качестве заложников переселить в Тегеран 300 наиболее знатных гокланских семейств. Понимая, что военной силой трудно удержать туркмен в повиновении, шах приказал астрабадским властям поддерживать и даже разжигать вражду между гокланами и иомудами в соответствии с принципом «разделяй и властвуй».

В июне 1803 г. Фатх-Али-шах во главе 12-тысячного войска предпринял поход против туркмен, но недалеко от Астрабада он был разбит. Фатх-Али-шах придерживался такой же политики в отношении туркмен, как и Ага-Мохаммад, время от времени посылая туркменским старшинам фирманы с утверждением в ханском звании и почетные халаты, соглашаясь на формальное признание частью туркмен зависимости от Ирана и не требуя от них постоянно ни налогов, ни войска. Туркмены, крупнейшими племенами среди которых были гокланы и иомуды (иомуты), продолжали отстаивать свою независимость, играя на противоречиях между Ираном, среднеазиатскими ханствами и Россией. Часть туркмен тяготела к Хиве, другие обращались за покровительством к бухарскому хану. Некоторые туркменские старшины установили связь с российскими властями и вели переговоры о принятии их в подданство России. Иран же продолжал считать своими туркменские земли вплоть до Хорезма. Туркменские племена отказывались принимать каджарских чиновников, не подчинялись астрабадскому губернатору, не платили налогов и не выставляли войско по требованию каджарских властей. И не раз оказывали вооруженное сопротивление иранским властям, пытавшимся подчинить Туркменскую степь. Туркменские племена нападали друг на друга; объединялись с курдами и с хорасанскими ханами для выступления против местных правителей; занимались разбоем. Совместно с узбекскими и хивинскими отрядами туркмены совершали набеги на земли Хорасана, Астрабада и Мазендерана, захватывая не только скот и другое имущество, но и жителей, которых потом перепродавали в Хивинское и Бухарское ханства. Иранских пленных в Средней Азии было несколько десятков тысяч.

Правительство Ирана предприняло несколько карательных экспедиций против туркмен. В 1805 г. правитель Хорасана Мохаммад-Вали-мирза во время военной экспедиции против туркмен Серахса, Теджена и Ахала захватил большую добычу и разорил туркменские селения. В ответ туркмены приняли участие в антикаджарских выступлениях хорасанских ханов и правителя Астра-

бада Мохаммад-Заман-хана Каджара и в опустошительных набегах хивинского хана Мухаммад-Рахима на Хорасан (1813—1814, 1816)¹⁰⁰. Когда в 1818 г. туркмены отказались принять участие в очередном набеге хивинцев на Хорасан, хивинские войска разорили селения гоклан и многих угнали в плен. В 1822 г. туркмены теке за совершенный набег на Мешхед были разорены новым правителем Хорасана Хасан-Али-мирзой. Одновременно в 1821—1822 гг. проводилась карательная экспедиция против туркмен¹⁰¹. Иранское правительство обязало губернаторов Астрабада и Хорасана держать большое войско для отражения набегов и утверждения военной силой своей власти над туркменами. Во время посольства Хосров-мирзы в Петербург амир-незам Мохаммад-хан обратился с просьбой, чтобы Россия признала земли туркмен и узбеков иранскими провинциями¹⁰². Проводя завоевательную политику в Туркменской степи, иранские власти одновременно пытались оказывать «милость» туркменским старшинам, посылали им халаты и другие подарки. По ходатайству принца Зелл-е Солтана Фатх-Али-шах разрешил вернуться в Туркменскую степь 300 семействам туркмен-заложников.

При Мохаммад-шахе политика правительства в отношении туркмен начала меняться. Тегеран решил твердо закрепить свою верховную власть над Туркменской степью. И здесь возникли новые конфликты. Посланные к туркменам сборщики податей хаджи мирза Мохаммад-хан, Сабз-Али-хан и др. в марте 1836 г. были убиты туркменами. Мохаммад-шах стал готовиться к походу против туркменских племен.

В 1830 г. граница между владениями Ирана и туркменских племен была установлена по Карасу (Черной реке). Ленкоранский купец Багиров, принявший российское подданство (его братья и другие родственники оставались подданными Ирана), держал на откупе рыбные промыслы в районе туркменских берегов, платя туркменам небольшие суммы — по 10 копеек серебром за каждую выловленную рыбу (осетра, белугу, севрюгу). К 1834 г. он недоплатил туркменам около 14 тыс. руб., поэтому туркменский старшина Кият-бек передал северный берег по Карасу на откуп астраханскому купцу Герасимову, а южный берег Багиров получил на откуп от шаха. Багиров стал снабжать туркмен из рода оржали лодками, чтобы они нападали на русских рыбаков из ватаг Герасимова. С согласия иранских властей (было письмо брата Багирова Мир-Садека к туркменам) туркмены сожгли ватажные строения рыбопромышленника Суджаева, взяли в плен пять русских рыбаков и продали их в рабство, напали на судно купца Эривандова, торговавшего в Астрабаде. Спор откупщиков-рыбопромышленников послужил одним из поводов для иранской военной экспедиции против туркмен.

Астрабадского правителя Фазл-Али-хана особенно возмущало то, что туркменский старшина, получая много денег за откуп, ничего не платил ему. В 1835 г. он написал садр-азаму хаджи мирзе Агаси, что в Астрабадский залив прибыли русские рыбопромыш-

ленники на четырех судах, получив от Кият-бека разрешение ловить рыбу. «Туркменцы, кто они такие, чтобы могли быть владельцами вод? Они кочевники. Земли и ловли принадлежат шаху и были уступлены Мир-Садыку, брату Абу-Талиба (Багирова. — И. К.)... и что это такое, что Кият-туркменец, подданный шаха, ежегодно ездит в Астрахань, получает ордена и издерживает ежегодно 20 000 туманов на удовольствия и игры, доходы от соли и нефти, которые принадлежат шаху»¹⁰³. Это письмо очень хорошо иллюстрирует отношение иранских властей к кочевым племенам.

Разбои в юго-восточной части Каспия приносили материальные убытки не только российским купцам и рыбопромышленникам, но и иранским гражданам. По утверждению министра иностранных дел мирзы Масуда, «несколько туркменцев, подданные наши, живущие на островах Каспийского моря, с некоторого времени бунтуются и нарушают спокойствие Астрабадских и Мазендеранских приморских стран. Нападая на сии места, они берут жителей в плен и распространяют между ними страх и ужас»¹⁰⁴. При этом иранские власти ссылались на то, что Иран не имеет военных кораблей на Каспии, чтобы пресечь разбои. Российская военная флотилия получила приказ прекратить разбои в этой части Каспийского моря. Когда туркмены отказались выдать виновника сожжения русского торгового судна, отряд Вендриха стал захватывать и уничтожать туркменские лодки, препятствуя не только разбоям, но и торговле туркмен нефтью и солью, а также рыбной ловле. Такие действия отряда Вендриха вызвали возмущение туркмен. Они обратились за покровительством к иранским властям. Этим немедленно воспользовалось иранское правительство и приняло решение о военной экспедиции в Туркменскую степь, чтобы утвердить власть Ирана над туркменами.

По утверждению Кият-бека, граница туркменских племен всегда проходила по Карасу, и севернее Горгана никогда не было иранских деревень и крепостей с иранскими гарнизонами. Теперь же астрабадский правитель объявил земли между Атреком и Карасу иранской территорией, несмотря на то что проживавшие там туркмены не признавали власть Ирана. Чтобы оказать давление на номудов, иранские власти запретили продавать им продовольствие. И, видимо, у Ирана существовала договоренность с Хивой, потому что Хива также прекратила продажу зерна туркменам. Начался голод.

Иранское правительство решило послать в Туркменскую степь военный отряд под командованием Мир-Садека. 4-тысячный отряд иранских солдат прибыл на четырех судах, вооруженных пушками, к туркменским берегам. Ему помогли два судна, принадлежавшие Абу-Талибу Багирову. Туркменам, проживавшим между Серебряным холмом и Челекеном, был нанесен большой материальный ущерб, оцениваемый в 200 тыс. руб.¹⁰⁵. По данным инспектора астраханских таможен, иранскому 4-тысячному войску удалось разбить туркмен, так как между ними не было единства. Некоторые туркменские ханы изъявили покорность, другие — ушли,

уклонясь от встречи с иранским войском; большинство туркмен не поддержало Кият-бека, видя в нем сторонника русской ориентации.

Зная об обострении отношений туркменских племен с хивинским ханством, тегеранское правительство предложило туркменам пропустить иранское войско в Хиву через туркменские земли. Племя нурали отказалось пропустить иранские войска, а некоторые ханы гоклан, иомудов-ярали и теке согласились. В 1837 г. иранское войско Мохаммад-шаха вторглось на землю туркмен, дошло до Атрека, опустошая по пути туркменские селения. По сообщению Кадыр-Мохаммад-бека, сына Кията, «много туркмен убито, захвачено в плен, имущество и жилища уничтожены, скот отогнан (до 500 тыс. баранов, 60 тыс. коров, 20 тыс. верблюдов, 10 тыс. кобыл и 4 тыс. буйволов)... иомуды спасались на кораблях Герасимова, ели лишь рыбу... Мир Садык, брат Мир Багирова, принял все меры, чтобы лишить туркмен еды, у берегов поставил вооруженные пушками русские бакинки с большим числом персидских солдат, никого к берегу не подпускал... Говорят, что 16 тыс. персов готовятся ударить на Гасан-кули. Иомуды решили не поддаваться персидскому игу»¹⁰⁶. Некий хаджи, почитаемый святым среди туркмен, призывал всех туркмен на войну с неверными персами. Иранские власти решили построить крепость на о-ве Ашур-Аде и в мае 1837 г. заложили фундамент крепости. По всему Астрабадскому побережью был распространён фирман Мохаммад-шаха, обязывавший «не подпускать к персидским берегам русские казенные корабли»¹⁰⁷. В 1836 г. начались переговоры между Ираном и Россией об определении северо-восточной границы Ирана. В 1837 г. была достигнута договоренность: считать границей р. Атрек. Иранские войска из-за отсутствия продовольствия ушли из Туркменской степи «в расстройстве». Часть туркменских племен была недовольна признанием Атрека границей Ирана, так как это лишало их плодородных земель по р. Горган и угрожало голодом. «Здесь туркменские могилы, а не персидские», — писал Кият-бек¹⁰⁸.

Николай I приказал прекратить преследования туркмен, разрешить им свободную торговлю с Ираном, не конфисковывать их лодок; местные власти должны были соблюдать «осторожность и умеренность в действиях»¹⁰⁹.

В это время иранские власти стремились утвердить свою власть среди тех туркменских племен, которые признали суверенитет Ирана. Шахские фирманы и письма садр-азама были посланы главам чуть ли не всех туркменских племен. Тегерану важно было подчеркнуть, что туркмены всегда находились под властью Ирана. В фирмане Мохаммад-шаха на имя главы племени иомудов Эйят-хана и Якши-Мохаммад-хана говорилось: «Я вполне удостоверился в вашей преданности, ревности к службе, за что благосклонность моя к вам еще более умножилась. Вы всегда были и продолжаете быть ревностными слугами государства»¹¹⁰. Шаху вторил и садр-азам: «Вы всегда с верностью служили государству... вы всегда должны посылать от себя человека ко двору и доносить

о ваших делах и желаниях, кои, будьте уверены, будут исполнены»¹¹¹. Туркменских старшин пытались подкупить, обещая закрепить за ними земли или право распоряжаться прибрежными водами Каспия. Так, посланный к туркменам из Тегерана Мохаммад-Салех-хан потребовал от Эйят-хана одно семейство из его родственников в качестве заложников в Тегеран в подтверждение зависимости туркмен от Каджаров. За это он обещал, что «дело о [Каспийском] море будет окончено на ваше имя; когда вы пришлете сюда семейство, то тогда же вы получите фирман о море на свое имя; на сей счет будьте спокойны. Нужны также наличные деньги, чтобы дать людям при Дворе для устройства дела»¹¹². В 1839 г. Мохаммад-шах прислал фирман Кият-беку, признав его ханом туркмен-иомудов, а его сыновьям — по халату.

Были пущены в ход и устрашения. Торговавшие в Мазендеране и Астрабаде туркмены, чтобы их не принимали за разбойников, должны были иметь свидетельства («билеты») от иранских властей или от российского крейсерства. Туркмены не хотели брать документы от иранских властей, чтобы их не считали иранскими подданными. Правитель Мазендерана Махди-Кули-мирза приказал объявить туркменам: «Если туркменская лодка с тремя туркменами придет к берегам Персии, имея билет [русского] отряда, то двоим из них будет отрублена голова, а третий отправлен в Туркмению, чтобы объявить об этом»¹¹³. На этой почве возникало много конфликтов. Наконец, Махди-Кули-мирза выдал распоряжения таможенному начальнику Мазендерана и правителю Фарахабада, чтобы они не притесняли туркмен, а лишь взимали бы установленную пошлину по 6 сахиб-кранов с каждой лодки. По просьбе иранского правительства русские власти начали переговоры с туркменскими ханами о прекращении разбоев на иранской территории (К. де Бодэ провел совещание с Кият-беком и его сыном Якши-Мохаммадом).

Наиболее крупными среди туркменских племен были гокланы и иомуды, состоявшие из оседлых (чомур) и кочевников (чорва). Вначале гокланы откупались от иранских властей периодическими подарками-данью (лошадьми, коврами), а впоследствии вынуждены были платить налог. Иомуды также не всегда подчинялись шахским чиновникам, но признавали власть Каджаров. Внутреннее управление в туркменских племенах было старое; представителей иранских властей они к себе не пускали. У них сохранялись большие патриархальные семьи по традиции и из фискальных соображений, так как налог взимался с «семьи» или «кибитки». Гокланы платили правителю Астрабада, например, при Сахиб-Ихтияр-мирзе, ежегодно около 6 тыс. туманов шелком, хлебом, рисом, коврами и скотом. Иомуды, жившие ближе к Астрабаду, старались во время сбора налогов уйти в степь, а если им это не удавалось, то платили 6 сахиб-кранов (по 2 астрабадских ашрафи или туркменских тилля) с каждой палатки. Сборщики налогов приезжали в туркменские кочевья в сопровождении большого вооруженного отряда из всадников-иранцев. Правда, налоги с туркмен не

поступали в шахскую казну, а использовались на месте. Шахское правительство иногда даже было вынуждено давать «дотации» астрабадскому вали или боджнурдскому правителю для расходов «на туркмен». Делами туркмен занимался специальный чиновник при астрабадском губернаторе¹¹⁴. Среди гокланов большим влиянием пользовались наследственные ишаны; через них шахские власти также пытались оказывать воздействие на туркмен.

Во второй половине 30-х — начале 40-х годов участились нападения туркмен на иранское побережье Каспийского моря. А так как по Туркманчайскому договору (ст. 8) Иран не имел военного флота на Каспии, то иранское правительство обратилось к России с просьбой пресечь набеги туркмен на иранское побережье. Хаджи мирза Агаси обвинял российских рыбопромышленников в поддержке непокорных шаху туркмен, снабжении их лодками, рыболовными снастями, военным снаряжением и просил, чтобы российское правительство наблюдало за действиями своих рыбопромышленников и «чтобы туркмены не грабили персидские берега»¹¹⁵. Русский посланник Дюгамель порекомендовал во время лова рыбы направить к туркменским берегам военный бриг, чтобы наблюдать за рыбопромышленниками и «удержать туркмен от грабежей и набегов на Персию»¹¹⁶. По мнению российских властей, «персидское правительство, притязая на туркменские земли севернее Атрека, считая туркмен своими подданными, но не имея возможности привести их в покорность и остановить их грабежи, приписывает это отчасти содействию наших рыбопромышленников, которые якобы снабжают туркмен лодками и т. п. Поэтому пускай крейсерство служит для наблюдения, покровительства и удержания туркмен от грабежей»¹¹⁷. Так возник вопрос об организации постоянного крейсерства в юго-восточной части Каспийского моря. Шах согласился на это предложение. Правительство России приняло решение организовать в этом районе постоянное крейсерство военных судов у туркменских и иранских берегов от Красноводска до Мешед-е Сер (порт г. Барфоруша): «Честь наша требует, — писал Николай I, — чтоб мы свой долг исполнили, очистив море от разбойников»¹¹⁸. В 1842 г. в Астрабадский залив был направлен капитан Путятин, в задачу которого входило: мирными переговорами с туркменами добиться прекращения разбоев, в случае «если внушения не произведут впечатления», следовало лишить туркменских разбойников лодок; установить дружественные отношения с иранскими властями в Астрабаде; защищать российских рыбопромышленников и купцов, ссылаясь на охранительный фирман шаха, обнародованный в Астрабаде в сентябре 1841 г.; защищать иранских торговцев и жителей от разбойников¹¹⁹.

Астрабадские власти, в частности беглербег Астрабада Мохаммад-Насер-хан, хотели использовать русский флот для борьбы с туркменами, против которых в 1841 г. был предпринят еще один поход иранских войск. Путятин отказался, так как считал, что иранские власти сами должны урегулировать отношения с туркменами, если они считают их своими подданными¹²⁰. Крейсерство

военных судов вдоль туркменских и иранских берегов заставило туркменских старшин племени джафарбаев дать обязательство о прекращении разбоев. Но разбои продолжались — в плен захватили купца Герасимова, нескольких русских солдат и иранских торговцев. Пулянин приказал задержать туркменские лодки, что лишило туркмен возможности добывать нефть на о-ве Челекен и торговать нефтью и солью. В Россию был отправлен организатор разбойничьих набегов сын Кият-бека Якши-Мохаммад. Второй сын Кият-бека, Кадыр-хан, был избран туркменским старшиной. Он возмущался покровительством русского военно-морского командования Багирову — «персидскому арендатору рыбных ловель в туркменских водах; на которые иомудское племя никогда не признавало право персиян»¹²¹.

А иранское правительство продолжало вести наступление на туркмен. В конце зимы 1841 г. из Мешхеда с 22-тысячным войском выступил Салар-хан и внезапно напал на район Давачей, где проживало около трех тыс. туркменских семейств в 22 деревнях, и разорил его, угнав 12 тыс. верблюдов, 30 тыс. овец, 7 тыс. лошадей и 150 человек пленных. Почти одновременно с ним правитель Астрабада напал на туркменскую деревню Джафарбай и увел 2 тыс. коров и 1 тыс. верблюдов¹²². Туркмены почти всегда заранее знали о готовящейся против них экспедиции и уходили в степь. Многие астрабадские, хорасанские и мазендеранские ханы поддерживали туркмен. Губернатор Астрабада Солейман-хан поощрял разбои туркмен, особенно нападения на рыбопромышленников России. Полномочный посол России А. И. Медем предупредил хаджи Агаси, что из-за недружественного отношения Солейман-хана к России Россия вынуждена будет просить о назначении в Астрабад другого губернатора.

Нападение туркмен на о-в Ашур-Аде, где находился русский морской отряд, рассматривалось русскими властями как спровоцированное Махди-Кули-мирзой¹²³, который поддерживал антирусски настроенных туркмен, награждал их халатами, а сторонников России преследовал. Он арестовал сына Кият-бека Кадыр-Мохаммада, захватил его кирджимы и деньги, а самого Кадыра держал в яме в кандалах. Российская миссия обвинила Махди-Кули-мирзу в недружественном отношении к России и потребовала его смещения с поста губернатора. Иранские власти обвиняли Кадыра в призыве к восстанию против Ирана. Таким образом, некоторые туркменские старшины оказались игрушками в сложной политической борьбе, которая велась Ираном и Россией, а также среднеазиатскими ханами за влияние в районах юго-восточнее Каспийского моря. Так, в 1849 г. хивинский хан объявил джихад против «неверных шиитов» и стал готовиться к походу на Серахс и Мерв. Он приказал туркменам поддержать его и напасть на Хорасан¹²⁴.

Туркменские набеги на деревни Астрабадской провинции заставили астрабадского вали предпринять против них очередной поход. В начале 1851 г. Мохаммад-Вали-хан с войском прошел по Туркменской степи и собрал с туркмен налоги. Туркмены не сопро-

тивлялись. Но, когда они узнали, что хан дополнительно требует с них подарки, они ушли в безводные степи, где иранское войско не рискнуло их преследовать. Иран приступил к строительству оборонительных укреплений в Туркменской степи. Была построена крепость в Ходжа-Нефесе на 1 тыс. солдат гарнизона, предполагалось построить еще несколько крепостей. Это послужило причиной вооруженного выступления туркмен в августе—октябре 1851 г.; осенью туркменское ополчение было разбито. В 1854 г. в Мазендеран был отправлен Лютф-Али-хан для возведения укреплений против набегов туркмен, но за пять месяцев он ничего не сделал¹²⁵.

В первой половине XIX в. туркмены неоднократно обращались с просьбой к России принять их в свое подданство и защитить от хивинцев и иранцев. Царское правительство не ставило задачу присоединения Закаспийских территорий и, не отказывая туркменам в покровительстве, не удовлетворило их просьбу. Но торговля с туркменами расширялась. На основании шахского фирмана туркменам была выделена пристань в Астрабадском заливе для торговли с местными жителями — Нузерабад, поскольку персы боялись торговать в Гомюш-тепе, где власть иранских чиновников не признавалась¹²⁶. Туркмены понимали необходимость экономических связей с Ираном: «Край... весьма долгое время имел по необходимости торговые сношения с Персией, как единственным государством, откуда мог получать предметы первой потребности»¹²⁷.

В 1857 г. хорасанский вали Солтан-Морад-мирза пригласил 80 туркмен на «совещание» и арестовал их, а сам с войском направился в Мерв, захватил его, но удержать не смог из-за сопротивления туркмен¹²⁸. Экспедиция Джафар-Кули-хана против туркмен в 1857 г. была неудачной. В 1858 г. Реза-Кули-хану удалось разбить туркмен между Мехром и Мезинаном. Было убито 108 туркмен. В ответ туркмены захватили всех жителей (около 100 человек) в деревне Дуруне в Торшизском округе и убили всех на том самом месте, где были убиты захваченные Реза-Кули-ханом в плен туркмены. К 1860 г. иранские власти закончили постройку крепости Новый Серахс на левом берегу Герируда. В 1860/61 г. старшины племени сарыков, враждовавшие с племенем теке, обратились за помощью к Насер-ад-Дин-шаху. Иранские войска (около 40 тыс. человек) под командованием принца Хешмат-од-Доуле направились в Мервский оазис и захватили крепость Порсу-кала. Текинцам, салорам и сарыкам удалось разгромить иранские войска: большая часть солдат попала в плен; из похода вернулись 8 тыс. человек¹²⁹. В 1864—1865 гг. против туркмен действовала армия во главе с сепасаларом. Туркменские племена осмелели и стали совершать дальние набеги на Хорасан, Астрабад и Мазендеран. В округе Пошт-е Джем около Мешхеда были разорены почти все деревни (из 360 осталось около двух десятков). В Среднюю Азию было угнано много иранцев и продано в рабство. Женщина в 50—60-х годах стоила 2 тилля, мужчина — 5; хивинский хан получал 20% стоимости проданного раба. Иранские пограничные ханы также имели «доход» от аламанов: они получали 20% угнано-

го скота. В 1867 г. один из ханов сделал путешествующему шаху подарок из 60 пленных туркмен, 30 голов на пиках и большого количества баранов¹³⁰. Иранские власти не могли обеспечить защиту своих подданных. Они перестали взимать налоги с разоренного населения. Опасными стали даже дороги в Мешхед — паломники собирались в большие караваны, чтобы защищаться в случае нападения туркмен. Многие районы совершенно обезлюдели, поэтому Насер-ад-Дин-шах приказал принять меры к заселению Шахруда и других районов Хорасана и Астрабада¹³¹.

Много разных племен и народов проживало в Хорасане — персы, таджики, афганцы, индийцы, евреи, грузины. Поскольку здесь были племена монгольские (теймури, джемшиды, фирузкухи, а впоследствии и хазарейцы), тюркские (каджары, афшары, туркмены), арабские, курдские, ираноязычные, то между ними существовала острая вражда на национальной и религиозной почве. При первых двух Каджарах ханы наиболее крупных племен пытались сохранить свою независимость, прибегая к поддержке туркмен, афганцев, узбеков или хивинцев. После ухода с политической арены Афшаров главы племен столкнулись с каджарской администрацией и долгое время были в оппозиции к хорасанскому вали и к Каджарам. Используя выработанные в течение многих веков приемы общения с кочевыми и оседлыми племенами, Каджары добились номинального признания своей власти со стороны хорасанских ханов, особенно после нескольких военных экспедиций, предпринятых шахом и хорасанскими вали. Однако, когда в конце 40-х годов в Хорасане поднял восстание Салар-хан, большинство хорасанских ханов поддержало его — они еще не смирились с властью Каджаров.

Регулируя свои отношения с племенами традиционными средствами и методами и постепенно ослабляя влияние племенной аристократии, Каджары вынуждены были учитывать еще и не контролируемые ими контакты европейцев с племенами. Эти контакты были самыми разнообразными и имели серьезные последствия. Россия поддерживала отношения с главами племен, обитавших вдоль северной границы Ирана, главным образом с курдами и тюрками. Англия распространяла свое влияние повсеместно, используя для этого дипломатические каналы, торговцев и путешественников, миссионеров, своих агентов из числа подданных шаха. Результаты такой политики не замедлили сказаться уже в первой половине XIX в. и проявились, например, во время ирано-турецкого разграничения и борьбы за Герат. Сложные отношения правительства с племенами еще больше осложнились из-за вмешательства европейских держав во внутренние дела Ирана.

Иранский город. Купечество. Экономической базой иранских городов в первой половине XIX в. оставались развитое ремесленное производство, торговля и сельское хозяйство. Большинство иранских городов были полуаграрными; более половины их жителей занимались сельским хозяйством; чуть ли не половина городской территории, все пригороды, официально включавшиеся в го-

родскую черту, были заняты садами и огородами. Даже во втором «столичном» городе, Тебризе, под садами и огородами находилась почти половина городской территории. Жители Астрабада, по наблюдениям русского дипломатического чиновника и путешественника К. де Бодэ, уходили на обработку своих полей за крепостные стены вооруженными на случай внезапного нападения туркмен¹³². Большая часть жителей Астрабада летом покидала город и перемещалась в окрестности, где находились пахотные земли и пастбища. Даже в городах — пограничных крепостях занятие сельским хозяйством играло большую роль, причем хлебопашеством, садоводством и огородничеством занимались солдаты гарнизона: солдаты гарнизона г. Серахса сеяли пшеницу и ячмень¹³³. Следует учитывать также, что основным средством передвижения был скот — лошади, ослы, верблюды, содержание которых предполагало наличие пастбищ (выгонов) рядом с городом. О полуаграрном характере иранских городов свидетельствует и частичная уплата налогов горожанами в натуральной форме — зерном. Летом пустели те города, в которых зимовали кочевники и полукочевники. Даже население Тегерана летом сокращалось наполовину — до 50 тыс. человек — из-за отъезда шахского двора в летнюю резиденцию шаха, отправления в военный поход войск, отъезда в свои владения крупных ханов, инспекционных поездок чиновников и др.

По мнению большинства исследователей, городское население Ирана составляло приблизительно 20% жителей страны. Интересные сравнения дает Шарль Исави, исследуя состав городского населения в XIX в. в странах Среднего Востока и капиталистического Запада. В среднем городское население в странах мусульманского Востока составляло 10—20%. Иран был страной с высоким процентом городского населения — 20 (во Франции — 10, в Германии — менее 10, в США, по переписи 1790 г., — 3,3%)¹³⁴.

В Иране в начале XIX в. насчитывалось около 20 крупных городов с населением более 10 тыс. человек и около 40—50 мелких. В число городов традиционно включались поселения, имевшие 5 тыс. жителей. По другим представлениям, городом считалось поселение, где была пятничная мечеть¹³⁵, в котором имелось 32 отрасли ремесленного производства, что позволяло выделить город по социально-экономическому признаку¹³⁶. Самым крупным городом в первой половине XIX в. был Тебриз. К середине XIX в. население городов значительно возросло: Тегерана — с 50 тыс. до 90 тыс. человек, Мешхеда — с 40 тыс. до 70 тыс. Население Исфахана (60 тыс.), Иезда (40 тыс.) и Шираза (25 тыс.) сократилось по сравнению с началом века. Частично это можно объяснить перемещением сановной знати со своими дворами, поэтов, художников, каллиграфов и проч. в столицу — Тегеран. Произвол каджарских правителей в бывшей столице Зендов Ширазе, а также в городах, оказавших сопротивление Каджарам, например Кермане, повлек за собой буквальное бегство знатных и уважаемых в городе семейств. В Кермане, Керманшахе, Хамадане, Урмии было по 30 тыс. человек, в Шустере и Казвине по 25 тыс., в остальных городах ме-

нее 20 тыс. Перемещения населения (в первой четверти XIX в.) были значительными, что объяснялось военными, политическими и религиозными причинами; социальный фактор стал проявляться лишь с середины XIX в.

Возникновение новых городов было связано в основном с тремя факторами: субъективными, военно-стратегическими и экономическими. Так, по желанию Фатх-Али-шаха началось строительство летней резиденции города Султании. Здесь были возведены дворец, мечети, жилые дома. К концу правления Фатх-Али-шаха городок разросся. Но искусственность такого царского города, о чем свидетельствует и его название, после смерти шаха привела к его запустению; население покинуло Султанию, и этот созданный по воле монарха городок вскоре превратился в груды развалин.

Более жизнестойкими оказались городки-крепости, возведенные на особенно опасных для Ирана участках границы. Одним из таких городов был Новый Серахс, построенный в 60-х годах для защиты северо-восточной границы от набегов туркмен, хивинцев и бухарских узбеков. Крепость была рассчитана на гарнизон в 1000 человек. Солдаты быстро обзавелись семьями и хозяйством. Быстро возник базар. Сюда стали заходить торговые караваны. Быстро стал развиваться Мешед-е Сер, игравший роль порта города Барфоруша. Но в целом для первой половины XIX в. возникновение новых городов было явлением редким.

Более характерными для Ирана первой половины XIX в. были необитаемые кварталы в некоторых городах, груды развалин. Об этом писали все без исключения путешественники XIX в., в частности иранский просветитель Зейн-аль-Абедин Марагеи сообщал: «Города разрушены, и если посмотреть на них, то они похожи на кладбища. От городских ворот и стен можно услышать: „У нас нет хозяйина, о нас никто не заботится“»¹³⁷. Особенно сильно пострадали из-за постоянных набегов мелкие города северо-восточного Ирана; некоторые из них были вообще покинуты жителями, население других значительно сократилось. Оживление городской жизни в этом районе стало отмечаться лишь в последней трети XIX в.

О социальном составе населения иранских городов можно судить по переписи населения городов Еревана, Нахичевана и Ордубада, входивших до 1828 г. в состав Ирана.

В таких городах, как Нахичеван, с населением приблизительно 6 тыс. человек, собирался налог около 5 тыс. туманов и 177 харваров хлеба в год. Около $\frac{1}{3}$ населения вело торговлю или занималось ремеслом; в городе было около 900 семейств и 279 лавок; оборот внутренней торговли составлял 40 тыс. туманов¹³⁸. Город Ордубад с населением в 3,5 тыс. человек платил налог иранским властям в 3800 туманов в год и 55 $\frac{1}{2}$ харваров хлеба. Оборот внутренней торговли составлял 17,5 тыс. туманов в год. В Ордубаде было 74 семейства привилегированных жителей, т. е. около 8%; беков и султанов — 13, офицеров — 1, представителей высшего духовенства — 2, ахундов и мулл — 31, сейидов — 21, писарей — 5, дер-

виш — 1¹³⁹. В более крупных городах, центрах ханств, процент привилегированного населения был несколько выше. В Ереване, насчитывавшем 11,5 тыс. жителей, было 188 знатных семейств: ханов — 4, беков — 51, писарей — 19, мулл — 50, сейидов — 39, дerviшей — 3, армянских меликов и беков — 8, армянских писарей — 1, христианских священников — 13. Один мулла приходился на 100—110 человек мусульман, один священник — на 470 христиан. Купцов, ремесленников и мелких торговцев в Ереване было 4301 человек, т. е. около 40%, остальное население (свыше 50%) были лица, занимавшиеся сельским хозяйством, и городские низы. В Нахичеване ремесленники составляли 13% (715 человек), а в Ордубаде — 17,6% (608 человек)¹⁴⁰. При этом подсчете не была учтена эмиграция из городов некоторых феодалов и купцов в Иран после присоединения Ереванского ханства к России, но она была незначительна.

Статистических данных о социальном составе населения в других иранских городах нет. Совершенно определенно можно говорить о следующих социальных группах городского населения: правящая верхушка города — губернатор провинции, правитель округа, верхи военной и гражданской администрации со своими приближенными; средние и мелкие феодалы — ханы и землевладельцы, проживавшие в городе, среднее чиновничество; духовенство; купечество; ремесленники и мелкие торговцы; горожане, занимавшиеся садоводством и огородничеством; обслуживающий персонал — разнообразные категории слуг при дворе правителя и знатных горожан; лица свободных профессий — поэты, ученые, врачи и проч., которые иногда входили в категорию «слуг», иногда занимали какие-либо гражданские должности — писцы, глашатаи, воспитатели и т. п.; офицеры и солдаты военных гарнизонов; некоторые кочевники, проживавшие зимой в городах; городская беднота, деклассированные элементы — лути, дerviши, нищие и проч. Надо учитывать также наличие иноверческого населения, жившего обособленными общинами.

Основная масса городского населения была шиитской. Лишь в некоторых небольших городах, расположенных в районах расселения суннитского населения, преобладали сунниты. Если правителем такого городка оставался местный хан — суннит, то конфликтов на религиозной почве, как правило, не возникало. В противном случае, например в некоторых курдских районах, отмечались стычки на религиозной почве. Чаше «шиитский» город господствовал над «суннитской» округой. В Гиляне, например, к началу 30-х годов было около 150 суннитских деревень, которые находились под властью правителя города — шиита¹⁴¹.

Персы и тюрки были основой городского населения. В районах расселения курдских, арабских, белуджских и других племен города приобретали многонациональный характер. Большой процент тюркского населения в городах объясняется наличием значительной прослойки тюркской администрации при Каджарах, воинских соединений, дислоцированных в городах и состоявших преимущест-

венно из солдат-тюрок, значительного процента азербайджанцев среди купечества и обслуживающего персонала.

Иранские власти проводили в отношении иноверческого населения определенную политику. В Реште в конце XVIII в. было довольно значительное армянское население, главным образом семьи торговцев, связанных с ирано-русской торговлей. Жили они в специальном квартале, целиком заселенном армянами; там же находилась и григорианская церковь. Нестабильность торговых связей с Россией при Ага-Мохаммаде и во время ирано-русских войн заставила некоторых армянских купцов покинуть Решт. Кроме того, местные власти, видя в армянах потенциальных союзников России, путем налогового нажима и спровоцированных антиармянских выступлений добились выселения армян из Решта, ликвидации армянского квартала и разрушения армянской церкви. В начале 30-х годов XIX в. в Реште осталось всего 6—7 армянских семейств¹⁴². В 40—50-х годах армянское население в Реште вновь стало увеличиваться, что было связано с расширением ирано-русской торговли и оптовой торговли шелком-сырцом, в которой армянский капитал играл видную роль. Антиармянская политика иранских властей привела к тому, что в г. Хое в начале 30-х годов не осталось ни одного армянского семейства. Были ограничены возможности поселения в городах и других иноверцев — парсов, евреев, ассирийцев-несториан. В Гиляне, например, евреи жили только в Лахеджане.

Жизнь в городе была относительно безопаснее, чем в деревне, хотя, вероятно, во время борьбы Каджаров за власть больше пострадало городское, чем сельское, земледельческое население. Город был лучше защищен от набегов кочевников. Наличие административных властей в городе обеспечивало быстрее восстановление хозяйственной жизни после стихийных бедствий и военных действий. В городе жила землевладельческая знать, здесь находились резиденции крупных ханов и двор правителя. Все это требовало большого количества рабочих рук для обслуживания, товаров ремесленного производства, сельскохозяйственной продукции. Город давал дополнительные возможности для коллективной защиты: цеховые объединения купцов и ремесленников, религиозные общины, поквартальные объединения позволяли лучше защищать права каждого члена такого сообщества от посягательства властей. Нельзя не учитывать роль городов как религиозных центров — здесь жило крупное духовенство, популярные проповедники и др., находились религиозные школы — медресе, проводились пышные и многолюдные религиозные процессии.

Политическая власть в городе в первой половине XIX в. принадлежала феодально-бюрократическим слоям и духовенству. Они же, по существу, господствовали и в экономической жизни, являясь владельцами базаров, караван-сараев, ремесленных мастерских и лавок, собирая налоги с горожан в качестве государственных чиновников или взяв их на откуп, принимая участие в городской, оптовой, караванной и транзитной торговле, осуществляя регла-

ментацию производства и торговли, влияя на ценообразование и т. п. Такая всесторонняя зависимость города от феодалов, светских и духовных, мешала складыванию «бюргерства», третьего сословия, со всеми вытекающими отсюда социально-экономическими и политическими последствиями.

«Хозяином» города — центра провинции, болюка, а также наиболее крупных портов и таможенных центров, важных пограничных крепостей — являлся назначенный из Тегерана или с согласия Тегерана правитель. Он подбирал себе заместителей, верхушку администрации из наиболее доверенных местных ханов и представителей старой администрации или приехавших вместе с ним ханов и чиновников. Почти все крупные города оказались в руках каджарских принцев, назначенных правителями провинций. Правителем Тегерана был, как правило, сын или внук Фатх-Али-шаха. Тебриз находился в ведении наследника престола, каем-макама и назначенного наследником беглербега. В Мешхеде, Астрабаде, Сари, Реште, Ардебиле, Йезде, Кермане, Ширазе, Исфохане, Казвине, Керманшахе, Хамадане и в других «престижных» городах сидели каджарские принцы со своими приближенными. Довольно часто принцы переводились из одного города в другой в качестве поощрения (и за подарки шаху) или понижения в должности.

Новый шах производил смену почти всей высшей администрации в стране. Поэтому мы встречаем одних и тех же лиц в качестве правителей Йезда, Кермана, Шираза, Мешхеда или Астрабада, Сари, Решта и т. п. Не надеясь долго удержаться в провинции или городе, они мало заботились о развитии экономики подвластного им района, строительстве общественных зданий и т. п. Их основной целью было получение как можно больших доходов за время правления. Это отрицательно сказывалось на торгово-экономической жизни, сковывало инициативу, вело к обеднению и недовольству населения. В Кермане, удаленном от столицы городе, каджарские правители настолько бесцеремонно распоряжались жизнью и имуществом населения, что вызывали не одно выступление против них. В Астрабаде с согласия или по инициативе принца-правителя было отдано распоряжение жителям отказаться от торговли с российскими купцами, что, естественно, повлекло за собой сокращение торговли в городе, так как значительная часть необходимых товаров ввозилась из России. Принцы определяли размеры чрезвычайных и дополнительных поборов с горожан. Они распоряжались различными откупами — давали разрешение на оптово-монопольную торговлю, добычу полезных ископаемых, рыбные промыслы, рубку лесов, строительные подряды и т. п. Дурная слава о некоторых принцах распространялась по всему Ирану, и жители некоторых городов с ужасом ожидали одного из них, когда шах назначал его правителем их города. Делались даже попытки откупиться от такого правителя.

Центром хозяйственной жизни в иранском городе был базар. В крупных городах имелось несколько базаров. «Базар в Персии так важен для города и его уезда, — писал С. Черняев, — до та-

кой степени сосредоточивается в нем вся городская и областная деятельность, и он имеет такое сильное влияние на всю область, что умные правители смотрят на него как на одно из самых полезных орудий для управления вверенными им областью и городом. Распоряжение административное или весть, которую правительство желает сообщить народу, считаются формально объявленными, как только их прокричит базарный глашатай в полном разгаре базара. Нужно правителю распустить какую-нибудь молву, он посылает на базар своих приверженцев или подкупленных им базарных зевак, и толки народных получают желаемое направление. Многозначительность влияния базарных толков на общественное мнение придает в Персии базару такой политический вес, что все важнейшие события персидских городов начинаются не иначе, как там, на улицах или площадях между лавками. Там развиваются первые начала народного недовольствия, там это недовольствие обрастает мало-помалу в явное восстание»¹⁴³.

Многие базары в иранских городах были собственностью частных лиц¹⁴⁴. Иногда владельцем базара был местный правитель, по приказу которого базары могли быть закрыты в любое, часто неудобное для торгово-ремесленного люда время. И представители базара с подарками отправлялись просить ключи от базара. Существовало много изощренных методов обирания купцов и ремесленников.

Управлял базаром и являлся как бы судьей при рассмотрении возникавших конфликтов даруга — полицмейстер. Должность даруги была настолько доходной (за счет законных и незаконных поборов с торговцев и ремесленников), что за получение ее платили очень дорого: в Урмии, например, 10 тыс. туманов¹⁴⁵, т. е. $\frac{2}{3}$ доходов иранского правительства от целой провинции Мазендеран. Даруга часто бывал одновременно и мизандаром, наблюдателем за правильною весов. На каждом базаре имелось по 3—4 полицейских пристава, которые брали понравившиеся вещи, не встречая возражений купцов и ремесленников из опасения, что их обвинят в продаже недоброкачественных изделий, в неправильном взвешивании, в несвоевременном открытии и закрытии лавки или мастерской и т. п., что повлекло бы за собой еще большие расходы и неприятности.

Две фигуры определяли лицо иранского базара — купец (таджер) и ремесленник (пишевар, санатгар). Главенствовали купцы.

Купечество было значительной по численности и по влиянию социальной группой в иранском городе. В его руках сосредоточивалась внешняя и внутренняя торговля. Особенностью иранского купечества, неоднократно отмечаемой исследователями, была его тесная связь с феодалами и духовенством начиная со времен средневековья. Шахская казна, отдельные сановники и рядовые ханы тоже участвовали в этой торговле. Нередко купцы выступали в качестве подставного лица знатного феодала, ведя торговлю преимущественно на его деньги, и считались очень состоятельными людьми, хотя в действительности обладали скромными капиталами.

Изредка возникали торговые компании, преимущественно из армянских купцов. Купеческий капитал субсидировал шаха. Купцы часто выполняли дипломатические поручения.

Тесная связь иранского купечества, с одной стороны, с непосредственными производителями города и деревни, а с другой — с феодалами и духовенством, в XIX в. приобрела новые формы и более стойкий характер. Шахская казна, отдельные сановники, местные правители и феодалы были активными компаньонами купцов во внутренней оптовой и во внешней торговле. Понятие торгового капитала для Ирана конца XVIII — первой половины XIX в. значительно шире понятия купеческого капитала, так как его составляющими были капиталы не только иранских купцов, но и шахской казны, знатных сановников и феодалов, духовных лиц, реже — ханов кочевых племен.

Торговый капитал стал играть более заметную роль в экономической и политической жизни страны. Уже в середине XVIII в. многие иранские купцы располагали значительными капиталами. Судя по разрозненным данным о размерах торговли, капиталов отдельных купцов, выданных ссуд, налогообложения и проч., общий объем капитала купцов к середине XIX в. значительно вырос. Торгово-финансовый кризис 1837/38 г. был сравнительно быстро преодолен. Иранское купечество, несмотря на конкуренцию европейских купцов, преобладало на внутреннем рынке и пыталось удержать имевшиеся позиции во внешней торговле, расширяя международные связи иранского торгового капитала. Капиталы в эти годы обращались довольно быстро.

Иранское купечество делилось на несколько групп в соответствии с размерами капиталов. Хотя официального распределения купцов по гильдиям в зависимости от капитала не было, но и власти, и местное население довольно безошибочно могли определить, примерно какими капиталами располагает тот или иной купец. Однако иностранные купцы, вступая в сделки с иранскими купцами, нередко ошибались, принимая какого-либо купца за состоятельного и давая ему в кредит большие партии товаров. На этой почве возникало много спорных дел, которыми постоянно занимались российское и английское консульства, пытаясь взыскать с очередного банкрота деньги в пользу своих купцов. Иранские власти неоднократно обращали внимание консулов на то, чтобы они предупреждали своих купцов о тенденции некоторых иранских торговцев выдавать себя за богатых, чтобы получить в кредит побольше товаров.

К крупному купечеству относились торговцы, располагавшие капиталом свыше 5 тыс. туманов. Как правило, они занимались оптовой торговлей и иногда назывались «стамбульчи», если вели торговлю с Константинополем (Стамбулом)¹⁴⁶. Очень богатых купцов в Иране первой половины XIX в. было мало. В Тегеране одним из самых богатых был мирза Таги, глава тегеранского купечества. Он занимался торговлей драгоценными камнями, получал около 20% ежегодного дохода; его капитал оценивался

в 30 тыс. туманов. Его брат, мирза Мохаммад-Али, имел намного меньший капитал. В Исфахане было всего три купца, считавшихся богатыми, — Ибрахим, хаджи Мохаммад-Али Адахи и хаджи мулла Али-Наги (он вел торговлю с Индией). Их капиталы определялись в 1,5 млн. франков, т. е. около 100 тыс. туманов. В Ширазе было два богатых купца — хаджи Мохаммад-Ибрахим Дехати (агент правителя Наби-хана) и Ага-Мохаммад-Али, сын известного купца хаджи Абдаллы; в Бендер-Бушире — один, хаджи Исмаил Хорасани. К середине XIX в. было 40—50 купцов, имевших не менее 30—50 тыс. туманов оборотных капиталов. Такое положение было в крупных городах Ирана. В небольших городках «богатым» купцом считался владелец 2—3 тыс. туманов. По мнению русского консула в Астрабаде С. Черняева, торговля Астрабада в середине 40-х годов была не очень велика, крупных торговцев там не было, богатейшим считался старшина купечества, капитал которого оценивался в 2—3 тыс. туманов, причем одна половина этого капитала отдавалась в ссуды под высокие проценты, а вторая была вложена в торговлю¹⁴⁷.

Основная часть купцов имела капиталы от 500 до 5 тыс. туманов. Они также занимались обычно оптовой торговлей, преимущественно мануфактурными товарами, и назывались бонекдарами (оптовиками).

Косвенно о размерах купеческих капиталов можно судить по долгам, которые взыскивались с обанкротившихся купцов. Долги иногда достигали 100 тыс. туманов. Капиталы некоторых купцов возникали очень быстро. Например, быстро разбогател и стал широко известен своими торговыми связями с Индией, Багдадом и Закавказьем купец Давид-хан Меликов, племянник Манучехр-хана. В конце 40-х годов он взыскал долги с одного багдадского купца (11 тыс. туманов) и с индийских купцов (250 тыс. рупий). На его имя было куплено недвижимое имущество в Османской империи — две лавки в Неджефе. В Бушире он продал шелк иранскому купцу хаджи Мохаммад-Рахиму на 6400 туманов, но шелк был конфискован по приказу хаджи Агаси, как якобы принадлежавший умершему Манучехр-хану. В 1848 г. исфаханский везир Абд-оль-Хосейн отнял у него имущество на 4500 туманов, и, видимо, по его же приказу купца ограбили более чем на 4 тыс. туманов. Имение Давида незаконно захватил мирза Гурген-хан, который был должен Меликовым 20 тыс. туманов. Сам Давид был должен 11 тыс. туманов приказчику шушинского купца Сафибека Касумбекова¹⁴⁸. Купец Хазрат-Кули, сын Али-Наги, был должен московскому купцу Таги Мамедову, объявившему себя в 1855 г. иранским подданным, более 50 тыс. руб.¹⁴⁹. О размерах купеческих капиталов можно судить также по размерам ввозимых товаров и кредитным операциям. В 1836 г. иранские купцы закупили в Константинополе товаров на 33 488 тыс. руб. Они задолжали английским, французским и греческим торговым домам в 1837/38 г. не менее 600 тыс. туманов¹⁵⁰.

Мелкие торговцы (баззасы) располагали небольшим капита-

лом в 200—300 туманов. Если они принимали участие во внешней торговле, то обычно объединялись и покупали товары в кредит. Именно эта часть торговцев разорилась в первую очередь, когда в 1837/38 гг. на базарах Ирана скопилось много товаров, а покупательная способность населения упала¹⁵¹.

Среди торговцев было немало семейств сейидов. Например, основатель учения бабидов сейид мирза Али-Мохаммад, как и его отец, торговал хлопчатобумажными тканями в Ширазе, а затем переехал в Бендер-Бушир, где успешно занимался торговлей в течение пяти лет. Семья его матери также принадлежала к сейидам и вела торговлю в Ширазе. В списке наиболее богатых купцов Иранского Азербайджана, занимавшихся внешней торговлей, мы также встречаем фамилии сейидов. На тебризском базаре сейиду Хосейну принадлежало 136 лавок¹⁵². Это, однако, не означает, что все сейиды-торговцы были богаты. Но даже небогатые купцы-сейиды пользовались уважением своих сограждан и некоторыми преимуществами по сравнению с другими торговцами (на них не распространялись некоторые решения синфа).

Советский исследователь идеологии и религий стран Ближнего и Среднего Востока С. Н. Григорян подчеркивал отрицательную роль иранского компрадорского купечества, которое, исходя из своекорыстных интересов, стало проводником политики английского капитала и тем самым нанесло ущерб экономическому развитию Ирана¹⁵³. Мирза Таги-хан, приняв некоторые протекционистские меры, ограничивавшие сферу деятельности иранских компрадоров, тем самым вызвал яростные нападки на себя со стороны этой группы купцов. Впоследствии компрадорская прослойка иранского купечества пользовалась фактически неограниченными возможностями в сфере внешней торговли, сотрудничая с различными иностранными фирмами и компаниями.

Купечество в Иране относилось к привилегированной части общества. Коран поощрял занятие торговлей — полезным, почетным, богоугодным делом. Купцы были уважаемыми людьми и иногда становились, особенно главы купеческих гильдий (таджер-баши, малек-от-тодждар), видными фигурами в политической жизни своего города, провинции и даже в масштабах всего государства. Однако отсутствие законности, необеспеченность личности и имущества купца по-прежнему пагубно сказывались на положении купечества и развитии торговли и торгового капитала. Чтобы избежать притеснений со стороны иранских властей, некоторые купцы меняли подданство, тем самым обеспечивая защиту себя и своего имущества со стороны российского, английского или турецкого консульства. По свидетельству русских дипломатов, «законного ограждения собственности не существует ни для кого»¹⁵⁴.

Случаи незаконных притеснений купцов и беззастенчивого обирания их были чуть ли не нормой отношения к процветающим купцам, попавшим в опалу или лишившимся высокой поддержки. Например, после смерти Манучехр-хана в 1847 г. был разорен его племянник Давид Меликов. В 1848 г. были отобраны деньги ма-

кинского хана — правителя Керманшаха, вложенные в торговые операции тебризских и хойских купцов, за то, что он не поддержал наследника престола Насер-ад-Дина (сам хан бежал в Османскую империю).¹⁵⁵ Представитель шаха «отнял» деньги, нисколько не заботясь о том, как отразится на торговых делах купцов изъятие больших сумм из их операций. При задержке иранского каравана русскими войсками в августе 1854 г. на территории Османской империи иранские купцы боялись объявить, кто и на какую сумму отправлял золото и товары в Константинополь, потому что часть товаров была отправлена без уплаты пошлин; кроме того, купцы боялись сообщать, какими капиталами они располагают, опасаясь притеснений и вымогательств со стороны иранских властей.¹⁵⁶

Местный правитель мог захватить имущество купца, объявив, что он его должник, даже не имея на этот счет никаких доказательств. Например, в 1831 г. правитель Гиляна Манучехр-хан захватил после смерти купца хаджи Зейн-аль-Абедина все его имущество, а также товары на 7 тыс. руб. московского купца Таги Мамедова, переданные Зейн-аль-Абедину как комиссионеру для продажи. Все имущество Зейн-аль-Абедина было продано с торгов, и 10 тыс. туманов были присвоены Манучехр-ханом, якобы в уплату какого-то долга. Никто векселей Зейн-аль-Абедина не видел, но Манучехр-хан «был здесь тогда всемогущим, и никто не смел даже сделать вопроса». Таги Мамедов требовал взыскать после смерти Манучехр-хана в 1847 г. с его имений 71 905 руб.¹⁵⁷

По свидетельству очевидцев, «хотя промышленник, купец и помещик не так безнаказанно могут быть ограблены властями, тем не менее законного ограждения собственности не существует ни для кого. Страх безначалия, анархии и вообще непрочности вещей вселяет недoverчивость в капиталистах, которые поэтому почти никогда не рискуют [вкладывать] в заграничные торговые обороты значительных сумм, какими могли бы располагать, опасаясь, что состояние будет узвано и повлечет на себя внимание тех, у кого в руках власть и сила. Это отсутствие больших капиталов сообщает торговле Гиляна вид мелочной, так сказать лавочной, и препятствует ее развитию»¹⁵⁸. С согласия правителя и отдельных духовных лиц луги безнаказанно вымогали у купцов деньги, заявляясь к ним ночью или нахально приставая днем на улице. Никакие жалобы обычно не принимались. Так, в 1848 г. упоминавшийся выше купец Давид Меликов, подъезжая к Исфахану, был ограблен на 4185 туманов. При этом ему сказали: «Есть приказ тебя ограбить»¹⁵⁹. Положение купцов-немусульман было еще более тяжелым.

По традиции, торговцы в конце XVIII — первой половине XIX в. входили в торговые гильдии. Если торговцев в городе было много, то они объединялись в несколько гильдий, обычно в зависимости от рода торговли. Самостоятельные гильдии составляли купцы-оптовики, занимавшиеся караванной торговлей; объединялись торговцы тканями, коврами, ювелирными изделиями.

Если торговцев в городе было немного, то они, независимо от вида торговли и даже независимо от религиозной принадлежности, объединялись в один синдф. Так, в Кермане торговцы тканями — мусульмане, парсы и иудеи — составляли одну торговую гильдию, хотя в соответствии с установившейся традицией купцы-мусульмане торговали на главном базаре, торговцы-парсы — на «своем» базаре, а торговцы-евреи имели лавки на третьем базаре. В крупных городах, где было несколько караван-сараяв, приезжие купцы останавливались в «своем» караван-сараяе — по религиозно-национальному признаку (армянские, грузинские, индийские караван-сараяи), профессиональному (торговцев скотом, зеленью и т. п.) и по территориальному — для купцов из определенных мест. В окрестностях Йезда был специальный караван-сарая (сарая-йе бафкиха), где останавливались парсы из селения Бафк¹⁶⁰.

Такие объединения позволяли иранскому купечеству коллективно выступать в защиту незаконно преследовавшегося купца, отстаивать свои права, противостоять нажиму властей. Но не следует переоценивать возможности синдфа: правитель мог не считаться с мнением купцов, да и положение купцов в синдфе было неодинаковым. Вершили всеми делами синдфа несколько наиболее богатых или приближенных к правителю купцов, проводя в жизнь распоряжения светского и духовного начальства.

Иранские купцы использовали свои капиталы для приобретения земельной собственности, но эта практика была ограничена. Они, по свидетельству современников, не имели значительного недвижимого имущества. В Иране плохо прижились залоговые обязательства, поскольку Коран не одобряет покупку «имения от непрямого владельца».

Торговое сословие Ирана в рассматриваемые годы проявляло большую политическую активность. Крупные купцы и торговцы участвовали в движении бабидов, поддерживали (или не одобряли) проведение реформ мирзой Таги-ханом Амир-Кабиром и просветительское движение в Иране, иногда возглавляли выступления горожан против местного правителя.

Внутренняя и внешняя торговля. Необеспеченность личности и имущества в восточном деспотическом государстве в годы политической неустойчивости, иноземных нашествий и войн становилась национальным бедствием. В этом отношении XVIII в., за исключением двух-трех десятилетий, был очень неблагоприятен для крупного купечества и торгово-ремесленного населения иранских городов. Упадок внутренней торговли и ремесла, сокращение внешней торговли и традиционных связей отмечались многими авторами XVIII в. и современными исследователями. В конце XVIII в. ухудшилось качество товаров. Торговля и ремесло к моменту прихода к власти Каджаров более или менее справлялись с обслуживанием местных потребителей, но даже обычно прочные торговые связи между отдельными провинциями часто прерывались. В годы политической неустойчивости, обострявшей все социальные процессы в обществе, увеличивалось количество раз-

бойничьих банд, грабивших купеческие караваны. К началу XIX в. наблюдалось сокращение внутреннего рынка. Но в силу сложившихся многовековых традиций, освященных Кораном, купцы считались как бы вне политической борьбы и могли отправлять караваны с товарами даже во враждовавшие между собой ханства и государства, хотя, конечно, крупные купцы и городские торговцы очень обеднели во время междоусобной борьбы, а некоторые так и не смогли восстановить торговлю, пострадав во время правления Надир-шаха Афшара. По мере укрепления Каджаров и стабилизации государственной власти стали создаваться более благоприятные условия для занятия внутренней и внешней торговлей.

Торговая политика Каджаров была традиционной: они поддерживали торговлю, так как от нее государство получало большой доход. При шахском дворе изучалась политика Сефевидов, Надир-шаха Афшара и Керим-хана Зенда в отношении торговли и ремесла — начисления налогов, торговая монополия, протекционизм и проч. С приходом к власти Каджаров на откуп стали сдаваться торговля и производство отдельных видов товаров, сбор налогов, государственные должности. Купцы стали добиваться получения монопольных прав на торговлю или определенным видом товара (например, шелком), или в определенном районе (городе), или с какой-либо страной. От монополии на ввоз или вывоз определенных товаров выгоду получал купец, пишкеш получал чиновник, подписавший документ о монопольном праве, и фактически никакой выгоды от этого не имела государственная казна. Например, каем-макам назначил тебризского купца Шейх-Казема ответственным за русско-иранскую торговлю. Ракам за подписью валиахда гласил, что ни один русский купец без согласия Шейх-Казема не имел права торговать в Иране, ввозить или вывозить товары, пользоваться услугами местных даллалов (посредников), а в случае торговли российских купцов без разрешения Шейх-Казема, говорилось в ракаме, иранские власти не будут принимать претензии и отвечать за убытки, понесенные русскими купцами. Российский консул Н. Безак опротестовал это решение, так как передача монополии русско-иранской торговли в руки нескольких богатых иранских купцов нанесла бы ущерб интересам купечества России, позволила бы произвольно устанавливать цены на товары, определять сроки платежей и т. п. Амир-незам Мохаммад-хан, которому Аббас-мирза передал решение всех дел по торговле, отменил этот ракам. Была восстановлена свобода торговли и ответственность иранского правительства за потерю товаров и денег купцами России в Иране¹⁶¹.

В XIX в. влияние мирового капиталистического рынка на иранскую экономику с каждым десятилетием становилось все большим. В новых условиях шахское правительство было вынуждено предпринять некоторые меры протекционистского характера, чтобы приостановить сокращение ремесленного производства и оградить интересы иранских производителей и торговцев. Покровительствовал торговле Керим-хан Зенд; такой же, видимо, политики наме-

рен был придерживаться Ага-Мохаммад-шах Каджар; некоторые указы Фатх-Али-шаха и Мохаммад-шаха также свидетельствовали об их стремлении смягчить результаты конкуренции иностранных товаров и способствовать развитию иранской торговли.

Мирза Таги-хан Амир-Кабир объявил, что Иран должен был придерживаться протекционистской политики, чтобы сохранить традиционное иранское ремесло и защитить интересы иранского купечества. К таким мерам протекционистского характера можно отнести запрещение ввоза некоторых видов иностранных товаров, противодействие созданию торговых факторий, постройке удобных причалов и даже складских помещений для хранения товаров иностранных купцов. Не поощрялось исправление дорог в пограничных районах, по которым могли ввозиться товары из России. Иранским купцам запрещалось перевозить товары по Каспийскому морю на принадлежавших России судах и не разрешалось самим перевозить товары российских купцов. У Мохаммад-шаха в 1835 г. возникло намерение запретить ввоз европейских сукон в Иран, чтобы сохранить валюту и использовать имевшуюся в стране овечью шерсть для производства сукна для армии. Но так как в стране не было фабрик для производства сукна, то от этой идеи пришлось отказаться¹⁶².

В 1841 г. запретили ввозить в Тебриз и Тегеран грузинский чай, но через полгода этот запрет был снят¹⁶³. Запрещалось вывозить зерно, если в Иране был неурожай или если страна готовилась к войне; например, в 1853 г. было запрещено вывозить рис в Османскую империю. В 1856 г. запретили индийским купцам вывозить шерсть из Кермана и Йезда. Манучехр-хан запретил в начале 30-х годов в Гиляне продавать шелк иностранным купцам до середины августа (сбор шелка начинался с середины июня); в это время иранские предприниматели и скупщики имели возможность покупать шелк по дешевой цене, так как происходил сбор налогов (покровительство торговцам наносило в данном случае материальный ущерб крестьянам — производителям шелка), а с августа цены на шелк поднимались.

Стало практиковаться государственное регулирование торговли. В провинции, например, правителям Астрабада, Мазендерана и Шахруда были посланы специальные уведомления о введении новых постановлений о торговле. Мирза Таги-хан Амир-Кабир направил своих представителей в провинции для наблюдения за отношением правителей к торговцам, а также для наблюдения за деятельностью иностранных консульств и купцов. Очень разнообразным по форме и последствиям было вмешательство властей в отношения купцов между собой, с иностранными купцами, с товаропроизводителями — ремесленниками, крестьянами и другими владельцами сельскохозяйственного сырья. Были приняты решения о таможенной службе и размерах таможенных пошлин, отменены устаревшие внутренние пошлины — дорожные сборы (рахдары) и др. Для упорядочения таможенной службы Амир-Кабир приказал построить в Тебризе таможенный дом для осмотра товаров и взи-

мания пошлин (до этого товары осматривались в караван-сараях).
Существовавшая в Иране система откупа таможенных сборов тормозила развитие внешней торговли. Каждая провинция имела своего таможенного откупщика. Правительство стремилось сдать таможи на откуп за максимально большие суммы, а это автоматически влекло за собой жесткую политику откупщика: он произвольно завышал стоимость провозимых товаров, вынуждал купцов давать ему взятки, чтобы товары быстрее прошли через таможню, требовал уплаты пошлины даже при наличии документов об уплате пошлин на другой таможне. В 50-х годах откупщиком азербайджанских таможен стал каем-макам: он мог принимать любые решения — разрешать и запрещать провоз товаров, поднимать цены при оценке товаров и т. п. Он разрешил Джорджу Стивенсу вывезти в Османскую империю купленный им хлеб, несмотря на имевшуюся договоренность между Ираном и Россией о том, чтобы не снабжать турецкую армию продовольствием и фуражом во время русско-турецких войн. В 1851 г. с российских купцов, перекупавших товары у иранских купцов, стали взимать внутренние пошлины, хотя это противоречило ст. 3 торговой конвенции 1828 г.; запретили российским купцам брать таможенные свидетельства на имя своих поверенных, что осложняло торговлю купцов на территории Ирана.

Внешняя торговля Ирана в конце XVIII и в первые десятилетия XIX в. не регулировалась какими-либо общими договорами или шахскими указами, хотя существовало несколько распоряжений тегеранских властей и валиахда относительно торговли с Россией, Англией, Индией, Турцией. Основными документами, регламентировавшими ирано-русскую торговлю, стали Туркманчайский договор 1828 г. и специальный торговый акт, согласно которому устанавливалась 5%-ная торговая пошлина. Аналогичные условия были предоставлены Англии (торговый договор 1841 г.), Бельгии (1841), а впоследствии Франции, США, Испании и другим странам. Например, в ирано-бельгийском договоре говорилось, что бельгийцы «могут торговать, где хотят», должны платить 5%-ную пошлину, могут иметь по одному представителю бельгийского купечества в Тегеране и Тебризе.

Иранские власти пытались оказывать воздействие на торговлю иранских купцов с европейскими купцами, мало обращая внимания на характер торговых сделок с купцами из восточных стран — Афганистана, Индии, среднеазиатских ханств, а иногда и из Османской империи. Иранские власти не препятствовали торговле купцов из этих стран в иранских городах. Даже в Мохаммере, из-за которой шел спор между Ираном и Османской империей, Иран не препятствовал торговле купцов последней. К середине XIX в. деятельность этих купцов активизировалась. Багдадский купец Гектор получил шахский фирман на организацию в Мохаммере своего торгового дома¹⁶⁴. Вместе с тем сами персы, по свидетельству Харфорда Джонса, подсказывали европейцам, как им лучше отстаивать свои торговые и политические интересы¹⁶⁵.

Начиная с 30-х годов XIX в. заметнее стали выступать чисто политические мотивы действий иранских властей в вопросах внешней торговли. Например, несмотря на шахский фирман, разрешавший вести торговлю российскому купцу Эривандову, астрабадские власти запретили иранским купцам торговать с Эривандовым, хотя это плохо отражалось на операциях астрабадских купцов. Губернатор Мохаммад-Насер-хан приостановил постройку сарая для хранения товаров Эривандова, потребовал больших, чем указано в фирмане, пошлин¹⁶⁶. Видимо, как это нередко бывало в годы садр-азамства хаджи мйрзы Агаси, шах подписывал фирман с требованием оказывать помощь иностранным купцам или давал им разрешение на торговлю в определенном городе и одновременно местным властям посылал другое распоряжение — не выполнять подписанный им фирман, препятствовать торговле нежелательных иностранных купцов, создавать настолько неприемлемые условия для торговли иностранных купцов, чтобы они больше не приезжали в эти места. Точно так же вел себя и правитель Мазендерана Мехди-Кули-мирза, по требованию которого чиновники взимали двойные пошлины с приказчиков Московского торгового дома, а местное население отказывалось продавать строительные материалы для восстановления сгоревших складов и магазинов. Мирза Таги-хан Амир-Кабир одобрял его действия¹⁶⁷.

Иногда искусственно создавались трудности при взыскании долгов с иранских купцов. Шуйские купцы Посылины имели в Иране своих приказчиков, однако во время эпидемии чумы все приказчики Посылиных погибли, а товары, деньги и документы пропали. В течение многих лет Посылины вынуждены были вести переписку с различными ведомствами и должностными лицами, поскольку общая сумма долгов иранских купцов Посылиным составляла 277 913 руб., но так и не могли полностью получить свои деньги. Иногда иранские правители и их приближенные, взявшие на откуп таможи, действовали в личных интересах, не считаясь с иранскими купцами.

В первой половине XIX в. все еще не было единообразия во взимании и уплате пошлин за товары. Не соблюдались таможенные правила. Иранские таможенные чиновники, уплатив значительные откупные суммы за получение должности таможенника, считали вполне закономерным изменять размеры взимаемых пошлин по своему усмотрению. Тегеранское правительство не имело возможности контролировать внешнюю торговлю, хотя местные провинциальные правители без санкции шаха или главного везира не могли решать вопросы о торговле иностранцев в управляемой ими провинции. Но местные власти вносили свои существенные поправки в условия торговли с иностранными купцами, заботясь прежде всего о собственной выгоде. Так, например, в Гиляне с российских купцов взимали кроме обязательной 5%-ной пошлины по Туркманчайскому договору еще дополнительную¹⁶⁸. Не были унифицированы правила осмотра и оценки товаров на таможнях Ирана.

Купцы старались провезти часть товаров беспошлинно или уплатить меньшую пошлину, прибегая к различным уловкам. Кроме того, сами таможенные правила давали купцам возможности для маневра: например, с товаров, вывозимых из Ирана в Османскую империю, иранские купцы платили 4% пошлины, а европейские — 3%. Поэтому иранские купцы часто отправляли свои товары под фамилиями купцов из Закавказья (шушенских, карадагских, тифлисских), экономя на таможенных сборах. Турецкие товары ввозились в Иран с 6%-ной пошлиной, а за ввоз английских товаров иранские купцы платили 2% пошлины. На этом основании английский поверенный в делах Джон Кэмпбел настаивал на взимании 2% и с английских купцов¹⁶⁹.

В первой половине XIX в. Иран только вступал в систему более или менее регулируемых торговых отношений между странами. Значительная часть внешнеторговых операций осуществлялась на давно сложившихся принципах «восточной торговли». Иранские купцы, занимавшиеся торговлей с другими странами, старались пользоваться старыми связями и каналами — рекомендательными письмами и охранительными грамотами высокопоставленных лиц, личным знакомством с правителями соседних ханств и государств, проверенными связями со своими иностранными контрагентами-купцами и др. К государственным чиновникам, в консульства обращались лишь в крайней нужде. В случае возникновения конфликта вспоминали о наличии торговых договоров, актов, письменной и устной договоренности иранских правителей с иностранными консульствами.

Консульская служба иностранных государств, в первую очередь России и Англии, вначале воспринималась иранскими купцами как «вредное новшество», ущемлявшее интересы иранского купечества. Отношение к консульской службе менялось постепенно: в середине XIX в. иранские купцы научились использовать консульскую службу за рубежом (протесты, жалобы и просьбы иранских купцов, поданные через консулов в Астрахани, Тифлисе и Петербурге, постоянно поступали на рассмотрение в различные инстанции России и вызвали большую переписку) и уклоняться от требований и претензий иностранных консулов в Иране. Кроме того, иногда иранские купцы прибегали к покровительству иностранных консульств, спасаясь от преследований местных властей, ссылаясь на то, что их обвиняют в связях с иностранными купцами и консульствами или в симпатиях к Англии, России, Османской империи.

Чтобы обеспечить себе лучшие или хотя бы сносные условия торговли, иностранные купцы в Иране были вынуждены прибегать к взяткам в завуалированной форме. Так, в 1836 г. российский купец Эривандов, привезший в Астрабад примерно на 65 тыс. руб. товаров и выручивший за них всего лишь 81 тыс. руб., передал главному духовному лицу в Астрабаде Мохаммаду-Али на постройку мечети 7 тыс. руб., на освобождение четырех пленных и помощь бедным 2600 руб. и на строительство мечети в селении Гяз

на берегу Астрабадского залива, где обычно выгружали товары российские купцы, 840 руб., т. е. всего 10 440 руб. ($\frac{1}{8}$ часть всех вырученных от продажи денег). Заплатив за перевоз и аренду караван-сарая, он понес значительные убытки. Эривандов не мог рассчитывать только на поддержку Мохаммада-Али и вынужден был давать подарки и другим лицам.

В первой половине 30-х годов наметилась тенденция к преобладанию иранских купцов в торговле Ирана с Афганистаном, среднеазиатскими ханствами, Россией и Османской империей. Общий объем их торговли через Закавказье и Османскую империю составлял 13—15 млн. руб. С середины 30-х годов положение стало меняться: европейские торговые дома и отдельные купцы сосредоточили в своих руках ввоз подавляющей части европейских товаров.

Сказалось также и то обстоятельство, что некоторые армянские и мусульманские купцы, считавшиеся иранскими купцами, поменяли свое подданство и стали числиться российскими купцами. Объем внешнеторговых операций иранских купцов через Тебриз сократился до 3 млн. руб. Торгово-финансовый кризис 1837/38 г. подорвал платежеспособность некоторых купцов. Впоследствии объем внешнеторговых операций иранских купцов увеличивался очень медленно из-за конкуренции европейских коммерсантов. В 1847 г. из-за торгового кризиса в Англии ввоз английских товаров в Иран несколько сократился и цены на европейские товары поднялись. Иранские купцы взяли в кредит на 12,5 млн. руб. мануфактуры, ввезенной из Константинополя, и на 4 млн. руб. из Лейпцига и непосредственно из Англии, что позволило им в 1847—1848 гг. занять преобладающее положение на рынках Иранского Азербайджана, центральных провинций, Мазендерана, Гиляна и Астрабада. Объем торговли иранских купцов европейскими товарами возрос с 3 млн. руб. в 1843 г. до 14 млн. в 1848 г. В 1848 г. внешняя торговля через Тебриз оценивалась в 20 млн. руб. (14 млн. составлял ввоз тканей). Торговый дом Ралли и некоторые другие купцы решили вообще в 1849 г. не ввозить хлопчатобумажных тканей. В 1848 г. было меньше ввезено и шерстяных тканей. «Все в убытке» — к такому выводу пришел российский консул в Тебризе А. Н. Аничков¹⁷⁰.

По данным востоковеда Э. К. Лэмбтон, внешняя торговля Ирана в середине XIX в. находилась преимущественно в руках европейских купцов и небольшой группы иранских купцов — персов, армян, азербайджанцев, а на востоке и юго-востоке Ирана — индийцев. Купцы из Мультана торговали в портах Персидского залива; их было немного. В Кермане в 1810 г. было около 40 индийских купцов из Шикарпура и Синда. В 40—50-х годах в Йезде жили десять купцов из Синда. Большинство индийских купцов пользовались покровительством Англии. Одним из крупнейших торговцев первой половины XIX в. был хаджи Абд-оль-Казем Нур-ад-Дин из Шикарпура. Он приехал в Иран между 1810 и 1820 гг. и вел торговлю до 1847 г.; в 1858 г. он умер. Иранское правительст-

во, которое вступало с ним в различные торговые и финансовые сделки, считало его жителем Кандагара, сам он выдавал себя за персидского подданного, а английский консул Стивенс называл его «известным жуликом»¹⁷¹. Хаджи занимался не только торговлей, но и перепродажей баратов, ростовщичеством. Он был связан с членами правящей династии; одна из его жен была дочерью Фатх-Али-шаха. Его старший сын, мирза Голям-Хосейн, числился на персидской службе, а брат хаджи Абд-ар-Рахим участвовал в его делах и тоже был очень богат.

Среди иностранных купцов, торговавших в Иране, было много греков из Османской империи. Христиане-марониты, или униаты, (уния с Римом была окончательно оформлена к середине XIX в.) и греки-католики пользовались торговыми привилегиями, которые им гарантировал Ватикан, и покровительством европейских консулов.

Семьи известных иранских купцов иногда держали под своим контролем торговлю целых районов. Очень богатая и влиятельная семья Мир-Багириных, один из членов которой Абу-Талиб принял российское подданство, оказывала большое влияние на развитие ирано-русской торговли в прикаспийских провинциях Ирана¹⁷². Все капиталы Абу-Талиб переводил в Иран. Находившиеся в Астрахани персы звали его «ханом» и без его разрешения не торговали и не перевозили на своих судах товары российских купцов.

Изредка возникали торговые компании. Если в XVII—XVIII вв. эти компании объединяли преимущественно армянских купцов, то в XIX в. на первый план выступают персидские и азербайджанские купцы. Объединения местных купцов возникали спорадически и не отличались долголетием, главным образом из-за вмешательства властей, взаимного недоверия купцов, опасности открыто вести дела. По свидетельству очевидцев, иранские торговцы, за исключением двух-трех наиболее богатых, боялись рисковать капиталами и не думали об учреждении торговых контор. Они вели торговлю традиционно, не делая больших запасов товаров, стараясь побыстрее вернуть вложенный капитал и получить максимальную прибыль. Очень часты были банкротства (фиктивные и действительные) торговых домов и отдельных купцов. Были введены специальные «Правила» для предупреждения злоупотреблений банкротствами местных купцов. Но иранские купцы их не придерживались. А один из фирманов шаха отменял телесные наказания для «невинных банкротов».

Влияние торговли европейских купцов в Иране в первой четверти XIX в. почти не сказывалось на конъюнктуре иранского рынка. Постепенно ввоз европейских товаров возрастал. В Иране появились постоянные агенты европейских купцов, фирм и компаний, которые занимались реализацией поступивших товаров, распространением их среди местных купцов. Как правило, собственных лавок европейские купцы не имели. Затем стали возникать торговые дома. В Тебризе обосновались братья Ралли, Маврокордато, Аджеласто (греческие конторы), французы Касабуа и Гиллини, на-

ходившийся под английским покровительством Томас Кучек и австрийский подданный Томас Желалаянц, австрийские, немецкие, турецкие торговцы — Тангардт Динер и К^о, братья Цола, Суворгоглу и др. В середине 30-х годов ввоз европейских товаров значительно возрос. Иранский рынок был не готов к освоению такого большого количества товаров — в стране не было денег, чтобы заплатить за них, и было недостаточно товаров для вывоза, чтобы компенсировать ввоз. Иностранные торговцы мешали друг другу. Была очевидной «неготовность Персии к расплате за европейские произведения». Один из российских дипломатических чиновников в Иране, С. Черняев, считал, что европейские товары не были первой необходимостью для иранского населения, это были предметы роскоши для удовлетворения прихоти господствующих слоев, незначительной прослойки городских торговцев и ремесленников. В магазинах скопилось много залежалых товаров. В начале 50-х годов по Ирану прокатилась волна банкротств, как после торгово-финансового кризиса 1837/38 г.¹⁷³

Об обострении противоречий между иранскими и иностранными купцами говорят многочисленные протесты иранских купцов против вывоза из Ирана ценного сырья, ввоза иностранных товаров, предоставления привилегий иностранным купцам и т. п. В 1844 г. иранские купцы попытались вытеснить из Тебриза европейских конкурентов. Но эта акция оказалась малоэффективной.

О значительном росте внешней торговли Ирана в течение первой половины XIX в. свидетельствуют следующие цифры. В 1800 г., по данным Дж. Малькольма, Иран торговал преимущественно со своими соседями: Османской империей, Россией, Бухарским ханством, Афганистаном, Индией и арабскими княжествами. Европейские товары ввозились в Иран не только иранскими и европейскими купцами, но и турецкими, индийскими, арабскими.

Ирано-индийская торговля была пассивной: Иран ввозил товаров на 3 млн. рупий, а вывозил лишь на 1,5 млн. Правда, часть индийских товаров перепродавалась иранскими купцами в Турции и в Закавказье. Из Индии ввозились в основном сахар, специи, индиго, камфара, золото, драгоценные ткани, а также европейские и китайские товары. Иран вывозил шелк, жемчуг, асафетиду, шерсть, ковры, чернильные орешки, розовую воду, соленую рыбу, табак и некоторые изделия иранских ремесленников. Ирано-афганская торговля была активной: в Афганистан экспортировали товаров на 3 млн. рупий (одежду, шелк, драгоценные камни, жемчуг, специи, изделия исфаханских и других ремесленников), импортировали из Афганистана товаров на 400 тыс. рупий (индиго, кашмирские шали, наркотики, ремень). С Бухарой у Ирана была почти эквивалентная торговля в размере 500 тыс. рупий. Доля участия иранских купцов во внешней торговле была достаточно велика.

Почти столько же, сколько из Индии, Иран ввозил из Османской империи (в пределах 3,5 млн. рупий). Из Османской империи в Иран ввозились золото (в монетах), французские и итальянские товары, дамасские и алеппские ткани, стекло и хрусталь, кораллы,

амбра, зеркала, опиум, железо, сталь, ювелирные изделия. Иран экспортировал в Османскую империю шелк, табак, хлопок, кошениль, парчу и другие изделия иранских ремесленников. Паломники, направлявшиеся в Мекку (около 300 человек ежегодно), везли с собой на продажу изделия иранского производства. С берегов Персидского залива в Иран доставляли жемчуг и одежду, с побережья Красного моря и из Абиссинии — рабов и кофе. В эти районы Иран вывозил ковры, табак, сушеные фрукты, розовую воду и некоторые другие товары. В среднем Иран ежегодно ввозил товаров на 10 млн. рупий, а вывозил на 65 млн. (без экспорта в Россию) ¹⁷⁴.

Торговля Англии с Ираном непрерывно росла. Товары ввозились через Персидский залив, территорию Османской империи, Закавказье и Каспий, через Синд и частично через Кандагар и Герат. Морское судоходство по Персидскому заливу давало Англии возможность экспортировать свои и индийские товары, устанавливать политические контакты с имамом Маската и прибрежными шейхами, получать прибыль от фрахта и посредничества в торговле (ввозили китайские и др. товары), снабжать своими товарами иранских купцов, торговавших во внутренних районах страны, влиять на размер экспорта иранских товаров. О значении экспорта английских товаров в Азию писали К. Маркс и Ф. Энгельс ¹⁷⁵.

Треть индийской морской торговли, которая постепенно подпала под контроль англичан, приходилась на долю Ирана. Условия торговли английских купцов в Иране стали значительно лучше после того, как английский посланник в 1836 г. получил специальный фирман Мохаммад-шаха, в котором говорилось: «Мы даруем свободу и разрешение купцам британской нации ввозить свои товары во владения Персии и распоряжаться ими в условиях совершенной безопасности и доверия», за что они должны были уплачивать такую же 5%-ную пошлину, как и купцы России ¹⁷⁶. О росте англо-индийской торговли в Иране свидетельствуют следующие цифры. В 1800 г. из Индии в Иран было ввезено товаров на 300 тыс. ф. ст., а в 1823 г. — на 670 тыс. ¹⁷⁷. В начале XIX в. объем внешней торговли Ирана был равен 2,5 млн. ф. ст., а в 1830 г. только импорт составил 2 млн., из которых на долю Англии и Британской Индии приходилось более $\frac{2}{3}$ всех ввезенных товаров; экспорт товаров из России достиг 600 тыс. ф. ст. ¹⁷⁸. В 30-е годы большая часть ввезенных в Иран товаров была английского и индийского производства. Это очень наглядно видно по ввозу английских товаров в Тебриз, через который шли основные грузопотоки. В 1838 г. английские купцы ввезли в Тебриз своих товаров на 966,7 тыс. руб. Одним из главных поставщиков этих товаров (на 724,5 тыс. руб.) был Рафаэли. Остальные купцы ввозили значительно меньше: торговый дом Ралли на 150 тыс., Ага-Мохаммад Эмин Шемахинский на 28,5 тыс., Ага-Мохаммад Шафи Шемахинский на 20,5 тыс., хаджи Ибрахим Шушинский на 8 тыс. Русские купцы в это время продали товаров на сумму около 200 тыс. руб. В 1843 г. иранские купцы ввезли из Константинополя английских

хлопчатобумажных тканей на 2 млн. рублей. К 60-м годам английская торговля (включая Британскую Индию) с Ираном достигла 5—6 млн. ф. ст. Основными статьями английского экспорта были хлопчатобумажные ткани (до 43%), шерстяные и шелковые ткани (23%), чай (9%), сахар (2%), металлоизделия (2%). Иран вывозил шелк-сырец и шелковые изделия (до 38%), хлопчатобумажные и шерстяные изделия (23%), ковры, зерно, главным образом рис (10%), фрукты (4%), табак (4%), неочищенный хлопок (1%)¹⁷⁹.

Постепенное затоваривание рынков Иранского Азербайджана с конца 30-х годов английскими тканями явилось дополнительным стимулом для английских торговцев искать новые рынки в Иране, продвигать свои товары в прикаспийские провинции, Хорасан.

Основные торговые пути англичан шли от портов Персидского залива через Бушир (Бушир — Шираз — Исфахан — Кашан — Тегеран), Бендер-Аббас (через Керман или Йезд на Мешхед), Линге и Мохаммеру (через Басру — Багдад — Ханекин — Керманшах — Хамадан — Тегеран). С 30-х годов был освоен путь через Трапезунд и Тебриз, позволивший англичанам быстро завоевать северные и северо-западные рынки Ирана¹⁸⁰.

Торговый дефицит Ирана в европейской торговле был высок. В начале 40-х годов в Тебриз ввозилось европейских товаров на 20—30 млн. руб., а вывозилось лишь на 4—5 млн. Дефицит покрывался вывозом монеты, хотя ее в Иране было недостаточно. Поэтому в Иран постоянно ввозилась монета¹⁸¹. Не изменилось положение и в 50-е годы. В задержанном русскими войсками в 1854 г. иранском караване, направлявшемся в Трапезунд, оказалось 7 вьюков с деньгами, которые предназначались иранским купцам в Трапезунде для расчетов с европейскими торговцами. Периодически Россия оставалась единственным государством, откуда Иран мог ввозить золото и серебро. Из одного русского серебряного рубля в Иране чеканили от трех с половиной до пяти сахиб-кранов, а при расчетах за товары в Закавказье один сахиб-кран в 20—30-х годах принимался за 80 коп., а в 50-х годах — за 29—30 коп. В 1830 г. Россия запретила вывоз российской монеты в Иран, но не возражала против вывоза иранских, турецких и европейских монет. Затем запрет был снят. В 30—40-х годах российская монета стоила в Иране на 16% больше, чем в Тифлисе. В 1842 г. в Иран было вывезено монеты на 2 083 725 руб. сер.¹⁸², поэтому было решено за ее вывоз взимать пошлины.

В связи с острым дефицитом наличных денег ссудный процент в Иране был очень высок. В Европе ссуды давались под 3—6% годовых, а в Иране под 30—100%. «Рост на капитал в Персии не имеет никаких границ», — доносили российские чиновники¹⁸³.

Коран и шарият запрещают ростовщичество. Но в мусульманских странах оно было широко распространено, хотя ростовщики и не выделились в самостоятельную прослойку. Ссуды давали купцы, ханы, духовенство. Под влиянием византийского (римского) права («за пять взятых монет отдать шесть») получила рас-

пространение ссуда под 20%. «Справедливым» среди торгово-ремесленных слоев считалось взимание 11% годовых.

Правящие круги Ирана часто прибегали к займам не только у иранских подданных, но и у иностранцев — греков, турок, индийцев, англичан и подданных России. Это психологически подготовило почву для получения государственных займов. Два тифлиских купца, Калуст и Вартан Вартановы, дали в долг в 1837 г. каджарскому принцу Кахреман-мирзе, правителю Иранского Азербайджана, 5 тыс. туманов. К 15 августа 1842 г. сумма его долга возросла до 21 216 туманов, т. е. 16 441 туман и 9 шахи составляли проценты. В обеспечение долга иранское правительство передало Вартановым Карадагские рудники («медный завод»), которые принадлежали откупщику северных иранских таможен Сети-хану, взявшему деньги у Вартановых для шахзаде. Рудники были возвращены Сети-хану в 1844 г., но амир-незам Мохаммад-хан приказал вычесть 5 тыс. туманов из причитавшихся Сети-хану 9 тыс. туманов таможенных доходов и уплатить Вартановым¹⁸⁴.

Второй каджарский принц, Мелик-Касем-мирза, получил в долг от Вартановых 2 тыс. туманов. В векселе, выданном принцем Вартанову, говорилось, что он получил в 1839 г. от Вартана, сына Шермазана Тифлиского, 2 тыс. туманов тебризской монетой и обязуется уплатить в течение девяти месяцев по 666 туманов 6 сахиб-кранов и 13 шахи в каждый из последних трех месяцев. Принц не уплатил деньги в срок, и долг вырос за 25 месяцев до 3561 тумана 9 шахи.

Должником Вартановых был и крупный феодал Сеид-хан, который дважды брал у них займы деньги (425 и 828 туманов 7 шахи), долг которого составлял 3474 тумана 7 шахи, т. е. в качестве ссудного процента он должен был уплатить 2221 туман. В 1824 г. шахзаде Али-Реза-мирза отдал русскому купцу под заклад в 4 тыс. туманов все драгоценности и платье жены. У турецкого подданного купца Гаспар-хана занял 10 тыс. туманов губернатор Керманшаха Мохаммад-Али-мирза. После смерти принца провинцией стал управлять его сын Мохаммад-Хосейн-мирза, который выдал фирман об уплате отцовского долга из налогов, собираемых с племен Лурестана. Но умерли и Мохаммад-Хосейн-мирза, и Гаспар-хан, а долг остался невыплаченным. Наследники Гаспар-хана предъявили иск через английского консула Аббота. Мирза-Тагхан уговорил Гектора, наследника Гаспар-хана, отказаться от старых долгов и подписать новый выгодный контракт с иранским правительством, что даст ему возможность возместить понесенные убытки.

Аналогичные займы принцы и ханы брали и у иранских купцов. Расчеты в этом случае производились еще медленнее. Деньги в долг давали часто, но обычно небольшими суммами — много давать было опасно. Иранские ростовщики не брали залогов (запрещено Кораном) и рисковали потерять выданные ссуды, в случае разорения кредитора. Купцы субсидировали и шахов, например Насер-ад-Дина в 1848 г. Ссуды выдавались также купцам (часто

торговцы кредитовались у своего таджер-баши), скупщикам сельскохозяйственного сырья, ремесленникам, крестьянам (особенно во время уплаты налогов). В документах — долговых обязательствах точно указывалось, какие проценты выплачивались и по какому курсу (чаще — по «тебризскому» курсу), сроки платежей и кто удостоверял документ.

В развитии русско-иранской торговли в рассматриваемые годы было несколько спадов и подъемов, хотя в целом отмечается ее значительный рост в течение рассматриваемого периода.

Несмотря на напряженность дипломатических отношений в конце XVIII в., торговые связи между Ираном и Россией не прекращались. Так, по свидетельству российского консула М. Скибиневского, из Астрахани и Кизляра в 1775 г. в Иран вывозилось товаров на 953 тыс. руб., а в 1793 г. — на 1,5 млн. руб. Основные потоки товаров шли через Решт. В 90-е годы XVIII в. из Решта вывозилось товаров на 1 850 тыс. руб., из которых $\frac{1}{3}$ приходилась на долю России. Только таможенных сборов в Реште собиралось более 300 тыс. руб.¹⁸⁵

Ирано-русская торговля в первой половине XIX в. непрерывно росла. С 1822 по 1832 г. существовала льготная система торговли с Закавказьем. А. П. Ермолов и Г. В. Розен были сторонниками свободной торговли, поэтому была разрешена торговля любыми товарами при условии уплаты 5-процентной пошлины. Новая таможенная система, введенная при И. Ф. Паскевиче, предусматривала взимание низких пошлин с иранских товаров, а некоторые российские товары разрешалось провозить через границы беспошлинно. В 1831 г. были увеличены пошлины на иранские товары до 5%. По дополнительному тарифу 1841 г. был запрещен ввоз в Россию некоторых видов товаров.

Осложнило русско-иранскую торговлю запрещение транзита европейских товаров в Иран и иранских в Европу через Закавказье, сторонником которого был канцлер К. В. Нессельроде. В начале 40-х годов русские хлопчатобумажные товары почти потеряли сбыт в Иране. Поэтому правительство России решило закрыть транзит конкурирующих европейских товаров в Иран. Но очень скоро европейские купцы освоили путь через Трапезунд, и даже после разрешения транзита через Закавказье многие продолжали пользоваться новым торговым путем.

Российские купцы и правительство изыскивали пути расширения русско-иранской торговли. Был создан Московский торговый дом по торговле с Азией. Торговый дом «Баранов, Ремизов, Елизаров и К^о» стал расширять торговые обороты в Астрабаде, установив связи с купцами Шахруда, Бастама и даже Йезда. Из-за конкуренции европейских товаров, ввозимых главным образом через Трапезунд, значительно сократилась ирано-русская торговля через Астрахань. Дефицит торговли с Ираном в 1842—1844 гг. составлял 8 384 931 руб. сер. Главноуправляющий Кавказом С. М. Воронцов был за разрешение транзита через Закавказье, считая, что запретительные тарифы вообще вредны. 25 сентября /7 октября

1846 г. Николай I утвердил положение о беспошлинном транзите через Закавказье. 28 января /9 февраля 1853 г. Николай I подписал указ о правилах транзита европейских товаров в Иран и иранских товаров в Европу через Россию. В 1848 г. между Ираном и Россией начались переговоры о ввозе из Ирана в Закавказье английских хлопчатобумажных тканей, окрашенных в Иране. Когда с конца 30-х годов английские миткали и ситцы стали вытеснять ткани иранского производства на рынках Северного Ирана, иранские купцы стали вывозить их в Закавказье, где повышенным спросом пользовалась одноцветная хлопчатобумажная ткань. В 1824 г. в Закавказье было ввезено иранских товаров на 2,17 млн. руб., а в 1842 г. — на 7 млн. руб.¹⁸⁶, а по другим данным — на 3 393 803 руб., а вывезено всего лишь на 865 448 руб. сер.¹⁸⁷ В 40—50-х годах торговый баланс был постоянно активен для Ирана. По мнению Шарля Исави, Россия занимала первое место во внешней торговле Ирана из-за выгодного тарифа, удобных путей сообщения, богатого ассортимента товаров и традиционных торговых связей¹⁸⁸. Действительно, объем торговли в цифровом выражении непрерывно возрастал. О значении и размерах торговли свидетельствуют также наличие 17 таможен на ирано-русской границе (две были упразднены в 50-х годах) и ежегодные рейсы 295—322 судов между иранскими и российскими портами на Каспийском море.

Купечество Ирана приспособлялось к новым условиям торговли, осваивало продажу товаров в кредит. Причем стоимость товаров менялась в зависимости от времени выплаты кредитного долга. Самыми распространенными сроками кредита были 2—3 месяца, полгода, год и два года. Прибегали в случае необходимости и к меновой торговле. Например, в 1849 г. в Тебризе резко упала покупательная способность населения, рынок оказался забит европейскими товарами, начались банкротства иранских купцов. Поэтому тебризские купцы решили срочно перебросить непроданные товары в Гилян и обменять их там на шелк. Цены на шелк в Гиляне немедленно поднялись, что улучшило положение местных торговцев и скупщиков шелка.

Уже в 1847 г. можно было предвидеть приближение очередного торгового кризиса: чувствовался острый недостаток в наличном капитале, были отсрочены выплаты процентов за ссуды, резко колебались цены на товары, отмечалось большое скопление непроданных товаров в наиболее «торговых» городах. Именно в этих городах и провинциях с наибольшим развитием товарно-денежных отношений кризис проявился с наибольшей силой. Вот как это отразилось на Гиляне.

Налог (малиат) собирался с Гиляна после реализации урожая риса и шелка-сырца в размере 200 тыс. туманов. Тегеранское правительство, ощущая острый недостаток в денежных средствах, потребовало в первой половине 1848 г. уплаты вперед значительной части налога. Не имея еще доходов от продажи риса и шелка-сырца, население вынуждено было занимать деньги у ростовщиков под очень высокие проценты. Впоследствии гилянцам пришлось

уплатить около 50 тыс. туманов в качестве процентов, т. е. дополнительно 25% по сравнению с фиксированной суммой налога. Но эти деньги не попали в государственную казну, а остались в руках местных ростовщиков-купцов, духовенства, ханов, чиновников.

Из-за несвоевременного сбора налога в Гиляне стал ощущаться острый недостаток денег. Откладывались платежи по торговым сделкам, росли неустойки. И ко времени нугана — массовой купли-продажи шелка-сырца, когда в Гиляне всегда было много денег, теперь стала ощущаться их нехватка. Положение еще более ухудшилось, когда известные торговые дома Ралли и др. значительно сократили покупку шелка-сырца в связи с начавшимися революциями в Европе. А после известия о смерти Мохаммад-шаха в начале сентября 1848 г. в Гиляне исчезли и остатки находившихся в обращении денег. Курс наличных денег повысился до 5—6%, прекратилась уплата долгов, начались банкротства. Многие купцы сели в бест. Оказались несостоятельными пять-шесть самых крупных маклеров по торговле шелком, около 30 торговцев прекратили уплаты по векселям, то же самое сделало большинство гилянских помещиков. Сумели избежать разорения лишь очень богатые правители Решта и Лахиджана, имевшие огромную недвижимую собственность. Цены на шелк упали, и, несмотря на это, было закуплено меньше половины произведенного шелка¹⁸⁹. В Мазендеране создалось аналогичное положение. Естественно, что такие кризисные ситуации служили дополнительным поводом для массового недовольства населения, что было использовано руководителями бабидского движения.

Очень несовершенной была система расчетов между иранскими купцами. В Иране не велись официальные бухгалтерские книги, поэтому нельзя было проверить размеры капиталов, наличие товаров, объем сделок с тем или иным купцом. Не было и четкой организации оплаты векселей. Аббас-мирза, по просьбе российской миссии, распорядился, чтобы в Иранском Азербайджане прежде всего удовлетворялись претензии российско-подданных купцов, что вызвало недовольство иранских купцов. Но чаще было наоборот. В 50-х годах иранские власти вначале старались удовлетворить иранских кредиторов, а затем уже купцов из России. Правительство искусственно повышало курс денег, когда подходило время расчетов по кредитам; на этом российские купцы теряли до 20% капитала. Было запрещено вывозить из Ирана монету (купцы Посылины продали товары на 250 тыс. руб. и хотели вывезти деньги в Россию, но им не разрешили). Иса-хан, правитель Гиляна при Ага-хане Нури, русофоб, затруднял работу консула Л. Ивановского по сбору долгов с иранцев (около 15 тыс. туманов). Развитие торгово-денежных отношений сопровождалось «серебряным кризисом», выпуском низкопробной монеты. При порче серебряной монеты стоимость товаров определялась иногда через золото, хотя золото обычно не применялось в расчетах в Иране.

Иранские власти знали о контрабандной торговле купцов, но, как правило, не преследовали их за это. В 1833 г. на таможне в

Джавате были задержаны контрабандные товары ардебильского купца хаджи Ахмада, и, чтобы они не испортились во время хранения, их продали за 3415 руб. 25 коп. Амир-незам по жалобе Ахмада в 1838 г. потребовал вернуть купцу товар или заплатить за него деньги. Правда, купцу потребовалось пять-шесть лет, чтобы получить согласие азербайджанских властей на компенсацию за контрабандные товары.

Ремесленники, ремесленное производство. Иранское ремесло, а следовательно, и положение ремесленников претерпело значительные изменения за столетие — с середины XVIII до середины XIX в.

Многие авторы отмечали периодическое сокращение ремесленного производства в Иране XVIII в. и резкое ухудшение качества производимых товаров. В период междоусобных войн сократился спрос на дорогие и высокохудожественные изделия (ювелирные, дорогие ткани — парчу, бархат, ковры и др.), поскольку было мало богатых заказчиков. Надир-шах и его окружение пользовались награбленными в Индии и в других странах вещами; Керим-хан основные средства тратил на армию и строительство; его наследники довольствовались доставшимися им сокровищами Сефевидов, Керим-хана и частично Надир-шаха; старые феодальные семьи обеднели, а боровшиеся за власть ханы племен чаще пользовались захваченной добычей, чем купленными вещами. Тем не менее почти при каждом правителе были свои ювелиры, каллиграфы, оружейники и пр. Очень интересное описание дома хаджи Юсуфа, главного ювелира последних Зендов, оставил Харфорд Джонс Бриджес, дома, который был «очень похож на другие дома торговцев его ранга»¹⁹⁰. Хаджи Юсуф олицетворял в одном лице высокопрофессионального ювелира-ремесленника, торговца драгоценностями и чиновника при зендском дворе. Свои «юсуфы» были при дворе Фатх-Али-шаха и других каджарских шахов. Иногда это были армяне, которых заставили принять ислам. Большая популярность в Иране ювелирных изделий позволяла сохранять уровень их производства и преемственность искусства ювелиров.

Постоянную работу имели ремесленники-оружейники, поскольку оружие всегда пользовалось большим спросом. Холодное оружие производилось из высококачественных сталей и по требованию богатых заказчиков украшалось. Ценилось также огнестрельное оружие с инкрустациями, насечками и прочими украшениями из серебра, драгоценных камней, перламутра. Производство дешевых видов оружия было распространено повсеместно.

Ко времени прихода к власти Каджаров в Иране производились керамические изделия (недорогие и невысокого качества) для нужд местного рынка, традиционные предметы быта из меди, бронзы, латуни, железа (на севере Ирана они часто изготовлялись из металла, ввозившегося из России), хлопчатобумажные, меньше шелковые и шерстяные (грубые) ткани, дешевые ковры, скобяные изделия. Кожевенное производство оставалось на прежнем уровне. Наличие сырья и спрос на обувь, сбрую, всевозможные ремни и др. обеспечивали занятость кожевников и позволяли сохранить высо-

кое качество производимой продукции — шевра, сафьянов, кож с вышивкой и инкрустациями, на которые был постоянный спрос.

К концу XVIII в. традиционное ремесленное производство в основном было восстановлено, но оно не смогло дальше развиваться, потому что на нем стало сказываться все возрастающее влияние капиталистического Запада. Воздействие мировой капиталистической системы прежде всего отразилось на производстве тканей и положении ремесленников-ткачей, привело к исчезновению некоторых видов ремесел и появлению новых профессий, способствовало освоению новой техники и большей дифференциации труда в некоторых видах ремесленного производства. Спорадически возникшие в XVII—XVIII вв. элементы капиталистического производства в виде простой кооперации с разделением ручного труда и зачатков рассеянной мануфактуры, не получившие тогда дальнейшего развития, в XIX в. начали пробивать дорогу во многих отраслях хозяйства. Об этом говорит характер организации работы на государственных военных заводах, в горнорудном деле, в стекольных, фарфоровых и прочих «кархане», которые в литературе XIX в. называются заводами, фабриками, мануфактурами и мастерскими. Разные названия предприятий свидетельствуют о том, что в них сочетались некоторые элементы капиталистического предпринимательства и организации труда с традиционными формами производства и отношений между хозяином и работником. В 50—60-х годах путешественники начинают все чаще отмечать некоторые изменения в технологии изготовления отдельных видов ремесленных изделий и применение новых орудий труда.

В целом ремесленное производство базировалось на старой технике и высоком индивидуальном мастерстве подавляющего большинства ремесленников, проходивших долгую школу обучения ремеслу в качестве ученика. При значительной специализации ремесла квалифицированный мастер умел выполнять многие виды работ, поскольку вся система ученичества была построена таким образом, что ученик как бы осваивал несколько профессий в своей отрасли, достигая высокого мастерства.

А. И. Ходзько называет частные предприятия по выработке тканей в Реште «ткацкими заводами». В 1837 г. в Реште было 20 таких «заводов», на которых были вытканы шелковые ткани, проданные за 25 тыс. туманов¹⁹¹. На этих предприятиях для окраски тканей применяли индиго, кошениль и сандал. Первичная обработка шелка-сырца производилась крестьянами, наемными работниками или отдельными ремесленниками, получавшими сырье от скупщиков (рассеянная мануфактура). В 1848 г. в качестве зарплаты рабочие, прибывшие в Гилян из Мазендерана и Халхала на сбор шелковой грены и первичную обработку коконов, их упаковку и транспортировку, получили около 120 тыс. туманов. Это одно из свидетельств соединения торгового капитала с ремесленным производством, поскольку торговый капитал играл основную роль в организации сбора, обработки и реализации шелка-сырца, в производстве шелковых изделий и их продаже.

В Иране довольно широко применялся наемный труд — и в городе, и в деревне. Отсутствие крепостничества привело к возникновению значительной прослойки наемных слуг, обслуживавших дворы и хозяйства феодалов. Слуги разных рангов нанимались главным образом из среды городского населения. Лишь ханы кочевых племен использовали в качестве слуг рядовых членов племен. Наемные рабочие и слуги были у купцов и у зажиточных мастеров-ремесленников. Видимо, первоначально не было особой разницы в отношении хозяина к слуге и наемному рабочему — и тот, и другой рассматривались как оплачиваемые слуги. В первой половине XIX в. в традиционно больших семьях отношение к наемному рабочему было двойственным — пренебрежительным и одновременно несколько патриархальным. И нанятые рабочие в подавляющем большинстве считали хозяина своим господином. Такие отношения изживались очень медленно, раньше всего — на рыбных промыслах и в прикаспийских провинциях, где сосредоточивались большие массы поденщиков-отходников и патриархальность отношений становилась излишней.

С 30-х годов, в особенности с 40—50-х годов, в Иране все чаще стали нанимать рабочую силу не только из иранских подданных. В отдельных видах производства (на промыслах) было безразлично, какие люди приняты на работу — иранцы, индийцы, турки, англичане или русские. Так, хаджи Мир-Али-Наги в 1842 г. нанял 11 матросов из российских подданных и отправил их на собственном судне в местечко Карабаба в Туркмении за солью. Соль в Карабаба продавалась несколько дешевле, чем в Дарджа, откуда ее обычно доставляли в Мазендеран и Гилян. Сын дарджинского старшины захватил судно и трех рабочих и продал их персу Абдалле из Энзели, который приезжал за солью в Дарджа; остальным удалось бежать¹⁹². Много наемных рабочих (российских подданных) было занято на рыбных промыслах. Некоторые закавказские ювелиры работали по найму у иранских сановников, выполняя их заказы. Европейские преподаватели и врачи, несмотря на свое более высокое социальное и материальное положение, по существу входили в эту же группу работавших по найму. В некоторых случаях принципиальное значение имела религиозная принадлежность нанимающегося на работу. Наемный труд применялся и в сельском хозяйстве, даже в племенах. Постепенно расширялся круг иранцев, поступавших на службу к иностранцам. Это были служащие миссий и консульств, переводчики, агенты и приказчики европейских купцов, сторожа, проводники, грузчики, погонщики скота. С ввозом в Иран новой техники появились европейские мастера для налаживания производства и обучения иранцев новой технологии.

Иранских правителей все больше беспокоили ввоз европейских товаров и плачевное состояние некоторых видов ремесла. Аббасмирза оказывал покровительство тебризским ремесленникам, но одновременно считал, что следует поощрять европейскую торговлю в Иране и торговлю иранских купцов за рубежом,

В иранистической литературе многократно отмечался факт пагубного воздействия ввоза английской фабричной мануфактуры на развитие иранского ремесла. Одними из первых это отметили И. Ф. Бларамберг, Ю. А. Гагемейстер, Н. А. Аничков и другие российские чиновники, по службе находившиеся в Иране. Меньше обращалось внимания на то, что Иран оказался частично отрезанным от традиционных рынков сбыта продукции иранского ремесленного производства.

Несмотря на выгодный таможенный тариф, разрешение правительства России продавать на Кавказе английские хлопчатобумажные ткани после дополнительной обработки их иранскими ремесленниками и сравнительно большой по ассортименту и количеству ввоз иранских товаров ремесленного производства на Кавказ, присоединение Грузии, Армении и мусульманских ханств к царской России автоматически приводило к установлению более тесных экономических отношений между этими территориями и Центральной Россией и к постепенному сокращению связей с Ираном. Уже с 20-х годов были ограничены возможности продажи иранских товаров в шейхствах и эмиратах Персидского залива и ввоза иранских товаров в Индию, страны Африки. Английская торговая экспансия в этих районах, замещение некоторых видов иранских товаров товарами индийского производства все больше сужали сферу деятельности иранских ремесленников. Иранское купечество, занимавшееся продажей изделий иранского ремесла, проявляло удивительную изворотливость, чтобы сохранить оставшиеся традиционные рынки и изыскать новые в условиях обостряющейся торговой конкуренции. В иранском вывозе все большее место начинает занимать продукция сельского хозяйства. Шелк-сырец, хлопок и шерсть, которые раньше перерабатывались в Иране, теперь превратились в основные статьи экспорта.

В производстве традиционных видов ремесленных изделий стали наблюдаться большие изменения. Ткачи первыми ощутили на себе конкуренцию европейских тканей. Но они продолжали производить традиционные ткани, пользовавшиеся постоянным спросом в сельской местности, в племенах. Очень быстро иранские купцы и ремесленники научились использовать белые английские ситцы для вторичной обработки: ремесленники набивали на них популярные рисунки, а купцы вывозили под видом нанки на Кавказ, где их охотно покупали. В начале 40-х годов Иран производил большое количество разнообразных товаров для Закавказья, и не только тканей. В 40—50-х годах Закавказье оставалось основным внешним рынком для изделий иранских ремесленников. Но Иран терял аналогичный рынок в Османской империи, в Индии, частично в Афганистане и Средней Азии.

Не ощущали европейской конкуренции те иранские ремесленники, которые производили традиционную иранскую одежду, обувь, украшения, предметы обихода — котлы, кувшины, подносы, глиняную посуду, ковры, паласы, кальяны и т. п. Чаще эти изделия бы-

ли не очень высокого качества. Например, путешественники отмечали, что некогда превосходные кашанские шелка и бархат стали худшего качества¹⁹³. В ряде местностей производство было ориентировано на обслуживание только местного рынка: в городе Мейбуде производили глиняную посуду низкого качества с синим эмалированным рисунком¹⁹⁴.

Очень широко было развито производство различных изделий из металла. О потребностях в сырье ремесленников Астрабадской провинции в 40—50-х годах говорят цифры ежегодного ввоза металлов из России, которые перерабатывались местными ремесленниками: около 30 тыс. пудов желса, 1 тыс. пудов стали, 2 тыс. пудов меди, 100 пудов олова и нашатыря. Московский торговый дом только за шесть месяцев 1852 г. продал в Тегеране листового железа на 25 тыс. руб., стали на 7 тыс. и латуни на 1200 руб., а за пять лет (1849—1854) — на 249 431 руб., что составило почти $\frac{2}{3}$ стоимости всех проданных Московским торговым домом товаров.

Иранские ремесленники — жестянщики, медники и пр. — еще не научились использовать все виды заготовок металлов. Так, в 1849 г. купцы Ага-Мохаммад-Багер, мулла Абд-ар-Расул, хаджи Аббас и мулла Юсуф купили у Московского торгового дома профильное железо, которое совершенно не нашло спроса в Иране из-за отсутствия навыков его обработки. В Иране имелись центры по производству медной посуды, такие, как Кашан, где первая линия на базаре целиком была занята мастерскими, в которых делали медные котлы. По утверждению Керзона, вся медь в Кашан привозилась из Англии¹⁹⁵.

Территориальная разобщенность производства при известной специализации некоторых городов и районов отмечалась многими. Например, центром производства ковров на северо-западе Ирана был Султанабад. В окрестных селениях также вырабатывались ковры. Ковры, производившиеся в Иранском Азербайджане, Исфахане, в Туркменской степи, в Кермане и других центрах, отличались не только рисунком и цветом, но и качеством шерсти, тонкостью работы. Были известны первоклассные мастера ковроткачества, которые работали исключительно по заказам. Но много ковров поступало на рынок или скупалось оптовиками непосредственно у мастеров. Отмечались случаи снабжения ремесленников не только привозными красками (индиго и др.), но и специальной пряжей, что впоследствии получило широкое распространение.

В связи с реорганизацией армии, осуществленной Аббас-мирзой, в Иране были созданы арсеналы, пороховые заводы, мастерские для пошива форменной одежды и др. Это были новые для Ирана формы организации производства с применением выписанной из Европы техники и измененной технологией производства. Обслуживали военные предприятия наемные рабочие, получавшие жалованье, но одновременно как бы приписанные к этим государственным мануфактурам. На этом этапе государство взяло в свои

руки лишь организацию таких предприятий, которые были необходимы для обслуживания армии.

На капиталистической основе шла работа в основанных в 40—50-х годах типографиях и литографиях. Капиталистическими по характеру были мероприятия по улучшению добычи полезных ископаемых.

Показателем социально-экономической отсталости Ирана был средневековый подход к добыче полезных ископаемых, к использованию старых рудников (добывались в основном соль, медь, бирюза, сера и др.). В 1830 г. Аббас-мирза получил шахский фирман на разработку рудников в Иранском Азербайджане¹⁹⁶. В соответствии с шахским фирманом местным властям были разосланы распоряжения Аббас-мирзы и Мохаммад-мирзы об обязательном восстановлении в течение одного-двух лет всех рудников Иранского Азербайджана, открытии новых месторождений полезных ископаемых, выписке из Англии горного оборудования, налаживании добычи руды и т. д.¹⁹⁷. Некоторые рудники были отданы на откуп, часть их оказалась частной собственностью отдельных представителей местной власти. Если не удавалось набрать рабочих для добычи руды, то обязывали местных крестьян работать на рудниках. В Россию и в Англию были отправлены молодые люди для изучения горного дела.

Для производства артиллерийских снарядов в Тегеранском арсенале сера привозилась из района Демавенда, где ее добывали местные крестьяне, или из Хамадана. Тебризский арсенал использовал серу из Мешкина и из окрестностей Урмии. В Иране была найдена селитра, но из-за трудоемкости ее очистки она стоила дорого. Свинец был обнаружен в Кермане, Иезде, близ Зенджана, в Мазендеране и в других местах. Но он обычно ввозился из России и Индии.

Во время Крымской войны садр-азам дал разрешение на вывоз свинца, серы и селитры в Россию. Но вывоз этого стратегического сырья так и не был организован, так как за это решил взяться старшина российского купечества в Иране Карапет Саррафов, который ничего не понимал в данном вопросе, и потому генеральный консул Аничков не рискнул подписать с ним контракт.

О желании иранского купечества и нарождающейся интеллигенции заняться разведкой природных богатств Ирана и использовать их в интересах народного хозяйства и для военных целей говорит попытка молодого горного инженера Джафар-Кули-хана, окончившего Горный корпус в России, организовать добычу железной и свинцовой руд, которые он обнаружил в долине Шах-Куха. Предприимчивый инженер обратился за помощью к правительству, обещая поставлять пушечные ядра армии в 3—5 раз дешевле ввозимых из-за границы. Тем не менее хаджи мирза Агаси отклонил это предложение, считая, что ввоз пушечных ядер более надежное дело, чем развитие их местного производства¹⁹⁸. В 1842 г. Мохаммад-шах обратился в Петербург с просьбой прислать рус-

ского горного инженера для изучения рудных месторождений в Иране. В Иран был направлен майор Воскобойников, который должен был одновременно найти каменный уголь для организуемого пароходства по Каспию. Иранское правительство определило места в Астрабаде, Мазендеране и Гиляне, где Воскобойников должен был искать уголь. И снабдило его фирманом, обязывающим местные власти оказывать ему содействие. Однако последние уклонялись от выполнения распоряжения шаха.

В первой половине XIX в. в Иране добывалось мало полезных ископаемых.

Более целенаправленными были мероприятия мирзы Таги-хана по развитию горнорудного дела и ремесленного производства. Ремесленников освобождали от воинской обязанности, им предоставляли льготы в приобретении сырья и сбыте продукции, некоторые категории ремесленников временно освобождались от налогов, им выдавали поощрительные премии за производство дорогих и популярных сортов тканей¹⁹⁹ и вознаграждение за обучение учеников, приглашали иностранных специалистов для освоения машинной техники, посылали в Турцию и европейские страны молодых иранцев для изучения новой технологии металлообработки, машинного ткачества, закупили фабрично-заводское оборудование в Англии, Франции, России. Были основаны предприятия типа капиталистических мануфактур и фабрик: для производства стекла, фарфора, самоваров, карет, сахара, тканей и др. Государство стало выступать как организатор производства; теперь кроме арсеналов и пороховых заводов предполагалось восстановить необходимые стране виды ремесла и развивать некоторые производства уже на новой основе, переходя от ручного труда к машинному.

В мае 1853 г. в Петербург направился первый иранский постоянный поверенный в делах сартип Махмуд-хан. Вместе с ним поехал, по словам консула Аничкова, «фабрикант писчей бумаги», видимо, Ага Бозорг. В Петербурге он купил подержанную паровую машину и другое оборудование, тоже бывшее в употреблении, для прядильной фабрики. Все это было отправлено из Петербурга по Волге в Астрахань в разобранном виде. В Решт прибыли машины, купленные для шаха²⁰⁰. В 1857 г. около Тегерана была построена прядильная фабрика Махмуд-хана Насер-оль-Молька, оборудование для которой, по утверждению М. А. Джамаль-заде, было куплено в Москве за 95 тыс. туманов²⁰¹. В этом же году в Тегеране открылся завод для производства хрустала. Из-за недостатка необходимого сырья он вскоре закрылся²⁰². Более успешно функционировали фабрики по производству сахара из мазендеранского сахарного тростника в г. Сари и Барфоруше. Ежемесячно из Мазендерана в Тегеран отправляли 10 харваров (3 тыс. кг) сахара²⁰³. Отечественный сахар производился и в Исфахане. К концу 40-х годов он стал вытеснять из некоторых районов Ирана более дорогой европейский сахар²⁰⁴. Исфаханский сахар и леденец попытались даже вывозить через Решт в Россию.

На государственных предприятиях (арсеналах, пороховых за-

водах, монетных дворах) размеры производства и ассортимент производимой продукции, в том числе количество и качество металлической монеты, определялись правительством. Они не зависели от конъюнктуры рынка. Дешевое сырье и невысокая зарплата рабочим определяли низкую себестоимость производимой продукции. Частные предприятия были ориентированы главным образом на переработку местного сельскохозяйственного сырья — хлопка, сахара и т. д. Они представляли собой переходный тип от кустарных промыслов, ремесленных мастерских к фабрике или заводу, были примитивны, с небольшим количеством техники и рабочей силы. Предприятия с 20 наемными рабочими считались крупными. Работа на некоторых из них была сезонной — сахарные заводы работали 2—3 месяца в году. В качестве рабочих брали ремесленников, уже имевших навык работы. На фабрике почти не использовался неквалифицированный труд.

Многие предприятия, возникшие в 50-е годы, вскоре закрылись. Это произошло не только из-за экономического давления западных держав, как считают некоторые авторы, но и из-за неумения иранских предпринимателей наладить новое производство в специфических иранских условиях. Они брали за образец предприятия, работавшие и приносившие большой доход в других социально-экономических условиях, и переносили практику их работы на иранскую почву, не учитывая, в частности, рыночную конъюнктуру, обеспеченность сырьем, подготовку рабочей силы, зависимость предпринимателя от местных властей и проч.

Иран в некотором отношении оказался в худшем положении, чем даже колонии, например Индия. Метрополии безудержной эксплуатацией колониальных народов задерживали их социально-экономическое и политическое развитие, но они все же вынуждены были думать об их экономическом развитии в интересах метрополии и социальной стабильности в колониях. При отношении капиталистических хищников к «ничейной» стране потребности данной страны совершенно не учитывались. Иногда интересы Ирана и какой-либо западной державы совпадали. Это давало основание представителям этой державы говорить о том, что они учитывают, «защищают» интересы Ирана. Если в колониях возникали более или менее сносные условия для функционирования местного торгового, а затем и промышленного капитала, поскольку колонии были закрыты для капитала других капиталистических стран, то в Иране эти условия были значительно хуже. Иран оказался открытым для ввоза не только европейских товаров, но и капитала. Иранское капиталистическое предпринимательство поэтому было осложнено из-за незащищенности местного капитала и конкуренции со стороны европейских купцов.

Духовенство. Господствующая религия в Иране — ислам шиитского толка — предполагает сочетание духовной и светской власти в лице правителя государства. Эталонем положения духовенства в обществе в XIX в. считалось его место в государственной администрации при династии Сефевидов, когда шиизм был объявлен

государственной религией. При Сефевидах шиитское духовенство теоретически и частично практически контролировало все сферы жизни иранского общества. Однако при Надир-шахе и Зендах эта традиция была нарушена. Надир-шах предпринял попытку примирить шиизм с суннизмом; по его настоянию моджтехиды Неджефа выступили с фетвой, говорившей об отказе Ирана от шиизма и о признании шиизма пятой ортодоксальной школой ислама — джафаритским толком.

Зенды восстановили шиитскую основу управления; шейх-уль-ислам Ширази стал возглавлять духовный суд в стране. Даже поход Керим-хана в Ирак-е Аджам мотивировался необходимостью передать Атабат (священные города шиитов — Кербелу, Неджеф, Казимейн и Самарру, где покоится прах почитаемых шиитами имамов) под власть шиитов. При Керим-хане Зенде были упорядочены выплаты жалованья духовным лицам из государственных доходов — доля имам-джоме, судей, шейх-уль-ислама²⁰⁵.

Во время борьбы Зендов, Каджаров и Афшаров за власть враждующие феодальные группировки не принимали в расчет религиозные соображения. Шиитские улемы не поддерживали ни одного из претендентов на престол, а высшее шиитское духовенство отсиживалось в Кербеле и Неджефе и занималось разработкой шиитской доктрины, которая позволила бы улемам более активно вмешиваться в дела шиитской общины Ирана и иранского государства. Представители ортодоксального духовенства вели упорную борьбу с пантеистами и представителями сектантских течений. Религиозные диспуты перешли даже в поэзию. Критика духовенства, пантеистические идеи прозвучали в творчестве Мохаммад-Саида Агаджани Саила, Мохаммад-Али Исфакхани (Нур-Али-шаха) и других поэтов²⁰⁶. Против Мохаммада-Али Исфакхани выступил известный религиозный деятель второй половины XVIII в., основатель ортодоксального догматического шиитского течения «осули» сейид Мохаммад-Али-Багер Бехбехани, обвинив его в безбожии²⁰⁷. Бехбехани посвятил несколько религиозных трактатов опровержению пантеизма и суфизма, например «Рисале-йе хейратийе» («Рисале-йе хайарийе»), а также «Последнее слово в опровержение людей заблужденных». По фетве Бехбехани был зверски убит приехавший по приглашению жителей Керманшаха пантеист Масум-Али-шах. В домашней тюрьме Бехбехани в Керманшахе находился и был отправлен в 1800/1801 г. пантеист Мохаммад-Таги Кермани (Мозаффар-Али), сторонник Нур-Али-шаха Исфакхани. По фетве муллы Абдаллы Кермани был убит пантеист Моштак-Али. Дважды шиитские фанатики-ортодоксы пытались отравить и Нур-Али-шаха Исфакхани; они преследовали за свободомыслие известного азербайджанского ученого и путешественника Зейн-аль-Абедина Ширвани и многих суфиев — своих идеологических противников. Пантеист-ахбарист Хосейн-Али-шах подвергался невероятным мучениям и оскорблениям. Его оклеветали перед иранским шахом, заковали в кандалы и издали фетву о его убийстве. Он вынужден был уехать в Кербелу, где и умер в 1818 г.

В стране шла острая не только политическая, но и идеологическая борьба. Критике подвергались даже шиитские улемы. Один из критиков ортодоксального духовенства, Мохаммад-Хосейн Кермани, (ум. около 1810 г.) вложил в уста имам-джоме следующие слова: «Я — сомнение, заблуждение и коварство. Я — мерзость, гнусность и сама порочность»²⁰⁸. В безнравственности, невежестве, лжи, коварстве, алчности и карьеризме обвинял шиитских улемов Кашфи Боруджерди (1775—1850/51). По его словам, улемы «как сами заблуждаются..., так и других вводят в заблуждение»²⁰⁹. Он перефразировал стихи Хафиза: «Друг, ходи в кабачок, — кровь к ланитам прильет, а в мечеть не ходи, там злодеев приют»²¹⁰. Эту же мысль высказывал и известный поэт Нешат Исфакхани (1761—1829): «Если аскет не пропустит меня в монастырь, то есть еще и трактир». Естественно, что с такими взглядами не могли мириться не только ортодоксальные шиитские факихи, но и сторонники сектантских шиитских течений. Против «вольнодумцев» выступил основатель секты шейхитов шейх Ахмад Ахсаи (1752—1825); особым нападкам с его стороны подвергались Садр-ад-Дин Ширази и Мохсен-Фейз Кашани, в учении которых прозвучали материалистические и пантеистические ноты²¹¹.

Сейид Кашфи Боруджерди за его культ разума, приверженность науке, суфийский пантеизм, отрицательное отношение к мусульманским факихам-фанатикам был объявлен еретиком. Несмотря на это, у него было много учеников. Его основной философский труд, «Тохфат уль-мулюк», был написан в 1817/18 г. и издан его учеником, купцом Мохаммад-Резой Исфакхани, в 1860 г. Один из его сыновей, сейид Яхья Дараби, стал руководителем бабидского восстания в Нейризе. Боруджерди считал, что общество состоит из социальных групп, каждая из которых выполняет определенные общественные функции, подобно тому как члены человеческого тела — руки, ноги, голова и др. — имеют определенное назначение. Боруджерди государство уподоблял семье: правитель, как хозяин дома, должен заботиться обо всех людях в государстве, как о членах своей семьи.

Среди представителей ортодоксальной идеологии, писавших о характере шиитского государства, признаках конца мира во времена скрытого имама Махди и критиковавших суфиев, был Али-ибн-Аскер ибн-Али-Акбар, издавший большой трактат «Шиитские доктрины». С аналогичными трактатами выступали многие шиитские богословы, в том числе сейид Мохаммад-Багер Бехбехани, известный как «убийца суфиев».

Разногласия среди шиитских улемов, борьба ортодоксов с оппозиционно настроенными духовными лицами и представителями сектантских течений не дали им возможности приобрести тот политический вес в государстве, о котором они мечтали. Не обладая реальной силой для захвата политической власти, шиитские улемы, в целом занимая выжидательную позицию, благословили Ага-Мохаммад-хана Каджара на царство. Ага-Мохаммад заложил основы взаимоотношений шахской власти с шиитскими улемами, ко-

торые сохранялись почти в течение столетия. Каджары не отвергали принципа сочетания духовной и светской власти, но, по существу, они были светскими правителями, оттеснившими духовных пастырей на второй план, чем вызвали недовольство улемов и постоянные нападки на правящую династию со стороны верхушки мусульманского духовенства. Этот факт отмечался многими авторами XIX в., а также некоторыми современными исследователями. По мнению Хамида Алджара, Иран при Каджарах не был чисто мусульманским государством в полном понимании этого слова, поскольку монархические и клерикальные силы действовали обычно друг против друга²¹². Видимо, сказывалось и отмечаемое для всех стран Европы и Азии ослабление политических позиций и влияния духовенства в XVIII—XIX вв.²¹³

Приход к власти Каджаров не вызвал восторга у шиитского духовенства. Их первые мероприятия, начиная с переноса столицы в Тегеран, не могли получить одобрения духовенства четырех наиболее крупных центров шиизма — Мешхеда, Кума, Исфахана и Шираза. Созданная при тегеранском дворе духовная иерархия находилась под большим влиянием шаха и его окружения и поддерживала внутреннюю и внешнюю политику правительства.

Каджары-тюрки, мало связанные с городским населением, к которому были ближе улемы, не сразу смогли наладить контакты с духовенством. Ага-Мохаммад-шах предпринял некоторые шаги в этом направлении, заявив, что прежде всего видит себя в одежде улема, а потом уже правителем²¹⁴, что каджарские шахи — шиитские халифы, «тень бога на земле». Он выступил против употребления вина и наркотиков, призвал мулл вести борьбу с этими пороками, послал с матерью подарки и деньги высшему шиитскому духовенству в Атабат, чтобы заручиться его поддержкой. И Атабат признал новую династию.

Тем не менее Каджары не старались привлекать духовенство к управлению государством, материально ущемили его, отобрав некоторые вакфы²¹⁵. Улемы настороженно относились к действиям Каджаров и заняли позицию, которая позволяла им держаться независимо, иногда критиковать действия Каджаров, иногда их поддерживать, выступать посредниками между местным населением и пришлой властью, требовавшей денег, солдат, рабочих рук и притеснявшей население. Такая защита народа поднимала авторитет духовенства, способствовала укреплению шиизма, становившегося «формой национального сознания».

Доходы от вакфов, закята, хомса, или сахм-е имам (доли имам, т. е. $\frac{1}{5}$ доходов, передаваемой на содержание потомков пророка), опекунов являлись основой экономической независимости духовенства. Особенно важной статьёй доходов были вакфы, значительно увеличившиеся к середине XIX в., несмотря на частичную конфискацию их Ага-Мохаммад-шахом.

К середине XIX в. в Иране было несколько моджтехидов, богатство которых, по словам мирзы Казем-Бека, можно было сравнить с богатством шаха²¹⁶. Исфаханский моджтехид сейид Мохам-

мад-Багер Шафти владел огромными землями в провинции Исфахан, как утверждают некоторые авторы, платил в казну 17 тыс. туманов налога, был главным судьей и исполнителем своих приговоров: по его решениям было казнено около 120 человек.

Каджары, чувствуя оппозицию высшего шиитского духовенства, пытались ограничить его влияние в стране и поставить его под свой контроль. Назначаемые тегеранским двором во все крупные города шейх-уль-исламы (главы шиитской общины в городе) и имам-джоме (наставители пятничных мечетей в городах) находились на содержании властей, получали большое жалованье и, естественно, поддерживали почти все мероприятия тегеранского правительства и фактически являлись проводниками его политики на местах. Обычно считается, что шейх-уль-исламы и имам-джоме не пользовались уважением верующих и рассматривались как ставленники Тегерана. Вероятно, это было не совсем так. Сам по себе высокий пост заставлял относиться к шейх-уль-исламу и имам-джоме как к важному должностному лицу; кроме того, на эти должности обычно назначались видные моджтехиды, что само по себе вызывало уважение верующих к ним. Со временем эти должности становились наследственными, присланное из Тегерана духовенство вживалось в местную среду. Наследственной стала и должность тегеранского шейх-уль-ислама. В 1846 г. это место занял сын шейх-уль-ислама мирза Абу-ль-Касем, затем внук — хаджи Зейн-аль-Абедин (с 1863 г.) и правнук — мирза Абу-ль-Касем-хан (с 1904 г.). Имам-джоме пользовался большим влиянием среди мусульман города, что наглядно показали события в Тебризе в начале 50-х годов.

Высшим духовным авторитетом обладали моджтехиды (высшее звание улемов). Они осуществляли руководство шиитской общиной, именно к ним обращалось население со всеми спорными религиозными и правовыми вопросами; отсюда их политическое, юридическое и моральное влияние в каджарском Иране. Руководителем мусульман, по пророку Мохаммеду, может быть лишь ученый-богослов, знающий мусульманское право. Поэтому, чтобы стать моджтехидом, достичь иджтехада — права и способности толковать религиозные законы, — необходимо изучить теологию, логику, шариат. Алджар определяет иджтихад как способность толковать религиозные законы (фуру) на основании основополагающих принципов ислама (усуль) и указаний Корана (ахкан), традиции имамов, преданий, концепций ученых (иджма) после исчезновения имама Махди, аналогий (кийас) и собственного мнения²¹⁷.

В течение XIX в. происходили уточнения в представлениях о месте и значении улемов, моджтехидов, мулл, ахундов и др. в шиитской религиозной иерархии, определялось место шиитского духовенства в иранском обществе в связи с ощущавшимися уже изменениями во внутригосударственной жизни и внешнем положении Ирана.

Права и функции моджтехидов уточнялись в течение конца

XVIII — первой половины XIX в. — шел спор о положении мардж-ат-таклида (источника подражания), о праве давать разрешение (эджазе) от имени одного моджтехиды или нескольких и т. д. Большую роль в определении позиции и функций моджтехидов сыграли два видных шиитских богослова: Ага-Мохаммад-Багер Бехбехани (1705—1803) и шейх Мортаза Ансари (1801—1864)²¹⁸. Положение моджтехидов на протяжении первой половины XIX в. значительно изменилось. При Дж. Малькольме (начало XIX в.) в Иране было всего четыре моджтехиды²¹⁹. К середине века моджтехиды были во всех крупных городах. Наметилось подразделение моджтехидов — полные и неполные моджтехиды, главный моджтехид (алам), мардж-ат-таклид (источник подражания); наиболее авторитетные моджтехиды стали называться ходжат-оль-ислам («аргумент ислама») и аятолла («божественное знамение»).

В священные города шиитов в Ираке — Кербелу, Неджеф, Каземейн и Самарру — переехали из Ирана многие влиятельные моджтехиды, в том числе и мардж-ат-таклид шейх Мортаза Ансари. Возможно, что этот центр шиизма сформировался при содействии англичан, как об этом осторожно пишет Исмаил Раин, ссылаясь на донесение английского посланника, предлагавшего предпринять меры по ликвидации религиозного центра в Исфахане²²⁰.

При Фатх-Али-шахе духовенство вынуждено было в интересах укрепления иранского государства поддерживать шахское правительство, поскольку центробежные силы внутри государства и особенно внешняя опасность ставили под угрозу само существование шиитского Ирана. Именно этими мотивами руководствовались шиитские моджтехиды, объявляя джихад против России в 1804—1813 гг. и в 1826 г.; участвуя в разгроме российской миссии и убийстве А. С. Грибоедова, а в 1829 г., благословляя иранское войско на войну с Афганистаном и Османской империей. Чтобы одержать победу над Россией и не допустить вступления российских войск в столицу, в Тегеране на собрании духовных лиц обсуждался вопрос о доставке в Тегеран священного знамени из Мешхеда. Духовенство публично заявляло, что тот, кто посоветует шаху уплатить контрибуцию неверным русским, будет объявлен врагом правоверных. После разгрома российской миссии в Тегеране по всему Ирану распространилась весть, что тегеранское духовенство (моджтехид мирза Муса и молла-баши) были главными организаторами выступления против России. Так, мирза Муса заявил, что улемы не обязаны выполнять условия Туркманчайского договора и отпускать в Россию армян, ранее принявших ислам, а позднее отрекшихся от него. Ахунды призывали народ убивать этих вероотступников²²¹. Во всяком случае, никто из духовенства не был наказан за участие в бунте «ожесточенной черни», в основном базари и лути, которые на протяжении почти всего XIX в. были главной силой организуемых духовенством антиправительственных выступлений.

При первых Каджарах заметно усилилась деятельность суфийских орденов. Путешественники отмечали наличие дервишеских

ханека, скрытую деятельность суфиев, приверженность ряда Каджаров к суфийским шейхам; даже некоторые сыновья Фатх-Али-шаха считались суфиями²²². Суфием являлся и садр-азам хаджи мирза Агаси, оказывавший большое влияние на шаха²²³. Каджары неодобрительно относились к дервишеским орденам, в том числе и к очень популярному в конце XVIII в. в Иране и в Ираке ордену ниматуллахи (основан в XV в. Шах-Ниматуллою-Вали). Фатх-Али-шах выгнал членов этого ордена из Тегерана²²⁴, но Керман, Шираз и Хамадан остались их центрами; этот орден оказывал большое влияние на улемов²²⁵. Шиитское духовенство, обычно враждебно относившееся к деятельности суфиев в Иране, объединилось с ними для совместной борьбы со сторонниками Баба.

Шиитские ортодоксальные факихи постоянно вели борьбу с проявлениями любого вольнодумства, обвиняя всех инакомыслящих в ереси. Глава шиитского духовенства сейид Махди Бахр-оль-Олюм находился в Кербеле. Будучи за пределами Ирана, шиитские улемы чувствовали себя независимыми от каджарских властей, что давало им возможность еще детальнее разрабатывать шиитскую догматику и время от времени выступать с критикой действий шахских властей.

Постепенно, когда непосредственная угроза существованию иранского государства отпала, шиитские улемы стали предпринимать попытки вмешиваться в дела государственного управления. На местах, в пределах города и даже целой провинции, отдельные моджтехиды пользовались очень большой популярностью и влиянием, могли оказывать давление на правителя и добиваться принятия нужных им решений. При довольно частой смене светских правителей наличие фактически постоянных местных моджтехидов, хорошо знавших ситуацию в городе и провинции и расстановку претендовавших на власть местных сил, позволяло им еще больше укрепить свое положение и приобрести известный политический вес. Возможность оказать помощь и защиту лицам, несправедливо притесняемым новым правителем, и организовать выступление базари и лути против правителя заставляла местные гражданские власти учитывать настроения наиболее влиятельных из местных улемов. Одни правители были любезны с муллами, но не допускали их вмешательства в дела управления, другие находились под сильным влиянием духовенства и лути²²⁶. Однако воздействие улемов на шаха и тегеранское правительство в целом было относительно слабым. Назначение на должности шейх-уль-исламов, имам-джоме, кази, фактически официальных духовных чиновников, оставалось прерогативой правительства. Поэтому, получив из рук Каджаров престижную и выгодную должность, большинство улемов вынуждено было поддерживать мероприятия шахов, опасаясь смещения и выдвижения новой, более приемлемой для правителей кандидатуры на важный пост в государственной администрации. Пользуясь огромным влиянием среди низших слоев иранского общества, шиитское духовенство в известной степени оказалось социально отчужденной силой из-за зависимости

от шахского правительства в связи с назначением гражданскими властями главы шиитов в каждом городе.

Фатх-Али-шах и Мохаммад-шах внешне чтили моджтехидов, принимали важные государственные решения только после одобрения видных моджтехидов (мусульманское духовенство могло влиять на поведение и решение шахов, ссылаясь на Коран и шариат, поскольку идеи международного права еще не получили распространения в Иране), периодически делая подарки и оказывая знаки шахского внимания наиболее уважаемым в народе улемам. Фатх-Али-шах, придерживаясь принципа сохранения всей полноты государственной власти в своих руках, тем не менее не шел на серьезные конфликты с улемами, не ущемлял достоинства подавляющей массы шиитского духовенства, но и не останавливался перед высылкой из Ирана влиятельных моджтехидов и даже казнью некоторых духовных лиц. Моджтехидов неоднократно высылали из Ирана; например, в 1858 г. по приказу шаха был выдворен керманский моджтехид Али-Акбар и вскоре был отравлен.

При Фатх-Али-шахе стала заметной тенденция шиитского духовенства более активно участвовать в политической жизни страны, вмешиваться в распоряжения властей. Политика первых Каджаров в отношении шиитских улемов еще недостаточно изучена. Известны факты приглашения Фатх-Али-шахом в Иран некоторых оппозиционно настроенных по отношению к ортодоксальным факхам духовных лиц, представителей некоторых сект. Так, шах пригласил приехать в Иран основателя секты шейхитов шейха Ахмада Ахсаи²²⁷. Шах и придворные почтительно относились к популярным суфиям, весьма недвусмысленно критиковавшим шиитских улемов. Ущемляла интересы шиитского духовенства и политика шаха в отношении христианских миссионеров, получивших возможность на основании шахских фирманов обосноваться в Иране. Одновременно Тегеран не особенно препятствовал установлению контактов европейских миссий с отдельными шиитскими улемами, рассчитывавшими использовать их в своих интересах.

С начала XIX в., со знаменитого посольства Малькольма, англичане широко практиковали подкупы духовных лиц, денежные субсидии и подарки. Английский посланник Макдональд просил у правительства средства для подарков видным духовным лицам — мирзе Мусе и др.²²⁸. С середины XIX в. для этих целей был образован специальный фонд — «Вакф-е Ауд». В 1851 г. был распушен слух о смерти индийского раджи Ауда, будто бы передавшего все свое имущество в вакф, доходы с которого должны были распределяться среди шиитского духовенства английским послом в Тегеране и консулом в Багдаде. Деньги были выданы, в частности, тегеранскому имам-джоме²²⁹. Имеется достаточно различных свидетельств о связи высшего шиитского духовенства в первой половине XIX в. с английским посольством в Иране: руками подкупленного англичанами духовенства был отстранен каем-макам мирза Абу-ль-Касем, к помощи англичан обратился отстраненный Амир-Кабиром имам-джоме Тегерана²³⁰.

Духовенство использовалось англичанами для антирусских выступлений в стране. Такая «работа» англичан среди шиитского духовенства устраивала тегеранское правительство. Впоследствии англичане еще более умело использовали шиитское духовенство для ведения антирусской пропаганды и организации антирусских выступлений²³¹. Английские дипломаты Аббот и Стивенс в 1847 г. нанесли визит астрабадскому моджтехиду, узнав, что он с большой неприязнью относится к русским. Учитывая опыт английских представителей в Иране, министерство иностранных дел России советовало своим дипломатическим чиновникам помнить о роли шиитского духовенства в иранском обществе и поддерживать с ним дружественные отношения. В частности, кн. Долгорукову, приехавшему в Иран после гибели А. С. Грибоедова, указывалось, что нельзя оскорблять народную веру, «вооружать против себя духовенство, которое в тех краях иногда сильнее самого правительства». Об этом говорит следующий факт. Один из тебризских моджтехидов, Ага-Мир-Фатх (Фаттах), при приближении русских войск к Тебризу призвал в октябре 1827 г. население Тебриза спокойно отнестись к вступлению русских войск в город, не выступать против них с оружием в руках, не закрывать базар, а продолжать заниматься своими повседневными делами. Вступление русских войск в Тебриз прошло спокойно, а поведение населения города стало примером для всего Иранского Азербайджана, где не было отмечено антирусских выступлений. Моджтехид Ага-Мир-Фатх переехал в Закавказье, где он был главой местных шиитов; в 1841 г. он вернулся в Тебриз.

Позиции шиитского духовенства несколько укрепились при Мохаммад-шахе. Болезненный, не очень решительный правитель находился под сильным влиянием своего духовного наставника и первого министра хаджи мирзы Агаси, который поддерживал претензии улемов на участие в государственном управлении. Он учитывал, что влиятельное тегеранское духовенство выступило против его предшественника каем-макама мирзы Абу-ль-Касема и совместно с другими силами добилось его смещения и физического уничтожения. Духовенство постепенно восстанавливало свои экономические позиции, разными путями увеличивая размеры вакфов. Одновременно велась большая идеологическая обработка населения и борьба с инакомыслящими. Количество религиозных трактатов к середине XIX в. значительно возросло; ортодоксальное духовенство выступало против суннитских законовевдов, представителей различных шиитских сект, против бабидов, а также против христианских проповедников.

Со второй половины XIX в. появляется довольно много различных сочинений, содержащих критику феодального государства в Иране, причем эта критика исходила и от мусульман, и от иноверцев. А. Аршаруни приводит материалы переписки каджарских принцев с индийцами, в которой содержалась мысль о том, что все религии одинаково нелепы и не нужны²³². Именно в это время появляется одно из известных сочинений мирзы Фатали Ахундо-

ва — «Обманутые звезды», в котором в сатирическом свете показано современное иранское шиитское государство, хотя действие пьесы было перенесено в эпоху Аббаса I Сефевиды (начало XVII в.).

Антиклерикальную направленность деятельности иранских просветителей очень хорошо почувствовали шиитские улемы несмотря на то, что в их произведениях не отрицались существование бога и роль ислама в жизни иранского общества. Европейские влияния в Иране были принципиально неприемлемыми для шиитских богословов, сторонников старых традиций и сохранения исламского судопроизводства и системы образования, позволявших духовенству сохранять свои прочные позиции в стране и влияние на народ.

Шиитское духовенство очень рано стало выступать против введения европейских новшеств в Иране, влияния «неверных» на умы и сердца правоверных мусульман. В качестве основного аргумента духовенство всегда использовало священную книгу мусульман — Коран, в котором можно найти цитаты почти на все случаи жизни. Ни один мусульманин никогда не остался бы глух к проповеди уважаемого моджтехида, утверждавшего, что сам господь бог повелевает мусульманам не подчиняться неверным, не перенимать у них противных духу ислама законов. Ведь в Коране сказано: «Никогда Аллах не допустит, чтобы мусульмане подчинились неверным» (Коран, II, 18).

Хотели Каджары или нет, но они вынуждены были прислушаться к мнению шиитского духовенства и в известной мере иногда даже потакать ему, особенно после бабидских восстаний, поскольку подавляющая часть шиитского духовенства выступала против бабидов. В первые годы правления Насер-ад-Дин-шаха были несколько увеличены вакфные владения; шах и двор стали больше подчеркивать свое уважение к высшим духовным лицам и религии вообще. Стало строиться больше мечетей, и даже по инициативе шаха в Тегеране было построено специальное здание (Такие-йе доулат) для массовых собраний шиитов во время траурных дней мохаррема.

При Сефевидях главным центром подготовки улемов были медресе Исфахана; при Каджарах им постепенно становится Мешхед. Главный управляющий вакфом мешхедской святыни шиитов — мотавалли-баши был второй фигурой после губернатора в администрации Хорасана²³³. Конечно, лишь немногие моджтехиды играли такую роль в государственном управлении.

По мнению Хамида Алджара, моджтехиды для проведения в жизнь своих решений значительно чаще использовали лути, чем мулл. Лути действовали как клерикальные силы на основании фетвы, данной моджтехидом; они часто рекрутировались из сравнительно многочисленной армии толлабов (учеников медресе)²³⁴. Широко использовались также сейиды, действительные и мнимые потомки пророка Мухаммеда. Эти разные элементы мобилизовались против сект акбаритов и шейхитов, против бабидов, против

иностранцев, против Каджаров и их администрации (против каемакама в Тебризе в 1855—1857 гг.).

Прочность позиций шиитского духовенства объяснялась не только его духовной властью над населением, сохранением права «визировать» основные решения светских властей, экономическими позициями, но также ведением судопроизводства и сосредоточением в своих руках народного образования. Коран, предания (хадисы и ахбары), сунна стали основой (усуль) вероучения и мусульманского права. Правовые нормы, сложившиеся в первые века хиджры и получившие религиозное освящение, уже не подлежали отмене или замене, несмотря на то, что они не отражали реально существовавшие отношения в мусульманских государствах. Выход был найден в решении дел по аналогии (кийас) и по согласованному решению высших духовных авторитетов (иджма).

Шариат создавался на протяжении многих лет, многие юридические вопросы были разработаны обстоятельно и очень тонко, например брачное право и др. Имеется некоторое отличие в праве шиитов и суннитов. Шариат регламентирует чуть ли не все стороны жизни мусульманина, начиная с государственных дел и кончая домашним бытом; каждый день мусульманина расписан по минутам — когда вставать, умыться, молиться и т. п. О живучести традиций и попытке сохранить эту жесткую регламентацию даже в наши дни свидетельствуют лекции имама Хомейни, прочитанные в Атабате и размноженные в Исламской Республике Иран. Эта регламентация достаточно разумна и не мешает нормальному функционированию государственного аппарата и повседневной жизни правоверного мусульманина. Духовенство строго соблюдало законы шариата, умело мотивируя многочисленные отступления от него.

В первой половине XIX в. в неизменном виде сохранился духовный суд (махкам-е шар), в котором рассматривались духовные, гражданские, семейные, наследственные, торговые и другие дела. В каждом городе имелся назначаемый правительством духовный судья (хакем-е шар), решения которого приводились в исполнение гражданскими властями. В деревнях обязанности духовных судей исполняли муллы, в городах — моджтехиды. Судопроизводство, самостоятельное толкование законов шариата обеспечивало духовенству власть над населением и приносило немалый доход. Духовенство, в основном моджтехиды, заверяло документы, играя роль нотариусов.

Отсутствие светских школ в Иране до второй половины XIX в. являлось гарантом влияния духовенства не только на детские души, но и на всю систему просвещения, а следовательно, и на всю науку и культуру Ирана. Можно понять ненависть духовенства ко всем инакомыслящим, просветителям и просто лицам, получившим образование за границей. Сопrotивление духовенства введению светской системы образования было столь велико, что начавшаяся с середины XIX в. борьба за светскую школу завершилась победой лишь в конце первой трети XX в.

Стабилизации духовного влияния способствовали и регулярно проводимые религиозные праздники, публичные религиозные церемонии, к которым в течение столетий привыкло население.

Духовенство взяло под свой контроль многочисленные места поклонения, сохранившиеся с глубокой древности. Для городов и особенно небольших селений наличие, например, гробниц почитаемых святых имело большое значение. Владение или управление этой территорией считалось почетным, к тому же часто приносило дополнительный доход от паломников, а также способствовало сохранению религиозных традиций в данном районе. Очень много таких «святых» сохранялось в Хорасане, например гробницы шейха Якуба и брата имама Резы сейида Али в с. Сенгун; зиарат Пир-Деган, двух благочестивых братьев, рядом с селением Беренджак; зиарат Хайдар-Исакоу и Санг-е Сефид (белый камень, будто бы принесенный имамом Али) в с. Мохаммадабад. В Систане почитаем зиарат Кадамгах-е имам Реза (след имама Резы) в с. Джелалабад, а в Белуджистане — Кадамгах-е Солтан-е Вейс-е Гарни, якобы посланного пророком Мухаммедом проповедовать на Восток; в Дизаке зиарат Баба-ходжи, покровителя Дизака. По количеству развешанных тряпочек, принесенных разноцветных камешков и других вещей можно определить, насколько почитаем и как часто посещаем тот или иной зиарат. В селении Мир-Базар имелось два зиарата Шейх-Парвиз и Шейх-Баз (второй зиарат построен богатым индийским купцом). Много зиаратов на побережье Персидского залива, например в Чахбаре (главный — Имам-заде). Местные жители даже не знают, кто похоронен в некоторых зиаратах, но по традиции продолжают содержать их в порядке, суеверно опасаясь, как бы не обиделся неизвестный святой из-за их невнимательности. Но иногда все же встречаются заброшенные зиараты.

Несомненно, огромное значение имели гробницы наиболее почитаемых шиитских святых — имама Резы в Мешхеде, его сестры Фатьмы в Куме и др. Культ этих гробниц, почти обязательность посещения святых мест, престижность захоронения в Мешхеде, Куме или Ширазе и других городах прочно вошли в жизнь мусульман Ирана.

С конца 40-х годов можно констатировать политические, антиправительственные выступления духовных лиц. Несмотря на в целом прошиитскую позицию хаджи мирзы Агаси, против него выступил тегеранский имам-джоме. Антиправительственную позицию занял тебризский моджтехид мирза Ахмад.

Но основным толчком для политической активизации шиитского духовенства оказалось выступление бабидов. Еретическое, с точки зрения ортодоксального шиизма, учение Баба получило широкое распространение в стране и подняло на самоотверженную борьбу с Каджарами именно те слои городского населения, которые всегда находились под большим влиянием шиитского духовенства. Шиитские лидеры должны были сделать из этого важные выводы: против Каджаров можно поднять городское население и

возглавить его; дальнейшее бездействие шиитских улемов было чревато для них опасными последствиями: они могли утратить свое воздействие на народ и иные силы могли повести за собой недовольные массы.

Тяжелое социально-экономическое положение в стране и вмешательство иностранцев во внутренние дела и внешнюю политику Ирана давали прекрасный повод для ведения активной антикаджарской пропаганды; проводившиеся при поддержке правительства некоторые мероприятия по модернизации Ирана, угрожавшие идейным и политическим позициям улемов, могли послужить лишним аргументом в пользу сохранения старых традиций, защитником которых объявило себя шиитское духовенство. Оно очень опасалось, как бы новая интеллигенция не заменила улемов в роли духовных руководителей иранского народа, как это произошло в России и в странах Западной Европы.

Проповедь бабидов была особенно опасной для ортодоксального шиитского духовенства. Именно этим объясняется жгучая ненависть шиитских богословов к Бабу, бабидским проповедникам и ко всем сторонникам нового учения. Улемы пытались сразу же физически расправиться с немногочисленными в то время учениками и последователями Баба и с самим Али-Мохаммадом и добивались разрешения шаха на казнь Баба. Баб был сейидом, а Мохаммад-шах уважал потомков пророка и не считал возможным казнить сейидов, тем более что он не видел большого вреда своему государству от учения бабидов. Он не дал приказа уничтожить бабидов. Хаджи Агаси то помогал моджтехидам вести борьбу с бабидами, то обвинял шиитских улемов в неправильном отношении к бабидам, в неспособности доказать истинность шиизма несколькими сектантским проповедникам. Во всяком случае, он не разделял идей бабидов и не защищал их. Это позволило шиитским ортодоксам начать повсеместно антибабидскую кампанию, проводить диспуты, обвинять бабидов в ереси, добиваться их высылки. Дело доходило до стычек. Духовенство подбивало городские низы устраивать нападения на дома бабидов, избивать сторонников Баба. Наследник престола Насер-ад-Дин, когда Баба перевезли по приказу садр-азамы в Иранский Азербайджан, не хотел вмешиваться в спор улемов с Бабом, предпочтя остаться в стороне. После духовного суда над Бабом моджтехиды вынесли решение: бить Баба палками. И когда фарраши отказались выполнить это решение, шейх-уль-ислам лично показал пример — он долго избивал Баба палкой. После осуждения Баба шиитское духовенство стало повсеместно публично проклинать Баба и бабидов и призывать к искоренению опасной ереси и физическому уничтожению всех сторонников Баба.

Следует отметить, что в одних городах шиитское духовенство ограничилось осуждением бабидской ереси в мечети или во время диспута с бабидами, в других — добилось высылки бабидов, в третьих — устроило их избиение. Очень непримиримую позицию заняло тебризское духовенство во главе с шейх-уль-исламом и его

сыном. Видимо, вооруженное выступление бабидов и их попытка организовать независимое от каджарских шахов бабидское государство — религиозную общину — послужили примером для тебризского шейх-уль-ислама. Тебризские муллы решили, что они тоже могут создать нечто вроде клерикального государства — шиитской общины. С этой целью было объявлено о «чуде» в пятничной мечети, куда вбежал спасшийся от мясника бык, в связи с чем Тебриз был объявлен «городом двенадцатого имама Махди», независимым от управления шахских властей, освобожденным от выплаты всяких налогов в казну и находящимся целиком под властью шиитских духовных лиц — шейх-уль-ислама и др.²³⁵.

Возбужденное проповедями мулл, население, естественно, поддержало своего духовного лидера. Тегеранское правительство, не рассчитывая на твердость позиции наследника, находившегося в Тебризе, потребовало, чтобы организатор «тебризских событий» прибыл в Тегеран. Шейх-уль-ислам отказался. Тебризцы организовали своеобразное пикетирование дома моджтехида. По приказу садр-азамы мирзы Таги-хана, шейх-уль-ислама и его сына привезли в Тегеран. У духовных лидеров не хватало сил, чтобы противостоять Каджарам; одновременно, видимо, раздавались и трезвые голоса — после бабидских восстаний вряд ли стоило начинать борьбу с Каджарами, даже под лозунгами ортодоксального шиизма и под руководством правоверных улемов. Действия тебризского шейх-уль-ислама были осуждены не только правительством, но и улемами, особенно теми, которые были связаны с каджарской администрацией. Однако вскоре в качестве организатора антиправительственного мятежа выступил тегеранский имам-джоме. В данном случае неважно, что было использовано в качестве предлога для выражения недовольства (требование отставки Амира-Кабира). Важнее подчеркнуть другое: шиитские улемы учли ситуацию, продумали тщательный план антиправительственного выступления, наметили основные силы, которые могли принять участие в мятеже, составили программу политических требований к шаху, не забыли и о путях к отступлению в случае неудачи.

Шиитское духовенство рассчитывало на молодость нового шаха, на непонимание в широких народных массах сути начатых Амир-Кабиром реформ, недовольство и ненависть к реформатору со стороны ущемленной знати, чиновничества, духовенства. Момент был рассчитан правильно: клерикальные силы страны могли упрочить свои позиции. Но духовенство не учло консервативной силы уже сложившегося шахского государственного аппарата, осознанного и неосознанного стремления к модернизации определенных кругов в Иране (достаточно влиятельных) и, главное, отношения к возникшей ситуации со стороны европейских посольств, за которыми стояла военная и экономическая мощь их государств. Амир-Кабиру удалось созвать высшее духовенство в Тегеран и добиться принятия решения об отмене беста (места беста были ограничены). Отказ некоторых видных моджтехидов приехать в Тегеран, например тебризского имам-джоме, не повлиял на принятие реше-

ний. Светская власть оказалась сильнее, а поскольку назначение имам-джоме оставалось прерогативой шахских властей, строптивый тебризский моджтехид был заменен другим, более стоворчивым. И шаху, и садр-азаму была совершенно очевидна возросшая политическая активность шиитского духовенства. Об этом Амир-Кабир неоднократно заявлял публично, в частности, английскому посланнику: «Во всем Иране духовенство жаждет политической власти и вмешательства [в государственные дела]»²³⁶.

Духовным лидерам пришлось отступить. Они перешли к идеологической борьбе с бабидами и другими сектантскими течениями, стали более смело критиковать действия отдельных представителей шахской администрации, ополчались против любых нововведений — масонской ложи (фарамуш-хане), новометодных школ, прозападных идей, просветителей и т. п. И постоянно обдумывали проблемы, связанные с сохранением влияния духовенства на население. Опробовались различные методы. Духовные лица первоначально вступили в фарамуш-хане, даже тегеранский имам-джоме был «масоном». По просьбе Мальком-хана улемы заявили шаху, что масонская ложа не противоречит основам ислама, не является вредной для религии и государства организацией. Но вскоре муллы разгромили ложу и сожгли дом, где она находилась²³⁷.

Шиитские улемы были в курсе дел различных религиозных лидеров, выступавших против светских властей. В частности, руководитель движения мюридов на Кавказе Шамиль находился в постоянной переписке с несколькими духовными лицами в Иране, особенно с суннитами и шафиитами в Курдистане, а также с последователем секты накшбанди сейидом шейхом Тахи, жившим в пограничном районе Турецкого Курдистана. Посланцы Шамиля останавливались в Тебризе в доме моллы-баши, в Соуджбулаке — у сторонника шейха Тахи; один из посланцев Шамиля, Хосейн, был принят не только духовными лицами, но и каджарскими принцами. Несмотря на шиитско-суннитское соперничество и противоречия, шиитское духовенство Ирана изучало новые веяния, бытовавшие среди суннитского духовенства, в частности в Османской империи. Оно готовилось к новой схватке с Каджарами.

В Иране издавна проживали армяне и ассирийцы, исповедовавшие христианство, евреи-иудеи, парсы-огнепоклонники, сохранившие древнюю иранскую религию зороастризм (иногда их называют зороастрийцами, а также гебрами — от арабского «джабр» — «неверный», «язычник»), и незначительное число исповедовавших другие религии, например индусов-брахманистов, буддистов и др. В течение многих столетий положение немусульманского населения в Иране определялось общемусульманскими нормами, сложившимися в средние века и зафиксированными в Коране, шариате и богословской литературе.

По словам К. Маркса, «Коран и основанное на нем мусульманское законодательство сводят географию и этнографию различных народов к простой и удобной формуле деления их на две страны и две нации: правоверных и неверных»¹.

Коран различает «людей священного писания» (ахль-аль-ки-таб), т. е. христиан, евреев и др., имеющих свои священные книги, например Библию, и язычников (кафир — неверный), которые не имеют священных книг и к которым в Иране относят зороастрийцев. Пророк Мухаммед вынужден был признать, что не все уверовали в Аллаха и в будущем тоже далеко не все станут мусульманами: «Все равно им, увещевал ты их или не увещевал, — они не уверуют» (Коран II, 185)². А это означало, что мусульманам постоянно придется жить вместе или общаться с немусульманами. Коран узаконил чувство пылкой вражды ко всему, что неправово: «Аллах — враг неверным» (Коран II, 92), «Проклятие Аллаха над неверующими» (Коран II, 83, 156; IV, 49, 50), «Убивайте их, где встретите» (Коран II, 187), «Поистине, неверующие — для вас явный враг» (Коран IV, 102), «Если они не предложат вам мира и не удержат своих рук, то берите их и убивайте, где бы ни встретили вы их. Над этими мы дали вам явную власть» (Коран IV, 93). Таких мест в Коране много.

Коран не разрешал мусульманам выбирать друзей среди иноверцев, призывал не доверять им: «Пусть верующие не берут себе близкими неверных помимо верующих. А кто сделает это, у того с Аллахом нет ничего общего» (Коран III, 27). Об этом же говорилось во второй и четвертой сурах Корана: «Не берите друзьями неверных вместо верующих» (Коран II, 143), «Не берите же из них друзей... если же они отвратятся, то схватывайте их и убивайте, где бы ни нашли их. И не берите из них ни друзей, ни помощников»

(Коран IV, 91). Ссылкой на цитированные и аналогичные стихи Корана власти, а особенно шиитское духовенство, легко могли обвинить мусульманина в связях с местными иноверцами, а также с иностранцами-европейцами, «фаранги», наказать мусульманина за вероотступничество, даже убить его. В нарушении шиитских законов и общении с неверными был обвинен, например, первый реформатор Ирана в новое время — мирза Таги-хан Амир-Кабир. Ссылаясь на Коран, шиитские муллы призывали тегеранцев идти громить российскую миссию в Тегеране в 1829 г.

Со времен средневековья мусульманская община (умма) старалась обособить христианскую общину (меллет) от еврейской и не допустить в основном на основании кодекса шафиитского факиха Абу-ль-Хасана Маверди (IX—X в.), идеологического воздействия христианства и иудейства на ислам, прекратить общение восточных христиан с западными. Эта тенденция периодически проявлялась и в политике каджарских властей. В новое время мусульманские государства, в том числе и Иран, вынуждены были допустить разнообразные экономические и культурные связи армях, ассирийцев и иудеев со своими единоверцами в других странах. А поскольку начавшийся процесс модернизации, или «вестернизации», базировался главным образом на усвоении каких-то элементов западной, т. е. христианской цивилизации, то отношение к христианам в мусульманских странах приобрело новые черты, в частности христиан стали рассматривать как агентов западных держав, носителей чуждого мусульманам мировосприятия, чуждых общественно-государственных форм бытия, хозяйственной деятельности. Иранцы наблюдали за развитием Османской империи, где благодаря деятельности армян и греков связи с Западом были особенно близки и где разбогатевшие иноверцы постоянно вызывали взрывы возмущения мусульманского населения.

В течение многих поколений мусульманам внушалась мысль о превосходстве правоверных над «неверными» как более низшими существами.

Однако Коран признает и право человека исповедовать любую религию: «Нет принуждения в религии» (Коран II, 257). Он запрещал мусульманам воевать с иноверцами: «Не берите из них (неверных. — Н. К.) ни друзей, ни помощников кроме тех, которые связаны с народом, между которым и вами есть союз..., если они отойдут от вас, не сражаясь с вами, и предложат вам мир, то Аллах не дает вам никакого пути против них» (Коран IV, 92).

Со времен халифата «люди священного писания» (иудеи, христиане и сабии) находились под защитой мусульманского государства, если они признавали себя подданными мусульманских правителей и соглашались платить специальную личную подать (джизью) и подоходный налог (харадж). За это они получали защиту как бы на основе договора о защите (акд-аз-зимма) и назывались «ахль-аз-зимма», зимми. Они пользовались личной свободой, защитой жизни и имущества, свободой вероисповедания, но не имели политических прав и были ограничены в гражданских

правах. Если иноверцы отказывались подчиняться мусульманским властям, они автоматически, на основании положений Корана и шариата, зачислялись в категорию «неверных», которых разрешалось убивать, обращать в рабов и движимое имущество которых можно было захватить в качестве военной добычи; принадлежавшая им земля переходила в собственность всей мусульманской общины. Каджарский Иран неоднократно демонстрировал именно такое отношение к «неверным». Во время нашествия армии Ага-Мохаммад-хана Каджара на Грузию был разграблен Тифлис, много грузин было убито, а несколько тысяч человек уведено в плен. Произвол верховной власти, местных правителей и чиновников в отношении немусульманского населения усугублялся политическими мотивами. Неоднократно во время русско-иранских войн подвергались преследованиям армяне. Наиболее тяжелые формы антиармянская политика Каджаров приняла в 20-х годах XIX в., когда некоторые армянские семьи были насильственно переселены из Ереванского ханства в другие районы Ирана, а многие армянские девушки и мальчики оказались проданными в гаремы высших сановников Ирана и состоятельных лиц.

О войне с «неверными» — войне на пути Аллаха», джихаде или газавате, — существует обширная литература. Шиизм допускает джихад не только в отношении неверных, но и мусульман-суннитов. Об особенностях джихада в условиях Ирана более подробно писал И. П. Петрушевский в своей книге «Ислам в Иране в XII—XV вв.»³.

Основные права и обязанности иноверцев в Иране сводились к следующему.

В области религиозных прав они могли свободно исповедовать свою религию, но «тихо и спокойно», т. е. не устраивать массовых шествий, не звонить в колокола, если церковь находилась в селе, населенном не только христианами, тем более что Коран призывал иноверцев «не излишествовать в религии» (IV, 169), не оскорблять религиозных чувств мусульман, не богохульствовать, не оскорблять Аллаха, пророка Мухаммеда и шиитских имамов. Достаточно было свидетельства двух мусульман, чтобы шариатский суд приговорил «богохульника» к смертной казни. Иноверцам запрещалось переходить из одной веры в другую, кроме ислама. Для части иранских христиан в XIX в. было привлекательно протестанство, так как оно давало покровительство английской и американской миссий и больший простор для разнообразной предпринимательской деятельности, поощряло частную инициативу. Кроме того, многим импонировала просветительская и научная деятельность протестантских миссионеров, сознательно не выдвигавших на первый план религиозную проповедь. Политическая защита и материальные выгоды служили важным стимулом и для ассирийцев-несториан, когда они обратились с просьбой в середине XIX в. принять их в лоно православной церкви и в подданство России.

Многие стороны взаимоотношений мусульман с иноверцами,

которые, как казалось, раз и навсегда были установлены в первые века ислама, стали подвергаться сомнению со стороны передовой части иранского общества уже в XVIII—XIX вв. Один из известнейших иранских поэтов XVIII в. и основателей нового литературного течения «Базгашт» («Возрождение» или «Возвращение») — сейид Али Моштаг (Моштак) Хосейни-Исфахани писал: «Какое дело ищущему истину до неверия и веры? Молитва в монастыре или храме не более чем обычай» и «Вся вселенная ищет тебя (истину. — Н. К.) — правоверный в Каабе, христианин в храме»⁴. Но тем не менее Моштаг не одобрял переход в христианство некоторых мусульман в Иране:

Разве твое имя не позорит Каабу?
Ты в Каабе, а сердце [твое] — в европейском монастыре.
Внутри тебя и вокруг много [оттенков] цвета:
Если ты византиец — будь византийцем,
Если негр — будь негром⁵.

По мнению И. Ю. Алексеевой, в этом отрывке речь идет о верности своей национальности, а не о религиозной приверженности. Нам представляется, что здесь имеется в виду и измена своей религии. Вопроса взаимоотношений мусульман и иноверцев, отношения к разным религиям касался и другой известный поэт — Хатеф Исфахани (ум. в 1783 г.):

Если раскроются наши тайные пороки,
Увы, мы будем смущены и растеряны.
Мы кичимся этой страной и гордимся исламом,
А неверные презирают наше мусульманство⁶.

Переход мусульманина в христианство или иудейство карался в Иране смертной казнью. Шиитское имамитское учение признавало возможным вероотступничество от прозелита, перешедшего в ислам из христианства или иудейства, что рассматривалось как рецидив старых религиозных взглядов. Такому вероотступнику давалось тридцать дней для покаяния, и, если он «одумается», его не предавали смертной казни⁷. Иноверцам запрещалось входить в мечеть, чтобы не осквернить ее. Тяжким преступлением считалось, если иноверец ударит мусульманина. Если мусульманина называли «христианином» или «иудеем», возбуждалось судебное дело за оскорбление.

Иностранцы — европейские и индийские купцы, путешественники и др., т. е. люди «харби», «харб» (из «области войны»), могли жить в Иране в течение года (на дипломатов это не распространялось), а затем или принять ислам, или стать зиммиями — подданными шаха.

Переход в мусульманство нельзя считать очень частым явлением в Иране. Учитывая относительную малочисленность иноверцев — армян, несториан, парсов и иудеев, сохранивших на протяжении двенадцати-тринадцати веков свою веру, следует признать, что, несмотря на притеснения и гонения, подавляющая масса иноверческого населения не соглашалась с религиозной ассимиляцией, что при известных условиях могло бы даже привести к частич-

ной этнической ассимиляции. Интересно отметить, что районы расселения иноверцев почти не изменились со времен средневековья. Зороастрийцы, или маджус, т. е. маги, в основном жили в Йезде, Кермане, частично в Ширазе и Хузестане. Евреи жили вдоль западных границ Ирана, особенно в Хамадане, Керманшахе (в средние века они тяготели к Тигру и Евфрату), а также в городах Хорасана. В средние века около Исфахана и Мерва были два города, называвшиеся «Йахудийа» («Город евреев»). Большая часть христиан жила на северо-западе страны. Массового перехода в ислам в поздние средневековые и, конечно же, в XIX в. не было. Отмечались лишь единичные случаи добровольного принятия мусульманства и случаи коллективного перехода в ислам в экстремальных условиях. В рассматриваемое время, при первых Каджарах, стать мусульманами вынуждены были захваченные в плен, вернее, угнанные из Грузии во время нашествия войска Ага-Мохаммад-хана Каджара на Тифлис грузины и немногие армяне, чтобы избежать уничтожения или продажи в рабство. Чтобы поощрить переход в мусульманство, иранские власти и шиитское духовенство охотно приводили примеры процветания и выдвижения на высшие административные посты немногих сефевидских сановников, например Аллаверды-хана, или служивших при Надиршахе и Зендах омусульманенных армян и грузин. Для происламской пропаганды важно было назвать имя грузинского царя Вахтанга, принявшего ислам. Упоминалось о Феридун-мирзе, грузине, принявшем ислам, — полководце и главном везире наследников Надир-шаха Афшара, правивших во второй половине XVIII в. в Хорасане.

Видной фигурой в иранской высшей администрации в 20—40-х годах XIX в. был Манучехр-хан Моатемад-од-Доуле. Судьба и карьера этого человека очень характерна и показательна для прозелита XVIII—XIX вв. в Иране. Армянский мальчик попал в гарем и стал со временем главным евнухом в гареме Фатх-Али-шаха. Главный евнух — очень важный пост в дворцовой администрации, если учитывать многочисленность жен в шахских гаремах, наличие в них женщин из семейств, принадлежавших к разным политическим дворцовым группировкам и игравших иногда немаловажную роль в выдвижении тех или иных лиц на политическую арену. Для первой трети XIX в. это было важно и с династической точки зрения. Наследником престола был объявлен не старший сын Фатх-Али-шаха, мать которого была христианкой, а Аббас-мирза, сын мусульманки, да еще происходившей из каджарского рода (дискриминация из-за религиозной принадлежности матери, таким образом, касалась даже шахских сыновей), а после его смерти — его сын Мохаммад-мирза, ставший вскоре шахом. За поддержку Мохаммад-шах назначил Манучехр-хана правителем Исфахана. Из известных политических деятелей XIX века можно назвать имена армянина-мусульманина Мальком-хана, просветителя, организатора масонской ложи, издателя газеты «Канун», автора острых политических трактатов и одновременно видного государственного

чиновника, посла Ирана в Англии. Грузином был дед садр-азама Амин-ос-Салтане. Губернатором Исфахана после Манучехр-хана стал Гурген-хан, армянин, мусульманин по вероисповеданию. Популярным моджтехидом стал ассириец, бывший настоятель высшего несторианского собора в Урмии мавляна Аракан, принявший имя Мохаммад-Садека Фахр-ад-Дина⁸.

Чтобы улучшить свое правовое и материальное положение, некоторые купцы-иноверцы становились мусульманами. У иноверческих общин (меллет) всегда был страх, что переход их члена в мусульманство сразу же может плохо сказаться на делах всей общины и, в частности, на тех торговцах, с которыми был связан веротступник. Особенно нетерпимо относились к своим единоверцам, отказавшимся от зороастризма, парсы: они навсегда порывали с ним всякие отношения и отказывались принять его в общину, если парс хотел снова стать огнепоклонником. Пауль Инглиш, хорошо изучивший положение парсов в Иране, писал: «В такой атмосфере зороастрийская община развивалась как изолированное, сосредоточенное на своих внутренних интересах, неподвижное, статичное общество»⁹. Иноверцу трудно было идти на конфликт со своей общиной: он сразу же лишался ее поддержки и оказывался беззащитным во враждебном к нему мусульманском окружении.

Борьба за существование на мусульманском Востоке выработала специфическую религиозную аккомодацию — приспособление, без которого иноверцам, так же как и мусульманским сектантам, трудно было бы уцелеть. Немусульмане в случае необходимости прибегали к узаконенному принципу утаивания (такийя) своих истинных взглядов, убеждений, широко практиковавшемся среди шиитов Ирана. Чтобы сохранить жизнь и имущество в мусульманской среде, христиане и иудеи склонны были иногда очень гибко относиться к вопросам вероисповедания. Другое дело, как к такому поведению иноверца относились правоверные мусульмане. Кроме того, постоянное общение с мусульманами, занимавшими господствующее положение в Иране в течение более тысячелетия, заставляло иноверцев усваивать культуру и обычаи мусульман — персов, азербайджанцев, арабов и др., хорошо знать нормы и догмы, ритуальную сторону ислама. Среди христиан имела хождение пословица: «Кто читает по-персидски, у того наполовину пропадает вера». Эту же пословицу произносили турки-сунниты, когда они хотели противопоставить себя персам-шиитам¹⁰. Иногда иноверцы прибегали к цитатам из Корана, доказывая мусульманам, что Аллах может защитить и иноверца, например, читали следующий аят: «Аллах избирает своим милосердием, кого пожелает: ведь Аллах — обладатель великой милости» [II, 99].

Шариат создавался исторически, более тысячи лет; многие юридические вопросы разработаны в нем обстоятельно и детально. Естественно, что и вопросы отношений с немусульманским населением, постоянно проживавшим в мусульманском государстве, неоднократно обсуждались и религиозными авторитетами, и

светскими правителями. Большое значение имели прецеденты — как относились к немусульманам при Мухаммеде, при праведных халифах и что говорили по этому поводу Али и другие имамы. Для позднего средневековья образцом служили сефевидские акты в отношении немусульман, в том числе их дарственные эчмиадзинским католикосам, армянским меликам, грузинским царям. Избранные главы армянской и несторианской церкви должны были получать утверждение шаха; они ездили к каждому новому шаху за подтверждением старого фирмана.

Мусульманское право подходит к определению прав и обязанностей человека с точки зрения его принадлежности к той или иной религии. Шариат — закон только для мусульман, он рассчитан на урегулирование правовых отношений в мусульманской общине. Уже этим предопределялось неравноправное положение иноверческих общин в мусульманском государстве. Иноверцы должны были жить и судиться по законам своей религии. На этом основании духовным лицам в христианских, иудейских, зороастрийских общинах были предоставлены административно-судебные права. Если конфликт возникал между иноверцем и мусульманином, то его рассматривал кази по законам шариата. Иноверцы не могли выступать свидетелями в суде.

Правовые отличия шиитов-имамитов от суннитов невелики; у имамитов наибольшая близость к шафиитскому мазхабу (религиозной школе, толку). Шафииты и ханифиты более терпимо относились к иноверцам, чем маликиты. Однако уже при определении суммы компенсации за убийство мусульманина и иноверца сразу же проявлялось неравенство. Абу-Ханифа и Ибн-Ханбал высказались за равную плату. Малик — за 50%, а аш-Шафи — за 33% за убийство еврея и христианина и около 7% за убийство парса. Среди сторонников шафиитского мазхаба были разногласия по вопросам правового статуса немусульманских общин. Могут ли иноверцы получать землю на правах икта (мулька), т. е. за несение государственной службы, за оказание услуг правителю? Может ли иноверец арендовать дом мусульманина? Имеет ли право немусульманин войти в мечеть, завещать свое имущество мусульманину? и т. п.¹¹. Несмотря на некоторые расхождения в трактовке правового положения немусульман разными мазхабами, в целом все они базировались на тех представлениях, которые сложились в первые века ислама и нашли отражение в Коране, шариате и богословской литературе. Эти правовые нормы сохранялись в Иране до конца XIX в., их придерживались шахское правительство, местные власти, шариатские суды и все подданные шаха.

Иноверцы могли иметь движимое и недвижимое имущество, хотя скопление больших богатств в руках немусульман не поощрялось. Право на владение землей оформлялось документом и затем утверждалось указами или распоряжением кадjarских правителей. Права на владение землей и льготы, полученные армянскими монастырями и отдельными лицами в более ранний период, были подтверждены кадjarскими властями, так же как и некото-

рые права ассирийцев-несториан и парсов. При Ага-Мохаммаде и Фатх-Али-шахе иноверцы фактически не получали льгот.

Мохаммад-шах, а впоследствии и Насер-ад-Дин-шах под давлением иностранных миссий предоставили иноверцам, в частности ассирийцам, парсам и евреям, некоторые права: большую свободу передвижения и др. Насер-ад-Дин-шах даже считался другом несториан, призывал мусульман не обижать их.

Шариат признает за иноверцем право наследования имущества иноверца, но только христианина после христианина, иудея после иудея и т. д.¹² в соответствии с хадисом: «Между последователями разных вер не может быть наследования» (Коран, II, 53). В случае отсутствия наследников собственность иноверца переходила в пользу иноверческой общины, но в XIX в. власти старались сохранить имущество умершего иноверца за казной, если оно было велико, или передать его в вакф. После мусульманина иноверец не имел права наследовать имущество. Иноверцы не могли быть опекунами мусульман. Судьи (кази) отказывались делить имущество немусульман по законам шариата, предоставляя немусульманским общинам решать вопрос на основании своих законов о наследовании (существовали свои своды законов у христиан и др.), тем более что и шахское правительство неодобрительно относилось к вмешательству мусульманских судей в дела немусульманских общин, потому что это часто влекло за собой жалобы иноверцев и вынуждало центральное правительство заниматься расследованием конфликта.

Религиозные общины иноверцев сами решали гражданские дела, в том числе и вопросы о наследовании¹³. В христианских общинах наследниками признавались законнорожденные в браке дети, пережившие супруги, лица, связанные кровным родством с умершим, или боковые родственники (при отсутствии прямых наследников). Понятия о родовом и благоприобретенном имуществе различались не везде. Переживший супруг получал от $\frac{1}{7}$ до $\frac{1}{4}$ наследства в разных армянских общинах, а дети, независимо от пола, поровну¹⁴. Составленные завещания заверял священник или общинный совет. Возникавшие конфликты между членами немусульманских общин разрешал общинный совет или третейский суд, а приводил в исполнение его исполнительный орган, состоявший из 3—15 человек, в зависимости от количества членов общины.

Иногда иноверцы обращались со своими жалобами друг на друга к мусульманскому судье, хотя это и не одобрялось иноверческой общиной. Тогда кази разбирал это дело на основе законов шариата, и выполнение его решения было обязательным для иноверческой общины. Очень оскорбительным для иноверцев было запрещение выступать в качестве свидетеля в мусульманском суде; здесь иноверцы приравнивались к рабам. Этот обычай дожил до XX в., о чем свидетельствует обращение жителей Тебриза к Насер-ад-Дин-шаху в 1891 г., составленное, по всей видимости, духовными лицами¹⁵. В христианском же суде принимались показания мусульман против христиан.

По шиитскому имамитскому праву запрещен брак мусульманина с христианкой или иудейкой, но допускается временный брак — сиге, мута¹⁶. Мусульмане охотно брали в жены хороших армянок, ассирянок и грузинок, заставив их принять ислам. Зороастрийка обязательно должна была принять ислам, чтобы вступить даже во временный брак с мусульманином. Мусульманка не могла выйти замуж за иноверца. С рабыней-иноверкой допускалось сожителство. Дети мусульман от временных жен и от рабынь, за исключением наследников каджарских шахов, обычно имели равные права с детьми, рожденными в законном браке (многие шиитские имамы рождены рабынями-иноверками). Особое положение занимали женщины-христианки, оказавшиеся в шахском гареме или в гаремах высокопоставленных лиц. Христианки, имевшие детей от владельца гарема, пользовались даже некоторыми правами.

Иноверцам запрещалось иметь рабов-мусульман. Мусульманам не разрешалось без выкупа отпускать на волю рабов-немусульман¹⁷. Мусульмане за рабов налог не платили, а иноверцы обязаны были платить налог за раба.

Однако в реальной жизни отношения между мусульманами и иноверцами были значительно сложнее, чем их можно представить на основании зафиксированных юридических норм. Большое значение имели указы и распоряжения верховных правителей, предоставлявших те или иные льготы иноверцам, личное дружественное или враждебное отношение местного администратора к иноверцу, фетвы шиитских улемов, а также нормы обычного права, соблюдавшиеся в данной местности и определявшие взаимоотношения мусульман с иноверцами.

Уголовные преступления, совершенные иноверцами, рассматривались гражданскими и военными властями. На основании шахских указов, шариата, адата (обычного права) и урфа (местных обычаев) военно-полицейские власти (даруга, диван-беги и др.) могли производить расследование, допрашивать иноверцев, выносить им смертные приговоры и назначать разные виды наказаний за убийства, разбой, изнасилования, проституцию и проч., например, отрезание носа и ушей, битье палками по пяткам и др. У иноверца отрубали руку, если он осмеливался поднять ее на сейида. Мусульманин считал смерть «недостойной», если его приговаривали к распятию как «неверного христианина».

О неравноправном положении иноверцев говорит запрещение строить дома выше домов мусульман¹⁸. Зороастрийцам Кермана было запрещено селиться в центральных, мусульманских кварталах города. Поэтому их квартал возник за пределами восточной городской стены¹⁹. Имамитское право запрещает шиитам есть пищу, приготовленную «людьми писания», т. е. христианами и иудеями, и есть вместе с ними; правда, и парсы не ели ничего, что готовили непарсы²⁰. Иноверцы, однако, обязаны были предоставить ночлег путешествующему мусульманину и принять его «как гостя»²¹. Парсам и другим иноверцам запрещалось строить храмы

выше мечетей. В траурные дни мохаррама иноверцам лучше было не показываться на улицах. Фанатичная толпа, если кому-либо показалось, что иноверец засмеялся, могла растерзать его. Парсы не имели права ездить в городе на лошади, обогнать мусульманина, пользоваться зонтиком, носить шелковые одежды. Даже богатые купцы-иноверцы не могли избежать унижительной обязанности носить специальные отличительные знаки на одежде: христиане — особый пояс суннар, иудеи — две заплаты на груди и спине отличного от одежды цвета; лишь в конце XIX в. заплаты были заменены особой пржкой, которая пришивалась к рукаву²². Парсы обязаны были носить одежды желтого цвета, что оскорбляло их религиозные чувства. Иноверцы часто начинали носить одежду, вышедшую из моды у мусульман, например высокие шапки. Так, по распоряжению главы шиитского духовенства города Йезда евреям запрещалось носить персидскую одежду (абу), выходить из дома в дождливую погоду, проезжать по улицам на животных, касаться некоторых видов продуктов на базаре, строить дома выше мусульманских; при встрече с мусульманином еврей должен был приветствовать его и уступить ему дорогу; мусульманские купцы при желании могли отказаться от продажи товаров евреям и т. п.²³.

Иноверцы не имели права открывать лавки на мусульманском базаре или в караван-сараях, если в городе были специальные иноверческие базары и караван-сарая — индийские, грузинские, армянские. В Тегеране евреи вообще были лишены права открывать лавки на базаре. В Кермане в соответствии с установившейся традицией торговцы тканями — мусульмане могли торговать на любом базаре и в любом квартале города, тогда как торговцы-парсы — только на «своем» базаре за городской стеной, а евреи — на особом базаре в пределах города. Евреи, парсы покупали товары у мусульман, мусульмане же не покупали товары у евреев и парсов, а если и покупали, то через посредников, в качестве которых обычно выступали армяне. Парсы, например, должны были платить более высокие цены за товары, чем мусульмане; строго регламентировалось число лиц, имевших право заниматься торговлей. Иноверцам запрещалось входить в ремесленные цехи (эснафы, синфы, хамкари) и торговые товарищества мусульман, хотя отступления от этого общего правила были: все торговцы Кермана, независимо от вероисповедания, объединялись в одну торговую гильдию.

Существенным ущемлением прав немусульманского населения в Иране было запрещение служить в армии и носить оружие, так как оно могло быть обращено против мусульманина. В течение XIX в. в Иране трижды проходила реорганизация армии; иранские солдаты привыкли к присутствию в войсках иностранных инструкторов. Однако допустить своих иноверцев в армию правительство все же не хотело. В 1819 г. 300 русских военнопленных солдат согласились остаться на службе в Иране. Аббас-мирза приказал «армянскому обществу деревни Салмазд обручить их всех с армянками»²⁴. Из военнопленных и дезертиров, бежавших из русской

армии, был создан специальный христианский батальон во главе с С. Макинцевым. Впоследствии всех их обязали принять ислам..

Сфера деятельности иноверческого населения была ограничена, хотя вначале в халифате они могли иметь любую профессию. Иноверец не мог занимать административный пост, так как закон запрещал иноверцам властвовать над мусульманами. Иноверцы могли выполнять административные функции лишь в своих общинах, например быть старостой армянского квартала, ассирийской деревни, старшиной армянского купечества и проч. Поступление на военную службу было обусловлено переходом в мусульманство. Охотнее всего на военной и государственной службе использовали грузин-мусульман, высоких административных постов добивались армяне, принявшие ислам²⁵. Среди иноверцев не было феодалов; исключения составляли лишь несколько христианских семей. Иноверцы могли заниматься сельским хозяйством, торговлей, ремеслом, ростовщичеством и непопулярными, неприемлемыми для мусульман профессиями — изготовлением вина, убоем животных, сдиранием шкур с животных, дублением кож, шерстобитием, крашением, чисткой выгребных ям, захоронением тел казненных и т. п.²⁶.

Интересно отметить, что при неграмотности подавляющего большинства мусульманского населения в Иране (даже среди купцов-мусульман в первой половине XIX в. было около половины неграмотных) среди ассирийцев было около 80% грамотных, армян — 70%, мужское еврейское население было почти все грамотное (до 90%), а среди женщин-евреек было 20% грамотных.

Бесправие, повседневное унижение, нищета были уделом подавляющей массы иноверческого населения. Удивляться этому не приходится потому, что положение широких масс мусульманского населения в Иране в первой половине XIX в. было немногим лучше. Мусульманин, правда, ощущал свое моральное превосходство над иноверцем, он мог рассчитывать, уповая на Аллаха и благоприятный случай или судьбу, достичь высоких постов на государственной службе или отличиться на поле боя. Возможности иноверца в этом плане были минимальны²⁷.

Правители Ирана не были заинтересованы в поголовном уничтожении иноверческого населения, понимая, что это повлечет за собой ослабление государства. Практика насильственного переселения христиан и иудеев не была мерой, направленной исключительно против иноверцев. Насильственно переселяли и мусульманские племена, ремесленников-мусульман из одного города в другой и даже из одного государства в другое. Но в памяти народной остались переселения армян из Джульфы в Исфахан при Аббасе I Сефевиде и из Нахичевана в Иран при Надир-шахе (Адильшах вернул им конфискованные земли), а также пленных грузин при Ага-Мохаммаде Каджаре. Нельзя сказать также, что налоговый гнет был намного сильнее для иноверцев, поскольку бюджет Ирана обеспечивался в основном за счет налогов с крестьян, а иноверцы составляли ничтожно малую долю в сельском населении

страны и уже поэтому не могли обеспечить значительных поступлений в государственный бюджет. Каджарские шахи, особенно Насер-ад-Дин, учитывая возросшие международные связи Ирана, вынуждены были оказывать некоторое покровительство иноверцам; их положение с середины XIX в. стало несколько улучшаться.

Шариат закрепляет неравенство иноверцев с мусульманами в области налогообложения²⁸. На основании Корана иноверцы могут быть уничтожены, если они не внесут джизию собственной рукой. Правда, мусульманское право признает необходимость разного налогообложения в зависимости от разного материального положения налогоплательщика, а бедняки-иноверцы, не имевшие семьи и имущества, вообще освобождались от уплаты налогов. В Гиляне при Зендах с евреев налоги не взимались, но они должны были делать ежегодный подарок хану. А с каждой армянской семьи взимался налог в размере 100 руб. в год в переводе на русские деньги (с холостяков налог не брали)²⁹. При первых двух Каджарах сохранялось такое же положение. Армянская церковь во главе с католикосом сохранила ранее полученные привилегии: освобождение от уплаты налогов с принадлежавших армянской церкви земель, фиксированные ставки налогов с населенных армянами деревень и городских кварталов. С середины XIX в. община парсов благодаря Манукджи стала платить фиксированную сумму налогов, которую вначале вносил сам Манукджи в качестве откупщика.

Размер налога и различных поборов с иноверцев-ремесленников и особенно с торговцев умышленно не устанавливался, что давало возможность местным властям произвольно назначать ту или иную сумму. С христиан, евреев и зороастрийцев в целом взималась небольшая сумма налогов, в среднем 1 туман с 5—10 человек, что объяснялось ужасающей бедностью подавляющей массы иноверцев. Имеются данные о количестве налогов, собиравшихся с евреев. Видимо, самые бедные еврейские общины были в Тегеране, Исфахане, Гольпайегане, Фирузабаде; здесь с каждых 10 человек взимался 1 туман. Керманшахская община в 250 человек платила 30 туманов налога, т. е. с 8 человек 1 туман. Более состоятельны были евреи в Ларе и Джеруне: 6 человек были способны внести 1 туман, а в Дарабе, Хунсаре и Миандоабе уже с каждых 4 евреев взыскивался 1 туман. Богатыми считались еврейские общины Хамадана (3 человека платили 1 туман), Казеруна и Йезда (с двух человек взыскивался 1 туман) и особенно Урмии и Шираза, где 1 тыс. и 1500 человек вносили налог в размере 600 и 1200 туманов соответственно³⁰.

Налоги с несториан (3500 семейств) и католиков (600 семейств) получали афшарские ханы. Налог с армян (4660 семейств) вначале не был точно определен, и власти имели возможность требовать его по своему усмотрению. Опасаясь переселения армян во владения России после 1828 г., англичане предложили Аббас-мирзе точно определить размеры налогов с армян и придерживаться их. В 30-х годах это частично было сделано.

В XIX в. в Иране иногда с горечью вспоминали о том золотом веке ислама, когда известный законовед VIII в. Абу-Юсуф мог провозгласить, что мусульмане живут за счет зиммиев (иноверцев), дети мусульман будут жить за счет детей иноверцев, и, пока они будут рабами мусульман, будет существовать ислам³¹. XIX век говорил о другом — европейцы-гяуры вели наступление на мусульманский Восток, их можно было проклинать, но с ними приходилось считаться. Появилась первая брешь в традиционном средневековом мусульманском мировоззрении. В начале XIX в. в Иране были единицы, в середине века — уже сотни, а в конце века — тысячи, которые стали пересматривать свое отношение к европейцам. Их продолжали ненавидеть, но у них приходилось многое перенимать. В жизнь входили понятия о европеизации, модернизации, реформах, конституции и новых законах. Приходилось по-другому относиться и к своим иноверцам. Но в XIX в. шиитское законодательство в отношении своих иноверцев оставалось еще традиционным.

Национально-религиозные меньшинства по возможности старались жить компактно, чтобы лучше обеспечить защиту иноверца. С середины XIX в., когда заметнее стало втягивание Ирана в мировую систему капитализма, развитие капитализма и зарождение буржуазного права в Иране, представители иноверческих общин стали расселяться по разным районам и городам, отрываясь от первоначального места расселения. Прежде всего это относится к парсам, которые с середины XIX в. начали преодолевать те заградительные барьеры, которые заставляли их жить изолированно от всего мира, в основном в общинах Кермана и Йезда.

Иноверческие общины жили замкнуто; общение с мусульманами было ограничено. Общины управлялись своими духовными главами: армяне — эчмиадзинским католикосом (до 1828 г. Эчмиадзин находился под властью Каджаров) на основании церковного и римско-византийского гражданского права и судебных Мхитара Гоша и др.; несториане — патриархом (батрик), митрополитом (матран) или епископом (ускуф); иудеи — раввином (хабир); зороастрийцы — местным мобедом³². Они представляли интересы своих общин (или церквей) перед Каджарами, имели право суда над членами своих общин, право контроля над школами и книгами в общине, право наказывать вероотступников (но не ставших мусульманами).

Иноверцы составляли ничтожное меньшинство населения Ирана, приблизительно около 1%. Точных сведений о количестве иноверцев нет, но в описаниях Ирана европейскими путешественниками обычно приводятся данные о количестве христиан, иногда евреев и парсов в некоторых городах Ирана. По данным английского консула Томсона, в Иране в 60-х годах XIX в. проживало около 26 тыс. армян, 16 тыс. евреев, немного более 7 тыс. парсов и несколько тысяч ассирийцев³³. Во второй половине XIX в. численность иноверческого населения увеличилась.

Самой многочисленной в начале XIX в. была армянская общи-

на. Оказывая значительные услуги шахам (субсидируя их, ведя от имени шахской казны торговлю, выполняя дипломатические поручения и проч.), представители армянской общины сумели добиться известных привилегий. Однако после присоединения Армении к России армяне Ирана лишились защиты со стороны своего католикоса, оказавшегося на территории Российской империи. До этого времени армянские католикосы получали от шахов указы на право Эчмιάдзина и монастырей обладать землей и на защиту армян на всей территории Ирана. С их помощью оформлялись документы на владение землей и прочей недвижимостью армянскими монастырями, маликами и другими владельцами. После 1828 г. армянское население в Иране резко сократилось. По Туркманчайскому договору все желающие христиане могли переселяться в Россию до 10 февраля 1829 г. В течение 1828—1829 гг., по данным католикоса Нерсеса, на Кавказ переселилось 8 тыс. армянских семейств, чем был нанесен значительный финансовый ущерб городам Мараге, Салмасу и Урмии. По Туркманчайскому договору они имели право в течение пяти лет пользоваться доходами с принадлежавшей им недвижимой собственности, а затем должны были ее продать. Иранское правительство запретило своим поданным покупать земли у уехавших армян, рассчитывая на то, что через пять лет они станут собственностью казны.

Главными центрами расселения армян были северо-западные районы Ирана: Ереванское ханство, некоторые районы Иранского Азербайджана, а также Тегеран, Исфахан (пригород Новая Джульфа был населен армянами со времен шаха Аббаса I Сефевиде) и другие города Ирана, в которых проживало иногда всего несколько армянских семейств.

Сельским хозяйством, если судить по размерам фиксированного налогообложения, занимались армяне, жившие в прилегающих к Ереванскому ханству районах Иранского Азербайджана, в окрестностях Тегерана и в некоторых небольших городах. В начале XIX в. налог с армян был определен в 15 тыс. туманов (36 тыс. руб.). Он был установлен для исфаханских армян за пользование домами и садами в размере 1075 туманов (с 350 семейств), а также за обработку земли армянами в Урмии, Салмасы, Миандоабе и в некоторых других городах. Основным занятием армян в городах были ремесло и торговля. Армяне-ремесленники, особенно ювелиры, специалисты по обработке металлов, камнетесы и др., славились в Иране. Пользовались славой и вызывали зависть мусульманского населения процветающие армянские купцы, особенно те из них, которые вели торговлю с европейскими странами, Османской империей, Россией, Индией и другими странами. Наиболее высоким процент торгового сословия среди армян был в Тебризе, где к середине XIX в. проживало около 400 армянских семейств, в Исфаханской Джульфе (350 семейств), в Тегеране (120 семейств), Хамадане (40 семейств), Бушире (14 семейств), Ширазе (4 семьи). Именно в этих городах проживали наиболее богатые армянские купцы. К середине XIX в. армянские купцы

стали монополизировать оптовую торговлю на северо-востоке Ирана, например в районе Шахруд-Бастам, где торговля индийскими, западноевропейскими и российскими товарами находилась в их руках.

В этот период доля армянских купцов в иранском экспорте составляла 30—50%, а в импорте — 30—60%, но постепенно она стала сокращаться, поскольку все больший вес во внешней торговле стали приобретать мусульманские купцы — персы и азербайджанцы.

О социальном составе армянского населения в городах Ирана можно судить, с известными оговорками, по следующим данным: в 1850 г. в Новой Джульфе (Исфахан) проживала 371 армянская семья (2586 человек), из них 36 семей священников, 35—40 домовладельцев и крупных торговцев, которые вели торговлю с Индией и Голландской Индией (доход до 6 тыс. туманов в год). К высшей прослойке относились 100 семейств. Ниже их шли торговцы — 40, ювелиры — 10, ковроделы — 6, кузнецы — 4, бакалейщики — 5, мясники — 6, торговцы зерном — 8, ткачи — 130. Большинство женщин из семей этой прослойки занималось изготовлением сладостей, а мужчины — ткачеством. Ткачи получали около 10 шахи в день. Доходы землевладельцев Джульфы не превышали доходов торгово-ремесленного слоя. Еще ниже на социальной лестнице находились ремесленники и крестьяне; каменщики, банщики, брадобреи, виноделы, сапожники, шорники и др. — около 80 семейств. И наконец, 50—60 семейств составляли бедняки и нищие. Начальником Армянской епархии в Исфахане в 40-х годах был архиепископ Иоаннес Крымский.

Армяне в силу их многочисленности, лучшего материального положения (прослойка богатых купцов и ремесленников среди них была значительной), политического веса (помогали шахам деньгами, выполняли дипломатические и иные поручения двора), защиты армянской церкви (католикосы, как правило, умели «ладить» с властями и обеспечивать интересы армянского населения) и поддержки знатных армян, принявших мусульманство (Манучехр-хана и др.), находились в лучшем положении, чем другие религиозные меньшинства. Почти в каждом более или менее крупном городе имелись караван-сарай, владельцами которых были армяне. Этими караван-сараями часто пользовались купцы-оптовики, в том числе и европейские. Например, армянский караван-сарай в Нишапуре был своеобразным складом шерсти и хлопка, в Реште — шелка-сырца, а в Тебризе — тканей³⁴.

Кроме армянских купцов — иранских подданных, в Иране вели торговлю армянские купцы из России, Западной Европы, Османской империи, Индии. Например, австрийский подданный Томаз Джелалянц быстро продал в Тебризе за 10 тыс. туманов мелкие европейские товары, забракованные в Константинополе. Такая оперативность и известная независимость армянских купцов, подданных других государств, вызывала раздражение и недовольство купцов-мусульман еще и потому, что до середины XIX в.

значительная часть европейской и ирано-русской торговли была в руках армянских купцов, в подавляющем большинстве российских подданных. Считалось, что около $\frac{1}{3}$ всей торговли Ирана находилось в руках торговцев-христиан. Но мусульманское купечество и жители Тебриза, Решта и других основных центров русско-иранской торговли с трудом привыкали к мысли, что эти процветающие армянские купцы уже не подданные шаха, за счет которых можно было пожить. На этой почве возникло много тяжб, которыми занимались российские консулы.

Некоторые армянские купцы отказывались от иранского подданства, чтобы пользоваться защитой России, Англии или других европейских государств. Имена таких купцов хорошо известны. Одновременно следует иметь в виду, что в середине XIX в. в целом положение армян в Иране улучшилось, и этим воспользовались некоторые армянские семьи, покинувшие ранее Иран. В течение XIX в. несколько раз наблюдался отлив армян из Ирана и одновременно — их возвращение обратно. Много армян покинуло Иран во время и после русско-иранских войн. Неустойчивость иранской экономики, кризисные явления в торговле и денежном обращении в конце 30-х — начале 40-х годов заставили многих армянских торговцев покинуть Иран или поменять иранское подданство. Английский консул в 1844 г. доносил из Тебриза, что несколько тысяч армян и ассирийцев-несториан переселились из Хоя, Салмаса и Урмии в Россию, а армяне из Сулдуза, Соуджбулака и Мараги требовали паспорта для эмиграции. С середины 50-х годов, наоборот, в Иран стали возвращаться армянские семьи. Только в Тебризе к 1868 г. армянское население возросло до 5 тыс. человек за счет возвратившихся из России. В середине 50-х годов в Джульфу (Исфаханскую) приехало несколько армянских купеческих семейств из Индии и с о-ва Явы. В 1851 г. в Тебризе открылась армянская школа, в которой преподавание велось на армянском и русском языках, поскольку все учителя были из России. Армяне, связанные с ирано-русской торговлей, были заинтересованы в знании русского языка.

Несмотря на запрещение иноверцам входить в торговые объединения мусульман, источники отмечают случаи создания единых купеческих гильдий, совместного снаряжения торговых караванов, покупки товаров на паях купцами-мусульманами и иноверцами. Значительно более частым явлением были торговые контакты купцов-немусульман между собой. Так, известный парский деятель и купец середины XIX в. Лимиджи Хатерджи Хушанг Хотария Манукджи (Манукчи), получив в 1848 г. от иранского посла в Индии мирзы Хосейн-хана письмо-рекомендацию на право въезда в Иран, предварительно отправил свои товары в Бендер-Бушир знакомому армянскому купцу. Он и впоследствии вел дела с армянскими купцами. Армянские купцы из Закавказья, бывшие подданные шаха, входили в компании с армянскими купцами Ирана, а также вступали в контакты с влиятельными лицами — правителями, откупщиками, мухтасибами и др. Давуд-хан Меликов, армянин,

ставший с 1828 г. российским подданным, в 30—40-х годах прошлого века был одним из процветающих и богатейших купцов Ирана. Он вел торговлю с Индией, Багдадом и Басрой, имел торговые отношения с купцами Закавказья. Размеры его торговых операций определялись в сотни тысяч туманов³⁵. Покровительство важного сановника, каким стал его дядя Манучехр-хан, определило устойчивое положение армянского купца, тем более что сам гилянский и исфаханский губернатор Манучехр-хан Моатемад-од-Доуле являлся пайщиком во всех торговых делах своего племянника.

С 30-х годов XIX в. купцы-мусульмане стали все активнее включаться в международную торговлю, отгесняя купцов-иноверцев. Это явление отмечалось, например, в ирано-турецкой торговле и в торговле со странами Европы, шедшей через Константинополь. Купцам-иноверцам приходилось перестраивать свои торговые связи, искать такие виды товаров, которыми еще не торговали купцы-мусульмане. Армяне Бушира и Шираза в середине XIX в. часто жаловались на притеснения со стороны персидских купцов. Поэтому армянские купцы стали торговать главным образом готовой одеждой, серебром, шерстяными тканями, хрусталем, металлическими изделиями и модной галантереей. В этой быстрой переориентации армянских купцов также проявились их оперативность и гибкость, умение приспособиться к изменившейся политико-экономической ситуации и конъюнктуре рынка. Армянские купцы очень хорошо знали конъюнктуру иранского рынка, они более выгодно, чем мусульманские купцы, скупали шелк в Гиляне, а затем продавали его иранским купцам-оптовикам или европейским купцам.

В такой стране, как Иран, для купца-иноверца чрезвычайно важно было располагать покровительством влиятельных при тегеранском дворе лиц. Каждый купец старался заручиться такой поддержкой, используя родство, богатые подарки и постоянные подношения, рекомендации со стороны сановных и влиятельных особ. Институт покровительства играл особую роль для купцов-иноверцев в мусульманских странах, где приниженное, неравноправное положение иноверца считалось законным и освящалось Кораном и шариатом. Учитывая влиятельность шнитского духовенства, не только купцы-иноверцы старались заручиться поддержкой духовных лиц, но и европейские представители в Иране пытались поддерживать с ними хорошие отношения, прибегая к помощи моджетхидов и мулл при решении сложных вопросов, особенно когда речь шла о защите прав европейских купцов, а также прав иранских купцов-христиан, с которыми имели деловые отношения европейские торговцы. Так, неоднократно к помощи духовных лиц прибегали английские дипломаты.

В XIX в. в связи с втягиванием Ирана в систему мирового капиталистического рынка, более тесными связями иранского купечества с иностранными купцами, ввозом в Иран большого количества европейских товаров и вывоза из страны сельскохозяйственного сырья (шелка-сырца, хлопка, шерсти и др.), развитием капи-

талистических отношений в самом Иране положение купцов-инверцев в иранском обществе стало изменяться. Они выступали как бы носителями новых отношений, новых правил торговли и денежных расчетов, новых идей, новой культуры, поскольку армянские, еврейские и парсские торговцы одними из первых вступили в торговые контакты с капиталистической Европой, с торгово-промышленными кругами России, с англо-индийскими буржуа Индии. Например, тебризский купец-армянин Ситтик-хан с 1826 г. начал вести торговлю с Англией через Трапезунд, сам побывал в Лондоне и Манчестере. Наследник престола Аббас-мирза поддерживал этого купца и вообще был сторонником развития торговли Ирана с европейскими странами через Трапезунд и Константинополь³⁷.

Положение ассирийцев (несториан, халдеев) определялось в известной мере состоянием самой несторианской церкви в Иране. Формально униатская несторианская церковь образовалась в этой стране в 1581 г. с центром в монастыре Св. Иоанна недалеко от Салмаса. Позднее церковь распалась, и новое объединение несторианских патриаршеств произошло лишь в начале XVIII в. В 1826 г. патриаршества вновь разделились на униатское с центром в Мосуле (позднее — в Багдаде) и иранское несторианское³⁸ в с. Кудачи (Османская империя).

В течение XIX в. отношение властей и населения к ассирийцам в Иране несколько раз менялось. Деятельность западных христианских миссионеров среди несториан, а также соперничество России и Англии с их ставкой в ряде случаев на религиозные меньшинства приводили к осложнению положения ассирийцев в Иране и вызывали иногда весьма напряженные отношения. Это проявилось во время ирано-русских войн, при обострении отношений с Турцией, во время финансового кризиса 1837—1838 гг., в связи с гонениями на бабидов. В 1842 г. курды вырезали несколько ассирийских деревень. Ассирийцы обратились за помощью к английскому консулу в Мосуле. Приехавшая в Урмию в 1843 г. англиканская миссия не ставила целью обращение несториан или мусульман в лоно англиканской церкви. Но поселившийся в селе Кудачи англиканский резидент стал оказывать материальную помощь несторианскому патриарху Мар-Шимуну в размере 200 лир ежегодно (1600 руб.)³⁹.

Ассирийцы проживали в западных и северо-западных районах Ирана — в Урмии, Салмаса, Сулдузе. Их насчитывалось около 30 тыс. семейств. В Курдистане в основном жили ассирийцы-католики. Большинство ассирийцев занималось сельским хозяйством. Немногие торговали с Турцией при посредничестве английских миссионеров. Некоторые ассирийские селения платили налоги курдским и афшарским ханам, на землях которых находились эти селения. После подписания Туркманчайского договора 1828 г. около 5 тыс. ассирийских семейств выразили желание переселиться в пределы Российской империи. Несторианский архимандрит Симеон (Шиман) также просил разрешить переселиться из Урмии в Армянскую область⁴⁰.

В 1859 г. ассирийцы-несториане Урмийской области обратились с просьбой принять их в лоно православной церкви и в подданство России. По мнению Н. А. Аничкова, они преследовали больше политические и материальные цели, чем духовные⁴¹, поскольку их положение в Иране было тяжелым. Правительство России не сочло возможным удовлетворить их просьбу, так как это могло быть расценено как вмешательство во внутренние дела Ирана, вызвать «недоброжелательство западных миссионеров, проживающих среди несториан и находящихся под покровительством английского гонения и притеснения христиан со стороны мусульманского населения. В 1861 г. несторианский епископ Михаил приехал в Петербург для переговоров о переходе 30 тыс. семейств несториан Ирана и Турции в православие и подданство России⁴³. Этот вопрос был решен лишь в конце XIX в.

Положение евреев было хуже положения христиан. Надир-шах склонен был уравнивать права иноверцев с мусульманами и разрешил евреям поселиться в Мешхеде⁴⁴. Столетие спустя многие евреи приняли ислам; они были известны как «джадид-оль-эслам» (новые мусульмане). Среди них проводилась миссионерская пропаганда.

В некоторых городах, например в Барфоруше, в 1866 г. евреев заставляли принимать ислам⁴⁵. В течение XIX в. часть иудеев Ирана перешла в мусульманство, христианство, бехаизм. Но многие прозелиты продолжали верить в старого еврейского бога, оставались моногамны, тайно сохраняли еврейские имена, вступали в браки только с еврейками. Евреи-бехаиты скрывали свою принадлежность к бехаитам, выдавая себя за шиитов (семейство Ховейда и др.). В Иране имелись синагоги, небольшие школы для обучения еврейских детей, специальные еврейские кладбища.

Численность еврейского населения в Иране была невелика, она колебалась в пределах двух-четырёх десятков тысяч человек. По сообщению английского агента Р. Т. Томсона, в середине XIX в. во время эпидемии в Исфahanе умерло около 12 тыс. евреев, а в Казеруне — 6 тыс. человек⁴⁶. В середине XIX в. еврейская община насчитывала около 16 тыс. человек. Они жили в основном в Хамадане (2 тыс.), Тегеране, Исфahanе, Ширазе (1,5 тыс.), в Йезде, Урмии (по 1 тыс. человек), а также в Керманшахе, Бендер-Бушире, Мохаммере и некоторых других городах. В Гиляне евреи жили только в Лахиджане и занимались молочным хозяйством.

Еврейские общины жили очень изолированно. Даже в Тегеране, где положение евреев было несколько лучше, чем в других городах, они не могли открывать свои лавки на базарах. Мусульмане не покупали у евреев товары; обычно с евреями общались парсы, армяне, а затем — европейцы. В 1879 г. английский консул в Астрабаде Черчилль обещал мазендеранским евреям свою защиту, если они дадут обещание торговать исключительно английскими товарами. Евреи переносили изоляцию с библейским стоицизмом, подозрительно относились ко всем, опасаясь за свою жизнь и

имущество. Они стремились приобщиться к культуре и мусульманской, и европейской.

С середины XIX в. евреи Ирана начинают получать помощь от европейских евреев. В 1840 г. руководитель еврейской общины в Англии Моисей Монтефиоре купил султанский фирман об освобождении всех евреев в Османской империи от дискриминационных ограничений. Это дало возможность евреям Османской империи войти в 1868 г. в состав Государственного совета, а в 1877 г. — в парламент, занять видные государственные должности; например, Кямиль-паша (Кыбрыслы) неоднократно назначался великим везирем. Такие успехи воодушевили Монтефиоре. Он попытался добиться аналогичного шахского фирмана и в Иране. Первые шаги были предприняты с помощью английских дипломатов в Иране. По просьбе М. Монтефиоре Р. Т. Томсон собрал данные о численности евреев в Иране, наиболее крупных еврейских общинах, правовом и экономическом положении евреев⁴⁷. В 1873 г. во время поездки Насер-ад-Дин-шаха в Англию М. Монтефиоре удалось получить от него формальное разрешение оказывать поддержку евреям Ирана.

Большинство евреев занималось торговлей, ростовщичеством, банковскими операциями, отдельными видами ремесел — производством вина, опиума и др. Иранские евреи поддерживали торговые связи с еврейскими общинами и торговыми домами Европы, Индии, Османской империи. Эти связи особенно расширились во второй половине XIX в. По словам Дж. Керзона, они играли видную роль в торговле в районе Персидского залива: «В Бушире преуспевал еврейский элемент»⁴⁸. Около 80% внешней торговли Ирана через Керманшах и Хамадан находилось в руках еврейских торговцев⁴⁹. Большая часть мелочной торговли Мохаммеры осуществлялась евреями.

К началу XIX в. в Иране было около 10 тыс. парсов. Им было запрещено выезжать за пределы страны и общаться со своими единоверцами из Индии. Впоследствии благодаря деятельности индийских парсов и помощи английских дипломатов удалось получить от иранских властей разрешение на право перемещения парсов Ирана по стране, выезда за границу, въезда в Иран парсов из других стран и их общения с иранскими парсами. В 1854 г. парская община в Иране насчитывала всего 7200 человек; 6660 человек проживали в Йезде, 450 — в Кермане, 50 — в Тегеране⁵⁰. В парском квартале за городской стеной Кермана, своеобразном гетто, находились четыре храма, школа, баня; некоторые парсы никогда не покидали свой квартал⁵¹. Жили парсы также в селах около Йезда и Кермана — в Шарафабаде, Хасанабаде, Исмаилабаде, Канат-Хасане, а также Тафте, Ардакане, Майбоде, Нусрабаде, Маджра-Калантаре. Поскольку город Захедан был разрушен и засыпан песком, то парсы поселились в с. Милек рядом с белуджами.

В 1857 г. в Тегеране парсов было ничтожно мало, но в Тегеран ежегодно приезжали купцы-зороастрийцы из Бомбея (Индия), и

эти приезжие купцы оказывали определенное влияние на тегеранскую торговлю⁵². Такое же положение сложилось в Бендер-Бушире, Исфахане, Ширазе, не говоря уже о Йезде и Кермане, где активизировались местные парсские общины.

В 1853 г. парсы Бомбея основали Общество для поддержки иранских зороастрийцев и помогли иранским парсам включиться в международную торговлю с Индией, Японией, Китаем⁵³.

Парсы занимались ремеслами, в том числе обработкой серебра, незначительной торговлей (до второй половины XIX в.) и сельским хозяйством для обеспечения нужд главным образом своей же общины. Парсы были вынуждены скрывать свои реальные доходы, чтобы не подвергаться ограблению со стороны местных властей и рядовых мусульман, из-за страшной бедности испытывавших озлобление и зависть к более или менее сносно жившим рядом «неверным». По мере улучшения материального положения членов зороастрийской общины в Иране, по мере роста капиталов и богатств у купцов-парсов нестихавшая враждебность к «неверным» парсам со стороны мусульман стала выливаться во все более частые погромы парсских жилищ и лавок. Из-за нападений лутжи жители окрестных йездских селений вынуждены были переселиться в более безопасные места, где проживало больше парсов. Парсские селения, кварталы и дома стали укрепляться, обноситься более прочными стенами⁵⁴. Нападения на парсские селения были довольно частым явлением. При таких условиях существования самостоятельных парсских семейств было очень мало.

Представителям парсской общины Бомбея с помощью английских дипломатов и богатых податков удалось получить фирман на точно фиксированный налог с парсской общины и взять эти налоги на откуп, получить разрешение на открытие школы, свободный выезд парсов из страны и т. п. Это сразу же благотворно сказалось на правовом и материальном положении парсов. С середины XIX в. с парсов взимался приблизительно такой же налог, как и с евреев. В 1867/68 г. 1200 парсских семейств внесли через своего агента (откупщика) налог в сумме 907 туманов, т. е. один туман с 6—7 человек⁵⁵. Однако не следует забывать, что из-за притеснений и вымогательств парсам, как и другим иноверцам, приходилось выплачивать единовременные достаточно крупные суммы правителям, которые нигде не фиксировались и, естественно, не попадали в государственную казну, а оседали в карманах самих правителей и их приближенных.

Парсские купцы Ирана с помощью Манукджи и других индийских парсов наладили связи со своими единоверцами. Если в начале XIX в. положение парсов было чрезвычайно тяжелым и бесправным, то к концу века многие парсские семьи при поддержке англичан и индийских парсов сумели нажить значительные капиталы на торговле и денежных операциях. По некоторым данным, в Керманской провинции большинство саррафов (менял) принадлежало к парсской общине; парсы сосредоточили в своих руках также значительную часть торговли в провинции⁵⁶. По сообщению

леди Шейл, жены английского посла в Иране, хорошо знавшей истинное положение парсских торговцев, через несколько лет после получения фирмана разбогатело несколько зороастрийцев, особенно семья Кейхосрова Ядгара из Шарафабада⁵⁷. С середины XIX в. стали складываться капиталы, в значительной степени за счет ростовщичества и торговли, известные впоследствии богатых парсских семейств Джамшидов, Джаханов, Кейхосровов, Йеганеги, Намдаров и др. Положение парсов особенно упрочилось после получения фирмана о правах парсов⁵⁸.

Большая заслуга в улучшении положения парсской общины принадлежит Манукджи⁵⁹. В 1856 г. в Йезде и Кермане были открыты школы для парсов, средства на содержание которых шло из специального фонда, основанного Манукджи. Манукджи симпатизировал бабидам, способствовал составлению «Тарих-е джадид», или «Тарих-е Манукджи» (Истории бабидов)⁶⁰.

За помощь и покровительство англичан и индийских парсов иранские зороастрийцы питали симпатии к англичанам, к Великобритании. Англичане же вербовали своих агентов из парсов, что вызывало настороженность и недоверие к последним со стороны иранских властей и рядовых мусульман и иногда приводило к трагическим последствиям.

Недовольство мусульманского населения действиями правительства, местных властей и ханов само собой или сознательно направлялось против иноверческого населения. На это обратил внимание доктор М. С., посетивший Иран в 40-х годах XIX в. Он писал, что подкупается «чернь для заявления своего недовольства, и луты поднимаются от своего бездействия шумными и огчаянными ватагами, осаждают христианские жилища... грабят и убивают указанных им лиц»⁶¹. В 1851 г. луты разгромили в Тегеране армянский квартал. Особенно страдало немусульманское население в городах, когда там возникали волнения среди мусульман на религиозной почве или вспыхивали восстания против местного правителя⁶².

Антиармянские настроения охватили широкие массы мусульманского населения после окончания второй русско-иранской войны 1826—1828 гг. Это было вызвано присоединением Ереванского ханства к России и желанием части армянского населения, особенно из числа насильственно переселенных из Ереванского ханства в другие районы Ирана, вернуться в Армению, т. е. в пределы Российской империи. И хотя по условиям Туркманчайского трактата 1828 г. это право армян было признано иранским правительством, ни власти, ни население, подстрекавшееся шиитским духовенством, не хотели признавать законность переселения армян и расценивали это как посягательство на верховные права мусульманского правительства, как посягательство на ислам. Поводом к разгрому российской миссии в Тегеране в январе 1829 г. послужило «заступничество», как писали в те годы, российского полномочного министра при тегеранском дворе А. С. Грибоедова за армянина Рустама, пытавшегося освободить двух армянок из гарема Аллаяр-хана

Асеф-од-Доуле и шахского казначея армянина мирзу Якуба Маркаряна, принявшего ислам, но выразившего желание возвратиться на родину. Российский консул в Тебризе А. К. Амбургер писал 8 февраля 1829 г.: «Кажется, что духовенство тегеранское было главною причиною возмущения, соделавшего нашего министра жертвою ожесточенной черни; ибо в главной мечети (мечети. — Н. К.) провозглашался сбор правоверных»⁶⁴. По мнению моджетехида Ага-Мир-Фатха, разгром российской миссии и убийство посла были «учинены с умыслом, дабы показать народу, что правительство персидское не так боится русских, как полагают», и что вмешательство в распоряжения мусульманских властей в отношении своих христиан не пройдет безнаказанно⁶⁵. Все исследователи, изучавшие материал о разгроме российской миссии, приходят к выводу, что это было преднамеренное политическое убийство⁶⁶.

Особенно много антихристианских выступлений отмечалось в конце 40—50-х годов. Периодически вспыхивали христианские погромы, поводом к которым могли послужить тяжелое материальное положение населения из-за неурожая, зависть к удачливым армянским или грузинским купцам, спор из-за распределения налога среди горожан, даже пустяковая ссора мусульманина с христианином, ловко раздутая и использованная в своих целях представителями местной власти или шиитского духовенства.

В разгар бабидского движения в Тебризе вспыхнул настоящий мятеж, свидетельствовавший об обострении социальных противоречий и чрезвычайно накаленной обстановке. 4 июня 1848 г. тебризская «чернь» и «базар» с криками и угрозами в адрес армян, якобы оскорбивших чувства правоверных мусульман, направились громить армянский квартал — было разгромлено около тридцати домов, имелись жертвы. Одновременно был разграблен и грузинский караван-сарай в Тебризе⁶⁷.

Это было одно из наиболее крупных выступлений против христиан в Иране в середине XIX в. Были расхищены товары и некоторых купцов — российских подданных. Российский посол выразил беспокойство по поводу преследования христиан и беспорядков в пограничных с Россией районах. Хаджи мирза Агаси назначил специального чиновника для расследования причин вспыхнувшего бунта и выявления зачинщиков погромов. В связи со смертью шаха и назначением новых административных лиц в Тегеране и Тебризе рассмотрение дел о бунте и ограблении приостановилось, хотя мирза Таги-хан и распорядился выплатить денежную компенсацию российским купцам.

Новый взрыв антихристианской ненависти произошел в апреле 1850 г. в связи с объявлением тебризского духовенства о якобы имевших место чудесах (исцелении от слепоты и проч.) в одной из тебризских мечетей. Вздуродженное мусульманское население стало «задирать» и оскорблять армян. Армяне прекратили торговлю и занятия ремеслом, укрылись в своих домах. Мусульмане проводили на базарах массовые «совещания», стали раздаваться угрозы убить всех христиан. Тебризские власти начали опасаться,

что антиармянские выступления могут перерасти в выступления против иностранных консульств. Везир предложил российским купцам поменьше выходить из домов, поскольку «масса народа пришла к непослушанию». Он намеревался навести порядок в городе с помощью войска. В связи с продолжающимися восстаниями бабидов тегеранское правительство приняло решение вести вооруженную борьбу с любыми антиправительственными выступлениями и проявлениями народного недовольства. Принц Хамза-мирза и его везир призвали моджтехидов и старост городских кварталов взять на себя «успокоение города»⁶⁹. Обещая содействие, моджтехиды, однако, заявили, что они смогут обеспечить безопасность христиан, если последние не будут препятствовать своим единоверцам переходить в ислам. Два армянина приняли ислам.

Мирза Таги-хан поручил Солейман-хану Афшару навести порядок в городе, поскольку местные солдаты оказались ненадежными, и предложил тебризскому главному моджтехиду шейх-уль-исламу приехать в Тегеран. Это вызвало новую волну возмущений. Закрылись базары. Мусульманские женщины ходили по базарам и улицам с Коранами в руках, обвиняя жителей в трусости и призывая к сопротивлению шахским властям. Лишь заявление мирзы Таги-хана о том, что шах хорошо относится к главному тебризскому моджтехиду и тот волен поступать, как ему хочется, постепенно успокоило город.

Аналогичные антихристианские акты отмечались и в других городах, где было армянское население. В 1848—1849 гг. после смерти правителя Исфахана Манучехр-хана власть в городе захватил его везир мирза Абд-оль-Хосейн и с помощью луты и «шайки разбойников из окрестных деревень» терроризировал город⁷⁰. Они запретили армянам Джульфы общаться с жителями других кварталов города, грабили армянских купцов в городе и на дорогах, убили армянина, появившегося на улице Чахарбаг, и без всякой причины убили армянина в Джульфе. Джульфинские армяне даже боялись выходить из своих домов.

В это же время возник вопрос о покровительстве иранским армянам со стороны английского консула Стивенса, в период междуцарствия получившего разрешение стать кедхудою армян⁷¹. Мирза Таги-хан (после выражения протеста российским послом против вмешательства иностранцев в дела пограничного с Россией населения) отменил фирман и все дестхаты, полученные Стивенсом, заявив, что только шаху и иранскому правительству принадлежит право защищать иранских подданных. Тогда Стивенс стал претендовать на право вмешиваться в дела ассирийцев и послал в Салмас своего представителя для руководства местной общиной. Естественно, что такие действия иностранцев быстро становились известными мусульманскому населению и часто приводили к новым антихристианским выступлениям и преследованиям армян и ассирийцев.

Торгово-экономическое соперничество также нередко оборачивалось для купцов-иноверцев страшной трагедией, спровоцирован-

ными погромами, убийствами, разграблением лавок, караванов и т. п.⁷².

Развернувшаяся в XIX в. деятельность христианских миссионеров в Иране обострила отношения мусульманского и христианского населения и иногда служила поводом для антихристианских выступлений мусульман, в частности против несториан. Наполеон, разрабатывая план похода на Индию, направил в Иран специальную духовную миссию к несторианам Урмии и Салмаса, рассчитывая на их помощь при переходе через Котурский перевал, важный стратегический пункт в этом районе. В 1835 г. в Урмии появились американские миссионеры, в 1840 г. — католики-лазаристы, в 1843 г. — англиканские миссионеры⁷³. Все миссии стали открывать свои церкви и школы, оказывать медицинскую помощь населению, печатать учебники и религиозные книги на ассирийском, европейских и персидском языках. Английское церковное миссионерское общество с начала XIX в. посылало в Иран миссионеров, а затем совместно с другими миссионерскими обществами основало специальную Персидскую миссию (1869—1875) для работы среди мусульман, христиан и иудеев Ирана⁷⁴. Русская православная церковь избрала основным районом своей деятельности северо-западный Иран, где проживали армяне и ассирийцы⁷⁵.

Вначале иранские власти лояльно отнеслись к возобновлению деятельности христианских миссионеров в Иране. В 1836 г. Мохаммад-шах выдал фирман на открытие миссионерской школы в г. Урмии, потом разрешил открывать школы в других городах, свободно распространять христианскую литературу среди армян и ассирийцев. Однако активизация деятельности миссионеров (перевод Нового и Ветхого заветов и других книг на ассирийский и персидский языки, открытие более десятка школ, одной семинарии для мальчиков и одной школы для девочек, переход несториан в протестанство и католичество и т. п.) насторожила власти и вызвала протест шиитского духовенства, потребовавшего прекратить или ограничить деятельность миссионеров. Миссионерская пропаганда дала довольно глубокие корни в среде ассирийцев и армян, однако «угрожающих размеров», о которых говорили ревнители ислама, она принять не могла. Мусульманское население в подавляющей массе пренебрежительно относилось к христианам, а в миссионерах видело «гяуров», проводников вредного западного влияния, и в целом относилось к ним враждебно.

Из католических миссионеров наибольших успехов добился Эжен Борэ (орден Св. Лазаря), который прибыл в Иран в 1837 г. от имени французской Академии надписей. Он открыл миссионерскую школу в Джульфе (Исфахане), а в ноябре 1838 г. направился в Тебриз для организации европейской школы. В 1840 г. он был принят Мохаммад-шахом и получил от него фирман, позволявший свободно проповедовать католичество, открывать миссионерские школы, заключать браки между христианами, вести торговлю⁷⁶.

Миссионеры римско-католической церкви (французской и американской) установили тесные связи с несторианским духовенством

вом (Мар-Юханной, Мар-Шимуном и др.) и в 40—60-х годах проводили работу среди ассирийцев. В 40-х годах в Иране появились архиепископские миссии. В Тебризе и Тегеране действовали «младшие братья и сестры Христовы», проявлявшие наибольшую активность в конце XIX в.

Протестантские миссионеры появились в Иране в начале XIX в. Одного из них, Генри Мартина, Джон Малькольм рекомендовал английскому послу в Иране Оузли как великолепного знатока страны и подходящего человека для развертывания миссионерской пропаганды⁷⁷. Малькольм дал Мартину рекомендательное письмо к одному из богатейших купцов, Джафар-Али-хану, который оказал ему покровительство. Поддержали Мартина и армянские торговцы в Бушире и Ширазе. С помощью перса сейида мирзы Али он стал переводить на персидский язык христианскую литературу. Его проповедь христианства, видимо, была успешной, потому что ширазский моджтехид вынужден был вступить с ним в религиозный диспут и опровергать достоинства христианства. Жалобы на его агитацию среди мусульман и армян дошли до шаха. Единодушное выступление мулл против него заставило Мартина и его компаньона Каннинга отправиться в Тебриз под защиту английского посла, а вскоре покинуть Иран. По мнению английского путешественника Джеймса Фразера, именно Генри Мартин заложил основы деятельности протестантских миссионеров в Иране в XIX в.⁷⁸ План работы протестантских миссионеров в Иране составил Иозеф Вольф, приехавший в Иран в 1824 г.

Со второй половины XIX в. в связи с зарождением буржуазного права в Иране, частичным уравниванием в правах купцов независимо от их вероисповедания, заступничеством иностранных посольств и консульств за иноверцев и более терпимым отношением к ним шаха положение немусульманских общин стало меняться.

Введение таможенной службы, во всяком случае чисто юридически, уравнило торговцев мусульман и немусульман: и с тех, и с других должны были взимать одинаковую пошлину. Несомненно, что реформы в соседней мусульманской стране — Османской империи — вселяли надежду в немусульманское население Ирана, веру в то, что и их положение улучшится. В Османской империи по Гюльханейскому хатт-е шерифу 1839 г. — рескрипту султана Абдул-Маджида, открывшему начало танзимата (реформ), всем подданным было предоставлено формальное равенство в гражданских правах, в 1844 г. — отменена смертная казнь за отступничество, а в 1856 г. новый султанский рескрипт хатт-е хумаюн провозгласил свободу вероисповедания и равенство всех подданных султана. Правда, христиане Османской империи не очень верили в реальность дарованных прав. В Иране — тоже. Но сам факт юридического признания равенства говорил о значительном сдвиге, намечавшемся в мусульманском мире. Сторонники проведения реформ в Иране рассчитывали с их помощью обеспечить охрану жизни, чести и имущества всех жителей Ирана независимо от вероисповедания. Однако подавляющее большинство населения не хотело

соглашаться с принципами, устанавливающими равенство иноверцев с мусульманами. Кроме того, реформы влекли за собой пересмотр некоторых норм шариата. Уже одно это вызывало протест мусульманского духовенства.

Иранское общество не было единым, поэтому и оценка борьбы за религиозное и гражданское равенство была различной. Впоследствии просветители учли степень воздействия ислама на основную массу населения Ирана и заняли более гибкую позицию по религиозным вопросам. Несмотря на неудачу первого реформатора Таги-хана Амир-Кабира, ростки новых общественно-экономических отношений неодолимо пробивали себе путь.

Иноверческое торговое население Ирана было одним из носителей капиталистических форм деятельности и новых норм жизни. Верховная власть учитывала изменившееся положение иноверцев, а отношение основной массы мусульманского населения к иноверцам фактически оставалось прежним. Несмотря на незначительность прослойки немусульманского населения в Иране, оно сыграло определенную роль в экономическом и культурном развитии страны в новое и особенно новейшее время, сохраняя свою старую религию или принимая ислам. Торговые и культурные контакты с Европой способствовали изучению европейских языков и распространению европейской культуры. Видимо, в этой среде вначале прозвучал лозунг французской революции «свобода, равенство, братство». Ненависть к деспотизму, рабству, фанатизму привела к критике существовавших порядков и призывам к прогрессу и модернизации. Примером служила деятельность христиан-просветителей Палестины, переводивших произведения французских философов и просветителей — Дидро, Вольтера, Руссо, Ренана и др. — на арабский язык. Именно там был поставлен вопрос о необходимости реформы арабского алфавита, создания новых слов для передачи новых понятий. Через несколько лет с аналогичными требованиями выступили в мусульманском мире уже мусульманские просветители. В Иране неоднозначно оцениваются деятельность иноверческого населения в XIX в. и его участие в модернизации страны. Несомненно одно, что малочисленность иноверцев и их большая зависимость от действий властей и шиитского духовенства ограничивали их возможности по сравнению с иноверцами Османской империи, вклад которых в развитие капитализма в этом государстве весьма значителен.

АНТИФЕОДАЛЬНОЕ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ БАБИДОВ

Причины движения. Социально-экономический и политический кризис в Иране в середине XIX в. был обусловлен многими причинами.

Из внешнеполитических факторов, оказывающих влияние на политику иранского правительства и настроение активной в политическом отношении части населения Ирана, можно назвать следующие. Англия завершила завоевание Индии и пыталась подчинить себе граничащие с Индией государства. В сферу интересов Англии и России вошли среднеазиатские ханства. Франция вновь, как и в наполеоновские времена, начала активизировать свою восточную политику, о чем говорит захват Алжира, укрепление французских позиций в Ливане, восстановление дипломатических отношений с Ираном и др. Неприкрыто стали проявлять заинтересованность в странах Переднего Востока США, Германия и более мелкие европейские государства. Все меньше оставалось независимых государств в Азии (Османская империя, Иран, Афганистан, ханства Средней Азии, Китай, Япония). Каждое из этих государств понимало нависшую над ним опасность потери суверенитета, превращения в колонию. Две войны с английскими колонизаторами дорого обошлись Афганистану. Афганский правитель Дост-Мохаммад-хан был вынужден лавировать. Распадалась обширная Османская империя. Порабощенные турками народы (славяне, арабы, греки, армяне и др.) боролись за независимость. Европейские державы устанавливали свое влияние и власть в отдельных странах, входивших в состав Османской империи (Алжир, Египет, Ливан), а султанское правительство искало пути укрепления государства (танзимат) и пыталось играть на противоречиях европейских стран.

Иран проиграл две ирано-русские войны и битву за Герат с Афганистаном, не сумел урегулировать отношения с Афганистаном, среднеазиатскими ханствами и Турцией, чему мешали не только взаимные претензии на спорные пограничные территории, но и то, что за Турцией и Афганистаном стояла Англия. Вопрос о туркменах и северо-восточных границах Иран не мог решить без учета позиции России. Такая зависимость внешней политики каджарского шаха вызывала недовольство в стране, причем среди части персидского населения жили представления о вине тюркских правителей за бедственное положение, в которое попал Иран. Не все

могли осознать тот факт, что оставший от европейских держав в социально-экономическом развитии Иран не мог оказать эффективное военное сопротивление ни России, ни Англии и противостоять экономическому натиску капиталистического Запада.

Социально-экономическая отсталость Ирана проявлялась во всем и тоже служила причиной скрытого и явного недовольства. Наиболее наглядна была военная слабость Ирана, его неспособность противостоять внешнему врагу, даже такому, какой была ослабевшая Османская империя. Экономика страны не удовлетворяла ни правительство, ни население. Стала совершенно очевидной неспособность Ирана противостоять и экономическому (торговому) натиску капиталистического Запада, сохранить равноправные отношения с европейскими странами в экономическом отношении, о чем свидетельствуют Туркманчайский договор с Россией, англо-иранский торговый договор и др. В 1837—1838 гг. Иран охватил торгово-финансовый кризис, возникший в значительной степени под влиянием общеевропейского кризиса.

Сравнительно высокий уровень экономики феодального Ирана в позднее средневековье (не считая периодов экономической разрухи в годы войн, междоусобиц и длительных стихийных бедствий) обеспечивал господствующий класс страны достаточным прибавочным продуктом, независимо от способа его получения — за службу или в качестве арендной платы (феодальной ренты). В XIX в. потребности господствующего класса возросли, а способы удовлетворения их были ограничены (отпала, например, возможность обогащения во время войн). Единственным способом увеличения доходов оставалась эксплуатация податного населения. О социальном недовольстве эксплуатируемых крестьян свидетельствовали крестьянские волнения, восстания племен, антифеодальные выступления в городах, большинство из которых находилось под властью отдельных феодалов. Правящие круги не опасались массовых крестьянских выступлений, учитывая фактическую невозможность объединения крестьян и относительную легкость подавления локальных волнений¹. Большую озабоченность вызывали сепаратистские выступления окраинных феодалов, сумевших привлечь иногда принуждением на свою сторону кочевые и полукочевые племена и зависимых оседлых крестьян.

У правящего класса не было сложившейся концепции общественно-политического развития Ирана, хотя отдельные идеи государственного переустройства были у валиахда Аббас-мирзы, каемакама Абу-ль-Касема Фарахани, мирзы Таги-хана. Зрели идеи модернизации иранского государства и у части новой бюрократии Ирана, считавшей, что надо идти по пути танзимата, развития просвещения и культуры. Небольшая часть представителей господствующего класса разделяла идеи бабидов.

Очень чутко и быстро отреагировало на начавшееся развитие капиталистических отношений в Иране шиитское духовенство. Большая часть шиитского духовенства, почти вся его элита была сторонницей сохранения старых порядков и активно выступала

против любых нововведений, касалось ли это политики, экономики, государственного управления или вопросов культуры. Небольшая часть духовенства чувствовала необходимость изменений в государстве, но каких именно — не знала. Стоило ли возвращаться к временам раннего ислама, как призывали ваххабиты, или идти по пути модернизации государства по примеру турецкого танзимата, или искать свой путь для Ирана, отталкиваясь от учений разных шиитских сект, например шейхитов? Эти и подобные проблемы широко обсуждались в духовных кругах Ирана. Недовольство существующим положением привело отдельных представителей шиитского духовенства к бабидам, многие из них возглавили восстания бабидов.

К концу 40-х годов наиболее активным сторонником проведения реформ был мирза Таги-хан. Получив от Насер-ад-Дин-шаха широкие полномочия, он приступил к проведению частичных реформ при неодобрении феодалов и шиитского духовенства и почти полном непонимании реформ не только крестьянством, но и значительной частью торговцев и ремесленников. Положение реформатора осложняло и то, что он пришел к власти и начал проводить реформы тогда, когда в стране уже проводилась агитация бабидов и начались открытые бабидские восстания. В условиях широкого религиозно-политического движения светские мероприятия садр-азама, к тому же приступившего к подавлению бабидских восстаний, стали пользоваться еще меньшей популярностью в стране.

К. Маркс, изучая влияние ввоза европейских промышленных товаров в страны Азии, пришел к выводу, что «ввоз иностранных промышленных изделий имел такое же влияние на китайскую промышленность, какое он прежде оказал на промышленность Малой Азии, Персии и Индии. В Китае прядильщики и ткачи сильно пострадали от этой иностранной конкуренции, это вызвало соответствующее расстройство в общественной жизни»². Это положение Маркса широко известно и обычно приводится для подтверждения мысли о кризисном состоянии экономики азиатских стран к середине XIX в. Нам хотелось бы подчеркнуть, что контакты с буржуазным Западом и развитие новых социально-экономических отношений в этот период сильнее всего затронули торгово-ремесленные слои городского населения и частично крестьян тех районов, которые были тесно связаны с внешним рынком. Все возрастающий поток европейских фабричных товаров менял конъюнктуру иранского внутреннего рынка и пагубно отразился на положении иранских ремесленников, мелких и средних торговцев, обслуживавших внутренний рынок и специализировавшихся на продаже таких же товаров отечественного производства, какие ввозились из Европы. Именно эти социальные слои стали основными участниками бабидских восстаний.

У них было две альтернативы идеологического оформления своих выступлений. Они могли поддержать идею модернизации Ирана — танзимата, т. е. в какой-то степени выступить заодно с мирзой Таги-ханом. Но их увлекли другие идеи нового проповед-

ника Али-Мохаммада Баба, обещавшего установить царство справедливости в Иране, в котором сочетались бы ислам и интересы иранского народа, прежде всего торговцев и ремесленников. Сказались традиционная форма мышления и живущая в народе мечта о социальной справедливости, равенстве людей между собой и перед богом, восстановлении чистоты веры — единственного залога спасения в будущем. По существу, они выступили под сектантскими лозунгами, чтобы противопоставить себя ненавистному кадjarскому режиму, который пользовался поддержкой шиитского духовенства.

В условиях политической и экономической нестабильности, неуверенности населения в будущем из-за нарастания кризисных явлений, боязни нарушения привычного образа жизни и предчувствия неминуемых перемен, как правило, повышается роль духовной жизни, идеологических исканий. В Иране, где религиозность была неотъемлемой частью социальной психологии почти всего населения, увлечение религиозными сектантскими учениями, подвергавшими сомнению истинность и справедливость некоторых ортодоксальных шиитских догм, получило в XIX в. большое распространение.

Правящий класс захватило увлечение суфизмом. Суфиями были садр-азам хаджи мирза Агаси и под его влиянием — Мохаммад-шах. Многие кадjarские принцы изучали суфизм. Суфийские идеи были популярны среди бюрократии, поэтов, ученых, купечества.

Менее обеспеченные слои городского населения больше привлекали учения, которые позволяли выразить свой протест существующему режиму и начать активно действовать. Учение Баба давало такую возможность. По свидетельству официального придворного кадjarского историка Реза-Кули-хана Хедайята, население ожидало появления Махди, большие толпы народа окружали посланцев Баба и с большим вниманием выслушивали их проповеди³. Население было подготовлено к восприятию нового учения, обещавшего лучшую жизнь, справедливость и счастье на земле; к тому же это учение было подкреплено верой в обязательное пришествие мессии (впоследствии Баб объявил себя ожидаемым имамом Махди).

Из внутривластных факторов, способствовавших или выступлениям бабидов или ускоривших их, можно назвать непопулярность династии в Иране; соперничество Кадjarов между собой; перепоручение Мохаммад-шахом всех государственных дел своему садр-азаму хаджи мирзе Агаси, которого ненавидело или презирало население; вмешательство английских и российских миссий и консульств во внутренние дела Ирана, которому не могли или не хотели препятствовать центральное правительство и местные власти; подрывавшие авторитет шахского правительства и наносившие моральный и экономический ущерб государству сепаратистские выступления и др. Смерть Мохаммад-шаха (сентябрь 1848 г.) и последовавшее за ней почти 6-месячное междуцарствие,

несмотря на наличие официального наследника и объявление валиахда Насер-ад-Дина шахом, а также непонимание начатых новым садр-азамом мирзой Таги-ханом реформ и протест против них при имевшемся в стране массовом недовольстве создали в Иране революционную ситуацию.

Народное антифеодалное движение в Иране началось в 40-х годах XIX в. Оно связано с именем сейида Али-Мохаммада, объявившего себя 12 мая 1844 г. Бабом⁴, т. е. «дверью» для постижения единого бога, «вратами», через которые передается учение ожидаемого мессии — имама Махди⁵. Последователи Баба стали называться «баби» (бабиды, бабиты в русской литературе), а вооруженные выступления 1848—1852 гг. вошли в историю под названием бабидских восстаний.

Али-Мохаммад родился 1 мохаррама 1235/20 октября 1819 г. (иногда называют и другие даты его рождения) в Ширазе в семье сейида торговца бумажными тканями⁶. Вначале он по семейной традиции занялся торговлей, но лет через пять отправился в путешествие в священные шиитские города Кербелу и Неджеф, чтобы более основательно ознакомиться с учением новой мусульманской секты шейхитов, о которой он знал, находясь в Ширазе и Бендер-Бушире.

Основателем секты шейхитов был шейх Ахмад Ахсаи с Бахрейна (родился в 1752 г., а умер в Йезде в 1826/27 г.)⁷. Шейх Ахсаи считал, что вся вселенная проникнута божественным началом, а атрибуты бога персонифицируются в его избранниках — пророке, имамах и посредниках (Баб) между скрытым имамом и верующими. Это была еще одна разновидность пантеистического учения. Но самым главным в учении Ахсаи, что привлекло к нему многочисленных учеников и последователей, было учение о перевоплощении имама Махди, который должен был уничтожить несправедливость на земле и установить новые, справедливые порядки. По мнению русского исследователя К. Н. Смирнова, шейхиты выступали за признание единого авторитета при толковании Корана и шариа⁸.

В учении шейха Ахсаи речь шла лишь о нравственном обновлении⁹, а не о социальном переустройстве общества. Но ведь каждый мог понимать это «обновление» по-своему, вкладывать в него иной смысл.

Ислам допускает учение о тарикате¹⁰ — собственных поисках путей познания истины, что ведет к возникновению различных сект и течений, по-разному толкующих отдельные положения Корана и шариа¹¹. Шиизм позволяет высшим богословам-моджтехидам по-своему толковать религиозные законы, а правоверным — выбирать себе в духовные наставники того моджтехида, чье толкование кажется ему более правильным; не считается также предосудительным переход от одного моджтехида к другому. Каждый богослов, отличающийся праведной жизнью, справедливостью, большими богословскими познаниями, оригинальностью толкования или собственным более или менее целостным учением о боге, мире и жизни

ни, находил учеников и последователей, особенно если его учение давало хотя бы маленькую надежду на улучшение жизни, возможность почувствовать себя свободным человеком.

Учение шейхитов привлекало многих своей основной идеей о предстоящем появлении Махди, изменении жизни мусульман в недалеком будущем. В Иране, как показывает перечень учеников этой секты, учение шейхитов было популярным, его придерживались многие духовные лица. Фатх-Али-шах, чтобы ослабить влияние шиитского духовенства, пригласил шейха Ахсаи переселиться в Иран¹¹. Ахсаи принял приглашение и посетил несколько городов, в том числе Тегеран, проповедуя свое учение. Ортодоксальное шиитское духовенство враждебно относилось к проповедям шейхитов. Шейх Ахсаи избрал для местожительства г. Йезд, где смог свободно читать лекции своим последователям. После его смерти главой секты был избран сейид хаджи Казем Решти, который переехал из Ирана в Кербелу, вероятно почувствовав все возраставшее противодействие со стороны шиитского духовенства и не надеясь на поддержку нового шаха. Несмотря на удаление шейха из Ирана, наиболее активными членами секты все же остались иранцы. Среди учеников шейха Казема были Али-Мохаммад, мулла Хосейн Бошруйе, мулла Мохаммад-Али Барфоруши, мулла Юсуф Ардебели, мулла Мохаммад Мамегани, мулла Хасан Гоухар, Керим-хан Кермани и др., большинство из которых впоследствии стали видными руководителями бабидского движения. Наибы шейха Казема были во всех крупных провинциях Ирана.

Али-Мохаммад недолго слушал лекции шейха Казема Решти. Шейх умер в 1843 г. Будто бы перед смертью он предсказал появление в ближайшем будущем Баба — посредника между имамом и верующими, которым будет молодой сейид из Фарса. Али-Мохаммад вернулся в Шираз. Здесь собралась небольшая группа шейхитов, которым он читал лекции по богословию. По предложению муллы Хосейна Бошруйе, местные шейхиты избрали Али-Мохаммада своим муршидом — наставником, главой секты шейхитов. Часть шейхитов не согласилась с выбором Али-Мохаммада и избрала своими наставниками муллу Хасана Гоухара и Керим-хана Кермани.

Новый муршид остался в Ширазе. Он сохранил назначенных шейхом Каземом набов провинций — муллу Хосейна Бошруйе (Ирак-е Аджам), муллу Юсуфа Ардебели (Иранский Азербайджан), хаджи Мохаммад-Али Барфоруши (Мазендеран), Ага-Мохаммад-Али (Иранский Азербайджан) и др., которые были наиболее ревностными последователями шейхизма и сторонниками Али-Мохаммада.

В Ширазе сейид Али-Мохаммад продолжал проповедовать новое учение и слушать лекции популярного шейха Абида. Будучи глубоко религиозным человеком, он стал смотреть на себя как на учителя, призванного богом преобразовать Иран. Себя и своих предшественников он называл «звездами», обещая слушателям появление «солнца». Он призывал доверять тому, кто объявит

себя пророком, хорошо относиться к детям — может быть, среди них объявится новый пророк.

23 мая 1844 г. 25-летний Али-Мохаммад объявил, что настало время пришествия имама Махди, потому что жизнь на земле стала невыносимой из-за притеснений властей и небесных кар — неурожая и эпидемий, из-за людской несправедливости. И вот он, сейид Али-Мохаммад, является Бабом, предсказанным шейхом Каземом, и призван богом стать посредником между Махди и народом и подготовить народ к скорому появлению Махди.

Не все шейхиты согласились с его заявлением. Но у Али-Мохаммада нашлись последователи (первыми в него «увěřовали» 18 человек, которых Баб называл «буквами живого»), которые разнесли весть о появлении Баба в Ширазе, его необыкновенных дарованиях, образованности и благочестии. В Шираз началось паломничество. Если появился истинный посредник между имамом и народом, то как же не повидать его?

Новый муршид мало общался с людьми и говорил немного. Он проповедовал учение шейхитов, внося в него что-то свое, как это принято в каждом тарикате. Своими рассуждениями о жизни, будущем Ирана, предстоящих преобразованиях он сумел увлечь своих пока немногочисленных слушателей. Но в проповедях Али-Мохаммада очень рано появилось нечто отличное от учения шейхитов. Это насторожило некоторых шейхитов, и от него отошли мирза Ахмад Баганшахи (впоследствии он помогал Бабу), сейид Яхья Дараби (впоследствии стал сторонником Баба и возглавил восстание бабидов в Йезде и Нейризе), мулла Мохаммад Мамегани (вынес смертный приговор Бабу) и др.

Баб начал писать. Уже с самого первого сочинения (1844) — «Комментария к суре об Иосифе», которая называется также и «Каййам-уль-Асма», Баб искал цифровые сочетания, которым придавал мистическое или священное значение, например цифровое значение слова «каййам» и Иосиф (Юсуф) равнялось 156¹². Этот комментарий считался среди бабидов самым лучшим из сочинений Баба, поскольку в нем впервые были изложены основные положения его учения и, по мнению Эдварда Брауна, лучше всего отразились жизнь и характер самого Баба¹³. Почти во всех работах Баб обосновывал мысль о возможности и необходимости периодических преобразований в мусульманской общине.

Учение Али-Мохаммада складывалось постепенно. В наиболее полной форме оно было зафиксировано в «Беяне» («Откровении»), в незаконченной книге, написанной Бабом в 1847 г. во время заключения в Макинской крепости. Но основные положения были изложены Бабом еще до его ареста. М. С. Иванов писал: «Баб считал, что человеческое общество развивается последовательно сменяющимися друг друга эпохами. Каждая последующая эпоха превосходит предыдущую и отличается от нее. Каждая эпоха имеет свои порядки и законы. Старые порядки и законы уничтожаются с концом старой и наступлением новой эпохи и заменяются новыми порядками. Сами люди самостоятельно не могут устано-

вить новые порядки и законы. Бог делает это через пророка, которого он посылает людям в каждую эпоху. Предписания пророка даются людям в виде новой священной книги, которая заменяет собой старую. Такими последовательно сменившимися друг друга пророками и их священными книгами, по мнению Баба, были Моисей и его пятикнижие, Иисус и его Евангелие, Мохаммед и его Коран... Эпоха Мохаммеда уже миновала и... Коран и шариат устарели и должны быть заменены новыми законами, которые должен дать людям новый пророк в своей священной книге»¹⁴. Такова была идеалистическая концепция истории человеческого общества, развитая Бабом вслед за шейхами Ахсаи и Каземом. Но концепция Баба отличалась большей стройностью, диалектичностью и была зафиксирована в новой священной книге, призванной заменить Коран. Али-Мохаммад Баб объявил о наступлении новой эры в истории Ирана.

С утверждением Баба о наступлении нового периода в истории Ирана соглашались не только его сторонники, но и противники, поскольку изменения в Иране стали отчетливо проявляться во всех сферах жизни. Какие-то неуловимые новшества входили в жизнь всего государства и каждой семьи. И это вселяло в народные массы чувство тревоги, неуверенности в завтрашнем дне. Шестидесятилетнее правление Каджаров не сделало их популярными в Иране. А Баб и его сторонники открыто проповедовали, что Каджары, хакиды и улемы в наступившую новую эпоху пытаются править лишь на основании Корана и шариата, что вносит путаницу в государственное управление, ведет к угнетению, несправедливости, порокам. По верованиям бабидов, накануне появления Каема должен появиться «реджал-е сефиани» — злейший враг Каема, нечто вроде евангельского антихриста. Таким антикаемом бабиды считали правящую династию Каджаров и этим обосновывали необходимость борьбы с ней¹⁵. Основными виновниками всех несчастий иранского народа, его угнетателями Баб называл каджарских правителей и высшее шиитское духовенство¹⁶. А. Гобино зафиксировал много антиклерикальных моментов в ранней проповеди Баба¹⁷. Поскольку верховная власть, по мнению Баба, должна принадлежать имаму Махди, то он делал вывод о незаконности власти шаха и других светских властей, которые захватили власть силой. «и, следовательно, перед духовным судом — строгое подчинение им обязательно»¹⁸.

Баб объявил Коран и шариат устаревшими в новых исторических условиях, отменил молитву, пост, паломничество к святым местам, обязательную раздачу милостыни. Упрощение обрядности в религии и аскетизм сближает бабидов с христианскими реформаторами — основателями лютеранства и протестанства. Идеи упрощения получили дальнейшее развитие в учении бегаитов. Но учение Баба нельзя рассматривать только как попытку религиозной реформации: в него вошла идея организации нового общества — царства справедливости, в котором будут жить бабиды.

Российский консул Ф. А. Бакулин появление и успешную про-

паганду бабидов объяснял несовершенством государственного устройства Ирана, тяжелым положением народа, который разоряли правители. Он писал: «Политические обстоятельства и, наконец, появление у нас в народе не противоречили идее о возможности появления последнего имама. Сами обстоятельства благоприятствовали ловкому и умному человеку, взявшему на себя роль пророка; умение пользоваться обстоятельствами, совпадение различных пророческих предсказаний быстро подвигают вперед дела подобных пропагандистов. Народ страдает от податей, налогов, богатые наслаждаются всеми благами за счет бедных; в этом случае равномерное распределение имущества — вещь, конечно, весьма заманчивая.

Все люди созданы равными, зачем же существует знать, власти, стоящие выше пролетариев? Коммунизм в самых заманчивых видах, конечно, легко мог завлечь очень многих. Западноевропейские утопии о равенстве, братстве и равномерном распределении богатств с примесью некоторых персидских бредней составили сущность учения Баба»¹⁹.

Дипломатический чиновник мог и не знать, что эгалитарные и утопические традиции на Ближнем и Среднем Востоке существовали с древних времен²⁰. Идеи равенства, необходимости установления царства справедливости, общности имущества, совместной обработки полей, общих запасов хлеба и т. п. существовали в Иране многие века, хотя на Востоке и не возникли утопические учения типа учений Платона, Томаса Мора, Кампанеллы. Но в Иране пытались осуществить эти идеи, о чем говорит движение маздакитов (V—VI вв.). «Бог создал средства существования на земле для того, — говорил Маздак, — чтобы ты распределил их поровну между людьми и ни у кого не было больше, чем у другого»²¹.

Первоначальный ислам также не был чужд эгалитарных идей: в мусульманской общине, созданной Мухаммедом, считалось, что все мусульмане равны перед богом. Пророк осуждал богачей и стяжателей, угрожая им страшным судом. За равенство, общность имущества, труд на благо общины выступали карматы (IX—X вв.) и сарбедары (XIV в.); элементы социальной утопии есть у средневековых поэтов Низами (XII в.) и Джами (XV в.). В дервишеских орденах, в ремесленных организациях были популярны и живучи идеи братства, солидарности (футувва), взаимопомощи. А основатель секты бекташей шейх Бадр-ад-Дин (1358—1416), выступавший за общность имущества, был назван Назымом Хикметом «отцом социализма». Через учения многих шиитских сект красной нитью проходит идея возвращения имама Махди и установления им царства справедливости, равенства, братства и всеобщего процветания. По словам бекташей, «в тот день деньги будут попирать ногами и никто их не будет считать»²². Мечты о равенстве и братстве, о будущем царстве справедливости входили составной частью в представления народных масс Ирана, в основном крестьянства и ремесленно-торговых слоев; они зафиксированы в фольклоре и героическом эпосе, освящены традицией и частично поддержива-

лись религией. И вот в учении Баба конкретно было сказано, что Иран будет первой страной, где установится царство справедливости — извечная мечта обездоленных народных масс.

Баб, по-существу, провозглашал отдельные принципы, на которых покоилось буржуазное общество в европейских государствах, объединял их с оправдавшими себя принципами традиционного устройства иранского общества. Он призывал к созданию царства справедливости, где все люди будут равны. Но это равенство не касалось рабов. Поскольку рабство в иранском варианте не мешало развитию торгово-предпринимательской деятельности, то Баб считал вполне допустимой торговлю рабами. Кроме того, и ислам не осуждал домашнее, патриархальное рабство. Баб провозгласил равноправие женщин с мужчинами и разрешил женщинам снять чадру. Он был сторонником единобрачия и только в крайнем случае допускал двоеженство. Сам он был женат, но вел монашеский образ жизни, за что осуждался шиитскими законниками²³.

Справедливое царство бабидов первоначально должно было быть установлено в пяти провинциях Ирана — Азербайджане, Мазендеране, Ираке Персидском, Фарсе и Хорасане, т. е. в пяти наиболее экономически развитых районах, более других связанных с мировой торговлей. В этом царстве справедливости, по мысли Баба, могли жить только бабиды и иностранцы, которые занимались торговлей. Торговлю Баб считал самым лучшим видом занятий, обеспечивающим благосостояние и дальнейшее развитие общества. Не одобряя путешествия по морю, Баб разрешал морские поездки с торговыми целями. Он отменил все предписания шариата, мешавшие торговле и сношениям с иностранцами, отменил даже джихад — священную войну с «неверными», запретил убивать за инакомыслие и неверие. Баб разрешал взимать ростовщические проценты, запрещаемые исламом, требовал обязательной уплаты долгов, по-новому определял долю наследства жены, детей и других родственников. Он предложил установить единую денежную систему, улучшить пути сообщения и обеспечить свободное и безопасное передвижение купцов, в том числе и иностранцев, наладить почтовую связь. Но наибольшее значение имело провозглашение основного буржуазного принципа — гарантии прав личности и имущества. Этот тезис имел особое значение для Ирана, где необеспеченность личности и имущества, произвол шаха и местных властей, несмотря на существование некоторых норм шариата и обычного права, несколько ограничивавших этот произвол, тормозили развитие частной инициативы и предпринимательства, а в конечном счете и капитализма.

Большое значение Баб придавал просвещению. Он призывал своих последователей учиться, изучать науки — философию и право, постигать логику, изучать иностранные языки²⁴. Это, однако, не мешало бабидам верить в талисманы, особые молитвы.

Таковы, в кратком изложении, основные положения учения Баба. В нем эклектически объединены многие представления о боге, развитии мира, управлении человеческим обществом очерде-

ным посланником бога и его наместниками, о загробной жизни и т. п., характерные для ортодоксального ислама, исмаилизма, суфизма и других религиозно-философских течений на Востоке. Вероятно, правильнее всего сказать, что это было идеалистическое, утопическое учение, облеченное в религиозную форму, не имевшее в XIX в. шансов на успех. Но чтобы понять, почему проповедь Баба в Иране привлекла большое число последователей, беззаветно веривших в истинность этого учения и мужественно шедших на смерть, отстаивая идеалы бабидов, надо иметь в виду большую притягательную силу этической стороны учения Баба, благородные стремления бабидов, их возвышенные цели, а также глубокую религиозность подавляющего большинства населения Ирана, верившего в божественное предопределение — наконец-то появился Махди! — и так надеявшегося на божескую справедливость. Баб увлек «за собой тысячи последователей; люди шли на мучительную смерть за своего учителя и за свою новую веру с таким же восторгом, как христиане первых веков»²⁵.

О Бабе в Иране ходили легенды. Потомок пророка. Из хорошей семьи. С детства отличался мечтательностью, склонностью к уединению и размышлению. Баб производил на всех очень приятное впечатление: стройный, красивый мужчина, с приятными манерами; обращали на себя внимание красивые белые руки проповедника. Он был просто, но очень хорошо, опрятно, элегантно одет. Суфий по внешности. Обаятельный человек. Он был выдающимся проповедником, хотя современники отмечали его немногословие. Говорил он торжественно, смело отстаивал свои мысли и глубоко верил в свое божественное предопределение. Баб был очень осторожен в выражениях, не давал повода обвинить себя в отступлении от Корана и шариата, пока не объявил, что они устарели и должны быть заменены другой священной книгой и законами. Он хорошо знал богословскую литературу, умел вести диспуты на религиозные темы, в совершенстве владел формальной логикой и обосновывал свое учение только на теософской литературе. Долгое пребывание Баба в кругу очень авторитетных мусульманских проповедников — шейхита сейида хаджи Казема Решти, ширазского шейха Абида, ученого Яхьи Дараби, многочисленных мулл — дало ему возможность овладеть разнообразной суфийско-мистической терминологией и широко применять ее в устной речи и в своих писаниях. У Баба выработалась специфическая манера очень туманно, непонятно для непосвященных излагать свои мысли. Он широко прибегал к иносказательности и своеобразному шифру, особенно когда он писал из Макиндской крепости.

Сочинения Баба были написаны крайне непонятным языком. Они очень почитались, но читались лишь наиболее близкими его учениками и последователями. Подавляющее большинство последователей Баба не понимало его учения, восприняв лишь несколько основных положений — о появлении Махди, царстве справедливости, всеобщем равенстве, любви к ближнему и т. п.

Впоследствии, когда через двадцать-тридцать лет после раз-

трома бабидских восстаний начался сбор материалов о бабизме — сочинений самого Баба и его учеников, многие бабиды, свято хранившие эти реликвии и верившие в истинность учения Баба, не могли ни объяснить, ни понять туманных, иносказательных выражений, ни определить значение употребляемых Бабом терминов и имен, скрытых под буквами «Са», «Син», «Ха», «Та» и т. д. Даже такой опытный исследователь, тонко чувствовавший и знавший суть ислама и многих суфийско-мистических учений Востока, как Мирза Казем-Бек, одним из первых изучавший бабизм, вынужден был констатировать, что «сведения об учении смутные, разнородные, неопределенные, нельзя из них извлечь положительной системы»²⁶. Да и более поздние исследователи учения Баба (Эдвард Браун, А. Г. Туманский, В. Р. Розен, А. Л. М. Никола́, М. С. Иванов и др.) ограничились или изложением основной сути учения, или толкованием отдельных мест из сочинений бабидов. Вряд ли кто и сейчас смог бы прокомментировать «Беян» или послания Баба.

Бабиды широко пользовались суфийско-дервишеской терминологией, придавали мистическое значение отдельным словам, буквам, цифровым сочетаниям. Первые ученики и последователи Баба, первые восемнадцать руководителей бабидов назывались «хуруф-е хай» («буквы живого») и были известны в бабидских кружках под псевдонимами, например: мулла Хосейн Бошруей назывался «Баб-аль-Баб» («дверь двери» и «первый, кто уверовал»); хаджи Мохаммад-Али Барфоруши — «Хабиб», а мирза Яхья — «Собх-е Азаль» («Утро вечности»), «Самар-е Беян» («Плод Беяна»); мирза Хосейн-Али — «Беха-Улла» («Блеск божий»), мирза Хади — «убиенный Ха» (был убит в Йезде), Куррат-уль-Айн называли также Заррин-Тадж («Золотая корона»)²⁷. Как правило, Баб присваивал своим ближайшим последователям имена, выражавшие какие-либо свойства бога. Себя Баб также именовал по-разному: Баб, «Сахиб-оль-омр» («господин жизни»), «Самар-е Коран» («Плод Корана»), «Нокте» («Точка») — по аналогии с праведным халифом Али, который называл себя «точкой под буквой „б“» — первой буквы первого слова Корана — или буквой «Вав», числовое значение которой равно шести, что давало Бабу возможность считать себя воплощением шести предшествовавших ему пророков; Адама, Ноя, Авраама, Моисея, Иисуса, Мухаммеда. Впоследствии он объявил себя «Каемом» и, наконец, скрытым имамом Махди.

Из Макинской крепости Баб писал письма своим приверженцам. В них он называл города словами, чаще всего обозначавшими какие-либо свойства Аллаха, числовое значение которых имело для бабидов особый смысл, или отдельными буквами, например: «Фе» (Фарс), «Айн» (Ирак-е Аджам), «Хе» (Хорасан), «Алеф» (Азербайджан), «Мим» (Мазендеран), «Каф» (Керман)²⁸.

В Иране широко распространено убеждение, что цифры и каждая буква алфавита имеют не только числовое значение, но и тайный смысл. Бабиды также придавали некоторым словам и

цифрам особое, таинственное, религиозное значение. В первой фразе Корана «Во имя бога справедливого, милосердного» девятнадцать арабских букв. Это число стало священным у некоторых суфиев и у бабидов, а также слово «вахед» («единый»), числовое значение которого тоже девятнадцать. Вместе с Бабом в бабидской общине было девятнадцать наиболее известных проповедников. Почетное имя «Вахед» получил моджтехид сейид Яхья Дараби, посланный Мохаммад-шахом в Шираз для расследования учения Баба и ставший одним из девятнадцати руководителей бабидов. Баб разделил «Беян» на девятнадцать частей, а каждую часть на девятнадцать глав (из девятнадцати частей Баб написал только одиннадцать).

В письме к своим последователям в Хорасан Баб обозначил город Маку словами «Арз-ал-ба», поскольку числовое значение слова «Маку» равно 72, так же как и числовое значение этого сочетания. Это письмо Баба интересно с разных точек зрения. В нем он писал: «Помогите Хосейну (мулле Хосейну Бошруе.— *Н. К.*), который есть не кто иной, как проявление в „Тайне возвращения“»²⁹ имама Хосейна, сына Али, «коему предки ваши также помогали в борьбе его с Язидом. Он тот же имам Хусейн, а потому помогите ему, собравшись у „Се“», т. е. у мирзы Яхьи Собх-е Азала³⁰.

В этом же письме Баб предлагал бабидам накануне предпологавшейся поездки в город Маку, где в это время находился он сам, предварительно предстать «перед Хабибом в городе, возвышенном (Барфоруше.— *Н. К.*) смиренными и покорными, и где вы будете также приняты „Се“ (мирзой Яхьей.— *Н. К.*) как желанные люди». Хабибом Баб называл муллу Мохаммад-Али Барфоруши.

Даже находясь в заточении, Баб знал, что мирза Яхья Собх-е Азаль пытался проникнуть в осажденную крепость Шейх-Таберси, был арестован и отправлен в Барфоруш. Баб знал также о разногласиях между своими ближайшими последователями — братьями мирзой Яхьей Собх-е Азалем и мирзой Хосейн-Али Беха-Уллой, именуемом в послании Баба «Ха». Он писал: «О люди, преданные Бехи! Войдите в близость „Ха“ (Беха-Уллы.— *Н. К.*)... и помогите „Са“ (мирзе Яхье.— *Н. К.*) на земле. Он тот, который не претендует ни на что и не говорит ничего, кроме как о помощи Господу. Бойтесь и не спрашивайте его ни о чем, потому что он — юноша и необразован (простолудин), и он не знаком ни с наукой, ни с законами»³¹. Это послание говорит о беспокойстве Баба за дела в бабидской общине: он сам и наиболее опытные руководители бабидов могут погибнуть, а оставшиеся на свободе недостаточно подготовлены, чтобы возглавить бабидов, повести их за собой, отстоять и дальше развивать свое учение. Баб чувствовал назревавший раскол среди бабидов и пытался своим авторитетом поддержать Собх-е Азала и других известных ему бабидов, которые могли бы в будущем возглавить общину.

По мнению большинства исследователей бабизма, сейид Али-Мохаммад был религиозным философом, теологом, а не активным

деятелем, способным с оружием в руках отстаивать свое учение. Он был непрактичным человеком, плохо понимал реальную обстановку в Иране, был недалеким политиком³². Он был пассивен и терпелив, сносил преследования и физические наказания. Даже на бегство из ширазской тюрьмы Баб согласился после обещания исфаханского генерал-губернатора защитить его.

Поведение Баба всем казалось необъяснимым: то ли он действительно святой, то ли просто сумасшедший. В пароде Бабу приписывали необыкновенные познания в мистицизме, а странности относили за счет мудрости³³.

Официальный придворный историк Каджаров — мирза Сепехр Лисан-оль-Мольк, очень тенденциозный в оценке бабидского движения и личности самого Баба, — писал, что Баб, вопреки установлениям ислама, вел строгий, монашеский образ жизни и, будучи в Бендер-Бушире, ходил по солнцепеку и помешался, стал полумным, а после смерти своего учителя сейида хаджи Казема вообще рехнулся и стал выдавать себя за Баба («Врата»). Казем-Бек, отмечая возвышенные стремления Баба, тем не менее писал, что сейид в припадке джезба (исступления) объявил себя Бабом³⁴.

Быстро распространявшееся новое учение обеспокоило духовенство и местные власти. В конце 1844 г. Баб в сопровождении Мохаммад-Али Барфоруши и Солейман-хана совершил хадж в Мекку. Его последователи развернули в Ширазе широкую пропаганду его идей, чем взволновали весь город. Возвратившийся из хаджа в Бендер-Бушир Баб был арестован по требованию ширазских улемов и по приказу губернатора Шираза Хосейн-хана Незам-од-Доуле. В Ширазе были арестованы и проповедники Баба. Так начался малый период гонений на бабидов.

В Ширазе Баб предстал перед судом улемов и стал смело доказывать истинность своего учения, за что был осужден, признан сумасшедшим и приговорен к наказанию палками и тюремному заключению. Вначале он содержался в доме дяди, а затем у градоначальника, в общей сложности около шести месяцев, а потом ему удалось бежать из Шираза то ли с помощью исфаханского генерал-губернатора Манучехр-хана Моатемад-од-Доуле, услышавшего о необыкновенном проповеднике и пожелавшего с ним познакомиться, то ли с помощью бабидов, организовавших побег своего учителя. Вероятно, побег организовал известный ширазский ученый сейид Яхья Дараби, утверждавший, что ответы Баба соответствовали догматам ислама и обвинять его в богохульстве было нельзя.

Известно письмо Баба к исфаханскому генерал-губернатору Манучехр-хану, в котором Баб спрашивал, может ли Манучехр-хан оказать ему покровительство, если он приедет в Исфахан. Губернатор обещал ему защиту. Право на въезд в Исфахан он получил и от исфаханского имам-джомэ, в доме которого Баб первоначально остановился. По «Тарих-е джадид», Баб провел в доме имам-джомэ сорок дней. Его посещали и знать, и простолюдины, задавали ему вопросы, и он давал исчерпывающие ответы, объясняя

основы своего учения; многие уверовали в него. Посетил его и Манучехр-хан, и Баб нанес ему ответный визит. Много вопросов задавал Бабу имам-джоме и попросил написать для него комментарий на одну из сур Корана, как он уже написал для сейида Яхьи Дараби. Баб за три часа написал тысячу предложений, что его последователями было расценено как исходившее от бога озарение³⁵.

Взросшая популярность Баба встревожила исфаханских улемов. Они обратились с жалобой к тегеранским улемам и хаджи Агаси на действия исфаханского имам-джоме и губернатора. Имам-джоме отказался от защиты Баба, а Манучехр-хан поселил Баба в своем доме и написал Мохаммад-шаху о нецелесообразности и вреде преследования Баба. Шиитское духовенство, отказавшись от открытого диспута с Бабом, продолжало настаивать на вредности его еретического учения. Чтобы успокоить духовенство и правоверных шиитов, Манучехр-хан заявил, что он отправил Баба в Тегеран. Между тем Баб был тайно помещен в Эмарет-е садри — очень удачно придуманном Манучехр-ханом месте заточения Баба, не вызвавшем особого возмущения бабидов. Здесь с Бабом беседовал Манучехр-хан. Он, видимо, сообщал о поведении Баба и его учении в Тегеран. Баб имел возможность общаться со своими единомышленниками, которые все активнее вели пропаганду бабизма, одновременно обвиняя духовенство и правительство в несправедливом отношении к Бабу.

Ученики Баба, воспринявшие идею преобразования Ирана, стали распространять его учение, находя живой отклик среди торговоремесленных слоев Шираза, а вскоре и других городов, население которых страдало от феодальных порядков и ощущало необходимость свободы для более активной предпринимательской деятельности. Повсеместно начались разговоры о приходе Сахиб-оз-Замана.

Самым приближенным к Али-Мохаммаду был молодой сейид шейх Хосейн, исполнявший обязанности секретаря. Он вел переписку, раздавал молитвы и талисманы, вел переговоры о посещении Али-Мохаммада и т. п. По мнению Мирзы Казем-Бека, сейид Хосейн заботился об увеличении числа бабидов, был сторонником ослабления и уничтожения власти духовенства и правительства. Влияние его на Али-Мохаммада было очень сильным³⁶. Среди наиболее активных сторонников и учеников Баба был мулла Хосейн Бошруйе, считавшийся набом, заместителем или наместником Баба. Современники отмечали убежденность, хорошие организаторские способности, красноречие, энергию Бошруйе. Он пользовался большим влиянием среди бабидов, так как считалось, что он «открыл Баба».

В Иранском Азербайджане возглавил проповедь бабизма мулла Юсуф Ардебилли. Он ходил по деревням, призывал народ достойно встретить ожидаемое появление Махди, восстать против несправедливых властей. Сторонников Баба становилось все больше — в Тебризе, Зенджане, Маку и других городах Иранского Азербай-

джана, а также в деревнях; некоторые деревни под Тебризом считались бабидскими (например, деревня Милан). Не менее важную роль в проповеди бабизма в Иранском Азербайджане сыграл и Ага-Мохаммад-Али, возглавивший впоследствии восстание в Зенджане. Он был одним из последовательных сторонников Баба, призывал народ бороться за освобождение Ирана от тиранов и от шиитского духовенства. Он не отказался от учения Баба и был казнен.

Видное место среди бабидов занимала выдающаяся проповедница Куррат-уль-Айн. Она происходила из известной семьи казвинских моджтехидов; была умной, образованной, очень красивой женщиной и очень рано увлеклась теософией. Она слушала в Кербеле лекции шейха Казема Решти, а потом вступила в переписку с бабидами, познакомилась с Али-Мохаммадом и стала его преданной последовательницей. Она не расставалась с Бабом до его ареста, а впоследствии переписывалась с ним, участвовала в бедаштских собраниях, была среди восставших в Шейх-Таберси. Она выступала в мечетях, говорила об учении Баба, о праве женщин ходить с открытым лицом, о запрещении запирать их в гаремах, о свободе и равноправии женщин, включая право на многоженство, поскольку мужчины имеют право на многоженство. Куррат-уль-Айн воодушевляла бабидов в Шейх-Таберси, поддерживала их мужество и волю к победе. После разгрома бабидов в Шейх-Таберси Куррат-уль-Айн удалось скрыться, но вскоре она была арестована. Она содержалась под арестом в доме тегеранского калантара, но имела возможность при посредничестве одной торговки общаться со своими единомышленниками. За несколько дней до казни Куррат-уль-Айн торговка доставила весь ее архив одному из бабидов, который был секретным агентом - бабидов в Тегеране, «потому и не подвергся преследованию, не подавал повода к подозрению в принадлежности к злополучной секте»³⁷. По наблюдениям А. Ф. Баумгартена, корреспонденции Куррат-уль-Айн «далее назидательного содержания не заходили». Она распространяла «Беян» и другие сочинения Баба и вела главным образом устную пропаганду.

Среди приближенных к Бабу лиц были два брата — мирза Хосейн-Али (Беха-Улла) и мирза Яхья (Собх-е Азаль), сыновья высшего министра финансов Ага-Бозорг-Аббаса, участвовавшего в восстании каджарского принца Батман-мирзы и вынужденного бежать вместе с ним в Россию (впоследствии переселился в Османскую империю и умер в Багдаде). Братья воспитывались под присмотром дяди Ага-хана Нури, известного в Иране англофила, занявшего пост садр-азама после смещения мирзы Таги-хана Амир-Кабира. Будущий основатель нового течения в бабизме — бехаизма, претендовавшего на роль новой мировой религии, мирза Хосейн-Али был очень образованным человеком, знатоком богословия и юриспруденции. По представлениям бегаитов, он помогал Бабу оформлять (или даже писать) его сочинения, в том числе и «Беян». Оба брата были противниками открытого вооруженного

восстания против Каджаров и не принимали участия в выступлениях. Мирза Хосейн находился с Бабом в тюрьме и, якобы по совету Баба, отрекся от его учения. Являясь противником открытого восстания против Каджаров, мирза Хосейн-Али, по мнению С. Н. Григоряна, из-за его отрицательного отношения к народным восстаниям принял участие в покушении на жизнь Насер-ад-Диншаха в 1852 г. и был арестован³⁸. По ходатайству Ага-хана Нури, российского посланника кн. Д. И. Долгорукова или английского посланника он не был казнен и получил возможность уехать из Ирана в Османскую империю.

Младший брат мирзы Хосейна, мирза Яхья, был одним из любимых учеников Баба. После казни Баба он считался его законным преемником и возглавлял бабидскую общину в Иране, а затем в Багдаде, после переселения части бабидов в 1852—1853 гг. в Османскую империю. Ему не удалось сохранить единство бабидской общины. Подавляющая часть бабидов пошла за Беха-Уллой.

Выступление духовных лиц в качестве руководителей движения не вызывает удивления. В XIX в. многие народные, крестьянские, различные религиозно-политические, национально-освободительные движения в странах Азии и Африки возглавлялись представителями духовенства.

На сторону бабидов перешли очень популярные шиитские улемы, например хаджи сейид Джавад Кербелаи. Сейид Джавад, потомок известного шиитского богослова сейида Махди марджолума, ученик шейха Ахмада Ахсаи и Казема Решти, познакомился с Бабом еще до его «объявления» себя Махди и очень быстро стал его приверженцем; именно от него «воспринял свет бабизма» Абу-ль-Фазл Гольпаигани, упоминаемый в истории бабидов «Тарих-е джадид». Уважаемый в шиитских кругах богослов Яхья Дарابي не только перешел на сторону бабидов, но и возглавил восстание в Йезде и Нейризе.

Среди бабидов было много сейидов. Секретарем Баба был сейид Хосейн Йезди; в 1850 г. был казнен сейид Хосейн Зунузи за участие в заговоре против правительства. В движении участвовали многие родственники Баба — сейиды, один из которых был казнен в Тегеране в 1852 г.

Социальный состав бабидов был очень пестрый, что говорит о том, что недовольство существовавшими в Иране порядками охватило все слои общества. Зародившись среди городских торговоремесленных слоев и низшего духовенства, учение бабидов нашло последователей среди богатого купечества, чиновничества, высшего шиитского духовенства, правящей феодальной верхушки. Количество сочувствующих бабидам во всех слоях общества (за исключением, может быть, племен) было велико. Правительственные круги вначале поддерживали бабидов, когда они критиковали высшее шиитское духовенство. Покровители бабидов были и при шахском дворе в Тегеране.

Некоторые должностные лица, в том числе и военные, например Солейман-хан, явно или тайно придерживались учения баби-

дов. Но это были все же единичные случаи. Вероятно, часть лиц, примкнувших к бабидскому движению, преследовала свои личные интересы или надеялась с помощью бабидов отомстить за нанесенные Каджарами обиды. Невелико было и число представителей богатого купечества среди бабидов. На казнь вместе с Бабом пошел популярный бабид Ага-Мохаммад-Али, происходивший из богатого и знатного дома тебризских купцов³⁹. Естественно, что лозунги радикально настроенных бабидов — об общности имущества, уничтожении частной собственности, свободе торговли иностранных купцов — оттолкнули иранское купечество от движения.

Основную массу бабидов составляли мелкие торговцы, ремесленники, духовные лица и крестьяне. Наибольшее количество крестьян примкнуло к бабидам в районе вооруженных восстаний — Барфоруше, Зенджане, Нейризе. Было много бабидов среди крестьян Иранского Азербайджана, особенно из окрестностей Тебриза.

Относительно малая поддержка бабидов крестьянами в других районах и почти безучастное отношение к их учению со стороны кочевников объясняется тем, что кроме общих лозунгов об установлении царства справедливости и всеобщем равенстве бабиды не смогли предложить никакой конкретной программы облегчения участи крестьян, которых интересовали вопросы земельной собственности и землепользования, арендной платы и налогообложения, воинской повинности и судопроизводства и т. п. Бабиды были довольно бедны, поэтому они могли лишь предложить примкнувшим к ним крестьянам питаться из общего котла. Говоря об общности имущества и всеобщем равенстве, бабиды не выдвинули даже идеи уравнительного передела земли.

В бабидском движении видную роль играли женщины. Наиболее известно имя прекрасной проповедницы бабизма Куррат-уль-Айн. Видными бабидками были Ханум Бозорг, сестра мирзы Яхья, а также поэтесса, сестра муллы Хосейна Бошруе. Среди восставших в Зенджане было большое количество женщин, с оружием в руках отстаивавших свои кварталы. Женщины-бабидки Нейриза и прилежащих к нему деревень ушли вместе с мужьями в горы и после поражения восстания разделили с ними тяжелую участь — большинство погибло, а часть была продана в рабство.

Есть сведения, что в бабизм переходили не только мусульмане. Известностью пользовался бабид — еврей Ага-Солейман Кульси. В бабизм переходили и из других сект, например из али-илахов⁴⁰. По свидетельству российского дипломата В. И. Игнатьева, сунниты редко становились бабидами.

Общее число участников бабидского движения не может быть установлено. По мнению мирзы Таги-хана Амир-Кабира, в 1850 г. их было около 100 тыс. человек. Эта цифра, видимо, сильно преувеличена садр-азамом, чтобы показать угрозу правительству со стороны бабидов и свою заслугу в подавлении этого движения.

Пропаганда бабизма встревожила власти и духовенство, особенно когда посланный шахом в Шираз для изучения ереси бабизма моджтехид сейид Яхья Дараби объявил себя сторонником Ба-

ба. В борьбе с бабидами шиитское духовенство солидаризовалось с правительством и местными властями, против которых оно часто выступало в течение всего XIX в. Улемы проклинали бабидов, издавали против них фетвы, распространяли антибабидские прокламации, призывали уничтожить всех бабидов и искоренить бабизм. Они искусно восстанавливали население против бабидов и личным примером показывали, как надо бороться с еретиками.

Шахское правительство вело осторожную борьбу с Бабом и его учением, учитывая психологию и религиозный настрой фанатичного населения, а также возможность использовать сектантов против ортодоксального духовенства. Если многие секты свободно проповедовали свое учение и их не преследовало правительство, то почему же преследовали Баба и бабидов? Мохаммад-шах, будучи человеком религиозным и больным, не отдавал приказа об уничтожении Баба и бабидов. Он считал, что, пока идет борьба бабидов с духовенством, большого вреда от них правительству нет. Кроме того, шах с большим уважением относился к потомкам пророка и не хотел казнить сейида. Позиция хаджи Агаси, этого суфия на посту садр-азама, была двойственной; он то требовал уничтожить бабидов, то обвинял улемов в неправильном отношении к бабидам, что давало последним возможность стать еще более популярными. И он боялся божеского гнева: «Не от человеческой силы все это происходит, а от желания Бога,— писал он,— а потому противостоять бесполезно». И аргументировал свое отношение ссылками на Коран и известных теологов-философов⁴¹.

После смерти Манучехр-хана в мае 1847 г. оставлять Баба в Исфахане стало опасно. Хаджи мирза Агаси решил перевести его в Тегеран. Правительство считало, что изоляция Баба ослабит распространение его учения. В 1848 г. Баб был арестован и помещен в тюрьму в крепости Маку, где он пробыл шесть месяцев. Начался «период больших гонений и избиений бабидов». Видимо, страж Баба, макинский губернатор Али-хан, также боялся своего узника и относился к нему хорошо, что давало Бабу возможность поддерживать регулярную связь со своими единомышленниками. Маку стал местом паломничества для бабидов. Туда потянулось много народа. Среди стражников оказались сторонники Баба, поэтому он имел возможность не только поддерживать связь со своими последователями, но и писать. В тюрьме он провозгласил себя Махди. В общей сложности Баб провел в заключении около семи лет. Его мюриды пытались освободить Баба — выступали против правительства, готовили убийство шаха, начали вооруженную борьбу. Это насторожило азербайджанские власти и главным образом улемов. Российский посол Д. И. Долгорукий просил шахское правительство перевести Баба подальше от границ России. В начале 1848 г. Баба перевели в крепость Чихрик, недалеко от Урмии. Несмотря на приказ хаджи Агаси не допускать связи Баба с внешним миром, местному губернатору Яхья-хану Ильхани, шурину Мохаммад-шаха, не удалось его выполнить. Баб продолжал

переписываться со своими учениками и последователями. Да и народ продолжал стекаться в Маку⁴².

Наследник престола Насер-ад-Дин не хотел вмешиваться в дела бабидов, тем более что хаджи Агаси лично отдавал приказы в отношении Баба и других бабидов. По приказу хаджи Агаси Баба привезли в Тебриз для допроса в присутствии видных улемов и сановников, чтобы успокоить общественное мнение и выяснить, наконец, чему учит Баб и какую опасность он представляет для религии и государства. Вначале к Бабу в Тебризе пускали всех, желавших убедиться, что с ним обращаются по законам шариата. Но когда в городе начались вызванные бабидской пропагандой волнения, власти запретили общение с ним. Было решено устроить духовный суд над Бабом. Главный моджтехид мирза Ахмад отказался участвовать в суде: «В учении Баба все против ислама»⁴³.

Российский генеральный консул Н. А. Аничков доносил 22 апреля/4 мая 1848 г., что на допросе у Баба потребовали доказательств или чудес, подтверждающих его имамство. Баб сочинил стихи и прочитал их. Но это не произвело большого впечатления на слушателей, потому что церемониймейстер валиахда амир Аслан-хан также экспромтом прочитал на ту же тему стихи, да еще с более удачными рифмами. «Тогда Баб сказал, что доказательством его божественного происхождения служит уже и то, что если счесть цифры имени его (Али-Мохаммад) по-индейски, то выйдет та же сумма, как и в слове „рабе“, т. е. „Бог“. Но Бабу возразили: „Мохаммад-Али (имя сына одного из придворных.— Н. К.) имеет такое же число букв. Значит, он тоже бог?»

...Это окончательно сконфузило Баба. На другой день его высекли и отправили назад в Урмию. При сечении он уже положительно отказался от всех притязаний на божественное происхождение и на право основать новую религию. Вообще нетрудно было заметить, что Баб несколько помешался от неумеренного употребления опиума. Он, однако же, сохранил довольно присутствия ума, чтобы отпереться от всякого участия в убийстве казвинского главного муштегида (моджтехида. — Н. К.), которое, как все думают, совершено точно по его приказанию»⁴⁴.

Для выяснения взглядов Баба собрались мулла Мохаммад Мамегани, считавшийся великим мастером вести схоластический богословский спор, религиозный наставник валиахда мулла хаджи Махмуд и другие духовные лица, которые в присутствии наследника начали его допрашивать. Баба «уличили» в плохом знании арабского языка, посмеялись над неудачными стихами, которым Баб приписывал божественное происхождение, но не смогли приговорить его к смерти как еретика, несмотря на утверждение Баба, что он «тот самый Каим, которого вы ожидаете более тысячи лет», т. е. Махди, невидимо управляющий судьбами мира и людей. Баба вновь отправили в Чихрик.

В июле 1848 г. состоялся второй духовный суд над Бабом в Тебризе. Публичного суда, как требует шариат, не было. Баб

был приговорен к смерти. Будто бы Баба спросил у шейхита муллы Мохаммада Мамегани: «Так ты осуждаешь меня на смерть?», а мулла, засмеявшись, сказал, по словам русских дипломатических работников Севрюгина и Мошнина: «Если ты худджет, отврати от себя смерть»⁴⁵.

В Тебризе Баба объявил себя Махди. Это произвело большое впечатление на присутствующих. Но улемы объявили Баба обманщиком, поскольку у Баба отсутствовали признаки, якобы присущие Махди. Тем не менее решение суда о казни Баба не было приведено в исполнение.

Движение бабидов, начавшись в Фарсе (впервые Баба выступил с проповедью в Ширазе), очень быстро перекинулось в столицу, распространилось в Иранском Азербайджане, Мазендеране, Хорасане, Йезде, Исфахане. Любопытна сама география распространения бабизма: наибольший отклик проповедь бабизма нашла в провинциях, теснее всего связанных с европейской торговлей и раньше других испытавших воздействие капиталистического мира.

Народное недовольство в Иране нарастало исподволь и проявлялось вначале в виде единичных выступлений («мятежей») против губернатора, правителя города или местного феодала. Чаще всего стихийно или организованно выступали городские низы: основную роль в этих волнениях играли лути, легко откликавшиеся на призывы местного духовенства. Такие выступления, как Салархана в Хорасане и восстания туркмен, курдов и других племен, хотя и не всегда вызывались социально-экономическими причинами, но, затрагивая интересы различных слоев местного населения, вовлекали в антиправительственные выступления значительные массы, усиливали картину всеобщего недовольства правительством. В 1847—1848 гг. произошли голодные бунты в Хорасане, где население отказалось снабжать продовольствием шахские войска⁴⁶. В 1847 г. выступили лути в Исфахане, произошло выступление ремесленников, мелких торговцев и городской бедноты в Зенджане; в январе 1848 г. начались волнения в Реште из-за слухов о скором свержении шаха и вторжении туркмен. В 1848 г. в Тебризе распространился слух о появлении Махди, и власти с трудом предотвратили массовые волнения; назревал бунт тебризцев из-за преследований секты шейхитов. Обстановка в Иране свидетельствовала о крайнем обострении социальных и политических противоречий. Именно этот момент руководителей бабидов нашли самым подходящим для вооруженного выступления.

Летом 1848 г. бабиды собрались в селении Бедашт, недалеко от г. Шахруда в Хорасане, чтобы обсудить дела бабидской общины после ареста Баба и наметить план дальнейших действий. Уже в Бедаште между бабидами выявились принципиальные разногласия: одна часть их высказалась за вооруженную борьбу с правительством и феодалами, другая — за мирную пропаганду новых идей. Собх-е Азаль и Беха-Улла были против революционных лозунгов левого крыла бабидов и вооруженного выступления. Впоследствии они не приняли участия в восстаниях. Большинство ба-

бидов, однако, поддержало муллу Мохаммад-Али Барфоруши, заявившего, что наступило время создания справедливого царства бабидов, что следует ликвидировать собственность и привилегии феодалов, что все свободны от выполнения повинностей в пользу господ и могут не платить налоги незаконному правительству Каджаров. Все имущество в царстве бабидов должно было быть общим; каждый мужчина и каждая женщина должны были получить равную долю и пользоваться равными правами.

Местные власти разогнали собравшихся бабидов, и они, не оказав сопротивления, разошлись по своим городам и деревням, разнося новые идеи бабидских проповедников.

Смерть Мохаммад-шаха в сентябре 1848 г. вызвала характерное для кадjarского правления междуцарствие, когда многочисленные принцы стали претендовать на шахский престол. Бабиды воспользовались политической нестабильностью и открыто выступили против власти Каджаров⁴⁷. Первое восстание возглавили мулла Мохаммад-Али Барфоруши и мулла Хосейн Бошруйе. Бабиды собрались в Мазендеране в г. Барфоруше и начали вести свою пропаганду и вооружаться⁴⁸. Для борьбы с войском местного правителя у них не было сил, они покинули Барфоруш и обосновались в местечке Шейх-Таберси, где находилась могила почитаемого шейха. Бабидов, к которым примкнули местные крестьяне, собралось до двух тыс. человек. Жили они коммуной, питались из общего котла, выделили специальных лиц для распределения одежды, жилья и т. п. Под руководством муллы Мохаммад-Али Барфоруши была предпринята попытка создать свободное царство бабидов. Но они были окружены врагами: к Шейх-Таберси стали стягиваться силы окрестных феодалов. Бабиды отбили первые атаки и стали укреплять Шейх-Таберси: построили земляную крепость, окружили ее рвом с водой, стали готовить оружие. Оборонной крепости руководил мулла Хосейн Бошруйе. Под его командованием были предприняты четыре удачные вылазки бабидов против местных и правительственных войск. Уже в конце ноября 1848 г. около двух тыс. солдат регулярного войска начали вести планомерную осаду Шейх-Таберси, лишив бабидов связей с окрестным населением. Очень скоро бабиды стали ощущать недостаток в самом необходимом — продуктах питания, одежде, жилье, оружии и даже воде. В одной из вылазок погиб мулла Хосейн. К весне в крепости осталось не более 250 бабидов, и, видя бессмысленность сопротивления, мулла Мохаммад-Али в мае 1849 г. согласился сложить оружие. Главнокомандующий шахским войском, правитель провинции Махди-Кули-мирза, поклялся на Коране, что сохранит бабидам жизнь и отпустит их. Однако все бабиды были казнены. Лишь Куррат-уль-Айн удалось скрыться. Шесть бабидов, в том числе мулла Мохаммад-Али, после жестоких истязаний были казнены в Барфоруше.

Поражение бабидов в Мазендеране не остановило их руководителей в других провинциях. Они стали готовиться к вооруженной борьбе с Каджарами. По всей видимости, вначале бабиды рассчи-

тывали на бескровный переворот. Сам Баб надеялся, что путем пропаганды своего учения он сможет привлечь на свою сторону представителей власти, обратить их в бабизм и затем мирным путем установить справедливое царство бабидов. Впоследствии, когда начались повсеместные преследования бабидов, он стал осторожно говорить о возможности борьбы с властями. Все же, несмотря на вооруженные восстания в Шейх-Таберси, Зенджане, Йезде, Нейризе, террористические акты в Тегеране и Тебризе, число уничтоженных хакимов и ханов было ничтожным, земли крупных феодалов и их имущество не были захвачены.

В одном из посланий Собх-е Азаля к своим приверженцам утверждается, что гибель Мохаммад-шаха и его везира мирзы Агаси («когда [он] преступил пределы справедливости») — дело рук бабидов. «Затем мы наказали мальчика (Насер-ад-Дин-шаха. — Н. К.) с везиром его (мирзой Таги-ханом Амир-Кабиром. — Н. К.) за то, что они сделали в отношении наших сподвижников»⁴⁹. Видимо, для поддержания морального духа бабидов необходимо было даже несколько преувеличить влияние бабидов на ход истории в Иране.

В феврале 1850 г. в Тегеране была раскрыта организация бабидов, готовившая покушение на шаха, Амир-Кабира и высших духовных лиц, обвинявшихся в несправедливом содержании Баба в тюрьме и предательском убийстве мазендеранских бабидов. Большая часть бабидов, используя распространенный и не осуждаемый шиизмом прием отречения от своих убеждений в минуту смертельной опасности, отреклась от Баба, а семь человек были публично казнены, в том числе дядя Баба сейид Ага-Али⁵⁰.

Одним из самых значительных по количеству участников — до 15 тыс. человек — было восстание бабидов в Зенджане, которое возглавил мулла Мохаммад-Али Зенджани. Бабиды заранее подготовили оружие, боеприпасы, продовольствие. Арест бабидов губернатором послужил сигналом к выступлению⁵¹. Половина города оказалась в руках восставших торговцев, ремесленников, духовных лиц, местных крестьян. Бабиды стали проводить в жизнь те же принципы, которые пытались осуществить в Шейх-Таберси: совместное проживание, общее имущество, равноправие всех. С большим трудом, огромной военной силой — против бабидов было брошено 30-тысячное войско — правительству удалось в декабре 1850 г. подавить восстание. Оставшиеся в городе бабиды в 1851 г. вновь стали готовиться к выступлению, но были разгромлены находившимися в Зенджане войсками.

Одновременно вспыхнуло восстание бабидов в Йезде, возглавленное сейидом Яхьей Дараби, но оно было быстро подавлено. Яхья Дараби со своими единомышленниками направился в г. Нейриз, население которого было возмущено беззакониями губернатора и находилось в состоянии крайнего возбуждения. Проповедь бабидов привлекла к себе массы недовольных и придала их выступлению характер бабидского восстания.

Правительство принимало различные меры для подавления

движения бабидов. Превосходящими военными силами ему удалось разгромить бабидов в Шейх-Таберси, Зенджане и Йезде. Но проповедь бабизма была настолько эффективна, идеи бабизма находили такой широкий отклик среди населения, что мирза Таги-хан Амир-Кабир и весь шахский двор не без оснований считали, что только военной силой с бабидами не справиться. Антибабидскую пропаганду развернуло шиитское духовенство, призывая в мечетях отказаться от еретического, противного духу ислама учения. Власти распространяли сфабрикованные слухи об якобы имевших место жестокостях бабидов, их насилиях над жителями, о надругательствах над верующими, убийстве казвинского моджтехида в мечети, о массовых кровопролитиях. Шиитское духовенство уличало бабидов в безбожии, безнравственности, бессердечии и призывало правоверных бороться с ними. Подавляющее большинство населения верило своим духовным наставникам и не сочувствовало бабидам. Мирза Таги-хан настаивал на казни Баба, мотивируя это тем, что «пока он жив, хотя и находится в заключении, его приверженцы и последователи из духовенства и мирян не успокоятся и будут постоянно поднимать знамя восстания, и я опасаясь, что это может со временем превратиться во всеобщую революцию и приведет к свержению теперешней династии. Поэтому, если желаете спокойствия Вашему царству, то ничего не остается другого, кроме того, что Вы должны дать мне согласие разрешить вырвать зло с корнем. Вы видите, с какими трудностями для нас, с каким ущербом для государства и народа и с какими жертвами среди офицеров и солдат мы подчиняем в Зенджане группу крестьян и ремесленников, руководимую одним духовным лицом, которое уверовало в претензию, выдвигаемую этим человеком»⁵².

Вначале шах не соглашался на казнь Баба, поскольку сейидов-потомков пророка, если они обвинялись в каких-либо преступлениях, обычно высылали из страны. Но затем шах согласился с аргументацией мирзы Таги-хана и разрешил казнить Баба. Моджтехид сейид Ага-Али Зунузи дал фетву, разрешающую казнить Баба⁵³.

В июне 1850 г. Баб был привезен в Тебриз и заключен в арсенале⁵⁴. Перед казнью его водили по улицам, чтобы население могло удостовериться, что Баб жив, а не исчез, как Махди. 19 июля 1850 г. он был расстрелян солдатами из христианского полка Самсон-хана, поскольку власти все же не рисковали поручить казнь солдатам-мусульманам. Н. В. Ханыков, исполнивший обязанности генерального консула России в Тебризе, сделал рисунок — лежащее тело казненного Баба.

18 июля 1850 г. Аничков доносил, что Баб казнен. «Беспорядков при этом не произошло благодаря обдуманному действию здешнего начальства. Оба осужденные (Баб и Ага-Мохаммад-Али.— Н. К.) встретили смерть мужественно, не прося пощады и не обличая ни малейшим словом своих страданий. Особенно Мохаммад-Али выказал необыкновенную твердость характера... Оба расстреляны солдатами, которые, по непривычке к такого рода

казни, обратили ее в совершенную пытку. Тела казненных выброшены были потом за городские ворота и съедены собаками»⁵⁵. По бабидским источникам, тело Баба было похоронено, а впоследствии перевезено в Багдад, а затем в Акку.

Казнь Баба произвела большое впечатление на бабидов — они все же надеялись, что правительство не решится на такой шаг. Потеря идейного лидера несомненно ослабила их. Правда, Баб неоднократно провозглашал, что он не закончит начатого дела, что на смену ему придет другое лицо, «чи слова лучше тысячи „Беянов“». Когда же придет тот, кого «проявит» Баб, начнется «восстание Беяна», который теперь еще в зародыше, и что только при новом пророке «будут срывать плоды деревьев, посаженных [ныне]»⁵⁶.

Положение в бабидской общине было тяжелым: ее члены фактически остались без руководителей. Наиболее активные бабиды погибли, лишь в Нейризе возглавлял восстание сейид Яхья Дараби. Своим преемником Баб назначил Собх-е Азаля, но его влияние было недостаточно велико, чтобы возглавить движение. По словам первого бабидского историка мирзы Джани Кашани, «после заката солнца истины стяги раздора и сомнений поднялись со всех углов и сторон. Каждый манифестировал и тайне питал честолюбивые замыслы»⁵⁷. Наибольшим влиянием пользовались мулла шейх Азим из Торшиза [Джанаб-е Азим], Куррат-уль-Айн, хаджи Солейман-хан, Собх-е Азаль и его брат мирза Хосейн-Али Беха-Улла. Но разногласия между ними выявились еще во время собраний в Бедаште.

Единых взглядов на дальнейшую деятельность бабидов не было. Часть бабидов решила ожидать обещанного Бабом нового пророка. Другие придерживались тактики террора, готовили покушение на Каджаров, сановников и духовных лиц. Немногие надеялись поднять новое восстание, отомстить за смерть Баба и казненных бабидов и попытаться осуществить первоначальную программу бабидов.

Даже участники продолжавшегося восстания в Нейризе не рассчитывали на установление царства справедливости на земле. Им грозило физическое уничтожение, и они отчаянно сопротивлялись. Правительство бросило все силы на подавление бабидского движения. С помощью войск, присланных губернатором Шираза, и обмана властям удалось выманить бабидов из нейризской крепости и расправиться с ними. Оставшиеся в живых вместе с семьями покинули Нейриз и окрестные деревни и ушли в горы, откуда неоднократно делали вылазки в Нейриз; во время одной из них они убили нейризского губернатора. Против бабидов были посланы ополчения нескольких племен. Второе восстание в Нейризе было подавлено, захваченных бабидов после жесточайших пыток казнили; часть женщин и детей продали в рабство.

В 1852 г. было совершено покушение на шаха — он был ранен. После пыток один из задержанных сказал, что бабиды собираются в доме Азима в Заргянде. Прислуживавший в доме мальчик выдал

имена всех бабидов. Все они были арестованы и казнены, кроме мирзы Хосейн-Али Беха-Уллы. После покушения на шаха в 1852 г. последовали новые казни. По словам Эдв. Брауна, в этом «кровавом деле приняли участие все — инфантерия, кавалерия, артиллерия, гулямы шахской гвардии, цехи мясников, пекарей и т. д., сам шахский двор»⁵⁸. Правительству важно было привлечь к расправе над бабидами различные группы населения.

Бабидам больше не удалось поднять восстания, а после террористических актов начались массовые казни бабидов по всей стране. Бабиды были обескровлены, запуганы массовыми преследованиями и казнями, а некоторые перестали верить в успех борьбы с каджарскими правителями. Нельзя не воздать должное мужеству и выдержке бабидов, выступивших против объединенных сил правительства, феодалов и шиитского духовенства и с оружием в руках отстаивавших свои идеалы.

Бабидское движение, охватившее многие провинции Ирана и втянувшее в антифеодальную борьбу большие массы населения, по своей социальной и политической значимости стоит в одном ряду с крупными народными движениями середины XIX в. — народным восстанием в Индии и народной войной тайпинов в Китае. Восстания бабидов показали, что иранский народ был полон решимости бороться за лучший общественный порядок. «Причины, породившие политический бабизм, все еще волнуют слои образованного общества в Персии», — писал Мирза Казем-Бек в 1865 г.⁵⁹ Были и психологические объяснения успеха бабизма в Иране. По словам В. П. Никитина, хорошо знавшего страну, «душу Ирана, мятущуюся и беспокойную, не перестают терзать религиозные сомнения и искания... Иранец... склонен к спекулятивному мышлению, и нигде, как в Иране, не было столько ересей, выражения протеста в форме религиозной»⁶⁰.

У бабидов не было боеспособной армии; они были плохо вооружены: случайно купленного, трофейного или самодельного оружия было недостаточно. У них не было ни конницы, ни артиллерии. Подавляющее число бабидов были выходцами из городских слоев, не служивших в армии и не имевших навыков военного дела. Среди бабидов не было военачальников, способных создать боеспособную армию, не было военного вождя, чтобы увлечь за собой регулярные воинские части или иррегулярные ополчения. Наиболее знающим военное дело был Солейман-хан, но он оставался в Тегеране и практически не оказал квалифицированной помощи восставшим бабидам. А без создания повстанческой армии трудно было рассчитывать на успешное завершение восстаний. Бабиды не вели пропаганды в воинских частях и не ставили задачу уничтожения шахской армии.

И хотя восставшие обладали высоким моральным духом, соznавали справедливость начатой борьбы, были кровно заинтересованы в победе, самоотверженно сражались и знали, что им пощады не будет, они не смогли противостоять даже такой плохо вооруженной и недисциплинированной армии, которой располагала-

ло правительство. Бабиды не могли организовать наступление, они только оборонялись, изредка делая вылазки против осаждавших их войск. Они не были подготовлены к ведению длительной борьбы с шахским правительством. Они не могли обеспечить себя продовольствием и боеприпасами — районы восстаний были невелики и правительственным войскам легко удавалось изолировать бабидов от окрестного населения. Сказались, безусловно, локальность и одновременность выступлений. Феодальная верхушка смогла собрать силы и подавить антифеодальное движение в стране.

Но выступление бабидов сыграло свою положительную роль в истории Ирана именно как первое антифеодальное выступление на заре капитализма в Иране, как предтеча социальных движений нового времени. Восстания бабидов оказали значительное воздействие на политику шахского правительства. Они заставили правящие круги предпринять не только меры по физическому уничтожению бабидов, но и признать как одну из первостепенных задач — необходимость модернизации экономики, армии, государственного управления. Бабиды заставили задуматься о путях дальнейшего развития Ирана. Из бабидов вышли бехаиты, бабиды разбудили некоторых мусульманских реформаторов, в том числе Джамал-ад-Дина Афгани, оказали влияние на просветителей Ирана и даже на ортодоксальное духовенство.

По мнению современного исследователя роли шиитских улемов в истории Ирана XIX в. Хамида Алджара, выступление бабидов и провозглашение бехаизма имели большое значение не только для Ирана, но и для всего Среднего Востока. На всех произвели большое впечатление заявления Баба и Беха-Уллы о ненужности и даже вредности шиитских улемов, которые считали себя духовными руководителями народа⁶¹.

Бабизм не нанес удара по ортодоксальному шиизму. Учение Баба рассматривалось шиитскими моджтехидами как одно из сектантских течений шиизма, не больше. Выход же бехаитов со своими идеями на мировую арену позволил ортодоксальному шиитскому духовенству вообще не считать бехаизм шиитской сектой или считать еретической сектой, аналогичной многим другим, осуждаемым и преследуемым исламом. Шиитские улемы активно включились в преследования бабидов, бехаитов, шейхитов и близких к ним сект, например четырехстолпников [руки-е раб]⁶², которые повсеместно проводило шахское правительство. А со второй половины XIX в. само шиитское духовенство стало выступать в качестве одного из идеологов борьбы с иностранным засильем в стране, с крайностями шахского режима, что наиболее ярко проявилось в период движения против табачной монополии и в годы иранской революции 1905—1911 гг.

Бабидское движение породило много легенд и всевозможных рассказов, так как бабиды, мужественно встречавшие смерть и подвергавшиеся различным притеснениям, заслужили в народе славу мучеников, а запрет властей что-либо писать, даже упоминать о них привел к возникновению неправдоподобных рассказов

о жизни, учении, выступлениях бабидов и их казни. Особенно много легенд было о Бабе и Куррат-уль-Айн⁶³.

После подавления бабидских восстаний правительственный террор свирепствовал еще долгое время. Аресты и казни проводились в связи с раскрытием деятельности близких к бабидам сект, террористическими актами бабидов, появлением бабидских воззваний. Чаще же под предлогом борьбы с бабидами иранские власти подавляли любое недовольство в городах и селениях и расправлялись с неугодными им лицами. Например, ширазские власти, желая воспользоваться состоянием трех братьев сейидов, обвинили их в бабизме (1879 г.). Правитель Фарса Зелл-е Солтан приказал двоих из них казнить и конфисковать их имущество, чем вызвал недовольство населения⁶⁴. Бабида тщательно скрывали свою принадлежность к этой секте независимо от того, приняли они бехаизм или продолжали придерживаться учения Баба. «Почти невозможно что-либо узнать о них достоверное: бабид не откроет, из-за боязни, своих верований даже и европейцу, ибо одно подозрение в принадлежности к этой секте влечет за собою для подозреваемого смертную казнь, если он не успеет откупиться деньгами. Персидские правители сумели даже и секту эту обратить в доходную статью для себя: понадобятся им деньги — они сейчас и обвинят какого-нибудь состоятельного человека в бабизме; тот и платит»⁶⁵. Избиения бабидов произошли в Исфахане, Неджефабаде, Иезде и других городах⁶⁶. Многие бабида, главным образом из торгового сословия, из-за преследований переселились из Шираза в Иезд, где вместе с парсами способствовали развитию торговли в этом городе. Возможно, некоторые парсы перешли в бабизм⁶⁷.

Сопротивление бабидов продолжалось. В 1866 г. приехавший из Хорасана бабид убил в Тебризе сейида. При обыске у него нашли Кораны, исправленные в соответствии с учением бабидов и бехаитов, и около 90 писем, адресованных бабидам Ирана и Турции. В связи с этим в Тебризе и Тегеране было арестовано около ста человек⁶⁸. В Исфахане, население которого довольно равнодушно отнеслось к проповеди Баба и его единомышленников, в конце XIX в. насчитывалось несколько сотен бабидов. В мае 1903 г. в Исфахане и пригородах по подстрекательству шиитского духовенства во главе с моджтехидом Ага Неджефи было убито и сожжено несколько десятков бабидов, около 300 человек укрылось в русском консульстве, поэтому российский консул Барановский вынужден был обратиться за помощью к губернатору Зелл-е Солтану. С 1850 по 1886 г. в Иране произошло более пятидесяти восстаний, преимущественно на окраинах государства. По свидетельству историка Лисан-оль-Молька, в Центральной провинции, в Иранском Азербайджане, Фарсе и Белуджистане произошло по два восстания, в Луристане — 5, Курдистане — 7, Горгане и среди хорасанских туркмен — 30, в Хорасане, Кермане и Хузестане — по одному⁶⁹. Некоторые из этих восстаний приписывались бабидам.

Спасли бабидов от уничтожения сокрытие ими своих взглядов, сочувствие и поддержка соотечественников, а также защита со сто-

роны европейских миссий и консульств. Но и европейцы не всегда могли покровительствовать бабидам. «По поводу последних жестоких казней в Йезде, — писал В. И. Игнатьев, — ни один из европейских посланников не решился сделать шаху заявление в пользу угнетаемых, — не из опасения вызвать неудовольствие шаха и его министров, а чтобы не вооружить против себя остальное население, несомненно враждебно относящееся к бабидам, в особенности все- сильное духовенство»⁷⁰. В 1896 г., когда в Бушире было убито 25 бабидов, англичане не вмешивались в события. Но в 1898 г., во время спровоцированной духовенством резни бабидов в Хорасане, английский консул заявил протест иранскому правительству: видимо, среди этих бабидов у англичан были свои агенты⁷¹. Репрессии, обрушившиеся на бабидов, были настолько жестоки, что многие бежали из Ирана. Но не все.

Во многих городах Ирана сохранились бабиды, о чем говорит наличие кварталов, называвшихся махале-йе бабиан, и бабидских кладбищ. В конце XIX в. около 300 бабидов проживало в Кашане, 50 — в Кайне; в Йезде и окрестностях около 3 тыс., в Кермане — около одной тысячи бабидов. Судя по описаниям Эдв. Брауна, П. Риттиха, д-ра Шеталова и др., они были бехаитами, но бережно сохраняли и переписывали сочинения не только Беха-Уллы, но и Баба⁷², хранили автографы Баба, Куррат-уль-Айн и других бабидских проповедников. Российский консул Ф. А. Бакулин, живший в Иране в 1865—1879 гг., собрал много материалов по бабизму, в числе которых был прекрасный экземпляр персидского «Беяна».

После разгрома вооруженных выступлений бабидов уцелевшие бабиды и родственные им секты перешли к разработке теологических и этических основ своего учения. Наибольшее распространение получил бехаизм.

Европейцы о распаде бабидской общины и трансформации бабизма в бехаизм узнали в конце 80-х годов. С этого времени начинается второй период изучения бабизма и бехаизма в европейской историографии. Некоторые исследователи возникновение и особенно развитие бехаизма непосредственно связывают с деятельностью английского капитала и английских представителей в Иране, включая английских миссионеров, что давало возможность англичанам широко использовать бехаитов в своих интересах.

С. Н. Григорян рассматривает бехаизм исключительно как «идеологическое выражение своеобразного реформизма, направленного против народных восстаний 1848—1852 гг. и оправдывавшего иностранное проникновение в Иран»⁷³. Бехаизм, генетически связанный с бабизмом, по существу является новым космополитическим явлением, порожденным исторической действительностью второй половины XIX в. Основатель бехаизма жил в Османской империи, а его последователи — представители разных слоев населения с преобладанием интеллигенции и купечества — в разных странах мира. Среди руководства бехаитской общины (секты) было много лиц, связанных с международной торговлей, что позволя-

ло мировому капиталу использовать организацию бехаитов в своих интересах. Очень тесной была связь бехаитов с Англией, а впоследствии — с США. По мнению В. И. Игнатьева, «бабиды никакой будущности не имеют». В письме к В. Р. Розену он писал 25 марта [6 апреля] 1892 г.: «В будущности бабидов сильно сомневаюсь. Они сами не знают, в какой степени они сильны, — сколько их (может быть, скрывают)... о распространенности бабидов в Персии [в разгар бабидского движения можно высказать] лишь гадательные суждения, но есть основания предположить, что число последователей Баба достигает миллиона. Они рассеяны во всех слоях населения, не исключая и высшего класса. Еще труднее судить о том, насколько успешна их пропаганда учения Баба в настоящее время. Среди суннитов последователей незначительно»⁷⁴.

Небольшая группа бабидов укрылась от преследований в Турции. Туда бежал Собх-е Азаль и несколько его приверженцев. В Турцию был выслан и Беха-Улла. С разрешения турецких властей бабиды поселились в Багдаде. Там же находился и их третий брат—мирза Муса (Ага-джан). Вскоре в Багдаде собралось около ста бабидов с женами и детьми. Они получили небольшое пособие от турецких властей (7 тыс. пиастров на всю общину; 5 тыс. — сторонникам Беха-Улы и 2 тыс. — Собх-е Азалю) и занимались торговлей и ремеслами, отличаясь большим трудолюбием. Жили они общиной; всеми делами вскоре стал распоряжаться Беха-Улла, хотя формально главой бабидов считался мирза Яхья Собх-е Азаль. Вновь прибывшие бабиды все свое имущество отдавали в общину. Они приняли турецкое подданство и выдавали себя за суннитов⁷⁵. Иранское правительство лишило бабидов подданства и конфисковало их имущество. Посол Ирана в Турции неоднократно требовал запрещения проповеди бабизма и выселения бабидов из Багдада.

Между Собх-е Азалем и Беха-Уллой очень скоро начались разногласия по основным догматам бабизма и по управлению бабидской общиной. Беха-Улла уехал из Багдада в Курдистан, где прожил два года. Религиозный пыл общины стал остывать. Беха-Улла вернулся в Багдад. Отношения среди эмигрантов были очень сложными из-за поражения движения, гибели друзей и близких, потери надежды вернуться в Иран, из-за материальных затруднений. По словам Беха-Уллы, «такой ненависти, зависти и злобы не появлялось и не появится». По мнению В. В. Бартольда, раскол произошел не из-за догматических споров, а на почве личного соперничества братьев, претендовавших на главенство в общине⁷⁶. В 1858 г. Беха-Улла, занимавшийся еще в Иране разработкой морально-этической стороны учения бабидов, написал одно из своих первых сочинений — «Икан», трактат для доказательства истинности именно его толкования учения Баба. Это еще больше обострило отношения между братьями, и Собх-е Азаль, маскируясь под еврея, уехал в Басру, а затем в Мосул. В 1862 г. в Неджеф прибыл из Тегерана по поручению шаха шейх Абд-оль-Хосейн Факих для ремонта куполов шиитской святыни в Каземейне. Собравшиеся шиитские улемы решили издать фетву против бабидов, но главный

моджтеhid шейх Мортаза Ансари не согласился на фетву, ставившую оставшихся бабидов вне закона. Факиху не удалась и попытка поднять шиитов против бабидов из-за запрета багдадского губернатора Неджеф-паши устраивать в его пашалыке беспорядки, поэтому он через иранских консула и посла потребовал удаления бабидов из Багдада. Турецкое правительство приняло решение переселить бабидов.

Накануне выезда из Багдада, 22 апреля 1863 г., Беха-Улла объявил себя «тем, кого проявит бог», т. е. предсказанным Бабом новым пророком, и с этого времени стал говорить от имени бога, называть все свои писания лаухами, скрижалями. Бабиды были переселены в Стамбул, а в декабре 1863 г. — в Адрианополь. Здесь Беха-Улла объявил себя богом. Разногласия между братьями приобрели такой острый характер, что они стали организовывать убийства своих противников. В конце июля 1868 г. губернатор Адрианополя получил предписание от верховного везира Али-паши переселить бабидов на один из островов в Средиземном море. По мнению управляющего российским консульством в Адрианополе Н. П. Игнатьева, турецкое правительство приняло это решение под давлением иранского посла в Порте мирзы Хосейн-хана. Власти арестовали всех бабидов и поместили в тюрьму, а Беха-Уллу держали под домашним арестом. Все имущество бабидов было продано якобы для уплаты долгов. Накануне отъезда в Акку (Акру) в Палестине Беха-Улла разослал всем местным консулам протесты против несправедливого отношения к ним турецких властей, прося разрешения поселиться где-нибудь в Европе. Бабиды очень боялись, что их выдадут Ирану. На запросы консулов турецкое правительство ответило, что иранское правительство не имеет никакого отношения к адрианопольским бабидам, поскольку они являются турецкими подданными, а бабидов решено переселить из-за их влияния на умы мусульман (есть сведения, что учение бабидов стало распространяться даже среди высших чиновников Стамбула).

Чтобы пресечь распространение бабизма, была создана специальная комиссия для рассмотрения бабидских произведений. Кадий Адрианополя нашел все сочинения бабидов еретическими. По заключению шейх-уль-ислама книги бабидов были признаны вредными, и их публично сожгли. В 1886 г. Беха-Улла со своими сторонниками был переселен в Палестину⁷⁷, а Собр-е Азаль по его настоятельной просьбе — в Фамагусту на о-в Кипр. Последовавшую вскоре смерть Али-паши и министра финансов Фуад-паши бабиды объявили божьим наказанием за несправедливое отношение к бабидам⁷⁸.

Впоследствии бабиды-бехаиты расселились по Османской империи. Часть бехаитов проживала в священных шиитских городах Каземейне, Кербеле и Неджефе. Турецкие власти их не преследовали. По свидетельству российского консула П. Е. Понафидина, бабиды жили тихо и скромно и занимались исключительно торговлей. Они отказывались от военной службы, иногда даже про-

силы покровительства у иранского консула. В Акке бехайты занимались земледелием (стали земельными собственниками), ремеслами и торговлей. В этом городе в 1872—1873 гг. Беха-Улла написал «Кетаб-е Акдес», считающуюся священной книгой бехайтов, — сборник главнейших установлений бехайтов. В посланиях Беха-Уллы своим последователям уточнялись основные принципы его учения. Так, в послании «Благие вести» говорилось о том, как должны себя вести бехайты в иноверческой стране⁷⁹.

Бехайты считают, что общество развивается эволюционно, без скачков и революций. Они отрицают классовую борьбу, но признают, что частная собственность возникла из-за разных способностей и активности людей и привела к классовому обществу. Но поскольку все люди — братья, человечество идет к миролюбивому государству, единой нации. Впоследствии их аргументация изменилась: развитая система капитализма с ее широкими и всеобъемлющими экономическими связями ведет к созданию единого мирового хозяйства, для эффективного функционирования которого необходимо регулирование и планирование со стороны единого мирового государства. Дальнейшее развитие человечества поведет к возникновению единой мировой культуры и единого мирового языка.

Пацифизм, отказ от классовой борьбы, всеобщий мир — основа учения Беха-Уллы. Он призывал отказаться от применения насильственных мер борьбы, считая, что надо критиковать неразумные, устаревшие религиозные догмы и несправедливую, антинациональную политику светских властей и постепенно реформировать мир. Новое учение (религию) необходимо создавать в соответствии с наукой и разумом. Призывая к миру, бехайты вели упорную борьбу со сторонниками Сбх-е Азалья, находя оправдания для физического устранения своих противников⁸⁰. Беха-Улла считал, что Баб был неправ, отменяя частную собственность и проповедуя идеи утопического коммунизма. Частная собственность должна сохраниться. Но придавать особое значение материальной стороне жизни не стоит, ибо имущество этого мира непостоянно, и то, что подвергается уничтожению и изменению, не достойно внимания.

«Задаваясь создать новую религию такого эклектического характера, как необабизм, нельзя, думаю, было Беха-Улле отказаться от всякой тени прозелитизма», — писал А. Г. Туманский В. Р. Розену 22 октября/3 ноября 1892 г. Беха-Улла так много писал, что Туманский имел все основания сказать о написанном им — «действительно „море“ словоизвержения»⁸¹.

Несомненно, что проповедь бехайтов имела успех на юге Ирана⁸². По свидетельству Н. Шеталова, треть мусульманского населения города Йезда считалась бабидами⁸³, может быть, потому, что здесь поселились некоторые родственники Баба. В Кермане к секте бабидов принадлежало «до 33% населения, если не больше», много бабидов было в Кайне, бабидами были сын хана Тебеса и приближенные правителя⁸⁴. «Пропаганда бабидов продолжается повсеместно, и Бог (Беха-Улла.— Н. К.) в постоянных сношениях

с верующими: по крайней мере, раз в месяц через Шахруд проходит корреспонденция от него в Хорасан и обратно, разумеется, весьма секретно»⁸⁵.

Бехаиты часто контактировали с иностранцами и с иранскими христианами, парсами, евреями. Они помогали европейским исследователям бабизма собирать материалы о бабидском движении. Например, Эдвард Браун получил от одного мешхедского еврея, принявшего в 30—40-х годах ислам, а затем бехаизм, материалы о бабидах, в том числе бомбейское издание «Записок путешественника», в которых излагается бехаитская версия бабизма. «Официальная» история бабидов после их эмиграции из Ирана в Османскую империю (1852) до 1877 г. изложена Беха-Уллой в сочинении «Сурат-уль-Мулюк».

К концу XIX в. бехаитская община уже не считалась иранской; она приобрела характер международной религиозной секты (или космополитического течения), управляемой Беха-Уллой. После его смерти 16 мая 1892 г. главой бехаитов стал его сын Аббас-Эфенди. Потомки Беха-Уллы до сих пор возглавляют бехаитов. В Иране бехаитов периодически преследовали, инициатором преследований, как правило, выступало шиитское духовенство⁸⁶.

В первой половине XIX в. заметно усилилось социально-экономическое, политическое и культурное развитие Ирана. Однако прочность устоев феодального общества — отлаженную веками систему хозяйства, государственного управления и освященных религией и традицией общественных отношений — не могли существенно поколебать слабые ростки нового капиталистического общественно-экономического порядка. А ускорение под воздействием мировой капиталистической системы некоторых процессов буржуазного развития, к которому страна еще не была подготовлена, вызвало социально-политический кризис, наиболее ярким проявлением которого было движение бабидов.

Выступление бабидов обнажило и обострило социальные противоречия в стране. Исподволь зрело недовольство всех слоев населения. Среди господствующего класса феодалов не было единодушия. Большой, почти недееспособный Мохаммад-шах передал всю полноту государственной власти садр-азаму хаджи мирзе Агаси. Придворная знать с трудом мирилась с временщиком-выскочкой, который, управляя страной, мало считался с мнением сановников. Продолжались сепаратистские выступления окраинных феодалов — предводителей курдских, шахсевенских, туркменских, арабских и других племен, а также правителей провинций — принца Али-шаха Зелл-е Солтана в Керманшахе, сына Аллаяр-хана Хасан-хана Салара в Хорасане и др.

Провинции Северного Ирана (Иранский Азербайджан, Гилян, Мазендеран), более тесно связанные с европейским рынком, раньше других ощутили необходимость реорганизации хозяйства и управления. Здесь критика правительства становилась все более открытой со стороны купечества, торгово-ремесленного населения и духовенства. В Азербайджане дестабилизирующе действовало отсутствие твердого правления, каковым было правление Аббас-мирзы, во времена малолетнего Насер-ад-Дина и последовавшей затем смены нескольких валиахдов. Более напряженными здесь стали отношения «арка» (двора наследника и его администрации) с «шахром» (базаром, торгово-ремесленной частью населения и духовенством). В середине XIX в. начинает зарождаться оппозиция шахскому самодержавию на базе идей реформаторства и просветительства. Политическая активизация шиитского духовенства позволила мирзе Таги-хану сказать, что «во всем Иране духовенство жаждет политической власти и вмешательства [в государственные дела]»¹. В этих условиях отдельные представители правящего дома Каджаров и высшей бюрократии стали склоняться к мысли о

необходимости новой реорганизации армии, а также государственного управления и экономики, чтобы сохранить монархию и обеспечить лучшие условия для развития государства по примеру Османской империи, где султанское правительство начало проводить реформы (танзимат).

Реформы мирзы Таги-хана Амир-Кабира были логическим завершением социально-экономического и политического развития Ирана в первой половине XIX в.

Мирза-Мохаммад-Таги-хан Фарахани был представителем новой бюрократии Ирана. Он был незнатного происхождения — его отец был поваром в семействе каем-макама Исы Фарахани, а затем управляющим дома у его сына каем-макама Абу-ль-Касема Фарахани. Точная дата рождения мирзы Таги-хана неизвестна, называются 1795, 1800 и даже 1807/1808 гг. Воспитывался он вместе с детьми и внуками Исы Фарахани. Как личность он складывался в атмосфере наиболее просвещенной и свободомыслящей прослойки господствующего класса того времени — при дворе наследника Аббас-мирзы, под влиянием валиахда, его каем-макама Абу-ль-Касема Фарахани и их окружения. В этой среде свободно обсуждались проблемы внутренней и внешней политики Ирана и возможные пути укрепления военного и экономического положения страны, поднятия ее международного престижа, культурного возрождения. Здесь смогли возникнуть и сложиться идеи иранского варианта просвещенного абсолютизма, которые впоследствии попытался воплотить в жизнь мирза Таги-хан.

Личные качества мирзы Таги-хана (природный ум, образованность, организаторские способности) и поддержка каем-макама и наследника помогли ему быстро продвигаться по государственной службе. Он был личным секретарем Абу-ль-Касема Фарахани, ездил с «извинительным посольством» Хосров-мирзы в Петербург, в 1831 г. получил титул «хана», стал полковником, с 1834 г. — заместителем командующего войсками наследника, а вскоре стал фактически выполнять все функции амир-незама Мохаммад-хана Зенгани. Семейные связи также обеспечивали мирзе Таги-хану необходимую поддержку: он был женат на сестре Насер-ад-Дина. В 1839 г. российский посланник А. О. Дюгамель назвал его имя среди высших чиновников Ирана. Садр-азам хаджи мирза Агаси не любил его, но мирза Таги-хан старался не конфликтовать с ним. В 1843 г. Таги-хан был назначен главой иранской делегации по выработке мирного договора между Ираном и Турцией и урегулированию спорных вопросов между государствами и направлен в Эрзерум. Он подписал Эрзерумский договор и соглашение об ирано-турецком разграничении. Пребывание в России и Османской империи расширило кругозор мирзы Таги-хана и еще больше укрепило его в мысли о необходимости проведения реформ в Иране.

Вступив на престол в 1848 г., Насер-ад-Дин-шах назначил мирзу Таги-хана садр-азамом с присвоением ему титула «Амир-е Кабир» («Великий эмир») и «Атабек-е Азам» («Великий атабек»). Шахский указ был краток, но он предоставлял Таги-хану неогра-

нические права: «Мы вручили Вам все дела Ирана, отныне Мы считаем, что все хорошее и плохое исходит от Вас»². Назначение мирзы Таги-хана на пост главного везира было смелым поступком молодого шаха, проявившего известное свободомыслие и оказавшего сопротивление дворцовой группировке во главе со своей матерью, выдвигавшей на эту должность своего ставленника. Феодално-аристократическая группировка при дворе во главе с шахиней (тоже новое явление в политической жизни Ирана, когда женщина открыто стала вмешиваться в государственные дела) заняла враждебную позицию в отношении Таги-хана, понимая, что самоуверенный, прямолинейный, гордый садр-азам, пользующийся поддержкой шаха, чужд интересам старой сановной знати. Но у нового премьера была поддержка со стороны шаха, тебризского двора, армии, ряда видных государственных деятелей.

Мирза Таги-хан был одним из первых иранцев, кто осмеливался писать шаху слова обвинения: «Воля Ваша, Ваше Величество, но с такими проволочками, так откладывая с сегодня на завтра, так уклоняясь от дел, нельзя царствовать в Иране с его расхлябанностью. Допустим, что я, Ваш покорный слуга, заболел или умер, но Вам-то подлежит править страной!.. А коли Вам надлежит править, господи помилуй, зачем эти отсрочки? Почему Вам неизвестно, что происходит в городе, а когда Вас ставят в известность, почему Вы ничего не предпринимаете? Что Вы знаете о стране, народе, положении в провинциях, каковы Ваши распоряжения на этот счет?..»³.

За время краткого садразамства (1848—1851 гг.) мирзе Таги-хану Амир-Кабиру удалось начать проведение некоторых реформ, которые должны были несколько упрочить и модернизировать государственное управление, укрепить положение шаха, ограничить произвол гражданских властей и вмешательство духовенства в государственные дела, повысить боеспособность армии, укрепить экономику страны, поднять международный авторитет Ирана, способствовать культурному возрождению иранского общества. Провозглашенные им реформы и первые шаги по их осуществлению (сокращение чиновничьего аппарата и уточнение обязанностей чиновников, размеров выплачиваемого жалования и различных пособий членам царствующего дома, сановникам и чиновникам всех рангов, определение количества собираемого налога и поступавших в казну средств, проверка командного состава в армии и укомплектованности воинских подразделений, сокращение мест беста и т. п.) вызвали резкое недовольство действиями садр-азамы в придворных кругах, среди духовенства, чиновничества. Пересмотр прав на условное владение деревнями или на получение с них доходов по баратам взволновал землевладельцев. В результате проверки прав на владение, часть феодалов и чиновников лишалась доходов⁴. Благодаря новым инструкциям по сбору налогов, государственные поступления в 1850 г. возросли до 7 млн. туманов⁵, лишив финансовых чиновников и откупщиков налогов значительных доходов. Новый паспортный устав вызвал недовольство части населения.

Вероятно, наименее безболезненно прошли мероприятия экономического характера: основание нескольких фабрик по производству оружия, стекла, текстиля, оказание помощи ремесленникам и первым иранским промышленникам, ремонт оросительных систем и постройка новых плотин на Каруне и Горгане, увеличение посевных площадей, улучшение дорог, строительство караван-сараяв и базаров, благоустройство городов, принятие протекционистской политики, ликвидация внутренних таможен, поощрение разработки полезных ископаемых и др. Мирза Таи-хан отправил в Турцию и Россию группу купцов для изучения машинного производства и покупки паровых машин. Он попытался взять под государственный контроль деятельность ремесленных цехов (синфов), предписал мастерам обучать своему ремеслу побольше учеников, подтвердил освобождение ремесленников от воинской повинности. Оказывалось покровительство и торговцам.

Амир-Кабир рассматривал просвещение как один из основных факторов социального, политического и культурного прогресса Ирана. По его инициативе было основано светское учебное заведение типа лицея «Дар-оль-Фонун» («Дом наук») для подготовки военных специалистов, медиков, инженеров, музыкантов и др. Обучение вели, в основном, европейские преподаватели. Для содержания этого учебного заведения было выделено из государственного бюджета 7000 туманов. По инициативе Таги-хана стала издаваться первая официальная газета «Вакайе-йе эттефакийе», основаны типография и государственная больница, началась широкая переводческая и издательская деятельность.

Недовольство провозглашенными реформами несколько смягчалось начатой Амир-Кабиром борьбой с бабидами, которые представлялись господствующим группировкам наибольшей опасностью для их существования. После подавления основных очагов бабидских восстаний и казни Баба, противники Амир-Кабира сочли его миссию выполненной, а дальнейшую деятельность опасной для себя.

Реформы Амир-Кабира вызвали протест не только со стороны феодалов и духовенства, ущемленных в своих политических правах и экономических интересах. Неграмотные, забытые народные массы, находившиеся под влиянием духовенства и привыкшие к пассивному восприятию обычных предписаний властей, отнеслись с недоверием к необычным нововведениям первого министра, против которых их восстанавливали и местные феодалы и духовенство. В результате сложилось общественное мнение, что реформы навеяны западным влиянием и проводятся под воздействием танзимата в Турции. А все, исходящее от гяуров, «ференги» (европейцев), а также от ненавистных суннитов-турок, встречалось в Иране враждебно. Противникам Амир-Кабира легко было сыграть на религиозно-патриотических чувствах иранцев.

Для устранения Амир-Кабира с политической арены были использованы различные средства. Против него было организовано несколько заговоров. Он был скомпрометирован в глазах шаха, которого попытались убедить в ангишахской деятельности садр-аза-

ма. Против него были направлены выступления населения в Тегеране, бунт солдат азербайджанских полков, волнения в Тебризе. В создавшейся обстановке Амир-Кабир мог рассчитывать только на поддержку и заступничество шаха. Иностранные миссии, зная, что мирза Таги-хан является активным противником усиления иностранного влияния на внутренние дела и внешнюю политику Ирана, не оказали ему поддержки в критический момент. А английские дипломаты были вообще противниками выдвижения мирзы Таги-хана и делали ставку на Ага-хана Нури и Аллаяр-хана.

Объединенными силами противники Амир-Кабира добились отставки садр-азама, ссылки его в Кашан и, наконец, распоряжения об его убийстве (январь 1852 г.).

Реформы Амир-Кабира не затрагивали основ феодального строя, но они были важным этапом в развитии иранского государства в новое время. Несмотря на гибель реформатора и отказ от некоторых начатых преобразований, реформы оказали большое воздействие на современников и последующие поколения, содействовали усовершенствованию государственного аппарата, росту культуры и национального самосознания.

Бурное десятилетие с середины 40-х годов до середины 50-х годов XIX столетия было, в известной степени, переломным в истории Ирана. Поражение бабидского движения и отказ от проведения реформ, а также неудача в попытках присоединить Гератское ханство и вынужденная необходимость идти на уступки капиталистическим странам Европы на какое-то время породили пессимистические настроения среди сторонников модернизации Ирана. Но вместе с тем, начавшееся капиталистическое предпринимательство, модернизация государственного управления, культурное строительство, идеологические искания продолжались. Развитие Ирана по колониальному пути, хотя Иран и не стал колонией какой-либо одной капиталистической державы. С большими моральными и материальными потерями, сдавая одну позицию за другой колониальным державам, идя на предоставление концессий, подписывая унижительные договоры и соглашения, лавируя между великими державами и играя на их противоречиях, Иран силами своих наиболее дальновидных представителей пытался сохранить независимость, сберечь территориальную целостность, найти и отстоять свой путь развития.

Глава I

¹ ЦГИАЛ. Ф. 1374, оп. 3, д. 2399, л. 172.

² В 1750 г. три еще не успевших рассориться союзника — Абу-ль-Фатх-хан Бахтиари (сардар Исфахана и Фарса, предводитель хафтленгов), Али-Мордан-хан Бахтиари (предводитель чахарленгов) и Керим-хан Зенд — объявили потомка Сефевидов шахзаде Абу-Тараба шахом (под именем Исмаила III). Он жил в Исфахане, не принимая никакого участия в политических делах, и получал за это от вакиля в качестве ежедневного содержания один туман деньгами, три тебризских мана пшеницы, десять тебризских манов овса и ежегодно две смены одежды. Шах мог свободно заниматься своими любимыми делами — каллиграфией и изготовлением ножей. Исмаил III умер в Исфахане в 1773 г. (1187 г. х.).

³ ЦГВИА. 1760, оп. 77/1, д. 3, л. 5.

⁴ A Chronicle of Carmelites in Persia and the Papal Missions of the XVIIth and XVIIIth Centures. T. 1. L., 1939, с. 657.

⁵ П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Т. 1. СПб., 1869, с. 245, 417.

⁶ Абдалла Рази. Тарих-е камел-е Иран. Изд. 4-е. Техран, 1347, с. 482.

⁷ Реза-Кули-хан Хедаят, Роузат ас-сафа-йе Насери. Т. 9. Техран, с. 16а; P. Sykes. The History of Iran. T. II. L., 1940, с. 277.

⁸ Тарих-е Зендийе. Техран, 1946, с. 72; History of Persia under Qajar Rule. Transl. from Persian of Hasan-e Fasa'i's «Farsname-ye Nasery» by H. Busse. N. Y.—L., 1972, с. 5—6. В Рее лурский хан Абдулла передал Ага-Мохаммаду отряд из 500 всадников, с помощью которых удалось разбить войско зендского правителя Рея и Фируз-куха.

⁹ Абдалла Рази. Тарих-е камел-е Иран, с. 483.

¹⁰ П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа. Т. 2, с. 95.

¹¹ М. С. Иванов. Очерк истории Ирана. М., 1952, с. 107.

¹² З. М. Шарашенидзе. Иран во второй половине XVIII века. (Автореф. докт. дис.) Тб., 1971, с. 17—20. О положении Хедаят-Олла-хана в Гиляне и его отношениях с Каджарами см.: Г. Мельгунов. О южном берегу Каспийского моря. СПб., 1863, с. 15.

¹³ J. Malcolm. Histoire de la Perse. T. 3. P., 1821, с. 249.

¹⁴ The Dynasty of the Kajars. Transl. from the Original Persian Manuscript presented by His Majesty Fath Aly Shah to Sir Harford Yones Brydges. L., 1833, с. CXXV.

¹⁵ Саид Нафиси. Тарих-е эджтемай ва сийаси-йе Иран дар доуре-йе моасер. Аз агаз-е салтанат-е Каджарийе та пайан-е нохостин джанг ба Русне. Техран, 1335, с. 44.

¹⁶ Али Асгар Шамим. Иран дар доуре-йе салтанат-е Каджарийе. Техран, 1342, с. 21.

¹⁷ После относительно спокойного правления Керим-хана Зенда массовые репрессии Ага-Мохаммада — расправа с жителями Кермана, разорение и увоз в плен жителей Тбилиси, казнь туркмен — были явлениями чрезвычайными, направленными на устраниение и запугивание населения. И хотя общее число жертв во время борьбы Каджара за власть было относительно невелико, все же Ага-Мохаммад вошел в историю как жестокий, кровожадный правитель. См., например, у Питера Эвери: «Его путь к власти был обозначен пирамидами убитых, повсеместным уничтожением, массами ослепленных» (P. Avery. The Modern Iran, L., 1963, с. 23).

¹⁸ J. Malcolm. Histoire de la Perse. T. 3, с. 275.

¹⁹ Абдалла Рази. Тарих-е камел-е Иран, с. 483. Такую же жестокость

проявляли и Зенды, например Заки-хан, посланный Керим-ханом в Мазендеран для борьбы с Каджарами. (см.: P. Sykes. History of Persia. L., 1940, T. 2, с. 377).

²⁰ Мохаммад-Садек Мусави Нами. Тарих-е гитигуша. Предисловие Саида Нафиси. Тегран, 1962, с. «Т».

^{20a} Письмо Ага-Мохаммада Ираклию II см.: «Revue du Monde Musulman», janv., 1910.

²¹ Саид Нафиси. Тарих-е эджтемай ва сийаси-йе Иран. Т. I, с. 50.

²² Жизнеописание Ага Магомет хана Каджара, основателя ныне царствующей в Персии династии, с кратким обзорением последовавших после его смерти главнейших происшествий. СПб., 1835, с. 24.

²³ Н. А. Кузнецова. Политическое и социально-экономическое положение Ирана в конце XVIII—первой половине XIX в.—Очерки новой истории Ирана. М., 1978, с. 12—13; Тарих-е Азуди (Семейная хроника Каджаров). Бомбей, 1889, с. 80, 126; Жизнеописание Ага Магомет хана Каджара, с. 17, 38.

²⁴ Тарих-е Азуди, с. 80. Ага-Мохаммад называл Фатх-Али-хана «Баба-ханом» («батюшкой», «папашей») из-за одинакового имени с именем деда Ага-Мохаммада (А. А. Бина. Тарих-е сийаси ва дипломаси-йе Иран. Т. I, Тегран, 1337, с. 52).

²⁵ Абдалла Рази. Тарих-е камел-е Иран, с. 483.

²⁶ J. Malcolm. Histoire de la Perse. Т. 3, с. 413—420.

²⁷ Абдалла Рази. Тарих-е камел-е Иран, с. 484—485. Старший сын Шахроха Насеролла (Насрулла), правивший Хорасаном от имени отца в начале 80-х годов, скончался в 1785/86 г. (С. М. Алиев. Междоусобные войны и борьба за верховную власть в Иране после распада империи Надир-шаха.—Иран. История и культура в средние века и новое время. М., 1980, с. 35).

²⁸ Парвиз Раджаби. Карим-хан-е Зенд ва заман-е у. Изд. 2-е, Тегран, 2535, с. 22.

²⁹ [Mir Abdoul Kerim Boukhary]. Histoire de l'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand)... par Mir Abdoul Kerim Boukhary. Publiée, traduite et annotée par Ch. Schefer. Т. 2, P., 1876, с. 131—132, 146—148.

³⁰ Там же, с. 131—132.

³¹ П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа. Т. 2, с. 425.

³² З. М. Шарашенидзе. Иран во второй половине XVIII в., с. 35.

³³ Махмуд ал-Хусайни ал-Мунши ибн Ибрахим ал-Джамни. Тарих-и Ахмад-шахи («Ахмадшахова история»). Факсимиле рукописи. Введение, аннотированное оглавление, хронология и указатели Д. Саидмурадова. Кн. I, М., 1974, с. 100.

Глава II

¹ З. М. Шарашенидзе. Иран во второй половине XVIII в., с. 21.

² Там же, с. 24—25.

^{2a} Перевод письма Ага-Мохаммада см.: «Revue du Monde Musulman», janv., 1910.

³ Саид Нафиси. Тарих-е эджтемай ва сийаси-йе Иран. Т. I, с. 50.

⁴ Архив Государственного Совета. Т. I (1768—1796). СПб., 1869, с. 790—795.

⁵ Н. Г. Куканова. Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII—первой половине XIX века. Саранск, 1977, с. 171.

⁶ Саид Нафиси. Тарих-е эджтемай ва сийаси-йе Иран. Т. I, с. 50; «Советское востоковедение», 1958, № 3, с. 179.

⁷ А. Рамбо. Персия, Афганистан, Кавказ.—История XIX века. Под ред. Лависса и Рамбо. Пер. с франц. Т. 2, М., 1938, с. 438.

⁸ Н. А. Кузнецова. Ирано-афганские отношения во второй половине XVIII—первой трети XIX в.—Страны Среднего Востока. М., 1980, с. 155—159.

⁹ С. К. Ристия. Афганистан в XIX веке. М., 1958, с. 25.

¹⁰ Описание поездки см.: G. A. Olivier. Voyage dans l'Empire Ottoman, l'Egypte et la Perse fait par ordre du gouvernement pendant les six premières années de la République. Т. 3, P., 1807.

¹¹ J. Testa. Recueil des traités de la Porte Ottomane avec les puissances étrangères. Т. 2, P., 1865, с. 220.

- ¹² А. Р. Иоаннисян. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX в. Ер., 1958, с. 29; Али Акбар Бина. Тарих-е сийаси ва дипломаси-йе Иран. Т. 1. Изд. 2-е. Тегран, 1337, с. 47.
- ¹³ АВПР. Ф. «Сношения России с Турцией». 1797, д. 846, л. 59—60.
- ¹⁴ К. Маркс. Хронологические выписки по истории Индии (1664—1858). М., 1947, с. 105.
- ¹⁵ H. Rawlinson. England and Russia in the East. Изд. 2-е. L., 1875, с. 6, 8.
- ¹⁶ К. Маркс. Хронологические выписки по истории Индии..., с. 105.
- ¹⁷ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т. 1. Тифлис, 1866, с. 283, 683.
- ¹⁸ А. Р. Иоаннисян. Присоединение Закавказья к России..., с. 53.
- ¹⁹ А. М. Игамбердыев. Иран в международных отношениях первой трети XIX века. Самарканд, 1961, с. 273.
- ²⁰ The Dynasty of the Kajars, с. 115; Аббас Эгбаль. Тарих-е мофассал-е Иран аз эстела-йе могол та энграз-е Каджарийе. Тегран, 1320, с. 361—362.
- ²¹ [J. C. Hugelwitz]. The Middle East and North Africa in World Politics. A Documentary Record. Т. 1. New Haven, L., 1975, с. 191.
- ²² АКАК. Т. 1. с. 433—436.
- ²³ Там же, с. 753—755; Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы Российского министерства иностранных дел. Сер. 1. 1801—1815. Т. 1. М., 1960, с. 160—163.
- ²⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX в. Т. 1, с. 191—192.
- ²⁵ АКАК. Т. 4, с. 716, 505, 753, 760—762 и др.
- ²⁶ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1—9, 1802—1813, д. 5, лл. 6, 33—34.
- ²⁷ АКАК. Т. 2, с. 803—805.
- ²⁸ В. Антюхина. Англо-французская борьба за Индию в эпоху Наполеона I.—«Ученые записки ЛГУ», 1939, № 36. Серия ист. наук, вып. 3, с. 257—277; О. П. Маркова. Восстание в Кахетии в 1812 г. М., 1951, с. 250.
- ²⁹ А. Р. Иоаннисян. Присоединение Закавказья к России..., с. 59.
- ³⁰ Саид Нафиси. Тарих-е аджтемай ва сийаси-йе Иран. Т. 1, с. 229.
- ³¹ АКАК. Т. 3, с. 424—425.
- ³² A. Gardane. Mission du général Gardane en Perse sous le Premier Empire. P., 1868, с. 73—76.
- ³³ Там же, с. 107, 83, 94.
- ³⁴ АВПР. Ф. «Сношения России с Персией», 1763—1808, д. 7.
- ³⁵ А. Р. Иоаннисян. Присоединение Закавказья к России..., с. 192—193.
- ³⁶ Впоследствии шах и его окружение, довольные помощью англичан, не стали вступать в контакты с новым посланцем Наполеона Жоржем Утреем, который по настоянию Джонса был выслан из Ирана. Также неудачными были и последующие попытки Наполеона установить отношения с Ираном.
- ³⁷ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1—13, 1806—1815, оп. 10, д. 3, л. 35—36.
- ³⁸ АКАК. Т. 4, с. 283.
- ³⁹ H. Jones Brydges. An Account of the Transactions of His Majesty's Mission to the Court of Persia in the Years 1807—1811. L., 1834, с. 41—43.
- ⁴⁰ Там же, с. 259—262.
- ⁴¹ См.: Е. Л. Штейнберг. История британской агрессии на Среднем Востоке. М., 1951, с. 31. Результатом легкой кампании, по словам француза Жуанена, было «разрушение нескольких грузинских селений и увод в рабство некоторого числа несчастных жителей. Таковы трофеи армии, которая грозила уничтожить всех русских и пройти огнем и мечом чуть не до самого Петербурга» (там же, с. 46—47).
- ⁴² Е. Л. Штейнберг. История британской агрессии на Среднем Востоке, с. 15.
- ⁴³ А. М. Игамбердыев. Иран в международных отношениях, с. 139—140.
- ⁴⁴ C. U. Aitchison. A Collection of Treaties, Engagements and Sanads Relating to India and Neighbouring Countries. Т. 13. The Treaties ect. Relating to Persia and Afghanistan. Calcutta, 1933, с. 56—60.
- ⁴⁵ АКАК. Т. 4, с. 756.
- ⁴⁶ Там же. Т. 5, с. 703.

⁴⁷ M. Elphinstone. An Account of the Kingdom of Caubul, and Its Dependencies in Persia, Tartary and India, Comprising a View of the Afghans Nation and a History of the Dooraunee monarchy. Т. 3. L., 1915, с. 257—261.

⁴⁸ С. К. Риштия. Афганистан в XIX в., с. 70.

⁴⁹ A. Conolly. A Journey to the North of India, Overland from England, through Russia, Persia and Afghanistan. Т. 2. L., 1934, с. 323.

⁵⁰ В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана. Т. 2. М., 1965, с. 152—153.

⁵¹ J. Malcolm. Histoire de la Perse. Т. 3, с. 341.

⁵² Д. В. Валиев а. Среднеазиатско-иранские торговые отношения в первой половине XIX в.— Взаимоотношения народов Средней Азии и сопредельных стран Востока. Таш., 1963, с. 44.

⁵³ В. А. Жуковский. Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва. СПб., 1894, с. 85 и сл.

⁵⁴ Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2. М—Л., 1939, с. 207 (далее — МТТ).

⁵⁵ Об иранских пленниках в Хивинском ханстве см.: Е. Килевейн. Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сеид-Мухаммед-хана, 1855—1860 гг.— «Записки РГО». Кн. 1, отд. 2. СПб., 1861, с. 107.

⁵⁶ Н. Н. Муравьев. Записки.— «Русский архив». 1886, кн. 5, с. 40; Д. В. Валиев а. Среднеазиатско-иранские торговые отношения, с. 45—46.

⁵⁷ МТТ. Т. 2, с. 219.

⁵⁸ А. Ш. Шамансурова. К вопросу среднеазиатско-афганских отношений в первой половине XIX в.— Взаимоотношения народов Средней Азии и сопредельных стран, с. 10.

⁵⁹ МТТ. Т. 2, с. 222.

⁶⁰ АКАК. Т. 6, ч. 2, с. 228. См. также АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1—9, 1817, оп. 8, д. 6, л. 7.

⁶¹ Изложение сути требований мирзы Абу-ль-Хасан-хана см.: «Высочайшая инструкция, данная генералу А. П. Ермолову от 29 июля 1816 г.» (АКАК. Т. 6, ч. 2, с. 122).

⁶² Там же, с. 115.

⁶³ Там же, с. 147.

⁶⁴ О посольстве А. П. Ермолова опубликовано много материалов — документы в АКАК, записки самого Ермолова, описание посольства В. Борозды, А. Е. Соколова, М. Коцебу, воспоминания Н. Муравьева и др.; положительно оцениваются результаты посольства и советской историографией (Л. С. Семенов, Б. П. Балаян, С. В. Шостакович и др.).

⁶⁵ Б. П. Балаян. Международные отношения Ирана (1813—1828). Ер., 1967, с. 41, 51.

⁶⁶ С. В. Шостакович. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. М., 1960, с. 23.

⁶⁷ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1—9, 1824—1825, оп. 8, д. 3, л. 4—6, 32—33.

⁶⁸ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1—9, 1819—1825, оп. 8, д. 2, л. 13—36.

⁶⁹ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1—9, 1813, оп. 8, д. 6, ч. 1, л. 193.

⁷⁰ Там же, л. 14.

⁷¹ С. В. Шостакович. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова, с. 59—66; АКАК. Т. 5, с. 777.

⁷² АКАК. Т. 6, ч. 2, с. 196, 237—238.

⁷³ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1—9, оп. 8, 1813, д. 6, ч. 1, л. 15, 149—150. В Гюлистанский договор был включен пункт о поддержке Россией наследника престола, если ему придется вести борьбу за трон. Россия не должна была вмешиваться в борьбу каджарских принцев за престолонаследие, пока об этом ее не попросит сам шах.

⁷⁴ АКАК. Т. 6, ч. 2, с. 198; АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1—9, 1827, оп. 8, д. 13, ч. 1, л. 102—104; ч. 2, л. 3—4.

⁷⁵ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1—9, 1824—1825, оп. 8, д. 3, л. 22.

⁷⁶ АКАК. Т. 6, ч. 2, с. 195.

⁷⁷ Центральный государственный архив военно-морского флота. Ф. 19, оп. 4, д. 442, л. 2.

⁷⁸ Во время переговоров с Аббас-мирзой А. С. Грибоедов сказал ему: «Кто первым начинает войну, никогда не может сказать, чем она кончится» (см.: И. Ен и к о л о в. Грибоедов и Восток. Ер., 1964, с. 80). Эти слова Грибоедова оказались пророческими для Аббас-мирзы. Военные поражения, потеря авторитета военачальника и правителя, разочарование и физические недуги стали уделом гордого наследника шахского престола.

⁷⁹ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1—9, 1913, оп. 8, д. 6, ч. 1, л. 163.

⁸⁰ АКАК. Т. 6, ч. 2, с. 122—126.

⁸¹ [А. П. Ермолов]. Записки А. П. Ермолова. Ч. 2 (1816—1827). М., 1868, с. 86.

⁸² Об ирано-турецких отношениях см.: Б. П. Балаян. Международные отношения Ирана, с. 71—92.

⁸⁴ А. А. Бина в своей книге сознательно не касается ирано-турецких отношений.

⁸⁵ АКАК. Т. 6, ч. 2, с. 325.

⁸⁶ См.: О. Гигинейшвили. Ага-Мохаммед-хан и Турция.— Вопросы новой и новейшей истории стран Ближнего Востока. Тб., 1975, с. 145—180.

⁸⁷ П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа. Т. 2, с. 266.

⁸⁸ АВПР. Ф. «Сношения с Турцией», 1794, д. 791, л. 75; 1795, д. 810, л. 9—10, 15—17.

⁸⁹ Архив Воронцова. Т. 18. М., 1880, с. 127.

⁹⁰ А. Р. Иоаннисян. Присоединение Закавказья к России..., с. 29.

⁹¹ АВПР. Ф. «Сношения с Турцией», 1793—1794, д. 777, л. 99—200; 1794, д. 888, л. 103; д. 831, л. 1, 7.

⁹² П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа. Т. 2, с. 343, 404—405.

⁹³ История дипломатии. Т. 1. М., 1959, с. 606—607.

⁹⁴ П. И. Аверьянов. Курды в войнах с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Тифлис, 1900, с. 3 (см. АКАК. Т. 1, с. 823).

⁹⁵ АКАК. Т. 1, с. 9.

⁹⁶ Ф. Адамийат. Амир-е Кабир ва Иран. Изд. 3-е. Тегеран, 1348 (1969/70), с. 27.

⁹⁷ А. М. Игамбердыев. Иран в международных отношениях, с. 95, 101. См. также АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1—9, 1810, оп. 8, д. 3, л. 70; д. 1.

⁹⁸ Там же, 1819—1825, оп. 8, д. 2, л. 57.

⁹⁹ Там же, л. 58.

¹⁰⁰ Там же, л. 59—60. См. также: 1817, д. 6, л. 204—2056, 211.

¹⁰¹ И. Ен и к о л о в. Грибоедов и Восток, с. 31; С. В. Шостакович. Дипломатическая деятельность Грибоедова, с. 70.

¹⁰² АКАК. Т. 6, ч. 2, с. 253. Ту же мысль Ермолов изложил в донесении Несельерде 11/23 января 1822 г.

¹⁰³ Там же, л. 49—50.

¹⁰⁴ Там же, л. 67. Впоследствии Мустафа-паша сам приезжал к Аббас-мирзе с просьбой помочь ему усмирить «взбунтовавшиеся племена» на турецко-иранской границе. Аббас выделил ему военный отряд, но запретил преследовать племена на турецкой территории. За это паша заплатил Аббасу 10 тыс. туманов.

¹⁰⁵ Там же, л. 62.

¹⁰⁶ Там же, л. 71.

¹⁰⁷ Е. И. Чириков. Путевой журнал русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению. СПб., 1875, с. 638; См. также: В. Ф. Минорский. Турецко-персидская граница.— Материалы по изучению Востока. Пг., 1915; он же. Ирано-турецкое разграничение. Пг., 1916.

¹⁰⁸ А. М. Багбан. Ирано-турецкие пограничные конфликты во второй четверти XIX в.— «Известия АН Тадж. ССР». Отделение общ. наук. 1973, № 2, с. 39.

¹⁰⁹ См.: Б. П. Балаян. Международные отношения Ирана, с. 89. Перед началом войны с Россией шах направил в Стамбул посла, чтобы напомнить султану о его обязанности «объединиться с Ираном против России».

¹¹⁰ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1—9, оп. 8, д. 6, л. 40.

¹¹¹ Записки Алексея Петровича Ермолова. Ч. 2. 1816—1827. М., 1868, с. 20.

¹¹² АКАК. Т. 6, ч. 2, с. 140.

- ¹¹³ См. АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1—9, 1829, оп. 8, д. 13, ч. 9, л. 208—212.
- ¹¹⁴ Там же, 1813, д. 6, ч. 2, л. 209—210, 240—242.
- ¹¹⁵ Там же, л. 317.
- ¹¹⁶ Там же, л. 331.
- ¹¹⁷ АКАК. Т. 6, ч. 2, с. 348.
- ¹¹⁸ Там же, с. 351.
- ¹¹⁹ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1—9, 1827, оп. 8, д. 13, ч. 2, л. 35—36.
- ¹²⁰ Там же, ч. 3, л. 5—7.
- ¹²¹ Там же, л. 214.
- ¹²² Там же, ч. 5, л. 39.
- ¹²³ Полное собрание законов Российской империи. 1649—1825. Т. 3. СПб., 1830, № 1794, Дополнительный акт—№ 1795.
- ¹²⁴ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1—9, ф. «Грибоедов», д. 13, л. 14—26; АКАК. Т. 7, с. 622—624.
- ¹²⁵ АВПР. Ф. «Грибоедов», 1828—1830, д. 16, л. 17—19.
- ¹²⁶ Там же, 1827. АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1827, оп. 8, д. 13, ч. 9, л. 44.
- ¹²⁷ Там же, л. 45; ч. 10, л. 33.
- ¹²⁸ Там же, ч. 11, л. 21.
- ¹²⁹ Г. М. Петров. Новые материалы об убийстве Грибоедова.— «Ученые записки ИВАН». Т. 8. 1958, с. 157; О. И. Симонович. Воспоминания полномочного министра. М., 1967, с. 206—207.
- ¹³⁰ АКАК. Т. 7, с. 689.
- ¹³¹ Интересно отметить, что одновременно в Бухаре шла подготовка*к вторжению в Хорасан, где против Каджаров восстали многие хорасанские ханы. Бухарские власти надеялись на удачный набег на Хорасан при помощи Ибрахим-хана Афшара, набравшего войско из узбеков и афганцев. Правитель Хорасана—Хасан-Али-мирза вынужден был держать свое войско в состоянии боевой готовности.
- ¹³² АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1829, оп. 8, д. 13, ч. 9, л. 154—155. У Паскевича были все основания предупредить Аббас-мирзу относительно целей и действий Англии в Иране, как это ранее сделал А. С. Грибоедов. Паскевич считал, что англичане мешали во время переговоров и подписания договора в Туркманчае и Грибоедову в Тегеране; во время ирано-русского разграничения присылали фиктивные, заведомо ложные документы, отговаривали Мальцева от торжественного въезда в Тебриз и т. п.
- ¹³³ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1829, оп. 8, д. 13, ч. 11, л. 184.
- ¹³⁴ Там же, л. 186.
- ¹³⁵ Там же, ч. 15, л. 63.
- ¹³⁶ Там же, ч. 17, л. 101—102, 201.
- ¹³⁷ О. И. Симонович. Воспоминания, с. 38.
- ¹³⁸ Джамил Гозанлу [Козанлу]. Тарих-е незами-йе Иран. Т. 2. Техран, 1315, с. 1072—1073.
- ¹³⁹ А. Ш. Шамансурова. К вопросу среднеазиатско-афганских отношений, с. 10.
- ¹⁴⁰ С. Қ. Риштия. Афганистан в XIX в., с. 62—74.
- ¹⁴¹ О. И. Симонович. Воспоминания, с. 40.
- ¹⁴² Там же, с. 112—113.
- ¹⁴³ Ф. Энгельс. Перспективы англо-персидской войны.— К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 12, с. 126—127.
- ¹⁴⁴ См.: Н. Халфин. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в.— начало XX в.). М., 1959.
- ¹⁴⁵ Руир. Англо-русское соперничество в Азии в XIX веке. Пер. с франц. М., 1924, гл. 3.
- ¹⁴⁶ АКАК. Т. 8, с. 944.
- ¹⁴⁷ В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана. Т. 2, с. 171—172, 181—183.
- ¹⁴⁸ См.: И. Ф. Бларамберг. Воспоминания. М., 1979; П. П. Бушев. Герат и англо-иранская война 1856—1857 гг. М.: 1959, с. 15.
- ¹⁴⁹ Подробнее см.: П. П. Бушев. Герат и англо-иранская война, с. 18—19, 210—213.

¹⁵⁰ Там же, с 40.

¹⁵¹ Там же, с. 52—53.

¹⁵² Там же, гл. 7.

¹⁵³ П. А. Аверьянов. Курды в русско-турецких и русско-иранских войнах. Тифлис, 1900, с. 81—82.

¹⁵⁴ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1—9, оп. 8, 1839, д. 19, л. 29, 92. О жизни каджарских принцев в Османской империи см.: И. Н. Березин. Кербела.— «Магазин земледелия и путешествий». 1858, т. 5, с. 223.

¹⁵⁵ А. М. Багбан. Ирано-турецкие пограничные конфликты, с. 40.

¹⁵⁶ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1—9, 1840—1848, оп. 8, д. 11, л. 2, 32.

¹⁵⁷ Али Асгар Шамим. Иран дар доуре-йе салтанат-е Каджарийе. Техран, 1342, с. 154.

¹⁵⁸ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1—9, 1840—1848, оп. 8, д. 11, л. 28.

¹⁵⁹ Там же, л. 52.

¹⁶⁰ Ф. Адамийат. Амир-е Кабир..., с. 76—78.

¹⁶¹ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1—9, 1840—1848, д. 11, л. 82.

¹⁶² Ф. Адамийат. Амир-е Кабир ва Иран, с. 77—78.

¹⁶³ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1—9, 1840—1848, д. 11.

¹⁶⁴ А. М. Багбан. Ирано-турецкие пограничные конфликты, с. 45.

¹⁶⁵ В. Ф. Минорский. Ирано-турецкое разграничение. СПб., 1916, с. 224.

¹⁶⁶ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1—9, 1854, оп. 8, д. 10, л. 27.

¹⁶⁷ Там же, 1850, д. 460, л. 1—49.

¹⁶⁸ АВПР. Ф. «Миссия в Персии», оп. 528а, д. 340, л. 87.

Глава III

¹ Об изучении социальной истории Ирана каджарского периода см.: Очерки новой истории Ирана. М., 1978, с. 29—32, 34, 112.

² Ш. А. Тагиева. Аграрные отношения в Иране в конце XIX— начале XX вв. Автореф. докт. дис. Баку, 1967, с. 15, 55—56.

³ К. Маркс. Капитал. Т. III.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. 2, с. 354.

⁴ Широко распространенный термин «вестернизация» (см. А. Тойнби, Л. Льюса и др.) означал эволюционное обновление восточных государств по западноевропейскому образцу. Под «модернизацией» понимается совокупность изменений в обществах Востока, трансформация традиционного общества в современное капиталистическое. О «вестернизации» и «модернизации» см.: Л. А. Березной. Критика методологии американской буржуазной историографии Китая (Проблемы общественного развития в XIX— в первой половине XX в.). Л., 1968; А. Д. Желтяков. К вопросу о вестернизации Турции в новое время (по концепции турецкого историка Т. Тунайя).— «Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки». Вып. II. Л., 1968; с. 125—135; М. Н. Тодорова. Европеизация Османской империи.— «НАА», 1977, № 2, с. 204—211; Beginnings of Modernization on the Middle East. The Nineteenth Century. Chicago— London, 1968.

⁵ См.: И. Г. Нофаль. Курс мусульманского права. Вып. I. О собственности. СПб., 1886.

⁶ Л. Б. Алаев. К типологии феодализма на Востоке.— «Народы Азии и Африки». 1977, № 4, с. 67—68.

⁷ Об арабах и персах. Пер. с нем.— «Северный архив». СПб., 1827, № 15, с. 269.

⁸ A. K. S. Lambton. Landlord and Peasant in Persia. L., 1953, с. 147—148, 154, 238, 242, 244—245, 253, 256—257.

⁹ Э. С. Вульфсон. Персы в их прошлом и настоящем. М., 1909, с. 52.

¹⁰ Военно-статистический сборник. Вып. 3. СПб., 1868, с. 22—23.

¹¹ Таги Бахрами. Тарих-е кешаварзи-йе Иран. Техран, 1330, с. 147—149.

¹² The Economic History of Iran. 1800—1914. Ed. by Ch. Issavi. Chicago— Longon, 1971, с. 220.

¹³ Мирза Хасан-хан шейх Джабери Ансари. Тарих-е Эсфахан ва Рей. Эсфахан, 1322, с. 58. См. также Ш. А. Тагиева. Аграрные отношения в Иране, с. 33.

¹⁴ М. Л. Томара. Экономическое положение Персии. СПб., 1895, с. 5.

¹⁵ Р. Гиршман, В. Минорский, Рамеш Сангви. Персия — бессмертное царство. Лондон, 1971; с. 168.

¹⁶ J. M a l c o l m. Histoire de la Perse. Т. 2, с. X.

¹⁷ The Economic History of Iran, с. 208.

¹⁸ Л. Ф. Тигранов. Из общественно-экономических отношений в Персии. Тифлис, 1905, с. 9.

¹⁹ [Бларамберг И. Ф.]. Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И. Ф. Бларамбергом в 1841 г. СПб., 1853, с. 40—41.

²⁰ Л. С. Фришман. Изменения в аграрных отношениях Ирана в конце XIX— начале XX вв.— «Ученые записки Казахского университета». Т. 39. Вып. 5, 1958, с. 118.

²¹ A. K. S. L a m b t o n. Landlord and Peasant in Persia, с. 159.

²² АВПР. Ф. «Миссия в Персии», оп. 528а, д. 38, л. 28.

²³ [Мак-Грегор]. Хорассан. Путешествие по Восточной Персии Мак-Грегора. Киев, 1886, с. 19.

²⁴ АВПР. Ф. «Миссия в Персии», оп. 528а, д. 311, л. 4—6.

²⁵ A. K. S. L a m b t o n. Landlord and Peasant in Persia, с. 140, 261—262.

²⁶ Ю. А. Гагемейстер. О европейской торговле в Турции и Персии. СПб., 1838, с. 72.

²⁷ См.: Архив К. Маркса — Ф. Энгельса. Т. VI. М., 1939, с. 177.

²⁸ Ф. Энгельс. О разложении феодализма и возникновении национальных государств — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21, с. 410—411.

²⁹ J. B. F r a s e r. An Historical and Descriptive Account of Persia. Edinburg, 1834, с. 292; см. также: The Economic History of Iran, с. 20—69, 100.

³⁰ А. З. Подробное описание Персии. М., 1829, с. 100—125. Автор суммировал наблюдения европейских путешественников и дал краткое, но очень емкое описание «вельмож или дворянства», духовенства, купечества и землепашцев.

³¹ J. M. U p t o n. The History of Modern Iran. An Interpretation. Harvard Univers. Press. Massachusetts, 1961, с. 23.

³² А. Ф. Миллер. Мустафа-паша Байрактар. М., 1949, с. 363—365; The Ottoman State and Its Place in World History. Leiden, 1974, с. 90—93.

³³ И. М. Смилянская. Структура и эволюция господствующего класса Ближнего Востока на рубеже нового времени (к проблеме типологии феодализма на Востоке).— «НАА», 1978, № 3, с. 76.

³⁴ [Косоковский В. А.] Из тегеранского дневника полковника В. А. Косоковского. М., 1961, с. 28—29.

³⁵ Там же, с. 53.

³⁶ И. Носков. Посольство в Персию с хрустальной кроватью.— «Исторический вестник». 1887, т. 30, с. 336.

³⁷ См.: Средние городские слои. Ч. 1. М., 1971, с. 28—29. Вначале включились в политическую жизнь представители правящего слоя, а низы были вовлечены в политику позже. (См.: The Contemporary Middle East. Ed. by V. Rivkin, J. S. Szyliowicz. N. Y., 1965).

³⁸ Н. К. Белова, В. Б. Никитина. Иран.— Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX— начало XX в.). М., 1973.

³⁹ Н. А. Зарудный. Экскурсия по Восточной Персии. Т. III. СПб., 1902, с. 325.

⁴⁰ Е. И. Чириков. Путевой журнал русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению. СПб., 1875, с. 585.

⁴¹ Реза-Кули-хан Хедаят. Роузат ас-сафа-йе Насери. Т. 10, с. 117.

⁴² Г. Друвиль. Путешествие в Персию в 1812—1813 гг. Ч. 1. М., 1826, с. 125—126; А. З. Подробное описание Персии. Ч. 1, с. 100.

⁴³ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив». 1—9, оп. 8, 1837, д. 1, л. 368.

⁴⁴ [В. А. Косоковский]. Из тегеранского дневника..., с. 101—102.

⁴⁵ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив». 1—9, оп. 8, 1847—1854, д. 11.

⁴⁶ Г. Друвиль. Путешествие в Персию. Ч. 1, с. 124.

⁴⁷ А. З. Подробное описание Персии. Ч. 1, с. 103—104.

- ⁴⁶ [И. Ф. Б л а р а м б е р г]. Статистическое описание Персии, с. 178; А. И. О г р а н о в и ч. Провинции Персии Ардебильская и Серабская.—«Записки Кавказского отделения Русского Географического общества». 1876, кн. X, вып. 1, с. 173.
- ⁴⁹ Об арабах и персах, с. 276—277.
- ⁵⁰ АВПР. Ф. «Миссия в Персии». Оп. 528а, 1837, д. 92, л. 8—9.
- ⁵¹ К. М а р к с. Капитал. Т. 1.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23, с. 730.
- ⁵² Там же, с. 703.
- ⁵³ А. К. S. L a m b t o n. Landlord and Peasant in Persia, с. 4—5, 297.
- ⁵⁴ Там же, с. 296.
- ⁵⁵ Р. А. С е и д о в. О некоторых пережитках сельской общины в современном Иране.—«Известия АН Азерб.ССР». Серия обществ. наук. 1960, № 1, с. 114—115; А. Д. Д а в ы д о в. Сельская община и патронимия в странах Влижного и Среднего Востока. М., 1979, с. 97.
- ⁵⁶ А. Д. Д а в ы д о в. Сельская община и патронимия..., с. 104.
- ⁵⁷ А. К. S. L a m b t o n. Landlord and Peasant in Persia, с. 298—300, 342—345, 353—354, 368—374.
- ⁵⁸ Н. Ф. М а с а л ь с к и й. Письма из Персии. Ч. I, СПб., 1844, с. 237.
- ⁵⁹ Ахтар Рахмани. Маликаят ва бахребардари аз замин дар Иран. Тегран, 1970, с. 140—147.
- ⁶⁰ The Economic History of Iran, с. 226—242.
- ⁶¹ Там же, с. 227.
- ⁶² Мохаммед Реза-шах Пехлеви. Белая революция. Париж, 1967, с. 39.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же, с. 41.
- ⁶⁶ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив». 1—9, оп. 8, 1847—1854, д. 11.
- ⁶⁷ К. Б о д е. Очерки туркменской земли и Юго-Восточного побережья Каспийского моря.—«Отечественные записки», 1856, август, с. 100.
- ⁶⁸ Л. Ф. Т и г р а н о в. Из общественно-экономических отношений в Персии, с. 28, 42.
- ⁶⁹ Н. В r u g s c h. Reise der K. Preussischen Gesandtschaft nach Persien 1860 und 1861. Т. 2. Lpz., 1863, с. 13.
- ⁷⁰ Ш. А. Тагиева. О мелкотоварном производстве у иранских крестьян на рубеже XIX—XX вв.—«Доклады АН Азерб.ССР». Т. 31, 1975, № 12, с. 64.
- ⁷¹ Краткий обзор состояния земледелия в Гиляне.—«Журнал министерства государственных имуществ». 1848, октябрь, с. 67.
- ⁷² АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив». 1—9, оп. 8, 1847—1854, д. 11, л. 176—191.
- ⁷³ Подробнее см: Н. К. Б е л о в а. Об отходничестве из северо-западного Ирана в конце XIX—начале XX в.—«Вопросы истории», 1956, № 10, с. 112—121.
- ⁷⁴ А т р п е т. Мамед-Али-шах. Александрополь, 1909, с. 138—140.
- ⁷⁵ Ф. Б у з е. О земледелии и промышленности в Гиляне и Мазандеране.—«Труды Всероссийского экономического общества». СПб., 1851, июль, с. 14.
- ⁷⁶ Ю. А. Г а г е м е й с т е р. О европейской торговле в Турции и Персии, с. 74.
- ⁷⁷ О. Б у з е. О земледелии и промышленности в Гиляне и Мазандеране, с. 12.
- ⁷⁸ The Economic History of Iran, с. 224.
- ⁷⁹ Там же, с. 231.
- ⁸⁰ Там же, с. 324.
- ⁸¹ Н. R a b i n o. Mazanderan and Astrabad. L., 1928, с. 28—30, 44, 48—50.
- ⁸² АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив». 1—9, оп. 8, 1847—1854, д. 11.
- ⁸³ The Economic History of Iran, с. 232.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ O. B l a u. Commercielle Zustände Persiens. Aus den Erfahrungen einer Reise im Summer. 1857, B., 1858, с. 82.
- ⁸⁶ The Economic History of Iran, с. 245.
- ⁸⁷ Ф. Б у з е. О земледелии и промышленности в Гиляне и Мазандеране, с. 12.

- ⁸⁸ О. В л а у. Commercielle Zustände Persiens, с. 82.
- ⁸⁹ The Economic History of Iran, с. 241.
- ⁹⁰ Ф. А д а м и я т. Амир-е Кабир, с. 227—230.
- ⁹¹ А. К. S. L a m b t o n. Landlord and Peasant in Persia, с. 157—158, 170.
- ⁹² В. В. Т р у б е ц к о й. Роль оседло-кочевых племен Ирана в период нового времени.— Очерки новой истории Ирана. М., 1978, с. 178.
- ⁹³ Там же. См. также Ш. Г в и л а в а. Иранские туркмены (Краткий историко-этнографический очерк). Тб., 1968 (на груз. яз.); Б.-Р. Л о г а ш е в а. Туркмены Ирана (Историко-этнографическое исследование). М., 1976; Б. П. Б а л а я н. Племена южного Ирана. Ер., 1977.
- ⁹⁴ См.: Н. А. Х а л ф и н. Борьба за Курдистан. М., 1964; М. С. Л а з а р е в. Курдистан и курдская проблема М., 1964.
- ⁹⁵ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив». 1—9, оп. 8, 1851, д. 13, л. 61—63.
- ⁹⁶ В. В. Т р у б е ц к о й. Роль оседло-кочевых племен Ирана..., с. 186.
- ⁹⁷ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив». 1—9, оп. 8, 1848—1851, д. 12, ч. 4, л. 154—155; А х м а д К а с р а в и. Тарих-е пансадсале-йе Хузестан. Техран, 1312, с. 144.
- ⁹⁸ Е. И. Ч и р и ж к о в. Путевой журнал русского комиссара-посредника, с. 638.
- ^{99а} АВПР. Ф. «Миссия в Персии». Оп. 528а, 1833—1837, д. 101, л. 4—5.
- ⁹⁹ Р. Oberling. The Qashqā'i-Nomads of Fars. The Hague. P., 1974, с. 39—55.
- ¹⁰⁰ Д. В. В а л и е в а. Среднеазиатско-иранские отношения в первой половине XIX в.— Взаимоотношения народов Средней Азии и сопредельных стран Востока в XVIII—начале XX в. Таш., 1963, с. 45.
- ¹⁰¹ Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2. М.—Л., 1938, с. 222.
- ¹⁰² АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив». 1—9, оп. 8, 1829, д. 13, ч. 13, л. 42—43.
- ¹⁰³ Там же, 1835—1838, д. 11, л. 6.
- ¹⁰⁴ Там же, 1836—1837, д. 13, л. 2.
- ¹⁰⁵ Там же, 1835—1840, д. 12, л. 5; 1837—1843, д. 12, л. 3, 10, 12.
- ¹⁰⁶ Там же, 1837—1843, д. 12, л. 3.
- ¹⁰⁷ Там же, л. 25.
- ¹⁰⁸ Там же, 1839—1841, д. 11, л. 5—6.
- ¹⁰⁹ Там же, 1837, д. 1, л. 282.
- ¹¹⁰ Там же, 1842—1856, д. 12, л. 208.
- ¹¹¹ Там же, л. 209.
- ¹¹² Там же, л. 211.
- ¹¹³ Там же, 1837, д. 1, л. 280.
- ¹¹⁴ Л. К. А р т а м о н о в. По Афганистану. Гератская провинция. Ашх., 1895, с. 76.
- ¹¹⁵ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив». 1—9, оп. 8, 1840—1841, д. 7, л. 6.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Там же, л. 8.
- ¹¹⁸ Там же, 1841—1843, д. 7, л. 14.
- ¹¹⁹ Там же, л. 45, 46.
- ¹²⁰ Там же, л. 117—119.
- ¹²¹ Там же, 1842—1856, д. 12, л. 104—105.
- ¹²² Там же, 1839—1841, д. 1, л. 15.
- ¹²³ АВПР. Ф. «Миссия в Персии». Оп. 528а, 1837, д. 1, л. 223, 224.
- ¹²⁴ История народов Узбекистана. Т. 2. Таш., 1947, с. 171; Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2, с. 306.
- ¹²⁵ АВПР. Ф. «Миссия в Персии». Оп. 528а, 1842—1870, д. 249, л. 61.
- ¹²⁶ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив», 1—9, оп. 8, 1841—1843, д. 7, л. 121.
- ¹²⁷ Там же, л. 21.
- ¹²⁸ Р. S y k e s. History of Persia. Т. 2, с. 463.
- ¹²⁹ [К о р н и л о в]. Историческая справка по вопросу о границах Хорасана с владениями России и Афганистана.— «Сборник материалов по Азии». Вып. 78. СПб., 1905, с. 4.
- ¹³⁰ Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2, с. 322.
- ¹³¹ Там же, с. 310.
- ¹³² К. д е Б о д е. Очерки туркменской земли и Юго-Восточного побережья Каспийского моря, с. 136.

- ¹³³ [Мак-Грегор]. Хорассан. Путешествие по северо-восточным провинциям Персии, с. 21, 22.
- ¹³⁴ The Economic History of Iran, с. 102—103.
- ¹³⁵ Собоцинский. Персия. Статистико-экономический очерк. СПб., 1913, с. 13—15.
- ¹³⁶ И. М. Смиллянская. Системы земельной собственности и социальная стратификация на Ближнем Востоке (позднее средневековье).— «Народы Азии и Африки». 1971, № 1, с. 71.
- ¹³⁷ Зейн-аль-Абедин Марагеи. Моншаат. Т. 1. Тегран, 1910, с. 120, 175.
- ¹³⁸ И. Шопен. Исторический памятник состояния Армянской области, с. 478—480.
- ¹³⁹ Там же, с. 483, 484.
- ¹⁴⁰ Там же, с. 448—540.
- ¹⁴¹ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив». II—3, оп. 34, 1831, д. 8, л. 140.
- ¹⁴² Там же.
- ¹⁴³ См.: «Современник». Т. 63, 1856, отд. II, с. 109—110.
- ¹⁴⁴ Г. Друвиль. Путешествие в Персию в 1812—1813 гг. Ч. I, с. 98.
- ¹⁴⁵ Там же, с. 97.
- ¹⁴⁶ Ф. А. Бакулин. Очерки торговли с Персией. СПб., 1875, с. 211.
- ¹⁴⁷ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив». 1—9, оп. 8, 1847—1854, д. 11, л. 297—301.
- ¹⁴⁸ АВПР. Ф. «Миссия в Персии». Оп. 528а, д. 278, л. 28, 52, 56, 116, 118.
- ¹⁴⁹ Там же, д. 265, л. 57.
- ¹⁵⁰ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив». II—3, оп. 34, 1831, д. 8, л. 33—33об.
- ¹⁵¹ Там же, л. 244—245.
- ¹⁵² И. Н. Березин. Путешествие по Востоку. Т. II, с. 46—47.
- ¹⁵³ С. Н. Григорян. Беизм как идеологическое оружие англо-американского империализма в Иране. Автореф. канд. дис. М., 1951, с. 8.
- ¹⁵⁴ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив». 1—9, оп. 8, 1847—1854, д. 11, л. 180.
- ¹⁵⁵ Там же, 1848—1849, д. 14, л. 104—105.
- ¹⁵⁶ Там же, 1854, д. 9, л. 51.
- ¹⁵⁷ АВПР. Ф. «Миссия в Персии». Оп. 528а, д. 265, л. 31, 42.
- ¹⁵⁸ Общий взгляд на Гилян, с. 100.
- ¹⁵⁹ АВПР. Ф. «Миссия в Персии». Оп. 528а, д. 278, л. 116.
- ¹⁶⁰ В. А. Жуковский. Разъяснения к заметке «Недавние казни в городе Йезде».— «Записки Восточного отделения Русского археологического общества». Т. VII, 1893, с. 327.
- ¹⁶¹ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив». 1—9, оп. 8, 1827, д. 15, л. 100.
- ¹⁶² Там же, II—3, оп. 34, 1831, д. 8, л. 213об.
- ¹⁶³ The Economic History of Iran, с. 76.
- ¹⁶⁴ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив». 1—9, оп. 8, 1848—1851, д. 12, ч. 4, л. 200.
- ¹⁶⁵ Н. Jones Brydges. An Account of the Transactions of His Majesty's Mission to the Court of Persia in the Years 1808—1811. L., 1834, с. cliv.
- ¹⁶⁶ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив». 1—9, оп. 8, 1841—1843, д. 7, л. 118—119.
- ¹⁶⁷ Там же, II—3, оп. 34, 1836, д. 51, ч. 1, л. 13—14об.
- ¹⁶⁸ Там же, 1831, д. 8, л. 16.
- ¹⁶⁹ Там же, л. 10.
- ¹⁷⁰ Там же, 1—9, оп. 8, 1827—30, д. 15, л. 100.
- ^{170а} Там же, 1841—1843, д. 7, л. 100.
- ¹⁷¹ A. K. S. Lambton. The Case of Hajji Abd al-Kazim. A Study of the Role the Merchant in Mid-Nineteenth Century in Persia.— Iran and Islam. Edinburgh, 1971, с. 331.
- ¹⁷² АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив». 1—9, оп. 8, 1835—1839, д. 9, л. 71.
- ¹⁷³ АВПР. Ф. «Миссия в Персии». Оп. 528а, 1844—1859, д. 377, л. 678—683.
- ¹⁷⁴ The Economic History of Iran, с. 262—267.
- ¹⁷⁵ См.: К. Маркс. Революция в Китае и в Европе.— К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е Т. 9, с. 100; К. Маркс. Денежный кризис в Европе.— Из истории денежного обращения.— Т. 12, с. 68—69; Ф. Энгельс. Конраду Шмидту.— Т. 37, с. 415.
- ¹⁷⁶ Цит. по: П. П. Бушев. Герат и англо-иранская война 1856—1857 гг., с. 210.

- 177 The Economic History of Iran, с. 83.
 178 Там же, с. 130.
 179 См.: «Журнал мануфактур и торговли», 1840, июль, с. 69—72, 136.
 180 A. K. S. Lambton. The Case of Hajji Abd al-Kazim, с. 331.
 181 АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив». 1—9, оп. 8, 1844—1853, д. 14, л. 29.
 182 Там же, 1843, д. 14, л. 72.
 183 Там же, д. 12, л. 1.
 184 Там же, 1848—1853, д. 14, л. 100.
 185 О. П. Маркова. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966; с. 81; Н. Г. Куканова. Очерки по истории русско-иранских торговых отношений, с. 170—171.
 186 АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив». 1—9, 1844—1853, д. 14, л. 28.
 187 The Economic History of Iran, с. 100.
 188 Там же.
 189 АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив». 1—9, оп. 8, 1847—1854, д. 11, л. 123—184.
 190 См.: H. Jones Vrydges. An Account of the Transactions of His Majesty's Mission to the Court of Persia in the Years 1807—1811, с. СХХХIII и сл.
 191 АВПР. Ф. «Миссия в Персии». 1836—1838, д. 271, л. 20—25.
 192 АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив». 1—9, оп. 8, 1842, д. 11, л. 2.
 193 АВПР. Ф. «Миссия в Персии», оп. 528а, 1898—1899, д. 2282, л. 9.
 194 Там же, л. 15.
 195 G. Surzon. Persia and the Persian Question. Т. II, с. 15.
 196 G. Towler. Drei Jahre in Persien und Reiséabendtheur in Kurdistan. Übersetzt G. Richard. Т. 3, Aachen und Lpz., 1845, с. 257—258.
 197 Там же, с. 259—260.
 198 К. де Боде. Очерки туркменской земли и Юго-Восточного побережья Каспийского моря. Очерк III, с. 464.
 199 The Economic History of Iran, с. 292.
 200 АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив». 1—9, оп. 8, 1853, д. 8, л. 16, 51, 155, 276.
 201 М. А. Джамаль-заде. Гандже-е шайеган йа авзан-йе эктесади-йе Иран. Берлин, 1335, с. 93.
 202 Там же.
 203 Ф. Адамайат. Амир-е Кабир ва Иран. Чап-е 3. Техран, 1348, с. 218.
 204 АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив». 1—9, оп. 8, 1844—1853, д. 14, л. 137.
 205 П. Раджаби. Карим-хан Зенд ва заман-е у. Техран, 1352, с. 245.
 206 А. М. Агахи. Из истории общественной и философской мысли в Иране. Баку, 1971, с. 43, 63.
 207 Там же, с. 70, 71.
 208 Там же, с. 79.
 209 Там же, с. 83.
 210 Там же, с. 81.
 211 Там же, с. 139—142.
 212 H. Algar. Religion and State in Iran. 1785—1906. The Role of the Ulama in the gajar Period. Berkeley — Los Angeles, 1969, с. 123.
 213 Там же, с. 137.
 214 Там же, с. 42.
 215 М. Л. Томара. Экономическое положение Персии, с. 60.
 216 Мирза Казем-Бек. Баб и бабиды: религиозно-политические смуты в Персии в 1844—1852 гг. СПб., 1865, с. 192.
 217 H. Algar. Religion and State in Iran, с. 5—9.
 218 Там же, с. 17, 34.
 219 J. Malcolm. Histoire de la Perse. Т. 2, с. 252.
 220 Исмаил Раин. Хокук бегиран-е инглис дар Иран. Техран, 1347, с. 100, 103.
 221 АКАК. Т. 7, с. 689.
 222 К. Смирнов. Персы. Очерк религий Ирана. Тифлис, 1916, с. 239—240.
 223 См.: H. Algar. Religion and State in Iran, с. 108—120.
 224 J. Malcolm. Histoire de la Perse. Т. 2, с. 421.
 225 H. Algar. Religion and State in Iran, с. 37, 39.
 226 Н. Шеталов. Город Йезд.— «Сборник Средне-Азиатского отдела Общества востоковедения». СПб., 1907, с. 54.

- ²²⁷ М. С. Иванов. Бабидские восстания в Иране 1848—1852 гг. Л., 1939, с. 57.
- ²²⁸ Исмаил Раин. Хокук бегиран-е инглис дар Иран, с. 180.
- ²²⁹ Там же, с. 98; Ф. Адамийат. Амир-е Кабир ва Иран, с. 418—419..
- ²³⁰ Ф. Адамийат. Амир-е Кабир ва Иран, с. 48—49, 421—422.
- ²³¹ F. Kazemzadeh. Russia and Britain in Persia. 1864—1914. A Study in Imperialism. New Haven — London, 1968, с. 397, 400.
- ²³² См. А. Аршаруни. Беханизм. М., 1930, с. 90.
- ²³³ H. Aligar. Religion and State in Iran, с. 15.
- ²³⁴ Там же, с. 18—19.
- ²³⁵ Ф. Адамийат. Амир-е Кабир ва Иран, с. 422—426; АВГР. Ф. «СПб. Гл. Архив». 1—9, оп. 8, 1850, д. 10, л. 100.
- ²³⁶ Ф. Адамийат. Амир-е Кабир ва Иран, с. 418; Д. М. Анаркулова. Реформы мирзы Таги-хана (1848—1851): их социальное и политическое значение. Автореф. канд. дис. М., 1978, с. 16.
- ²³⁷ Маджма-ие асар-е мирза Малкум-хан. Техран, 1352, с. «дж».

Глава IV

¹ К. Маркс. Объявление войны. К истории восточного вопроса.— К. Маркс, и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 10, с. 167.

² Коран. Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М., 1963.

³ И. П. Петрушевский. Ислам в Иране в XII—XV в. Л., 1966. Со времени арабских завоеваний «областью ислама» (дар-аль-ислам) или «областью веры» (дар-ад-дин) называлась страна, находящаяся под властью мусульманского правительства и управляемая на основе мусульманских законов, даже если большинство населения не являлось мусульманами. «Областью войны» (дар-аль-харб) назывались страны, населенные «неверными» или мусульманами, управляемые «неверными» правителями. «Областью мира» (дар-ас-сульх) считали вассальные немусульманские государства, например Грузию, когда грузинские цари признавали свою зависимость от иранских шахов.

⁴ И. Ю. Алексеева. К проблеме типологической характеристики персидской лирики XVIII в. (Литературное движение «Базгашт»).— «Вестник МГУ». Серия 13. Востоковедение. М., 1979, № 3, с. 44—45.

⁵ Там же, с. 48.

⁶ Там же.

⁷ И. П. Петрушевский. Ислам в Иране в XII—XV вв., с. 274.

⁸ См.: И. А. Ибрагимов. Мохаммед Садик Фахр оль-ислам (из истории религии Ирана XIX в.).— Иран. Экономика. История. Историография. Литература. М., 1976, с. 156—160.

⁹ P. W. English. Nationalism, Secularism and Zoroastrians of Kerman.— Cultural Geography: Selected Reading. N. Y., 1967, с. 276.

¹⁰ В. А. Гордлевский. Соч. Т. 1. М., 1963, с. 257.

¹¹ И. П. Петрушевский. Ислам в Иране в XII—XV вв., с. 185.

¹² А. Мец. Мусульманский ренессанс. М., 1966, с. 39.

¹³ После введения в Иране светских судов (адлие) третейские суды иноверческих общин должны были действовать по кодексу гражданского судопроизводства. Большинство иранцев продолжало считать, что светские суды, если в них рассматривались гражданские дела иноверцев, должны были все равно охранять права мусульман и не допускать уравнивания в правах иноверцев с мусульманами. Функции светского суда и иноверческих общинных судов долгое время оставались нечеткими. Например, в распоряжении премьер-министра Мошаввероль-Молька (1911 г.) говорилось: «В случае, если обе тяжущиеся стороны принадлежат к армянской нации и их тяжба относится к области религии, то таковая должна разбираться по христианским законам и адлие не должно вмешиваться в это дело. Если же одна из тяжущихся сторон принадлежит к мусульманской нации, а противная сторона к армянской, и дело их относится к области религии, то таковое должно разбираться в адлие, согласно установленным законам государства» (С. Аракелян. Автономные права национальных меньшинств в Персии.— «Новый Восток», кн. 10—11, 1925, с. 272).

¹⁴ С. Аракелян. Автономные права национальных -меньшинств, с. 280.

¹⁵ АВПР. Ф. «Персидский стол». Оп. 528а, д. 4012, л. 30—31.

¹⁶ И. П. Петрушевский. Ислам в Иране в XII—XV вв., с. 274.

¹⁷ Там же.

¹⁸ В. А. Жуковский. О положении гебров в Персии.— «Журнал министерства народного просвещения». Т. 237, 1885, январь, с. 83-85.

¹⁹ P. W. English. Nationalism, Secularism and Zoroastrians of Kerman, с. 275—276.

²⁰ И. П. Петрушевский. Ислам в Иране в XII—XV вв., с. 274; S. K. Nwee a. Persia. The Land of the Magi or the Home of the Wisemen. Urmia, 1904, с. 100.

²¹ Путешественник из Прибалтики К. К. Рейгартен в 1895 г. посетил Иран. Он был очень удивлен, когда узнал, что мусульмане стали считать возможным есть из одной посуды с христианами (АВПР. Ф. «Миссия в Персии». 1895, оп. 528а, № 2160, л. 2).

²² По другим данным, евреи, жившие в нищете, унижении и презрении, обязаны были носить на голове особого цвета колпаки, чтобы выделяться среди жителей города (Журденъ. О народах, обитающих в Персии.— «Вестник Европы». 1815, № 8, отд. 4, с. 292-293).

²³ R. Waterfield. Christians in Persia, с. 117.

²⁴ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив». 1-9, 1824-1825, оп. 8, д. 3, л. 8.

²⁵ Характерна судьба земельных владений и прочего имущества одного из видных сановников Ирана, Манучехр-хана, обладавшего большим движимым и недвижимым имуществом. После его смерти в 1847 г. садра-азам хаджи мирза Агаси присвоил себе значительную часть недвижимого имущества Манучехр-хана в Гиляне. Насер-ад-Дин, вступив на престол, объявил собственностью шаха все конфискованные имения Манучехр-хана. Однако по сведениям московского купца Таги Мамедова, часть товаров которого в Гиляне была незаконно захвачена Манучехр-ханом, в собственность шаха перешла лишь часть имущества Манучехр-хана. В Реште оставались «деревни с шелковичными деревьями, дома и лавки, приносящие ежегодно до 300 000 рублей» (см. АВПР. Ф. «Миссия в Персии». Оп. 528а, д. 265, л. 31, 42, 57). Управляя этими имениями рештский моджтехид хаджи мулла Рафи, и доходы с них вначале отсылал наследнику — племяннику Манучехр-хана мирзе Давуд-хану Меликову. Но по распоряжению шахского двора владельцем этого имущества был объявлен новый исфаханский правитель — Гурген-хан.

²⁶ Н. Шеталов. Город Йезд.— «Сборник Средне-Азиатского отдела Общества востоковедения». СПб., 1907, с. 88-89, 99.

²⁷ В. А. Жуковский. О положении гебров в Иране, с. 83—85.

²⁸ Г. М. Керимов. Шариа и его социальная сущность. М., 1978, с. 188.

²⁹ С. Гмелин. Путешествие по России для исследования трех царств естества. Ч. 2—3., СПб., 1777—1785.

³⁰ The Economic History of Iran, с. 32.

³¹ Г. М. Керимов. Шариа и его социальная сущность, с. 186.

³² В конце XIX в. правительство рассматривало вопрос о самоуправлении инноверческих общин. По фирману 1899 г. были установлены энджумены для парских общин — коллегиальные учреждения, состоявшие из взыборных лиц. Они собирались еженедельно и безвозмездно разрешали спорные дела. В случае конфликта парса с мусульманином интересы парса в суде и перед властями отстаивал энджумен. Некоторые авторы считают, что именно эти энджумены послужили прообразом энджуменов, возникших в ходе иранской революции 1905—1911 гг. (см.: М. П. Павлович. Очерки политической борьбы в Персии.— М. Павлович, С. Иранский. Персия в борьбе за независимость. М., 1925).

³³ The Economic History of Iran, с. 22.

³⁴ Л. К. Артамонов. По Афганистану. Гератская провинция. Ашх., 1895, с. 44.

³⁵ См.: Н. А. Кузнецова. К характеристике торгового капитала в Иране в конце XVIII—60-х годах XIX в.— Товарно-денежные отношения на средневековом Востоке. М., 1979, она же. Об участии немусульман в торговле Ирана.— Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980.

- ³⁶ Ф. Адамий а.т. Амир-е Кабир ва Иран, с. 48—49, 421—422.
- ³⁷ G. Curzon. Persia and Persian question. T. 2. L., 1892, с. 563—564.
- ³⁸ См.: R. Waterfield. Christians in Persia.
- ³⁹ Б. Н. Заходер. Православная миссия в Урмии (Из деятельности царской России в Персии).— «Атеист», 1930, № 49, с. 37.
- ⁴⁰ АВПР. Ф. «СПб. Гл. Архив». 1—9, оп. 8, 1828, д. 13, ч. 17, л. 165—168.
- ⁴¹ АВПР. Ф. «Миссия в Персии». 1863—1869, оп. 528а, д. 36, л. 3—4.
- ⁴² Там же, л. 4.
- ⁴³ И. Ибрагимов. К вопросу об учреждении русской духовной миссии в Урмии в конце XIX века.— «Ученые записки Азерб. гос. университета». Серия истории и философии. 1966, № 4, с. 71.
- ⁴⁴ R. Waterfield. Christians in Persia, с. 112.
- ⁴⁵ The Economic History of Iran, с. 31.
- ⁴⁶ R. Waterfield. Christians in Persia, с. 115.
- ⁴⁷ Там же, с. 114—115.
- ⁴⁸ G. Curzon. Persian and Persian Question. T. II, с. 563—564.
- ⁴⁹ Там же, с. 197.
- ⁵⁰ The Economic History of Iran, с. 63.
- ⁵¹ P. English. Nationalism, Secularism and Zoroastrians of Kerman, с. 275—276.
- ⁵² The Economic History of Iran, с. 23.
- ⁵³ Н. Шеталов. Город Йезд, с. 116—117. Решение организовать Общество по изучению и возрождению зороастризма было принято по инициативе Хоршида Рустама Кама в 1852 г. С 1853 г. Общество начало функционировать. Первым представителем индийских парсов в Иране был известный парсский купец и общественный деятель Манукджи (Манукчи) Сахиб (1853/54—1892), затем его место заняли Кейхосруджи-хан (1893—1894) и Ардеширджи Эдельджи Сахиб (1894—1897), которые брали на откуп налоги парсской общины и выступали в качестве защитников и покровителей иранских парсов. С 1897 г., когда позиции иранских парсов упрочились, эти обязанности стал выполнять йездский парс Данияр Бахрам Калантар.
- ⁵⁴ В. А. Жуковский. О положении гебров в Персии, с. 89; К. Н. Смирнов. Персы. Очерк религии Ирана. Тифлис, 1916, с. 100.
- ⁵⁵ The Economic History of Iran, с. 63.
- ⁵⁶ А. Миллер. Отчет о командировке в Керман.— «Сборник материалов по Азии». Вып. 77, 1904; он же. Политическое значение Кермана и Персидского Белуджистана.— «Сборник материалов по Азии». Вып. 80., 1907
- ⁵⁷ Lady M.-L. Sheil. Glimpses of Life and Manners in Persia. L., 1856, с. 105.
- ⁵⁸ Индийское Общество покровительства бедным парсам в Иране долго добивалось получения охранного фирмана для парсов. Лишь в начале 80-х годов английский посланник Р. Т. Томсон получил шахский фирман о правах парсов в Иране. Вскоре парсам были выданы и другие гарантии. На основании фирмана 1308 г. (февраль 1899) в Йезде и Кермане было основано общество зороастрийцев — «Энджумен-е насер-е зардуштиан» (АВПР. Ф. «Миссия в Персии». 1898—1899, оп. 528а, д. 2282, лл. 28—29). В начале XX в. в Тегеране было отлитографированы учебник по зороастризму для детей и книга «Фуруг-е маздайсни» Кайхосрова Кермани по заказу зороастрийской общины Тегерана и Бомбея. Организовал издание парс Арбаб Джамшид Раис-ат-Годжар. Тираж (4223 экз.) был подписанным. Сам Арбаб взял 500 экз., его сыновья — 100. В Тегеране было распространено 2040, в Кермане — 876, Йезде — 744, Исфахане — 350, Кашане — 58, в Хамадане, Ширазе, Кули — 100 экз. (см.: О. П. Щеглова. Иранская литографированная книга. М., 1979, с. 111—112). Эти цифры говорят о перемещении парсов из Йезда и Кермана, где они в основном жили в первой половине XIX в., в другие города Ирана и о том, что парсская община в Тегеране стала и многолюдней и богаче.
- ⁵⁹ Н. А. Кузнецова. Политическое и социально-экономическое положение Ирана в конце XVIII—первой половине XIX в.— Очерки новой истории Ирана. М., 1978, с. 61.
- ⁶⁰ См. письмо А. Г. Туманского акад. В. Р. Розену от 28 февраля/11 марта 1892 г.— ЛО Архива АН СССР. Ф. 777, оп. 2, № 458.

⁶¹ М. С. Недоброе место. Письма доктора М. С. с южного побережья Каспия.— Хмыровская коллекция ГИПБ. Персия. Т. 10, № 8, с. 15.

⁶² Так, в июне 1897 г. в Керманшахе вспыхнули беспорядки. Во время траурной шиитской процессии курд-суннит с ехидством отозвался о шиитских траурных процессиях. Через минуту он валялся на земле избитый и с отрезанными ушами. Разъяренная толпа отправилась к дому турецкоподданного богача Абд-ар-Резака (суннита), и некий Мохаммад-Ибрахим, из людей керманшахского моджтехида хаджи Али, зарубил его кинжалом. Турецкий консул заявил протест. Губернатор арестовал не только убийц, но и неучастных к делу суннитов. Этот арест взволновал весь город. Лавки закрылись. Все схватились за оружие. Нападению подверглись два керманшахских еврея, которые спаслись «только благодаря присущей их расе прыткости». Турецкий консул и многие турецкоподданные купцы покинули Керманшак. А шиитское население Керманшаха при участии властей подготовило коллективное прошение («мазбашу»), в котором обвинило в беспорядках суннитов, которые якобы и убили Абд-ар-Резака. Евреев заставили подписать этот документ с помощью угроз.

⁶³ См. подробнее: С. В. Шостакович. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова; Б. П. Балаян. Международные отношения Ирана, с. 244 и сл.

⁶⁴ АКАК. Т. 7, с. 669.

⁶⁵ Там же, с. 673—674.

⁶⁶ См.: Б. П. Балаян. Международные отношения Ирана, с. 244—255.

⁶⁷ О переселении армян в пределы Российской империи в соответствии с Туркманчайским трактатом см.: С. Глинка. Описание переселения армян азербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении. М., 1831; З. Т. Григорян. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX века. М., 1959.

⁶⁸ АВПР. Ф. «Миссия в Персии». Оп. 528а, д. 42 (1848 г.), л. 12.

⁶⁹ Обычно в острые моменты массового накала антииниоверческих страстей моджтехида издавали фетву, напоминая мусульманам, что притеснение и уничтожение приверженцев других религий является делом запрещенным. Так было, например, в годы иранской революции, когда в Кермане начались преследования парсов и евреев.

⁷⁰ М. С. Иванов. Антифеодальные восстания в Иране в середине XIX в. М., 1982, с. 213.

⁷¹ О Стивенсе см.: П. П. Бушев. Герат и англо-иранская война, с. 57, 58, 63.

⁷² Сведения об этом имеются в описаниях путешествий в Иран.

⁷³ Б. Н. Заходер. Православная миссия в Урмии, с. 30.

⁷⁴ О деятельности протестантских миссий см.: Архимандрит Иона. Протестантская пропаганда среди православных христиан Востока. СПб., 1911; А. М. Колубакин. Деятельность протестантских миссий в северо-восточной части Азиатской Турции.— ИКОИРГО. Т. IX. Вып. 1. Тифлис, 1887; З. З. Абдуллаев. Начало американской экспансии в Иран. М., 1963.

⁷⁵ Б. Н. Заходер. Православная миссия в Урмии, с. 36—43.

⁷⁶ R. Waterfield. Christians in Persia, с. 80.

⁷⁷ Там же, с. 91.

⁷⁸ J. V. Fraser. Travels and Adventures in the Persian Provinces on Southern Banks of the Caspian Sea. L., 1826, с. 307.

Глава V

¹ А. П. Берже. А. С. Грибоедов в Персии и на Кавказе, 1818—1828.— «Русская старина», 1874. № 10, с. 765; И. Н. Березин. Путешествие по Востоку. Т. II. Путешествие по Северной Персии. Казань. 1852, с. 27.

² К. Маркс. Революция в Китае и в Европе.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 9, с. 100.

³ Реза-Кули-хан Хедаят. Роузат ас-сафа-йе Насери. Т. 10. Техран, 1247/1857, с. 421.

⁴ Слово «Баб» (по-арабски «дверь», «врата») имеет особый смысл в мусульманской богословской литературе. Известно высказывание пророка Мухаммеда:

«Я — город знания, Али — дверь этого города». У халифа Али, зятя пророка Мухаммеда, наиболее почитаемого шиитами, родоначальника имамата, был титул «Дверь истины», «Дверь познания». Главы некоторых мусульманских сект и суфийско-дервишеских орденов широко использовали слово «Баб» в титулатуре и в качестве особого термина.

⁵ Шииты считают, что потомки Али являются воплощением бога, имама-ми. Им поручено руководить человечеством, чтобы оно не сошло с пути истинного. Ортодоксальные шииты почитают двенадцать имамов, а исмаилиты — семь. Но и те, и другие последним имамом считают Махди, который будто бы скрылся от людей в 873 г. и должен появиться вновь, чтобы установить на земле порядок и справедливость. Полный титул Махди — «Ходжат-оль-Каем аль-Махди Сахиб-аз-Заман» — Самодержавная истина, Махди, хозяин века (или господин мира). Каждое из этих слов имеет особый смысл и широко используется в богословской литературе, особенно в суфийско-дервишеской, в сектантской; «Ходжат» (вернейшее доказательство, истина, истинная власть) — один из эпитетов бога; «ходжатами» называют пророков. «Каем» (самодержавный, невидимосущий, невидимо управляющий судьбами мира) — эпитет имамов. Баб тоже называл себя Каемом.

Накануне появления Сахиб-аз-Замана — имама Махди в Мекке, — по верованиям шиитов, должен объявиться на земле Даджал, мусульманский антихрист. К появлению имама Махди мир должен подготовить его предшественник, за которого и выдавал себя Баб. Мусульмане ожидают, что в конце владычества сатаны солнце взойдет с запада. Все эти представления о Махди-избавителе прочно вошли в сознание народных масс не только Ирана, но и всего мусульманского мира. Учение о приходе нового мессии — одно из древнейших на Востоке. Периодически появлялись проповедники, воскрешавшие идею махдизма, например сейид Мухаммед из Джайпура в Индии (XV в.), Шах-Вали-Улла в Индии (XVIII в.), Мухаммед ибн Абд-аль-Ваххаб в Аравии (XVIII в.), Баб в Иране.

⁶ Мирза Казем-бек. Баб и бабиды: религиозно-политические смуты в Персии в 1844—1852 гг. СПб., 1865, гл. I; Г. Батюшков. Бабиды. Персидская секта. Очерк. СПб. («Вестник Европы». 1897, кн. 7), с. 8; E. G. Brown. The Babis of Persia. I. Sketch of Their History and Personal Experiences among Them. II. Their Literature and Documents. — JRAS. 1889, T. 21, с. 486 и сл.

⁷ До сих пор в советской иранистике нет обстоятельной работы о шейхитах. Несколько страниц их учению посвятили: М. С. Иванов (см.: Бабидские восстания в Иране 1848—1852. Л., 1939, с. 57—60); А. М. Агахи (Из истории общественной и философской мысли в Иране. Б., 1971, с. 139—142); Н. К. Белова, В. Б. Никитина. Иран. — Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX—начало XX в.). М., 1973, с. 107.

⁸ К. Н. Смирнов. Персы. Очерк религий Ирана. Тифлис, 1916, с. 153. О шейхизме см.: Мохаммад-Реза Фашахи. Вапасин джомбеш-е горун-е воста дар доуран-е феудал. Тегран, 2536, с. 57—81. На с. 213 помещен портрет шейха Ахмада Ахсаи.

⁹ Г. Батюшков. Бабиды, с. 7—8.

¹⁰ О тариате см.: «Русское слово», 1859, декабрь.

¹¹ Г. Батюшков. Бабиды, с. 7; М. С. Иванов. Бабидские восстания, с. 57.

¹² E. G. Brown. Some Remarks of the Babi Texts. Ed. by Baron Victor Rosen. — JRAS, 1892, с. 264—265.

¹³ Там же, с. 268.

¹⁴ М. С. Иванов. Бабидские восстания, с. 159.

¹⁵ Н. К. Белова, В. Б. Никитина. Иран, с. 109—110. Интересно отметить, что во время антимонархического движения 1978—1979 гг. необходимость свержения шахской династии Пехлеви обосновывалась «незаконностью» ее существования с точки зрения шиитской догматики.

¹⁶ Н. М. Зарбахт. Роль шиитского духовенства в общественно-политической жизни Ирана последней трети XIX века. Автореф. канд. дис. Таш., 1975, с. 19.

¹⁷ A. Gobineau. Les Religions et les Philosophies dans l'Asie Centrale. P., 1865, с. 148—149.

¹⁷ Из донесения Аничкова от 15 июня 1855 г.— ЛО Архива АН СССР. Ф. 777, оп. 1, № 98, л. 2. Каджары объявлялись узурпаторами власти, а шиитское духовенство — их защитниками. Некоторые шиитские моджтехиды также заявляли о «незаконности» власти Каджаров.

¹⁹ Ф. А. Бакулин. Очерки торговли с Персией. СПб., 1875, с. 102—103.

²⁰ З. и Д. Навширвановы. Коммунистические течения в истории мусульманской культуры.— «Новый Восток». № 4, 1923, с. 274—279.

²¹ O. Klim a. Mazdak. Geschichte eines sozialen Bewegung in Sassanidischen Persia. Praque, 1957.

²² Ж. Шано. Эгалитарные и утопические традиции на Востоке.— «Народы Азии и Африки», 1968, № 5, с. 238.

²³ Некоторые бабиды были противниками единобрачия. Мирза Яхья Собхе-Азаль был сторонником многоженства. Куррат-уль-Айн, выступая за равноправие женщин с мужчинами, отстаивала многомужество, а во время восстания в Мазендеране в осажденной крепости Шейх-Табери были провозглашены общими не только пища, одежда, дома, земля, но и женщины.

²⁴ Впоследствии Беха-Улла, развивая эти мысли Баба, призывал своих сторонников учиться, самоусовершенствоваться, изучать науки и искусства, не уничтожать книги, с пользой для людей общаться с иноверцами (В. Р. Розен. Послание «Благие вести».— «Записки Восточного отделения Русского археологического общества». Т. VII, 1893).

²⁵ В. В. Бартольд. Рецензия на книгу Х. Ромера.— Сочинения. Т. VI. М., 1966, с. 387.

²⁶ Мирза Казем-Бек. Бабиды, с. VI.

²⁷ E. G. Browne. Catalogue and Description of 27 Babi Manuscripts.— JRAS, 1892, с. 480.

²⁸ Там же.

²⁹ Здесь говорится об одном из основных шейхитских положений о перевоплощении, т. е. о переходе божественных свойств имама Хосейна в муллу Хосейна Бошруе. Такое утверждение Баба должно было особенно высоко поднять авторитет его верного приверженца и соратника Хосейна Бошруе.

³⁰ ЛО Архива АН СССР. Ф. 68, оп. 1, № 501а. Бабиды. Материалы неизвестного происхождения, л. 1.

³¹ Там же, л. 5.

³² См. рецензию В. В. Бартольда на книгу Х. Ромера, с. 432.

³³ Мирза Казем-Бек. Бабиды, с. 6.

³⁴ Там же, с. 10.

³⁵ E. G. Browne. Catalogue and Description of 27 Babi Manuscripts, с. 637—638.

³⁶ Мирза Казем-Бек. Бабиды, с. 56, 57.

³⁷ См. письмо А. Ф. Баумгартена Ф. А. Бакулину от 11(23) апреля 1873 г. из г. Шахруда (Архив востоковедов ЛО ИВ АН, фонд Жуковского).

³⁸ С. Н. Григорян считал, что Беха-Улла примкнул к бабидам приблизительно в 1845 г. и «принимал самое активное участие в разложении рядов восставших. Во время восстания в Мазендеране, Нейризе и Зенджане Беха-Улла и его сторонники появляются в этих местах с целью предательства и разложения рядов восставших» (С. Н. Григорян. Бехаизм как идеологическое оружие англо-американского империализма в Иране. Автореферат канд. дис. М., 1951, с. 9). См. также: Китабе Акдес. «Священная книга современных бабидов. Текст, перевод, введение и приложения А. Г. Туманского.— «Записки АН по ист.-филологич. отделению». Т. 3, № 6, 1899, с. VI—VII. По мнению С. Н. Григоряна, покушение на шаха было организовано английским посольством в Тегеране (С. Н. Григорян. Бехаизм, с. 9).

³⁹ В. А. Жуковский. Российский имп. консул Ф. А. Бакулин в истории изучения бабизма.— ЗВОРАО. XXIV, 1916, с. 46.

⁴⁰ В. Ф. Минорский. Материалы для изучения персидской секты «Люди истины» или «Али-Илахы». СПб., 1911, с. VIII—IX.

⁴¹ Записки путешественника о Бабе и Беха-Улле. Перевел, составил и издал М. А. Мам-лы. Б., 1909, с. 12—13.

⁴² Е. И. Чириков. Путевой журнал, с. 581.

⁴³ Мирза Казем-Бек. Бабиды, с. 24.

⁴⁴ Очерки новой истории Ирана, с. 86. О казни Баба см.: ЛО Архива АН СССР. Ф. 777, оп. 1, № 99, л. 17—18.

⁴⁵ Мирза Казем - Бек. Бабиды, с. 35.

⁴⁶ Ад. П. Берже. Самсон Яковлев Макинцев и русские беглецы в Персии.— «Русская старина», 1876, январь—апрель, с. 800.

⁴⁷ Некоторые выступления и восстания, последовавшие после распространения вести о смерти шаха, не были связаны с пропагандой бабидов. В Исфahanе, например, городское население восстало против губернатора и имам-джоме. О движении бабидов см.: Мохаммад - Реза Фашахи. Вапасин джомбеш-е горун-е воста дар доуран-е феудал, с. 85—153.

⁴⁸ Бабиды в Барפורше поселились в караван-сараях на Сабз-е майдане. Их было около 500 человек. Моджетехиду не удалось добиться их удаления. В накаленной, враждебной обстановке было много поводов для столкновений бабидов с горожанами. В стычке бабиды убили 7 человек, о чем губернатор Мазендерана Махди-Кули-мирза немедленно донес в Тегеран.

⁴⁹ ЛО Архива АН. Ф. 68, оп. 1, № 501а. Бабиды, л. 7.

⁵⁰ См. письмо А. Ф. Баумгартена Ф. А. Бакулину от 6/18 мая 1873 г.— Архив востоковедов ЛО ИВ АН. Ф. В. А. Жуковского.

⁵¹ По свидетельству И. Ограновича, в Зенджане еще в начале 60-х годов были видны следы рвов и небольших укреплений, возведенных бабидами. Бабидов было более четырех тысяч; они поклялись умереть, но не сдаваться. Каждый мятежник имел саблю, ружье, пистолет и кинжал; пороку было в изобилии; подбирали ядра, которыми стреляли шахские войска, или сами делали из глины и варили в масле; сами делали пушки. Бабиды «дрались, как львы, и умирали с пением молитв. Если кто падал, другой занимал его место и яростно бросался вперед. Женщины и дети не уступали в храбрости мужчинам, и только самую незначительную часть из них взяли живыми и привели в Тегеран для казни» (И. Огранович. Поездка в Персию в 1863 году.— «Военный сборник», 1866, кн. 11, отд. 2, с. 176—177).

⁵² М. С. Иванов. Бабидские восстания, с. 114.

⁵³ В. А. Жуковский. Российский консул Бакулин, с. 46.

⁵⁴ АВПР. Ф. «Миссия в Персии». Оп. 528а, № 2395, л. 4.

⁵⁵ М. С. Иванов. Антифеодалные восстания в Иране, с. 229.

⁵⁶ Цит. по: Китабе Акдес, стр. IV—V.

⁵⁷ Там же, с. VI.

⁵⁸ E. G. Brown. Materials for the Study of the Babi Religion Cambridge, 1918.

⁵⁹ Мирза Казем - Бек. Бабиды, с. 165.

⁶⁰ В. П. Никитин. Иран, Туран и Россия. [Б. м., б. г.], с. 79, 80.

⁶¹ H. Alga. Religion and State in Iran, с. 137.

⁶² Из донесения Н. А. Аничкова от 15 июня 1855 г.— ЛО Архива АН СССР. Ф. 777, оп. 1, № 98, л. 2.

⁶³ ЛО Архива АН СССР, Ф. 777, оп. 1, № 99, л. 7.

⁶⁴ Из донесения О. Шиманского из Тегерана от 17 апреля 1879 г.— ЛО Архива АН СССР. Ф. 777, оп. 1, № 98, л. 9.

⁶⁵ ЛО Архива АН СССР. Ф. 777, оп. 2, № 186.

⁶⁶ Отчет о поездке по Персии в 1903 г. Дм. Беляева. Тифлис, 1906, с. 2—9.

⁶⁷ Н. Шеталов. Город Йезд.— «Сборник Средне-Азиатского отдела Общества востоковедения». СПб., 1907, с. 113—114.

⁶⁸ Копия с донесения управляющего Генеральным российским консульством в Тегризе от 11 декабря 1866 г.— ЛО Архива АН СССР. Ф. 777, оп. 1, № 98, л. 1.

⁶⁹ Мирза Таги Лисан-оль-Мольк. Насих ат-таварих. Тарих-е Каджарийе. Т. III, с. 37—52.

⁷⁰ ЛО Архива АН СССР. Ф. 777, оп. 2, № 98.

⁷¹ АВПР. Ф. «Персидский стол», д. 3869, л. 248.

⁷² См. письма А. П. Орлова, секретаря российского консульства в Астрабаде, академику В. В. Розену.— ЛО Архива АН СССР. Ф. 777, оп. 2, № 325.

⁷³ С. Н. Григорьян. Беханзм, с. 8.

⁷⁴ ЛО Архива АН СССР. Ф. 777, оп. 2, № 186.

⁷⁵ Там же, № 99.

⁷⁶ В. В. Бартольд. Рецензия на книгу Х. Ромера, с. 398.

⁷⁷ Более подробно см.: E. G. Browne. Materials for the Study of the Babi Religion; Shoghi Effendi. The Dispensation of Baha'ullah. L., 1947, Н. М. Балюзи. Edward Granville Browne and the Baha'i Faith. L., 1970. Х. М. Балюзи поставил перед собой цель осветить историю бабизма и бехаизма, потому что в работах Х. Камшада, П. Эвери, Веры Кубичковой, Дж. Аптона, Д. Вилбера и др. имеется много неверных утверждений о бабизме и бехаизме.

⁷⁸ Это был обычный прием бабидов. Смерть Мохаммад-шаха, его везиря и мирзы Таги-хана они объявили «наказанием» за преследования бабидов. В одном из писем Собх-е Азаля говорилось: «Разве вы не знаете, как мы погубили Мохаммад-[шаха] в земле „Та“ [Тегеране] с его приближенными? А затем, когда преступил пределы справедливости везирь его [мирза Агаси], мы схватили его... Затем мы наказали мальчика [Насер-ад-Дина] с везирем его [мирзой Таги-ханом] за то, что они сделали в отношении наших сподвижников» (ЛО Архива АН СССР. Ф. 68, оп. 1, № 501а. Бабиды, л. 7).

⁷⁹ В. В. Розен. Послание «Благие вести», с. 183—192.

⁸⁰ В. В. Бартольд. Рецензия на книгу Х. Ромера, с. 440.

⁸¹ Из письма А. Г. Туманского В. В. Розену от 9 июля 1893 г.—ЛО Архива АН СССР. Ф. 777, оп. 2, № 458.

⁸² Автор книги «Edward Granvill Browne and the Baha'i Faith» Х. М. Балюзи происходит из бехаитской семьи; его отец был правителем южных портов и переписывался с Эдв. Брауном. На юге Ирана Э. Браун встретил бабидов-азалитов, в Йезде были некоторые родственники Баба, которым материально помогал Беха-Улла, хотя некоторые из них были и сторонниками Собх-е Азаля.

⁸³ Н. Шеталов. Город Йезд, с. 108.

⁸⁴ [А. Ф. Баумгартен]. Поездка по Восточной Персии... Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование).—«Сборник материалов по Азии». Вып. 63. СПб., 1896, с. 190.

⁸⁵ Там же, с. 240.

⁸⁶ Российский генеральный консул в Исфахане А. М. Дабижи ознакомился с письмом одного из йездских моджтехидов, в котором тот спрашивал мнение моджтехидов Кербелы относительно действий против бабидов (см.: Дм. Беляев. Отчет о поездке по Персии, с. 2).

Послесловие

¹ Ф. Адамийат. Амир-е Кабир ва Иран, с. 418.

² Там же, с. 197.

³ Али Асгар Мохаджер. Под небом Кевира.—По Ирану. М., 1973, с. 31.

⁴ И. Н. Березин. Путешествие по Востоку. Т. II. Путешествие по Северной Персии, с. 238—239.

⁵ Otto Blau. Commercielle Zustände Persiens. В., 1858, с. 6—7.

- Аариф-паша 79
 Аббас, мазендеранец 21
 Аббас, купец 154
 Аббас Ага-Бозорг 214
 Аббас I Сефевид 9, 166, 162, 185
 Аббас-Кули-мирза Каджар 90
 Аббас-мирза Афшар 20
 Аббас-мирза Наеб-ос-Салтане 4, 18, 19, 34—36, 38, 39, 45—61, 63—69, 77, 88, 90, 97, 98, 115, 136, 149, 152, 154, 155, 176, 181, 189, 200, 232, 233, 241
 Аббас Экбаль (Эгбал, Икбал), см. Экбаль Аббас
 Аббас Эфенди 231
 Аббот К. Е. 80, 102, 146, 165
 Абд-ар-Реззак 251
 Абд-ар-Расул 154
 Абд-ар-Расул-хан 108
 Абд-оль-Вахаб-эфенди (Ясын-эфенди) 50
 Абд-оль-Казем Нур-ад-Дин 141
 Абд-оль-Керим Бухари 28
 Абд-оль-Хасан-хан 45, 62, 240
 Абд-оль-Хосейн Факих 228
 Абд-оль-Хосейн-хан 132, 195
 Абдалла, купец 132
 Абдалла из Энзели 152
 Абдалла Кермани, мулла 158
 Абдолла-хан Лури 237
 Абдолла-хан Шехаб Ширази 15
 Абдулла-хан Халадж 114
 Абдул Гамид 83
 Абдул Маджид 78, 197
 Абдуллаев Г. Б. 7
 Абид 204, 209
 Абу-Садык-хан, см. Мохаммад-Садек-хан (Багиров)
 Абу-Талиб, см. Багиров Абу-Талиб
 Абу-Тараб, см. Исмаил III
 Абу-Ханифа 173
 Абу-Юсуф 184
 Абу-ль-Касем 161
 Абу-ль-Касем Фарахани 53, 67, 164, 165, 200, 232
 Абу-ль-Касем-хан 161
 Абу-ль-Фазл Гольпайгани 215
 Абу-ль-Фатх-хан Бахтнари 237
 Абу-ль-Фатх (Фаттех)-хан Зенд 12, 13
 Абу-ль-Хасан Гафари Кашани 15
 Абу-ль-Хасан Маверди 173
 Ага-Али 221
 Ага-Али Зунуси 222
 Ага-Бозорг 156
 Ага-Мир-Фатх (Фаттах) 61, 88, 194
 Ага-Мохаммад-хан Каджар, см. Ага-Мохаммад-шах Каджар
 Ага-Мохаммад-шах Каджар, 10—27, 29, 42, 43, 48, 49, 63, 86, 92, 99, 111, 114, 116, 128, 137, 159, 160, 174, 176, 179, 182, 237, 238
 Ага-Мохаммад-Али 132
 Ага-Мохаммад-Али Зенджани 204, 214, 216, 222
 Ага-Мохаммад-Багер 154
 Ага-Мохаммад-Багер Бехбехани, см. Мохаммад-Али-Багер
 Ага-Мохаммад-Наби-хан 31
 Ага-Мохаммад-Шафи Шемахи 144
 Ага-Мохаммад-Эмин Шемахи 144
 Ага Наджефи 226
 Ага-Нияз 68
 Ага-Солейман Кульси 216
 Ага-хан Нури 100, 149, 214, 215, 236
 Агаси, хаджи мирза 69, 76, 78—90, 94, 96, 109, 117, 121, 122, 132, 139, 155, 163, 165, 168, 169, 194, 202, 213, 217, 221, 232, 233, 250, 255
 Агахи А. М. 7
 Адамийят Ф. 6
 Адамова А. Т. 7
 Аджеласто 142
 Адиль-шах Афшар, см. Али-Кули-хан Афшар
 Азад-хан Афган 10, 11
 Азим Торшизи (Джоенаб-е Азим Торшизи) 223
 Азуд-од-Доуле Каджар 18
 Алджар (Алгар) Хамид 7, 160, 161
 Александр, грузинский царевич 33, 34
 Александр I 32, 33, 36, 44, 45, 48
 Алексеева И. Ю. 175
 Али, имам 168, 178, 210, 211
 Али, брат имама Резы 168
 Али, моджтехид 251
 Али, переводчик христианской литературы 197
 Али Моштаг (Моштак, Муштак) Хосейни-Исфахани 158, 175
 Али-Акбар (Экбер), чиновник 91

- Али-Акбар, моджтехид 164
 Али-Акбар-хан Кавам-оль-Мольк 115
 Али-ибн-Аскер ибн-Али-Акбар 159
 Али-Кули-хан Афшар (Адиль-шах) 10, 11, 182
 Али-Кули-хан Каджар 22
 Али-Кули-хан Казеруни 13
 Али-Морад-хан Зенд 12, 13
 Али-Мордан-хан Бахтиари 10, 237
 Али-Мохаммад Баб, Сахиб-оль-омр, Каем Махди, Нукте, Самар-е Коран 133, 163, 168, 169, 202—226, 230, 235, 253, 256
 Али-Наги (Наки) 132
 Али-паша 229
 Али-Реза Абу-ль-Керим Ширази 15
 Али-Реза-мирза Каджар 146
 Али-Реза-паша Багдадский, см. Наджиб-паша
 Али-хан Зенд (Маглуб) 11
 Али-хан Маки 217
 Али-хан Сарбанди 42
 Али-Шах-мирза Зелле Солтан Каджар 76, 117, 232
 Алла-Кули-хан Хивинский 66, 68
 Аллаверды-хан 176
 Аллаяр-хан Асеф-од-Доуле Каджар 61, 62, 65, 69, 76, 193, 194, 232, 236
 Амбургер А. К. 60, 162, 194
 Амин-ос-Салтане 177
 Амир-Кабир, мирза Таги-хан Фарахани 4, 74, 79, 83, 86, 89, 92, 94, 103, 109, 114, 133, 135, 137, 139, 146, 156, 170, 173, 194, 195, 198, 200, 201, 203, 214, 216, 221, 222, 232—236, 255
 Амир-незам, см. Мохаммад-хан Зенгене
 Анаркулова Д. М. 7
 Анвар-Эфенди 79
 Андрей из Мцхета, см. Садек Горджи
 Аничков Н. А. 79, 141, 153, 155, 156, 190, 195, 218, 222, 253, 255
 Ансари, см. Мортаза Ансари
 Аптон Дж. М. 93, 255
 Аракан, см. Мохаммад-Садек Фахр-ад-Дин
 Ардеширджи Эдельджи Сахиб 251
 Арслан-хан 218
 д'Арси Тодд 73
 Аршаруни А. 165
 Афшары, династия 19, 20, 28, 70, 124, 158
 Асеф-од-Доуле, см. Аллаяр-хан Асеф-од-Доуле
 Ахмад, купец 150
 Ахмад, моджтехид 168, 218
 Ахмад Ахсан 159, 164, 203, 204, 206, 215, 253
 Ахмад Баганшахи 205
 Ахмад-хан Баракзай 40
 Ахмад-хан Садозай, см. Ахмад-шах Дуррани
 Ахмад-шах Дуррани 10, 23, 28, 41
 Ахундов М. Ф. 165
 Аш 66, 67
 Баб, см. Али-Мохаммад Баб
 Баба-хан, см. Фатх-Али-шах
 Багер Шафти, см. Мохаммад-Багер Шафти
 Багиров Абу-Талиб 118, 119, 122, 142
 Багировы (Мир-Багировы) 100, 117
 Бади Ш. М. 88
 Бадр-ад-Дин 207
 Байрам-Али-хан Каджар 20, 42
 Бакулин Ф. А. 206, 227, 254, 255
 Балаян Б. П. 7, 240
 Балюзи Х. М. 255, 256
 Баракзан, афганские ханы 41, 68
 Баранов 147
 Барановский 226
 Бастам-хан Зенд 11
 Батман-мирза Каджар 214
 Баумгартен А. Ф. 214, 254, 256
 Бахман-мирза Каджар 77—79, 91
 Бахри-паша 79
 Белова Н. К. 7
 Бернс А. 72
 Беха-Улла, см. Хосейн-Али Беха-Улла
 Бехбехани, см. Мохаммад-Али-Багер Бехбехани
 Бина А. 6
 Бларамберг И. Ф. 73, 153
 Блау О. 108
 Боде (де Боде) К. 120, 125
 Бозорг, см. Мирза Бозорг
 Боровский 69
 Бороздна В. 240
 Боре Эдв. 196
 Браун Эдв. 7, 205, 210, 224, 227, 231, 256
 Брюгьер 29
 Бузе Ф. 106
 Булгак-хан Дузаби 113
 Булгаков Я. И. 48
 Бушев П. П. 7, 72, 74
 Вали-хан Каджар 21
 Валнева Д. В. 7
 Вартановы (Калуст, Варган, Шермазан) 146
 Вахтанг 176
 Ваценко Я. К. 46, 54
 Вельяминов 48
 Вендрих 118
 Вернинак Р. 29
 Вильбер Д. 225
 Виллок, см. Уиллок Г.
 Вильямс 79

- Виткевич И. В. (Ян Виткевич) 72
 Войнович И. 12, 25, 26
 Вольф И. 197
 Воронцов М. С. 147
 Воскобойников 156
- Гагемейстер Ю. А. 92, 153
 Гадяш шейх-Казым, см. Шейх-Казем
 Газан-хан 9
 Гамазов М. А. 188
 Гардан (Жардан) К. М. 35, 36, 37, 50
 Гаспар-хан 146
 Гаффар-хан Айрумский (Таланский) 90
 Гектор 138, 146
 Герасимов 117, 122
 Гидлани 142
 Гмелин С. Г. 8
 Гобино А. 7, 206
 Голям-Хосейн 142
 Гор Оузли, см. Оузли
 Грибоедов А. С. 47, 50, 51, 54, 57, 60—62, 64, 162, 165, 193, 242
 Григорян С. Н. 133, 215, 227, 254
 Гугушвили П. В. 7
 Гудович И. В. 26, 36, 37, 39
 Гурген-хан 132, 177
- Дабиджи А. М. 256
 Давид, католикос 33
 Давид (Давуд)-хан Меликов-Самхетский 132, 133, 188, 250
 Дадяни 33
 Даниил, католикос 33
 Данияр-Бахрам Калантар 251
 Дайнезе О. 79
 Дарбинян М. Г. 7
 Джабар-хан 113
 Джабери-Ансари, см. Хасан-хан шейх
 Джабери-Ансари
 Джавад Кербелани 215
 Джамал-ад-Дин Афгани 225
 Джамаль-заде 156
 Джами 207
 Джамшид Арбаб Раис-ат-Тоджар 251
 Джамшиды, семейство парсов 193
 Джан-Мохаммад-хан (Джани-хан) Кашкаи 114, 115
 Джани Кашани 223
 Джани-хан, см. Джан-Мохаммад-хан
 Джансуз-мирза Каджар 96
 Джафар-Али-хан 197
 Джафар-Кули-хан, военачальник 123
 Джафар-Кули-хан, инженер, 155
 Джафар-Кули-хан Домболи 22
 Джафар-хан Зенд 13, 14, 114
 Джафар-хан Каджар 12
 Джафар-хан Мошир-од-Доуле 77, 79
 Джаханы, семейство парсов 193
- Джахиев Г. А. 7
 Джелалянц Томас 143, 186
 Джонс Харфорд Бриджес 31, 37—39, 138, 150
 Дин Насыр-бий 71
 Динер Тангерот 143
 Долгорукий (Долгоруков) Д. И. 215, 217
 Долгоруков Н. А. 165
 Дост-Мохаммад 70, 72—75, 199
 Дуррани, династия 41
 Дюгамель А. О. 121, 233
- Еганян Г. 88
 Екатерина II 12, 25—27
 Елизаров 147
 Ермолов А. П. 44—48, 50, 52, 54, 55, 147, 240, 241
- Жобер А. 35
 Жуанен 239
 Журден А. 7
- Заки-хан Зенд 12, 13, 22
 Заман-шах Дуррани 20, 21, 28—31, 41, 43
 Зейн аль-Абадин, купец 134
 Зейн-аль-Абедин, шейх-уль-ислам 161
 Зейн-аль-Абедин Ширази 158
 Зелле Солтан, правитель Фарса и Исфакхана 226
 Зелле-е Солтан, см. Али-Шах-мирза
 Зелле-е Солтан
 Зенды, династия, 10—12, 15—17, 22, 25, 37, 114, 150, 158, 176, 183, 238
 Зия-ад-Дин Ширази 85
 Зубов В. А. 21, 27, 63
- Ибн-Ханбал 178
 Ибрагим-Халил-хан Карабахи 16, 21
 Ибрахим Шушенский 132, 144
 Ибрахим-хан Афшар 242
 Ибрахим (хаджи Ибрахим) Этемад-од-Доуле 14, 22, 28—30, 49, 94, 115
 Иванов М. С. 7, 205, 210
 Ивановский Л. 149
 Игамбердыев А. М. 7
 Игнатъев В. И. 216, 227, 228
 Игнатъев Н. П. 229
 Ильбарс-хан Хивинский 20
 Ильинский Г. Н. 88
 Ильтизар-хан Хивинский 43
 Ильханы, династия 9
 Имам-Кули-мирза Афшар 20
 Инглиш П. 177
 Иоаннес Крымский 186
 Иоаннисян А. Р. 7
 Ираклий II 16, 21, 25, 26, 34, 238
 Иса-хан Фарахани 233
 Иса-хан, правитель Гиляна 98, 149

Иса-хан, начальник гератского гарнизона 75
Исави III 7, 125, 148
Исмаил I Сефевид 9
Исмаил III Сефевид (Абу-Тараб) 8, 10, 237
Исмаил Раин, см. Раин И.
Исмаил Хорасани 132
Исмаил-Верди-мирза 76
Иеганеги, семейство парсов 193
Каджар-ноён 8
Каджары, династия 4, 8, 12—15, 17, 18, 20, 23—29, 32, 41, 42, 49, 54, 66, 67, 70, 76, 82, 86, 87, 93, 94, 103, 110, 113, 124, 128, 136, 150, 158, 160, 162, 163, 166, 168, 174, 176, 183, 184, 206, 215, 216, 220, 232, 237, 238, 242, 253
Каду-хан Баракзай 21, 44
Кадыр-Мохаммад-бек 119, 122
Казем Решти 204—206, 209, 212, 214, 215
Казем-Бек (Мирза Казем-Бек) А. 160, 210, 212, 213, 224
Казем-хан 101
Кайсар-мирза Дуррани 32
Кама Хоршид Рустам 251
Кампанелла 207
Камран-мирза Дуррани 28, 31, 32, 40—43, 67—70, 73, 75
Камшад Х. 255
Каннинг 38
Каннинг, миссионер 197
Касабуа 142
Касумбеков Сафибек 132
Касым (Касем)-мирза Дуррани 28
Кахраман-мирза Афшар 20
Кахраман (Кахраман)-мирза Каджар 69, 90, 146
Кашри Боруджерди 159
Кедди Н. 7
Кейани, сисанские ханы 41
Кей-Хосров Кермани 251
Кейхосровы, семейство парсов 193
Кей-Хосровджи-хан 251
Кембелл (Кэмбел) Дж. 54, 57, 140
Кербелай-хан 90
Керейер 76
Керзон Дж. 7, 154, 191
Керзон Р. 79
Керим-хан Зенд Вакиль-од-Доуле, Вакиль-ор-Райия 8, 10—12, 14, 23, 114, 136, 150, 158, 237, 238
Керим-хан Кермани 204
Киннейр, см. Макдональд-Киннейр
Кият (Кият, Кийат)-бек 117—120, 122
Клейменов 101
Кнорринг К. Ф. 32, 33
Коленкур 36
Комиссаров Д. С. 7

Кормик 54
Косоковский В. А. 95, 100
Котовский Г. Г. 85
Кохендиль-хан Баракзай 40, 72, 74, 75
Кочубей В. П. 49
Коцебу М. 61, 240
Кубичкова В. 255
Кузнецова Н. А. 7
Курбан-Клыч-хан 43
Куррат-уль-Айн 210, 214, 216, 220, 223, 226, 227, 253
Кямиль-паша (Кыбрыслы) 191
Ладыгина Г. В. 88
Ламарк-Оливье Ж. В. 29
Левковский А. И. 85
Лисан-оль-Мольк, см. Сепехр Лисан-оль-Мольк
Лютф-(Лотф)-Али-хан 123
Лютф (Лотф)-Али-хан Зенд 14, 15
Лэмбтон Э. К. (Ламбтон А. К.) 7, 101, 141
Льюис Л. 243
М. С. 193
Маверди, см. Абу-ль-Хасан Маверди
Маврокордато 142
Мадатов 56
Мазарович С. И. 46, 48, 50, 53—55
Маздак 207
Макдональд-Киннейр Дж. 54, 61, 64, 164
Мак-Нил (Нейл) 54, 58, 68, 73
Макинцев С. (Самсон-хан) 46, 182
Макки Х. 6
Малик 178
Малькольм Дж. 7, 15, 30, 31, 37, 38, 41, 88, 143, 162, 164, 197
Мальком-хан 171, 176
Мальцев И. С. 62, 63, 242
Мамедов Таги 132, 134, 250
Маннанов Б. С. 7
Манукджи (Манукчи) Ламиджи Хатерджи Хушанг Хатария (Хатрия) 183, 187, 192, 193, 251
Манучехр-хан - Моатемид-од-Доуле 78, 90, 96, 132—134, 137, 176, 186, 188, 195, 212, 213, 217, 250
Мар-Шимун (Симон) 189, 197
Мар-Юханна 197
Маркарьян Якуб 62
Марк К. 30, 71, 84, 144, 172, 201
Маркхам К. 7
Мартин Г. 7
Масих (Муса, Моси) 62, 162, 164, 194
Массон В. М. 72
Масул, мирза 69
Масум-Али-шах 158
Махди, имам 202, 203, 205
Махди, богослов 215

- Махди-Али-хан 30
 Махди Бахр-оль-Олюм 163
 Махди-Кули-мирза Каджар 120, 122, 139, 220, 255
 Махди-Кули-хан 26
 Махди-хан Каджар 12
 Махмуд, религиозный наставник валиахда 218
 Махмуд М., историк 6
 Махмуд-мирза, см. Махмуд-шах Дуррани
 Махмуд-паша 78
 Махмуд-хан Белудж 41
 Махмуд-хан Насер-оль-Мольк 156
 Махмуд аль-Хосейни (Хусайни) 23
 Махмуд-шах Дуррани 20, 28, 31, 32, 40, 41, 43, 68
 Медем А. И. 122
 Мелик-Касем-мирза Каджар 146
 Меликов, см. Давид-хан Меликов
 Мелик-Шахназаров Давид (Давуд-бек Цатуров) 35
 Меликовы 132
 Меншиков А. С. 55, 56
 Мир-Али-Наги (Наки) 152
 Мир-Багировы, см. Багировы
 Мир-Бозорг-заде, правители Джалка 113
 Мир-Вайс 32
 Мир-Садык, см. Мохаммад-Садек-хан
 Мир-Сеид, см. Солейман II
 Мирза Бозорг 14, 38, 52, 102
 Михаил, епископ 190
 Мозаффар-ад-Дин-шах 96
 Мозаффар-Али, см. Мохаммад-Таги Кермани
 Моисеев П. П. 85
 Монтефиоре М. 191
 Мор Т. 207
 Морад-хан Зейнд, см. Али-Морад-хан Зейнд
 Мортаза 35
 Мортаза Ансари 162, 229
 Мортаза-Кули-хан Каджар 12, 13, 17, 25—27
 Мортаза-Кули-хан Кашкаи 115
 Моси (Муса), см. Масих
 Мостафа-Кули-хан Кашкаи 115
 Мохаммад-Али, дипломат 25
 Мохаммад-Али, купец 132
 Мохаммад-Али, духовное лицо 140
 Мохаммад-Али Аддахи 132
 Мохаммад-Али Барфоруши 204, 210—212, 220
 Мохаммад-Али Зенджани 221
 Мохаммад-Али Исфакхани (Нур-Али-шах) 158
 Мохаммад-Али-мирза Каджар 52, 146
 Мохаммад-Али-Багер Бехбехани 158, 159, 162
 Мохаммад-Али-хан Зейнд 12, 13
 Мохаммад-Али-хан Кашкаи 115
 Мохаммад-Али-хан-Ширази 80
 Мохаммад-Амин 115
 Мохаммад-Багер Шафти 161
 Мохаммад-Вали-мирза Каджар 43, 71, 90, 95, 116
 Мохаммад-Вали-хан 122
 Мохаммад-Заман-хан Каджар 117
 Мохаммад-Ибрахим 251
 Мохаммад-Ибрахим Дехати 132
 Мохаммад-Исмаил-хан 15
 Мохаммад-мирза, см. Мохаммад-шах Мохаммад-Керим-хан Каджар (Мервский) 42, 43
 Мохаммад-Кули-хан Афшар 22
 Мохаммад-Мамегани 204, 205, 218, 219
 Мохаммад-Кули-хан Кашкаи 115
 Мохаммад-Насер-хан 121, 139
 Мохаммад-Рахим 132
 Мохаммад-Реза 159
 Мохаммад (Мохаммед)-Реза Пехлеви, шах 3, 102
 Мохаммад-Реза-хан 35
 Мохаммад-Садек Месави-Нами 15
 Мохаммад-Садек Фахр-ад-Дин 177
 Мохаммад-Садек-хан (Багиров) 117, 118, 119
 Мохаммад-Санд Агаджани Сайл 158
 Мохаммад-Салех-хан 120
 Мохаммад-Таги Кермани (Мозаффар-Али) 158
 Мохаммад-Таги-мирза 66
 Мохаммад-Таги-хан Фарахани, см. Амир-Кабир
 Мохаммад-Тагир-хан 161
 Мохаммад-хан Зенгане 117, 136, 146, 150, 233
 Мохаммад-хан 117
 Мохаммад-хан Довалу 18
 Мохаммад-хан Зейнд 10, 22
 Мохаммад-хан Каджар 17
 Мохаммад-хан Шафи 34, 38
 Мохаммад-хан Шахсевенский 78
 Мохаммад-Хасан-хан Каджар 9, 10, 11
 Мохаммад-Хосейн Вафа (Лала) 14, 102
 Мохаммад-Хосейн Кермани 159
 Мохаммад-Хосейн-мирза Каджар 66
 Мохаммад-Хосейн-мирза, сын Мохаммад-Али-мирзы 146
 Мохаммад-Хосейн-хан Амин-од-Доуле 90
 Мохаммад-Хосейн-хан Каджар (Мервский) 42, 43
 Мохаммад-Хосейн-хан Каджар Довалу 11
 Мохаммад-Хосейн-хан Карагезлу 20
 Мохаммад-шах Каджар 18, 19, 40, 56, 65, 69, 70, 76, 78, 79, 90, 114,

117, 119, 120, 137, 144, 149, 155,
164, 165, 169, 176, 196, 197, 200,
211, 213, 217, 220, 221, 232, 255
Мохаммад-Эйюб-хан 71
Мохсен-Фейз Кашани 159
Мошавер-оль-Мольк 249
Мошин 219
Моштаг (Моштак) см. Али Моштаг
Муравьев Н. Н. 240
Мурад-бий, см. Шах-Мурад-бий
Муса (Моси), см. Масих
Муса (Ага-Джан) 228
Мустафа-паша 50, 52, 241
Мухаммед-пророк 168, 172, 178, 206,
207, 210
Мухаммед из Джайпура 253
Мухаммед ибн Абд-аль-Ваххаб 253
Мухаммед-Рахим-хан Хивинский 43,
117
Мхитар Гош 184
Наби-хан 94, 132
Наваб Сейф-оль-Мольк-мирза Кад-
жар 115
Наджаф-Али-хан 69
Наджиб-паша Багдадский 76—78
Надир-мирза Афшар 19, 20, 29
Надир-шах Афшар 8—11, 16, 18—20,
28, 63, 82, 95, 136, 150, 158, 176,
182, 190
Назым Хикмет 207
Намдары, семейство парсов 193
Наполеон I Бонапарт 24, 30, 35, 36,
39, 44, 45, 53, 196, 239
Насер-ад-Дин-шах Каджар 4, 74,
75, 83, 86, 87, 94, 95, 97, 103,
123, 124, 134, 146, 166, 169, 179,
183, 191, 201, 203, 215, 217, 221,
232, 250, 255
Насир-хан Белудж 41
Насролла (Насеролла, Насрулла)-
мирза Афшар 19, 328
Нафиси С. 6, 15, 17, 27, 35
Неджеф-паша Багдадский 229
Нерсес 185
Нессельроде К. В. 45, 50, 60, 147
Нешат Иофакани 159
Низами 207
Никитин В. П. 224
Никитина В. Б. 7
Никола́ А. Л. М. 210
Николай I 48, 53, 55, 56, 58, 64, 65,
67, 114, 119, 121
Нур-Али-хан Курд 113
Нур-Али-шах, см. Мохаммад-Али
Исфахани
Обрезков 57
Огранович И. 255
Орлов А. П. 255
Осетров В. П. 88

Оузли (Узелей) Г. 39, 44, 45, 108,
197

Павел I 21, 27, 32
Павлович М. П. 88
Панах-хан Карабахи 11
Паскевич И. Ф. 47, 56—59, 61, 64,
65, 147, 194, 242
Паулуччи 45
Петрушевский И. П. 7, 87
Пехлеви, династия 253
Платон 207
Подольский А. Г. 7
Понафидин П. Е. 229
Посылины, купцы 139, 149
Потемкин Г. А. 25
Потгинджер Г. 38, 73
Путятин 121, 122
Раин И. 6, 162
Ралли, купцы 142, 144, 149
Ранджит Сингх, см. Сингх Ранджит
Растянных В. Г. 85
Рафаэли, купцы 144
Рафти 102, 250
Рахматулла-хан 28
Рашид-паша 111
Рашид-хан Бахтиар 10
Реза, имам 168
Рез-Кули-мирза Афшар 20
Реза-Кули-хан 123
Реза-Кули-хан, правитель Сенне 78
Реза-Кули-хан Кучанский 66, 67
Реза-Кули-хан Халадж 114
Реза-Кули-хан Хедаят 55, 99, 202
Ремизов 147
Риттих П. 227
Розен В. Р. 210, 228, 230, 255, 256
Розен Г. В. 147
Ромодни В. А. 72
Румянцев Н. П. 37
Руссо 34, 35
Рустам 193

Сабз-Али-хан 117
Садек Горджи (Андрей из Мцхета)
21
Садек-хан Зенд 12, 13, 14
Садек-хан Шеккаки 14, 21, 22
Садр-ад-Дин Ширази 159
Саид-Мохаммад-хан 74
Саидмуратов Д. 23
Сайкс П. 7
Салман 113
Сам-хан Ильхани 74
Самсон-хан, см. Макинцев С.
Сара-Бегум 90
Сарем-Эфенди 78
Саррафов Карапет 155
Сасани М. 6
Сафи-ад-Дин 18
Сахиб-Ихтияр-мирза Каджар 120

- Севрюгин 219
 Сеид-хан 146
 Семенов Л. С. 7, 240
 Сепехр Лисан-оль-Мольк 212, 226
 Сертак-нойен 8, 237
 Сети-хан 146
 Сефевиды, династия 8—10, 16, 18, 20, 63, 87, 136, 150, 157, 158, 166
 Симон, см. Мар-Шимун
 Симонич И. О. 68
 Сингх Ранджит 72
 Ситтик-хан 189
 Скибиневский М. 27, 147
 Смилянская И. М. 82
 Смирнов К. Н. 203
 Собх-е Азаль, см. Яхья Собх-е Азаль
 Соколов А. Е. 240
 Солейман II (Мир-Сеид) 10, 19
 Солейман-хан, губернатор 122
 Солейман-хан, бабид 212, 215, 223, 224
 Солейман-хан Афшар 195
 Солейман-хан Незам-од-Доуле Каджар 18, 22
 Солтан-Морад-мирза Каджар 74, 123
 Солтан (Султан)-Хосейн Сефевид, шах 9
 Степанов 36
 Стивенс Дж. 75, 80, 138, 142, 165, 195
 Стоддарт 73
 Стренгфорд 52
 Сувороглу 143
 Суджаевы, купцы 117
 Султан-Ахмад-хан Баракзай 75
 Султан-Джан 71
 Таги, мирза 131
 Таги-хан Фарахани, см. Амир-Кабир
 Тагиева Ш. А. 88
 Тадж-од-Доуле 61, 90
 Талейран 35
 Тахи, шейх 171
 Тахмасп II Сефевид, шах 9
 Тейлор 75
 Тигранов Л. Ф. 104
 Тимур 9
 Тимур-шах Дуррани 28, 42
 Типу-Султан 30
 Тойнби А. 243
 Томас Кучек 143
 Томсон Р. Т. 190, 191
 Томсон М. 184
 Тормасов А. П. 37, 38, 39, 45
 Торнау Н. Е. 114
 Трубецкой В. В. 110, 113
 Тумановский И. 25
 Туманский А. Г. 210, 230, 256
 Уиллок (Виллок) Г. 46, 50, 54
 Уотсон (Ватсон) Р. 7
 Утрей Ж. 239
 Фазл-Али-хан 117
 Фараджулла (Фарадж-Олла)-хан Талышинский 90
 Фарахани, см. Абу-ль-Касем Фарахани
 Фаридун-мирза Фарман-Фарма 95
 Фарис 113
 Фаррох-хан 75
 Фаттах, см. Мир-Фатх (Фаттах)-Али
 Фатх-Али-хан 48, 57
 Фатх-Али-хан Афшар 11
 Фатх-Али-хан Дербентский 25
 Фатх-Али-хан Каджар, см. Фатх-Али-шах
 Фатх-Али-хан Каджар Кованлу 9, 10
 Фатх-Али-шах Каджар 12, 14, 17—19, 21—23, 26, 28—31, 33, 35, 37, 38, 40, 41, 43, 47, 63, 65, 69, 71, 86, 90, 92, 94—96, 99, 100, 114—117, 125, 129, 137, 142, 150, 163, 164, 176, 179, 204, 238
 Фатх-Олла-хан Халадж 114
 Фатх-хан Баракзай 31, 40, 41
 Фатьма 168
 Фейз-Олла (Файзолла) 56
 Ферзи-хан 78
 Феридун-мирза 176
 Феридун-мирза Каджар 69
 Фируз-ад-Дин-мирза Дуррани 28, 31, 32, 40, 41, 68
 Фируз-мирза Носрат-од-Доуле 95
 Фразер Дж. 7, 197
 Фришман Л. С. 88
 Фуад-паша 229
 Хади 210
 Хадиджа Бегум-ханум 11
 Хазрат-Кули 132
 Хайдар-мирза Афшар 20
 Хайдар-хан Бухарский 71
 Халил-хан 31
 Халфин Н. А. 72
 Хамза-мирза Хешмат-од-Доуле Каджар 123
 Ханум-Бозорг 216
 Ханьков Н. В. 222
 Хасан-Али-мирза Каджар 41, 44, 58, 66, 69, 90, 117
 Хасан Гоухар 204
 Хасан-хан Салар 92, 122, 124, 219, 232
 Хасан-хан шейх Джабари Ансари 87
 Хатеф Исфакхани 175
 Хафиз 159
 Хафиз-паша 111
 Хедаят (Гедаят)-Олла-хан Гилян-ский 12, 13, 25
 Хешмат-од-Доуле, см. Хамза-мирза Хешмат-од-Доуле
 Хинц В. 7

Ховейда, семейство евреев-бехаитов 190
Хомейни 167
Хоршид-Рустам Кама, см. Кама Хоршид-Рустам
Хосейн, посланец Шамиля 171
Хосейн, имам 254
Хосейн, сейид 133
Хосейн Бошруе Баб-оль-Баб 204, 210, 211, 213, 216, 220, 254, 256
Хосейн Вафа, см. Мохаммад-Хосейн Вафа
Хосейн Зунузи 215
Хосейн Иазди 213, 215
Хосейн-Али Беха-Улла (Бехаолла) 210, 211, 214, 215, 219, 223, 224, 228, 229, 231, 254, 256
Хосейн-Али-мирза Фарман-фарма 95, 115
Хосейн-Али-шах 158
Хосейн-Кули-хан Каджар, брат Фатх-Али-шаха 22
Хосейн-Кули-хан Каджар, отец Фатх-Али-шаха 10, 12, 22
Хосейн-хан 22
Хосейн-хан, дипломат 73
Хосейн-хан Мошир-од-Доуле 94, 229
Хосейн-хан Незам-од-Доуле 212
Хосров-мирза Каджар 65, 117, 223
Хададад 21
Христи Г. 38
Хулагу-хан 8

Цатуров Давид, см. Мелик-Шахназаров Д.
Цицианов П. Д. 34
Цицишвили Захарий 26
Цола, купцы 143

Чапашвили Г. С. 88
Черняев С. И. 129, 132, 143
Черчилль 190

Шамиль 171
Шеталов Н. 227, 230
Шафи (аль-Шафи) 178
Шафи, см. Мохаммад-хан Шафи
Шах-Вали-Улла 253

Шах-Мурад-бий 20, 28, 42
Шах-Ниматулла-Вали 163
Шах-Ноуруз-хан 71
Шахрох Афшар 8, 10, 16, 19, 20
Шахрох-мирза Дуррани 68
Шейл (Шиль, Шииль) 74
Шейл (леди) 193
Шейх-Али-мирза 66
Шейх-Ваис Зенд 13
Шейх-казем 136
Шиманский О. 255
Ширвани, см. Зейн-оль-Абедин Ширвани
Шостакович С. В. 7, 240
Шуджа (Шоджа)-оль-Мольк (Мульк) Дуррани 32, 73
Щеглова О. П. 7

Эвери П. 255
Эгбаль (Икбаль, Экбаль) А. 6
Эйят-хан Туркменский 119, 120
Эльфинстон М. 32
Энгельс Ф. 71, 72, 92, 144
Эривандов Г. Е. 117, 139, 140

Юлон 33
Юсуф, мулла 154
Юсуф, ювелир-купец 150
Юсуф Ардебели 204, 213

Яблонский 8
Язид 211
Якуб, шейх 168
Якуб-бек 34
Якуб-мирза, см. Маркарьян Якуб
Якши-Мохаммад-хан (бек) Туркменский 119, 120, 122
Яр-Мохаммад-хан Баракзай 68, 69, 71, 72, 74
Ясын-Эфенди, см. Абд-оль-Вахаб-Эфенди
Яхья Дараби, Вахид 159, 205, 209, 211, 212, 213
Яхья Собх-е Азаль 210, 211, 214, 215, 219, 221, 223, 228, 230, 253, 255, 256
Яхья-мирза Каджар 62
Яхья-хан Ильхани 217

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Глава I.</i>	
Объединение Ирана под властью Каджаров	8
<i>Глава II.</i>	
Борьба европейских держав за влияние в Иране и внешняя политика Ирана	24
<i>Глава III.</i>	
О некоторых новых тенденциях в социально-экономиче- ском развитии Ирана	82
<i>Глава IV.</i>	
Положение немусульманских народов	172
<i>Глава V.</i>	
Антифеодальное религиозно-политическое движение ба- бидов	199
Послесловие	232
Примечания	237
Указатель имен	257